

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт археологии и этнографии
Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Книга I

Барнаул – 2003

**ББК 63.3(2Рос)я43
И905**

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
академик РАН **В.И. Молодин**;
кандидат исторических наук **С.П. Грушин**;
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров**;
кандидат исторических наук **С.В. Неверов**;
кандидат исторических наук **А.Б. Шамшин**;
кандидат исторических наук **П.И. Шульга**

И905 Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. I. – 464 с.
ISBN 5-7904-0296-8

В данном сборнике опубликованы научные труды, подготовленные по материалам докладов и сообщений для Всероссийской конференции «Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири», посвященной 30-летию Алтайского госуниверситета, 25-летию лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая, 15-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения, а также в рамках Четвертых научных чтений памяти профессора А.П. Бородавкина. В них представлены результаты археологических исследований памятников различных эпох (от палеолита до средневековья). Кроме этого, в издании размещены статьи для научного семинара «Проблемы изучения эпохи поздней бронзы и переходного времени Южной и Западной Сибири».

Сборник рассчитан на археологов, этнографов, культурологов и историков, занимающихся сибиреведением.

Сборник подготовлен и издан при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №ИО539), а также в рамках реализации НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета по теме «Изучение этносоциальных процессов на Алтае в древности и средневековье»

ISBN 5-7904-0296-8

©Алтайский государственный университет, 2003

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (древность и средневековье)

Ю.П. Алехин

Минусинский научный историко-культурный центр
РУДНЫЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С середины VI в. территория Рудного Алтая находилась в составе Тюркского каганата, с 581 г. она являлась частью Восточного Тюркского каганата, а в 615–619 гг. – Западного Тюркского каганата. В 651 г. Западно-Тюркский каганат был разгромлен Китайской империей. Земли каганата вошли в состав Китайской империи. С образованием II Тюркского каганата (682–744 гг.) Алтай стал его северной окраиной (Алехин Ю.П. 1999, с. 50–51).

В отличие от Горного Алтая, на территории Рудного Алтая памятников тюркского времени очень мало. Наиболее ранним и пока единственным в этом регионе является могильник VI–VII вв. – Гилево-VIII (Локтевский район). Курганы каменно-земляные, с одиночными погребениями людей в могилах, ориентированных головой на восток и реже – на запад. Инвентарь скуден – железные наконечники стрел, пряжки, однокольчатые удила со стержневыми роговыми псалиями кудыргинского типа, глиняный лепной сосуд и, вероятно, обломки палаша (Могильников В.А., 1972, с. 41).

Позднетюркским периодом (2-я пол. VIII–1-я пол. IX вв.) датируются немногочисленные курганы могильников Гилево-V (к. 5, 6); Гилево-XIII; Корболиха-VII (к. 1); Корболиха-VIII, IX и некоторые курганы в Восточном Казахстане. Погребальный обряд в этих памятниках различен. Так, в могильнике Гилево-XIII погребения были без сопровождающих лошадей, умершие лежали в глубоких могилах, были ориентированы головой на запад и на восток, встречены парные погребения. Инвентарь: грубые плоскодонные керамические сосуды, железные однокольчатые удила, стремяна, сбруйные пряжки и бляхи; поясные бляшки из бронзы и серебра, в том числе бронзовая бляшка с изображением всадника, стреляющего из лука (Могильников В.А., Конников Б.А., Лунев В.Б., Медникова Э.М., Отт В.В., Уманский А.П., Чагаева А.С., 1973). Курганы

Корболиха-VIII и IX (VIII–IX вв.) содержали погребения с трупоположениями (вытянуто на спине, головой на восток). Некоторые из них сопровождалась захоронениями взнузданных лошадей. Инвентарь тот же, что и в Гилево-XIII, но без сосудов и дополнялся вооружением (наконечники стрел, копья, палаш) (Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1976, с. 262). С местным тюркским населением (огузами) В.А. Могильников связывал исследованные им погребения в сопровождении чучела, головы и конечностей коня (Гилево-V, к. 5, 6; Корболиха-VII, к. 1) (Могильников В.А., 2001а, с. 174). Вероятно, к познетюркским поминальным памятникам относится и подпрямоугольная вымостка на могильнике Гилево-IX (Могильников В.А., 1977; 2001б, с. 126–127, рис. 31). В Восточном Казахстане курганы тюркского времени датируются не ранее середины VIII в. (погребения людей с сопроводительными конскими захоронениями). Некоторые исследователи связывают эти курганы 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв. с племенами сяньто, которые появились в верховьях Иртыша в середине VIII в. после разгрома их уйгурами (Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И., 1987, с. 244).

На месте II Тюркского каганата возник Уйгурский каганат (745–840 гг.), в свою очередь разгромленный енисейскими кыргызами в 840 г. Владения Кыргызского каганата охватили и значительную часть Рудного Алтая, вплоть до Верхнего Иртыша. Кыргызы на Рудном Алтае представляли незначительный процент населения, в основном, вероятно, это были воины небольших гарнизонов, распределенных по всей территории региона. Кыргызские погребения под каменно-земляными курганами по обряду трупосожжения встречаются редко, причем дети кремации не подвергались. Сопроводительный инвентарь представлен вооружением, конским снаряжением, украшениями, керамическими сосудами. В могилах также найдены остатки заупокойной пищи – крестцовые позвонки баранов, кости лошади, в одном случае – кости птицы (Могильников В.А., 2001а, с. 173–174; 2001б; Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И., 1987, с. 126–129, 243–244; Алехин Ю.П., 1990; Тишкин А.А., 1991 с. 16–17, рис. 1.-1–3). Небольшие группы енисейских кыргызов на Рудном Алтае ассимилировались местным населением – кимаками, на что указывают совместные кимако-кыргызские могильники.

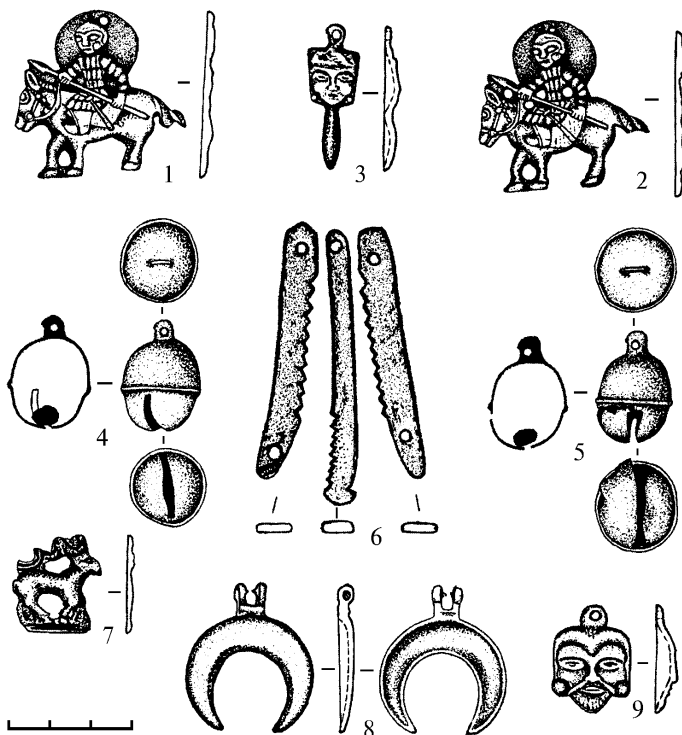

Рис. 1. Эпоха средневековья Рудного Алтая.

Бронзовые культовые предметы (украшения)

из знатного кимакского погребения IX–X вв.:

- 1, 2 – Будда-воин; 3, 9 – личины-бурханчики; 4, 5 – бубенчики;
6 – трехсоставной зажим для волос; 7, 8 – подвески-амулеты

В IX – начале XI вв. сначала часть, а затем и весь Рудный Алтай входил в состав Кимакского каганата, который включал в себя различные племенные объединения (до 12 крупных племен ко 2-й пол. IX в.). После разгрома в 840 г. кыргызами Уйгурского каганата часть уйгурских племен (эймгор, баяндур, татар) приняла участие в сложении кимакского государственного объединения. У Ал-Масуди (2-я пол. X в.) упоминается сложный этноним «кимак-

югур», в котором можно видеть собирательное наименование уйгурских племен, вошедших в состав государства кимаков.

Уйгурские курганы на Рудном Алтае малочисленны и характеризуются небольшими земляными насыпями округлой формы с кольцеобразными каменными выкладками под ними или же сплошной каменной наброской. Могилы ориентированы в основном с запада на восток, имеют бревенчатые обкладки стенок и перекрытие. Северные стенки могил с подбоями, где находился погребенный с сопроводительным инвентарем и заупокойной пищей (мясо барана). Умершие укладывались на спине в вытянутом положении и ориентировались головой на восток или северо-северо-восток. Дно и стенки подбоя обкладывались тонким дощатым покрытием. Выше подбоя, на уступчике южной стенки могилы, в мужских захоронениях укладывалась взнузданная лошадь, ориентированная аналогично погребенному. В заполнении могил встречаются древесные угольки. Почти всегда имеются сопроводительные погребения зависимых людей, вероятно рабов, в том числе целые семьи, а также дети. Эти погребения безынвентарные, часто без заупокойной пищи, могилы неглубокие и без подбоев. После погребения совершалась поминальная тризна. У восточного края кургана вкапывался деревянный шест (столбик) или устанавливалась каменная стела, иногда изваяние. Во всех уйгурских погребениях встречены предметы с буддийско-манихейской символикой (Алехин Ю.П., 1992а; 1992б; 1998а).

Погребения кимаков IX–X вв. многочисленны, отличаются от уйгурских отсутствием подбоев и сопроводительных захоронений рабов. Основная масса кимакских курганов содержит погребения рядовых членов общества, но встречаются и большие курганы знати с богатым сопроводительным инвентарем (Алехин Ю.П., 1996, с. 60–64; 1998б). Кимакская знать находилась под значительным влиянием культуры завоевателей – енисейских кыргызов, что отражено в сопроводительном инвентаре погребений и в заимствовании буддийско-манихейской идеологии. Рядовые представители кимакского общества не испытывали сколько-нибудь значительно инокультурного влияния.

Памятники кимаков, уйгуров, кыргызов на Рудном Алтае представлены в основном курганными погребениями, очень редко каменными изваяниями (Самашев З.С., 1977; Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1996, с. 103–104; Могильников В.А.,

2000; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 2001, с. 172). Поселения и города кимаков, о которых сообщают письменные источники, пока не известны.

Погребальный инвентарь кимакских курганов состоит главным образом из предметов вооружения, орудий труда, предметов быта, украшений одежды и сбруи, воинского снаряжения, сбруйных принадлежностей. В погребениях знати встречаются металлические предметы (подвески, бляхи) с буддийско-манихейской символикой – ваджры, чинтамани, фениксы, лотосы, виноградные лозы, бурханчики, спирали, колокольчики и др.

Знать кимаков, кыргызов и уйгуров владела навыками рунической письменности. По территории Рудного Алтая функционировали ответвления «Великого Шелкового пути», по которым доставлялись предметы роскоши: металлические зеркала, полудрагоценные камни, шелк и другие ткани.

Этнополитическая ситуация на Рудном Алтае в IX–X вв. была сложной. Происходило разностороннее взаимовлияние (этническое, культурное, идеологическое) между местным кимакским населением и пришлым (уйгуры, енисейские кыргызы). Значительная часть территории кимакского государства (правобережье Верхнего Иртыша и Юго-Западный Алтай) в IX–X вв., вероятно, находилась в состоянии политической зависимости от Кыргызского каганата. Сложными были и религиозные представления – у основной массы населения сохранялись остатки старой идеологии (тотемизм, культ животных, шаманизм), в то же время знать исповедывала и новую, буддийско-манихейскую идеологию (Алехин Ю.П., 1992а, с. 13; 1998а).

С XI в. происходит значительный отток населения Рудного Алтая на запад, что отражено малочисленностью позднекимакских памятников начала XI в. В первой трети XI в. Кимакский каганат распался. Опустевшие земли Рудного Алтая с XII в. заняли монголоязычные найманы, владевшие ими вплоть до монгольских завоеваний в начале XIII в. Судя по отсутствию найманских захоронений, Рудный Алтай не был или почти не был заселен найманами.

После раздела Чингисханом своей империи между сыновьями территория Рудного Алтая отошла к его третьему сыну Угэдэю (Феоктистов А., 1992, с. 17). В дальнейшем Рудный Алтай до конца XVI в. был, вероятно, приграничной либо периферийной территорией монгольских государств того времени и оставался практически не заселенным.

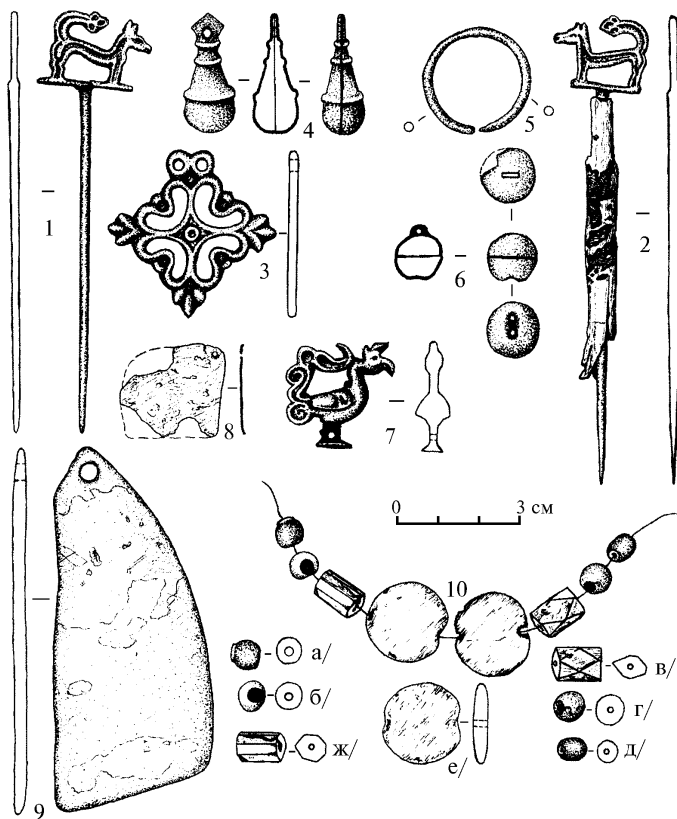

Рис. 2. Эпоха средневековья Рудного Алтая. IX–X вв. Уйгуры.
Сопроводительный инвентарь из погребения знатной девочки:
1, 2 – головные булавки в чехлах; 3 – ваджра; 4 – нашивные бубенчики; 5 – серьга; 6 – бубенчик; 7 – навершие головной булавки в виде феникса; 8 – нашивное украшение головного убора;
9 – фрагмент зеркала с рунической надписью (не воспроизведена);
10 – бусы (1, 2 – бронза, дерево, кожа; 8 – бронза; 9 – белая бронза;
3–7 – серебро; 10б, в, г, ж – сердолик; 10а – серая паста;
10е – черно-фиолетовая паста; 10д – кость)

В 1590-х гг. ойраты (западные монголы) начинают осваивать
Верховья Иртыша. В конце XVI–начале XVII вв. телеуты переко-

чевали из гор Алтая на равнины, а их отдельные группы позднее стали появляться на северо-восточных границах Рудного Алтая (Уманский А.П., 1995а, с. 132, 140; 1995б, с. 133). Однако Рудный Алтай телеутами так и не был освоен. В 1635 г. Батур-хун-тайджи объединил прииртышских ойратов в единое государство – Джунгарское ханство, в составе которого находилась значительная часть Рудного Алтая до 1758 г. Территория вокруг Семипалатинска, Усть-Каменогорской крепости и Змеиногорского рудника вошла в состав Российской империи уже в 1-й пол. XVIII в.

Наиболее известные джунгарские памятники этого периода находились в Верхнем Прииртышье – остатки буддийских монастырей Аблай-кит и близ Семипалатинска («семь палат» – откуда и название города). В развалинах Аблай-кита в начале XVIII в. были найдены буддийские рукописи и статуэтка XVII в. популярной ламаистской богини Зеленой Тары (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997).

После разгрома Джунгарского ханства в 1758 г. китайцами джунгарская часть Рудного Алтая осталась совершенно безлюдной и была постепенно освоена русскими.

С.А. Васильев

Институт истории материальной культуры РАН
**ТАШТЫКСКИЙ КОМПЛЕКС НА МНОГОСЛОЙНОЙ
СТОЯНКЕ УЙ-II В ЗАПАДНОМ САЯНЕ**

При раскопках палеолита исследователи зачастую сталкиваются с необходимостью вскрытия поздних археологических комплексов, связанных с перекрывающими отложениями. Именно в такой ситуации я оказался в 1990 г. при работах на многослойной стоянке Уй-II на Верхнем Енисее. В северной части памятника, давшего обильные остатки древнекаменного века, была обнаружена серия культурных горизонтов голоценового возраста в диапазоне от мезолита до железного века (Васильев С.А., 1996, 2001).

Культурный слой А в раскопе 9 был приурочен к нижней части современной почвы и залегал на глубине 0,20–0,25 м (рис. 1). В центральной части раскопа были вскрыты остатки каменной конструкции. Она состояла из вытянутой по направлению С–Ю выкладки из обломков сланцевых плит на кв. ЖЗ-133–135. Выкладка опускалась к реке, в северном направлении. Размеры конструкции 110х180 см.

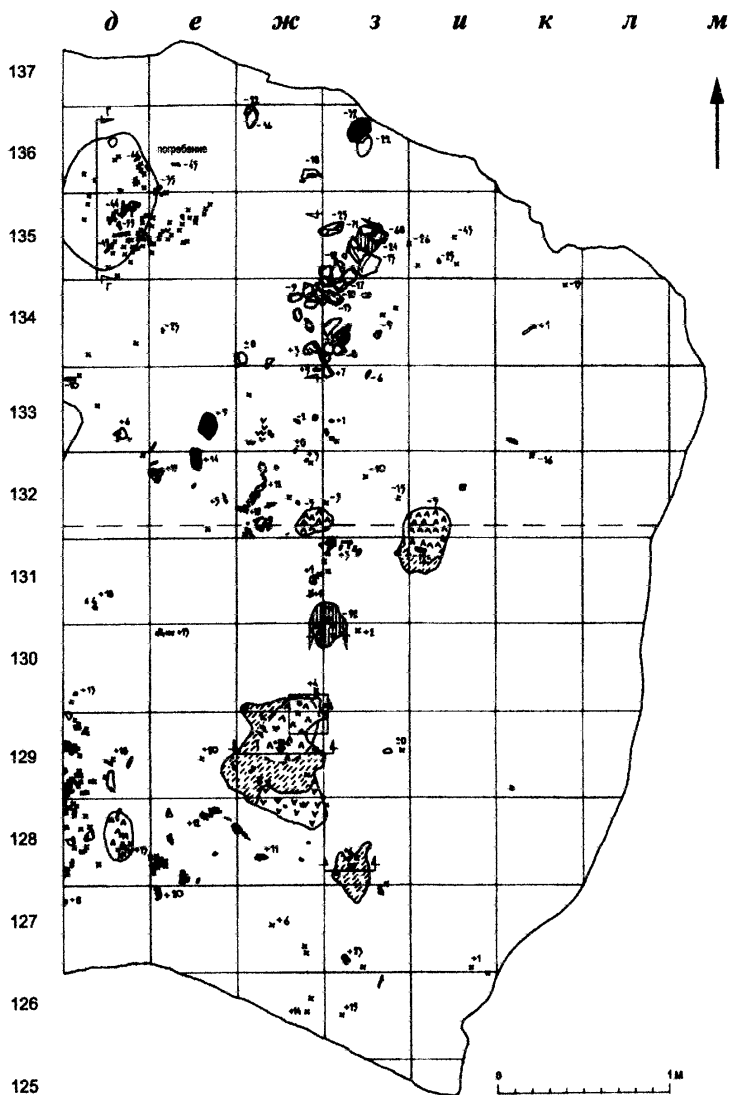

Рис. 1. Уй II. План культурного слоя А в раскопе 9

У северного окончания выкладки, на кв. 3-135, имелась столбовая яма округлой формы, диаметром 40 см и глубиной около 1 м,

прорезавшая нижележащие слои. Аналогичная по форме яма имела к югу от выкладки, на кв. ЖЗ-130–131. Она имела неправильно-овальные очертания (размеры 40х45 см), глубину 1 м. Третья ямка была зафиксирована еще южнее, под остатками трупосожжения (см. ниже) на кв. Ж-129–130. Она имела овальные очертания, размеры 36х20 см, глубину 70 см. В средней части заполнения ямы залегали камни – следы забутовки; здесь же прослеживались и остатки самого столба. Таким образом, выкладка и ямы составляли часть единой, вытянутой по направлению Ю–С конструкции, вероятно, стены постройки.

Кроме того, в культурном слое были открыты остатки трупосожжений в виде скоплений мелких кальцинированных костей, связанных с прокалами рыжего цвета. На кв. ЗИ-131–132 было расчищено овальное скопление, вытянутое по направлению Ю–С, размерами 50х70 см. В разрезе чашеобразного углубления читался 20-сантиметровый слой рыжего прокаленного песка, подстилавший прослойку кальцинированных костей толщиной 1 см. Интересно, что в заполнении объекта на кв. И-131 был встречен двусторонне обработанный каменный топорик, извлеченный обитателями слоя из нижележащих отложений. Возможно, этот предмет играл какую-то ритуальную роль.

Второе трупосожжение, на кв. ЕЗ-128–130, представляло собой неправильной формы пятно кальцинированных костей с остатками сгоревшего дерева и углей. В разрезе под 6 см прослойкой костей и углей был вскрыт 8-сантиметровый слой рыжего прокаленного песка. Рядом, на кв. ЕЖ-128, имелись остатки дерева, а западнее, на кв. ДЕ-128–129, находился развал керамики от трех сосудов.

Остатки третьего трупосожжения были зафиксированы южнее, на кв. З-127–128, в виде пятна неправильно-овальных очертаний, вытянутого по направлению Ю–С. Размеры пятна 40х75 см, в разрезе под очень тонким (1 см) слоем кальцинированных костей было видно 8-сантиметровое углубление, заполненное прокаленным песком.

На кв. ДЕ-135–136 было вскрыто разрушенное погребение с остатками трупоположения. Оно имело вид ориентированной по направлению Ю–С овальной ямы (длина 160, ширина 110 см). Яма была углублена на 40 см, прорезая нижележащие культурные слои. Там были встречены лежавшие в беспорядке кости животных и

человека, фрагменты керамики от одного сосуда, куски глины и каменный оселок. Вероятно, это остатки потревоженного и разграбленного погребения.

К сожалению, фаунистические остатки из верхних культурных слоев пока не определены. По образцу древесного угля для слоя А была получена датировка 2255 ± 40 (JE-3827).

Керамика слоя была представлена фрагментами как минимум 18 сосудов. Это плоскодонные горшки с прямыми или отогнутыми наружу венчиками. Толщина стенок сосудов колеблется от 4 мм до 1 см; диаметр по венчику 25–30 см, керамическое тесто имеет примесь дресвы. В изломе черепки двухслойные с красной или красновато-коричневой внешней поверхностью и черным внутренним слоем. На днище иногда встречаются отпечатки плетенки. Сосуды в основном либо не орнаментированы, либо несут следы 1–2 горизонтальных рядов гребенчатых вдавлений или оттисков зубчатого штампа ниже венчика. Есть фрагменты со следами гусеничного орнамента, реже с горизонтальными вдавленными полосами под венчиком. Единичные фрагменты демонстрируют косые насечки «елочкой», вертикальные полосы оттисков штампа и вдавлений, а также налепы под венчиком.

Из слоя происходят два образца железных ножей. Первый, более крупный, вероятно, относится к этнографической современности. Его размеры 165x24x15 мм. Рукоятка отделена от лезвия овальной бронзовой прокладкой, сохранились детали рукояти из дерева, кожи и бронзы. Второй нож, гораздо худшей сохранности, имеет размеры 96x15x5 мм. К слою относится и фрагмент тонкой бронзовой накладки с двумя отверстиями. Размеры предмета 38x15x0,5 мм.

Судя по формам керамики и характеру трупосожжений из слоя А, этот комплекс относится к таштыкской культуре, доминировавшей в долине Енисея в I–V вв. н.э. (другие варианты датировок – от I в. до н.э. до VI в. н.э.). Таштыкская культура в основном известна по погребальным памятникам, хотя несколько поселений (Тепсей-VII, Унюк, Лугавское, Поляна, Черное Озеро) подвергались раскопкам на широкой площади. Интересно, что на указанных памятниках не отмечено следов столбовых ям, вскрытых на стоянке Уй-II. Исследователи (Вадецкая Э.Б., 1986) предполагают наличие таких конструкций у «таштыкцев». К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении комплекс лишен датирующих разновидно-

стей вещей. Керамика слоя полностью соответствует баночным сосудам, встреченным на всем протяжении таштыкской культуры (Кызласов Л.Р., 1960), столь же не показательны разновидности орнаментации. Что касается радиоуглеродной датировки слоя, то она кажется удревненной, вероятно, за счет смешения материалов.

Таштыкские памятники широко представлены в прилегающей к району наших исследований Минусинской котловине. Есть следы проникновения групп «таштыкцев» в горы Западного Саяна. К ним относятся трупосожжения во 2 культурном слое стоянки Хадынных-I (Семенов Вл.А., 1992), а также поминальные конструкции, изученные в верхнем культурном слое стоянки Малые Уры-I (Васильев С.А., 1998) и слое 10 стоянки Тоора-Даш (Семенов Вл.А., 1992). Открытые Саяно-Тувинской экспедицией памятники существенно расширяют ареал распространения таштыкской культуры в южном направлении.

А.С. Васютин

Кемеровский государственный университет

СРОСТКИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ

КУЛЬТУРА: ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ

И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

**(к вопросу о месте, времени и компонентах
формирования культуры)**

Наиболее последовательным сторонником концепции формирования сrostкинской археологической культуры (АК) на основе местной верхнеобской культуры был В.А. Могильников (1981, с. 45; 2001, с. 173; 20026, с. 4–75). Эта идея о местной основе формирования сrostкинской культуры, высказанная М.П. Грязновым (1956, с. 145–152), выделившим ее, в целом подтверждается общим развитием западно-сибирской археологии средневековья и полученными за последнее время новыми археологическими фактами (Савинов Д.Г., 1994, с. 87–92; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 83–84). Понятие «археологический факт» употребляется нами не как синоним факта археологической действительности, а как достоверное знание, полученное на основании эмпирических наблюдений в процессе анализа археологических источников (Викторова В.Д., 1975, с. 22; Шер Я.А., 1985, с. 8–11).

Ключевая позиция «Сросток» в верхнеобском культурогенезе во многом объясняет обострившийся интерес к проблемам ее изучения, переросший в плодотворную дискуссию (Троицкая Т.Н., 2002, с. 103–107), которая породила не только новые вопросы, но и актуализировала отсеянные временем позитивные и общепризнанные археологические факты. Вместе с тем историографически сложилось так, что название алтайского могильника «Сростки» долгое время употреблялось применительно к культуре синхронных некрополей Верхнего Прииртышья. Вплоть до настоящего времени, при наличии археологического эквивалента, культура кимаков не получила своего самостоятельного названия, отличного от сросткинской культуры Лесостепного Алтая (Могильников В.А., 2001, с. 173).

Очевидно, что ранние этапы развития «Сросток» связаны с северными и северо-восточными районами Лесостепного Алтая, с Бийско-Барнаульским Приобьем, с территорией бытования памятников предшествующей верхнеобской культуры. Именно этот район юга Западной Сибири был центром формирования новой сросткинской АК. Это особенно отчетливо наблюдается в связи с полной публикацией В.А. Могильниковым материалов Алейской экспедиции. Согласно полученным данным, с рубежа VIII–IX вв. в северо-западных предгорьях Алтая сосуществовали четыре разнотипные группы населения по соседству с ареалом формирующейся сросткинской АК (Могильников В.А., 2002, с. 123–125). Этот установленный факт является определяющим в реконструкции этнокультурной ситуации данного периода. Сложившаяся таким образом этнокультурная ситуация была предопределена сосуществованием на юге Западной Сибири кочевых групп и местного угросамодийского населения. Это документируется материалами Барабы (Преображенка-III) с конца VII–VIII вв., когда на западных границах верхнеобской АК уже происходят процессы смены культурного облика в ареале потчевашской АК, захватившие в дальнейшем и другие районы юга Западной Сибири, в том числе и Лесостепной Алтай. Сокращение ареала верхнеобской АК, начиная с середины VIII в. (это условная археологическая дата) было обусловлено все возрастающим давлением со стороны южных соседей, в том числе населения новой сросткинской АК. Факт сосуществования этих двух культур не подлежит сомнению, но еще не обсуждался в научной литературе детально (Казаков А.А., Неверов С.В., 1991, с. 168–169; Троицкая Т.Н., 2002, с. 104). Как известно, ареал срост-

кинской АК расширяется за счет территорий верхнеобской АК, вплоть до совпадения их основных локальных вариантов в бассейне Верхней Оби (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 81–83; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177).

С этой точки зрения очень важен период с середины IX до середины X вв., в который попадают материалы Сросткинского могильника. Это имеет прямое отношение и к верхнеобской культуре, в инвентаре погребений и жертвенных комплексов которой с этого времени широко и массово распространяются типологически сходные с алтайскими изделия. Этот процесс происходил в момент отсутствия «акта» смены культур на северных территориях бассейна Верхней Оби (Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина). Особенно эти инновации проявляются в экипировке всадника и снаряжении верхового коня (Васютин А.С., 2001, с. 144, рис. 1). Не случайно именно в рассматриваемое время происходит наиболее глубокая трансформация верхнеобской АК, которая затронула все важнейшие ее составляющие (погребальный обряд и керамический комплекс).

Немаловажным для корректировки культурной идентификации и уточнения хронологических границ ранних этапов развития «Сросток» является культурно-хронологический статус различных групп погребений из алтайских предгорий. Появилась реальная возможность сравнительного анализа синхронных материалов с близлежащих территорий, что прежде было затруднительно из-за малочисленности данных по Восточному Казахстану. На это указывал еще Д.Г. Савинов, говоря об актуальности выделения памятников, которые предшествовали созданию кимацкого каганата, т.е. до середины IX в. Это важно и для конкретизации участия местного компонента в формировании культуры кимаков (Савинов Д.Г., 1994, с. 75–76), да и сросткинской АК тоже. Естественно возникает вопрос, каковы же были взаимоотношения указанных групп кочевников алтайских предгорий между собой и с населением Верхней Оби. В первую очередь это касается погребений с кремациями конца VIII – середины IX вв. Они вместе с сожженными вещами помещались на древнем горизонте или в неглубокие ямы, представляя собой мелкие скопления фрагментированных кальцинированных костей человека. В.А. Могильников (2002а, с. 68), согласно известной историографической традиции, ближайшие аналогии такому обряду находил в погребениях тюхтятской культуры на Среднем

Енисее. Отсюда эта группа погребений определяется им как пришлая, которая в качестве завоевателей, в непродолжительное по историческим меркам сроки, не только покорила огузов и кимакокыпчаков, но и успела интегрироваться в эту иноэтничную среду. На последнее обстоятельство, видимо, указывает их многочисленность (20 курганов в Гилево-I-V), бедность инвентаря и рядовой характер погребений. Какая-то часть из этой пришлой группы кочевников ушла на запад и север, в лесостепи Западной Сибири (Могильников В.А., 2002а, с. 67, 123). Массовое присутствие енисейских кыргызов в алтайских степях в период активного формирования культуры кимаков и сrostкинской АК очень сомнительно и не согласуется с археологическими фактами. Совсем недалеко от Горного Алтая в сrostкинских курганах также имеются кремированные погребения, сожженные на стороне и размещенные в неглубоких ямах, с инвентарем, синхронным гилевским кремациям (Савинов Д.Г., 1998, с. 176–177, табл. II). Еще больше вопросов вызывает их «легендарный поход» в это время не только на Алтай, но и в лесостепи Западной Сибири, где у северных соседей сrostкинцев действительно в этот период обряд кремации, хорошо известный в предшествующее время, становится доминирующим (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 84–85). Не слишком ли много совпадений?

В сrostкинской этнокультурной среде обряд кремации как и кремации со шкурой коня не является ведущим, но его существование зафиксировано повсеместно и не ограничивается только ранними этапами развития этой культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 178). Так, в Кузнецкой котловине кремации со шкурами лошадей выявлены на ряде сrostкинских могильников X–XI вв., в Ур-Бедарях, курганы №4, 30, 72 (Елькин М.Г., 1961, с. 3; 1970, с. 88–89, рис. 1) *, в Калтышино-1, могила 3 (Савинов Д.Г., 1997, рис. 5) и Торопово-I (Илюшин А.М., 1999, рис. 1 и др.). Устойчивость этого способа погребения среди населения сrostкинской культуры объясняется его местным происхождением, а обряд кремации сохраняется в Притомье до XI–XII вв. (Васютин А.С., Ширин Ю.В., 2002, с. 78–92, рис. 1–7).

---

* На рисунке 1 воспроизведены изображения вещей из отчета М.Г. Елькина, масштаб разный.

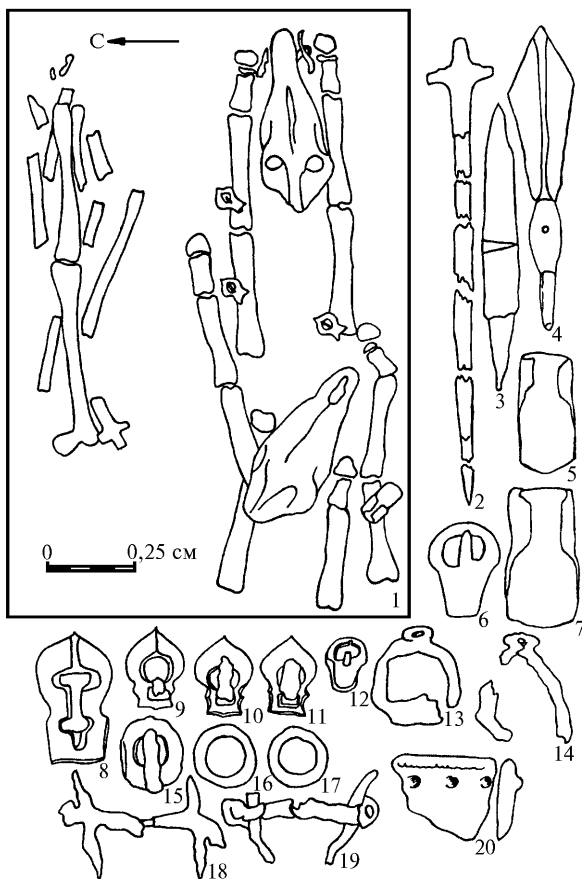

Рис. 1. Материалы из раскопок М.Г. Елькина курганного могильника Ур-Бедари в 1960 г.: 1 – деталь погребения с трупобожжением и шкурами лошадей в могиле №2 кургана №72; 2 – палаш с прямым перекрестием, общая длина лезвия 91 см, ширина клинка у основания 2,2 см, толщина спинки 0,7 см; 3 – боевой нож длиной 13,3 см, ширина лезвия 1,5 см; 4 – трехлопастной вытяну-торомбический наконечник стрелы с длиной пера 8 см и шириной 3 см; 5, 7 – топора; 6, 12 – цельнолитые пряжки с неподвижными щитками; 8 – подпружная двутавровая пряжка с выделенной рамкой; 9–11 – рамчатые сбруйные пряжки с ростковинского типа; 13, 14 – фрагменты стремян с приплюснутыми пластинчатым и петельчатым ушками; 15 – бесщитковая пряжка; 16, 17 – кольчатые подвески; 18, 19 – фрагменты удил с эсовидными псалиями; 20 – фрагмент венчика с бортиком на внешней стороне и жемчужным орнаментом (3, 4, 6, 12–19 – могила №1; 2, 5, 7, 9–11 – могила №2; 20 – насыпь. 2–7, 13–15, 18, 19 – железо; 6, 9–12 – бронза; 16, 17 – серебро; 20 – керамика)

Еще одна группа погребений в предгорьях Алтая, ингумации со шкурой коня, синхронная и даже может быть предшествует кремнированным погребениям, также имеет явные аналогии в кургане №2 памятника Сростки с китайской монетой 766–780 гг. (по А.А. Гавриловой), т.е. с датой не позже середины IX в. (Савинов Д.Г., 1998, с. 179, табл. VIII, IX). Такая дата подтверждается археологически по новым формам вещей и их орнаментации в пределах конца VIII – 1-й пол. IX вв. (Могильников В.А., 2002а, с. 79–70). Это локальная группа погребений, уже интегрированная с этносом кимаков, также не отождествляется со сросткинской АК и тем более с кимакскими памятниками, основной массив которых связан с X – 1-й пол. XI вв. (Могильников В.А., 2002а, с. 70).

В научной литературе сначала появились серьезные сомнения в кыргызской принадлежности верхнеобских кремнированных погребений (Троицкая Т.Н., 1991, с. 170–171), а затем и иные интерпретации полных сожжений в курганах сросткинской культуры, отличные от кыргызских. Впервые такие погребения названы «самодийскими», в качестве одного из субстратных компонентов рассматриваемой культуры, в совместной статье барнаульских археологов (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). Если принять эту точку зрения на инокультурную интерпретацию полных сожжений VIII–IX вв. на юге Западной Сибири, то тогда без всяких натяжек становится понятным, почему формирование новой сросткинской АК связано с северо-восточными окраинами кимакского ареала. Ведь активное взаимодействие кочевых групп с «потчевашцами» и «верхнеобцами» происходили именно в приграничных районах. В отличие от Павлодарского Прииртышья и Барабы, где к рубежу VIII–IX вв. уже сложилась новая синкретичная культура Бобровского и Чулымского могильников, в алтайской лесостепи этот процесс еще находился на начальной стадии формирования новой культуры. Дальнейшее расширение ареала «Сросток» в северо- и северо-восточном направлении также не случайно. Этому предшествовали три важнейших для юга Западной Сибири военнополитических события: разгром Уйгурского каганата, последовавшая за этим военная экспансия кыргызов и образование каганата кимаков. Археологически это фиксируется как середина IX – 1-я пол. X вв. Этим же периодом датируется новый этап в развитии «Сросток», он же является завершающим для верхнеобской культуры. В это время происходит очередная трансформация обоих

культурных образований, обусловленная преимущественно внешним фактором.

Таким образом, бассейн Верхней Оби в раннесредневековую эпоху занимал особое место в культуuroгенезе юга Западной Сибири. Происходившие здесь историко-культурные процессы, как это установлено археологическими средствами, являются ключевыми для понимания не только специфики развития этого региона, но и общего направления и результатов культуuroгенеза в лесостепном Обь-Иртышье.

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОТЕСТАРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПАЗЫРЫКСКОГО ОБЩЕСТВА

Высокая степень изученности материальной культуры скифской эпохи Горного Алтая позволяет исследователям решать задачи по реконструкции институтов власти и определению их характера в пазырыкском обществе (Марсадолов Л.С., 1999, с. 107; 2000, с. 36–38; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2001; Дашковский П.К., 2002, с. 18). Огромную роль в изучении данной проблемы играют современные концепции политогенеза, существенно модернизовавшие представления о становлении и развитии управленческих структур у кочевых и оседлых народов (Крадин Н.Н., 1995; 2000, с. 317–320; 2001; Карнейро Р., 2000; Барфилд Т., 2002, с. 70–85; Васютин С.А., 2002; Хазанов А.М., 2002, с. 48–54; и др.). Разработка модели потестарно-политической системы пазырыкского общества существенно затруднена ограниченными возможностями археологических источников и условностью информации письменных памятников. Поэтому мы постараемся наметить лишь общие контуры властной иерархии населения Горного Алтая в скифскую эпоху.

В центре нашего внимания несколько вопросов, поиск ответов на которые в той или иной мере позволит определить параметры и характер органов власти у «пазырыкцев» в VI–III вв. до н.э. Во-первых, существовал ли единый потестарно-политический центр пазырыкского общества со специальным управленческим аппаратом или верховная власть была распределена между племенными лидерами, из которых немногие могли получать временный контроль над всеми «пазырыками» или их значительной частью?

Во-вторых, совершали ли «пазырыкцы» совместные походы против земледельческих центров (Персия, китайские царства, среднеазиатские и восточно-туркестанские владения)? С учетом решающего значения внешних факторов политогенеза у кочевников (набеги, захват территорий, эксполитарная эксплуатация, данничество (Крадин Н.Н., 2002, с. 88–90; Хазанов А.М., 2002, с. 48–49) в какой мере войны «пазырыкцев» способствовали надплеменной интеграции? В-третьих, были ли у «пазырыкцев» зависимые племена-данники, стали ли они одним из факторов централизации власти в пазырыкском социуме и появления хотя бы временного единого потестарно-политического образования?

Широкий круг культурно-исторических и антропологических параллелей «пазырыкцев» с киммерийцами, семибурхскими, тянь-шаньскими, хотанскими саками, самодийцами и т.д. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 111–112; Чикишева Т.А., 2000, с. 117–120; Шульга П.И., 1998, с. 709–710; Марсадалов Л.С., 1999, с. 106–107; 2000, с. 35–37; Молодин В.И., 2000, с. 134–136, 138; и др.) не дает пока возможностей четко ответить на вопрос, в каком регионе проходило складывание потестарно-политических традиций пазырыкского населения. В целом нет сомнения, что именно миграции стимулировали генезис тех культурных, сакральных, социальных и управленческих традиций, благодаря которым сформировалась пазырыкская культурная общность. В связи с этим в политарном развитии «пазырыкцев» можно условно выделить три основных этапа. Первый был связан с подчинением «мигрантам» аборигенных групп раннекифского населения и образованием в западной части Горного Алтая в середине – конце VI в. военно-иерархического объединения во главе с вождями, погребенными в элитных курганах Туэкта-1 и Башадар-2. Возможно, вслед за этим в 1-й трети V в. «пазырыкцы» пережили упадок централизованных структур, восстановление которых произошло в середине V столетия и было связано уже с «пазырыкскими династиями» восточной части Горного Алтая (второй этап). Параллельно с ними большими властными полномочиями обладали лидеры, погребенные в элитных берельских, более поздних башадарских, уюкских и других курганах. Были ли они независимы или подчинялись пазырыкским вождям, сказать трудно.

По всей вероятности, к середине V в. завершилось оформление этнических и политических границ пазырыкской культуры,

сложилась более или менее постоянная структура пазырыкского общества, включавшего четыре или пять племен собственно пазырыкского населения. Не исключено, что в ходе военных столкновений с соседями могло возникнуть и временное объединение во главе с общепазырыкским лидером (Ануфриев Д.В., 1997, с. 110; Васютин С.А., 1999, с. 35; Марсадолов Л.С., 1999, с. 107; 2000, с. 37, 48–49). Но политическая эволюция пазырыкского общества в сторону централизованного политического объединения имела свои пределы.

Исследователями не раз отмечалось воздействие на динамику этнических, культурных и социально-политических процессов на Горном Алтае в скифскую эпоху событий в юго-западной и юго-восточной Азии – разгром Ассирии, изгнание из Передней Азии киммерийцев и скифов, походы Кира-II в Среднюю Азию, образование в северном Китае царства Чжоу и др. (Савинов Д.Г., 1991, с. 9495; Марсадолов Л.С., 1999, с. 104–107; 2000, с. 35–38). Однако удаленность крупных земледельческих центров (Китая и Ахеменидской империи) от территории Горного Алтая не могла порождать постоянных интегрирующих импульсов, как это, например, было в южно-монгольских и северо-причерноморских степях. Нет также оснований утверждать определенно то, что пазырыкские вожди были инициаторами и организаторами походов на Китай и Персию. Возможно, часть «пазырыкцев» в V в. участвовала в набегах на эти страны, но лишь в составе армий соседних с китайскими царствами и Ахеменидской империей кочевников. Китайские хронисты всегда четко локализовали места расселения известных им варваров в Ордосе и других северных провинциях Китая. Для державы Ахеменидов варварский фронтир проходил по границе с массагетами и среднеазиатскими саками. О масштабных военных операциях далеких северных варваров персидские и китайские источники ничего не сообщают. Таким образом, «пазырыкцы» не могли вступить в постоянные военно-политические и экономические контакты с китайцами и персами, а лишь тогда воздействие оседло-земледельческих центров могло привести к консолидации кочевников и образованию раннего государства (Крадин Н.Н., 2000, с. 315, 317–320, 322–328; Васютин С.А., 2002, с. 89–94; Хазанов А.М., 2002, с. 40–41, 48–51). Скорее всего, военно-политическое влияние «пазырыкцев» до IV в. до н.э. не распространялось за пределы Монгольского Алтая, северо-восточного Синьцзяна, Восточного

Казахстана, степного Алтая и Тувы. Но даже в границах этого региона нет достоверных материальных свидетельств о захватах пазырыкскими воинами сопредельных территорий (например, остатков военных крепостей). Более вероятно, что пазырыкское население ограничивалось набегами на ближайших соседей.

Весьма показательно наличие погребений саглынского типа в составе могильников пазырыкской культуры (Кубарев В.Д., 1991, с. 39; Марсадолов Л.С., 2000, с. 36–38, 48–49). Однако характеристика представителей саглынской культуры как рабов (Кубарев В.Д., 1991, с. 39) вызывает возражения. Сомнительно, чтобы «рабов» хоронили в пределах семейных кладбищ, возводили для них насыпи, соблюдали погребальные иноэтничные традиции. Чаще всего присутствие «саглынцев» в составе пазырыкского населения было результатом межэтнических браков. Часть «сыглынцев» на Алтае могла иметь зависимый статус, но при этом они обладали значительной экономической свободой, участвовали в процессе кочевания в составе айльных групп номадов и поэтому вписывались в семейные структуры. Обнаруженные в составе саглынских могильников захоронения по пазырыкскому обряду (Кубарев В.Д., 1991, с. 39) демонстрируют аналогичные формы индивидуальной или семейной инкорпорации «пазырыкцев» в другую этническую среду. Это к тому же служит еще одним аргументом в пользу преимущественно мирного характера взаимоотношений алтайского и тувинского населения в V–IV вв. до н.э.

Более или менее постоянно в зависимости от пазырыкских племен находились только иноэтничные группы в пределах Горного Алтая – «кара-кобинцы», «кулажургинцы», «быстрянцы» и др. (Марсадолов Л.С., 1999, с. 107; 2000, с. 37, 48–49). По-видимому, в VI–V вв. до н.э. в Горном Алтае была сложная этносоциальная иерархия, в которой «пазырыкцам» принадлежали ведущие общественно-политические и экономические позиции. Зависимые кланы и роды могли выступать в качестве данников, а мужчины из их состава рекрутировались для участия в военных походах. Учитывая локальное расположение памятников непазырыкского населения, его конкретные группы, скорее всего, подчинялись только определенным родам и племенам «пазырыкцев». Поэтому не сложилась и общепазырыкская система эксплуатации данников. Все это в какой-то мере объясняет неустойчивый характер власти вождей из Пазырыка, управлявших около 70–80 лет, и ее переход в IV в. (третий

этап) к племенным лидерам Центрального Алтая, погребенным в Шибэ и Катанде (Марсадолов Л.С., 2000, с. 21, 38).

Распад пазырыкского вожества мог быть связан с целым рядом причин. Усиливалась межплеменная вражда, завоевания Александра Македонского вызвали внешние вторжения (Марсадолов Л.С., 2000, с. 38). В этих условиях свою роль могли сыграть дезинтеграционные процессы в среде «пазырыкцев», связанные с родоплеменной сегментированностью общества, дисперсным характером кочевого хозяйства, возможностью урегулирования большинства проблем на низших уровнях власти (Марков Г.Е, Масанов Н.Э., 1985; Крадин Н.Н., 2000, с. 317–318; Васютин С.А., 2002, с. 86), миграцией части пазырыкского населения в Ордос (Ковалев А.А., 1999, с. 81–82; Марсадолов Л.С., 2000, с. 38) и т.д. В какой-то мере это предопределило миграцию носителей пазырыкской культуры на север или их подчинение хуннам (Материалы..., 1968, с. 41; Молодин В.И., 2000, с. 136).

Оценивая в целом политарный режим пазырыкского общества, надо отметить, что отсутствие достоверных сведений о существовании даже примитивного аппарата управления, устойчивых форм даннических отношений, кодифицированного права не позволяет пока поддерживать мнения ученых о становлении раннего государства у «пазырыкцев». Существующие в нашем распоряжении данные о населении Горного Алтая в скифское время, о его военных и культурных связях, сакральных традициях, о социальной структуре и политарных центрах дают основание считать, что управленческие структуры «пазырыкцев» как в VI в., так и в V–IV вв. до н.э. наиболее соответствовали признакам сложного вожества: 1) наличие двух уровней надлокальной централизации – племенной и общепазырыкской; 2) существование четкой социальной стратификации (см. ранги пазырыкских погребений – Марсадолов Л.С., 2000, с. 32–33); 3) важная роль в экономике редиистрибуции – перераспределения прибавочного продукта по вертикали; 4) правитель вожества имел ограниченные полномочия, а вожество в целом являлось структурой, не способной противостоять распаду; 5) вожество как этнокультурная целостность характеризовалось общей идеологической системой и общими культурами и ритуалами (синкретичная религия «пазырыкцев» – Дашковский П.К., 2002, с. 19, 21–22); 6) верховная власть имела сакрализованный характер (Крадин Н.Н., 1995, с. 16, 24–25; 2001, с. 131–132).

О догосударственном характере потестарно-политической системы «пазырыкцев» говорит и то, что в VI–III вв. до н.э. на Алтае не сложилось отдельной правящей династии, а в качестве лидеров выступали вожди разных пазырыкских племен. Эти правители никогда не утрачивали связи со своими племенными группами и хоронились не на отдельном кладбище («долины царей» по примеру элитных захоронений «царских скифов» в Северном Причерноморье не было), а на территории своего племени. По всей видимости, у населения Горного Алтая в скифское время не сложилось и постоянной надплеменной иерархии военных и гражданских управленцев, единого жреческого сословия. Вождь вынужден был опираться на управленческие структуры своего племени и привлеченных в его окружение талантливых выходцев из других племен. В пользу этого свидетельствует планиграфия большинства могильников с элитными курганами (Берель, Башадар, Пазырык). Рядом с захоронением вождей располагались цепочки курганов их родственников и видных аристократов, а также бессистемные захоронения дружинников и слуг правителя. Культовая практика вождя было тесно связана с местными религиозными традициями. Все это подчеркивает незавершенный характер межплеменной интеграции и наличие нескольких управленческих центров в пазырыкском обществе.

Таким образом, на каждом из этапов политарной консолидации у «пазырыкцев» существовало или единое сложное вождество или несколько более локальных вождеств, что не исключало возможности временного объединения пазырыкского населения для решения военных задач под властью одного военного вождя.

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ
ПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ***

Археологические коллекции памятников переходной эпохи от мустье к позднему палеолиту демонстрируют необычайно большое разнообразие форм нуклевидных артефактов. Традиционные, базирующиеся на морфологическом анализе типологии такого

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №01-01-00287а).

рода находок часто недостаточно эффективны. Причина – в неизбежной субъективности при оценке форм находок. Недостаточность морфологических методов особенно ярко проявляется при изучении генезиса или хронологической изменчивости технологий работы с камнем. При изучении эволюции древних технологий именно технологические исследования артефактов должны быть приоритетными. Систематизация материала на основе такого анализа становится все более продуктивной и все более востребованной в археологии палеолита.

Цели и задачи технологического анализа могут быть очень разнообразны. Но при изучении *эволюции* древнейших технологий наиболее перспективным представляется использование возможности реконструкции *процессов* расщепления. Специальный технологический анализ дает возможность определить *мотивы* каждого из действий, совершенных оператором. Понимание назначения каждой из фиксируемых операций помогает отделить главное от второстепенного, отличить на артефакте следы реализации основной линии плана расщепления от следов вспомогательных действий, обусловленных спецификой конкретного сырья или формы исходной заготовки. Технологическая реконструкция процесса раскалывания каждого из изучаемых артефактов позволяет отметить наиболее существенное, реально прояснить специфику изучаемой работы человека в древности. Данные такого анализа предоставляют наиболее значимый материал для общего изучения эволюции и генезиса палеолитических технологий.

Понимания цель исследования как изучение *процесса* работы с камнем, весь путь преобразования сырья в орудие можно разделить на три этапа:

- *первичное расщепление*: преобразование исходной формы сырья в форму, пригодную для снятия в дальнейшем одной или множества заранее определенных стандартных заготовок будущих рабочих инструментов;

- *вторичное расщепление*: процесс снятия / получения заготовки или серии заготовок будущих рабочих инструментов;

- *третичное расщепление*: преобразование, как правило, стандартной снятой с нуклеуса заготовки в рабочий инструмент, предназначенный для выполнения определенных производственных операций.

Исходя из этого *нуклеусом* следует считать артефакт, образовавшийся в результате *завершения* этапа / процесса снятий различного рода заготовок орудий с пренуклеуса. Нуклеус – итог вторичного расщепления. На нуклеусе должны отчетливо фиксироваться «основная ударная площадка» и «основной фронт снятий» с негативными следами отделенных заготовок орудий. На артефакте должны быть определены *причины* завершения процесса получения снятий-заготовок.

Основным поводом для прекращения процесса расщепления обычно является «истощение» объемного потенциала пренуклеуса. К числу вторичных причин могут быть отнесены свидетельства совершения оператором неустранимых ошибок в процессе расщепления или признаки выявления изначально скрытых дефектов сырья.

Пренуклеус – суть артефакт, представляющий собой форму, *подготовленную* к серийному снятию различного рода заготовок орудий. Пренуклеус – итог первичного расщепления. На пренуклеусе должны прослеживаться основная ударная площадка и место, *подготовленное* для снятий заготовок. Объемный потенциал расщепления должен быть явно не израсходован. Вторичные причины окончания работы с камнем могут быть те же, что и у нуклеуса.

Изучение следов скалывания неизбежно приводит и к дифференциации фиксируемых снятий на «регулярные» и «нерегулярные». Следы получения стандартизованных заготовок будущих орудий определяются как «регулярные снятия», следы разнообразной подработки формы раскалываемого артефакта – как вспомогательные, «нерегулярные». «Нуклеусы» имеют негативы «регулярных» снятий, «пренуклеусы» – нет.

Какой же нуклеус можно считать «системным» и в чем его отличие от «бессистемного»?

«Бессистемные» нуклеусы расщеплялись способом, чаще всего обусловленным недостаточно высоким качеством сырья. Если раскалываемые на памятнике породы камня имели излишне большое количество «природных» недостатков (трещиноватость, разнородность по плотности и т.п.), то, как правило, расщепление уже изначально *не предполагало* производство большого количества скалываний с одной ударной площадки и с одного фронта. После одного-двух снятий площадка обычно менялась, создавалась новая или в ее качестве использовался негатив одного из предыдущих снятий. В процессе такой работы сколько-нибудь выраженной

регулярности (в данном случае – многократно повторяющейся пространственной однонаправленности действий) в утилизации нуклеуса не прослеживается. Артефакты со следами такого расщепления можно обнаружить на памятниках самого различного времени и территорий.

«Системные» нуклеусы утилизировались иначе. Оператор в таких случаях без особых помех реализовал на материале задуманный им технологический план действий. Регулярность расщепления имела продолжительный характер. Артефакты такого рода запечатлевают следы определенных традиций работы с камнем и являются наиболее ценным материалом технологических реконструкций в археологии.

Если задачей проводимых археологом исследований является изучение специфики именно *технологии* (традиционно устойчивых способов работы с материалом), то внимание следует сосредоточить на изучении таких артефактов, на которых следы реализации задуманного древним оператором технологического плана расщепления прослеживаются в наиболее полном виде. Наилучшим материалом в таком случае следует считать именно «*системные*» нуклеусы и пренуклеусы, следы расщепления на которых проявляются в наименее искаженных, не обусловленных спецификой сырья формах.

Цель исследований определяет выборку материала и для *сравнительного* технологического анализа.

Если мы ставим перед собой задачу реконструировать и определить специфику работы с камнем на каком-либо *отдельно взятом* археологическом памятнике, то объектом исследований должна стать *вся* совокупность системных и бессистемных нуклеусов и пренуклеусов коллекции. В этом случае мы сможем зафиксировать и классифицировать *все* совершенные оператором технологические цепочки и определить все причины их «обрыва». Итогом такого исследования станет понимание специфики сырья, использовавшегося на памятнике, и характеристики работы индивидуальных операторов.

Но для того, чтобы получить представление о применявшейся технологии расщепления камня в изучаемый период *в целом*, необходимо изучить примеры ее реализации, не затуманенные числом всегда обильных «исключений». Вычленив же искомую информацию об «основной технологии» из общей базы данных, опираясь на формальные статистические показатели, всегда затруднительно.

Наиболее разумным решением при *корреляционных*, сравнительных исследованиях археологического материала представляется изначальное сосредоточение на анализе преимущественно «системных» нуклеусов и пренуклеусов коллекции. Именно их изучение даст нам наиболее верное представление *об основных* чертах технологии расщепления камня, характерное для эпохи или изучаемой археологической культуры.

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН

ГЕНЕЗИС ПЛАСТИНЧАТОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА УСТЬ-КАРАКОЛ*

На основе анализа коллекции находок памятника Усть-Каракол-1 выделено 43 нуклеидных артефакта, охарактеризованных как результат «пробы материала» («бессистемные нуклеусы»), и 20 «системных нуклеусов».

Соотношение количества находок «системных» и «бессистемных» нуклеусов в слоях памятника Усть-Каракол-1 отображено на графике 1.

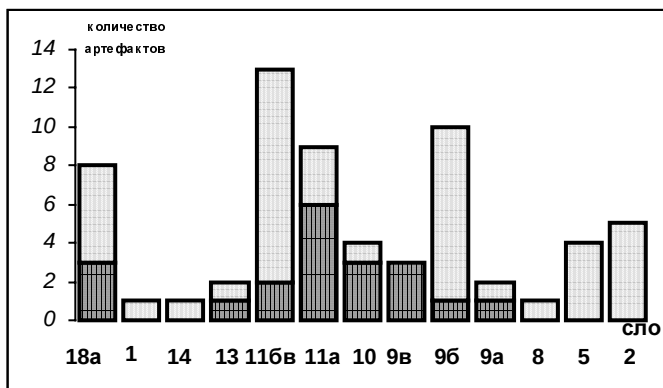

График 1. «Системные» (темная часть колонок) и «бессистемные» нуклеусы в слоях памятника Усть-Каракол-1

Анализ «системных» нуклеусов позволил реконструировать процесс расщепления каждого из артефактов и, как и для материа-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №01-01-00287а).

лов Денисовой пещеры, представить его результаты в виде технологических схем.

Статистика находок, отображающая послойное количество исследованных нуклеусов, представлена на графике 2.

Линия 1	2 1 1 2				1			
Линия 2	1 4 3 2 1 1							
СЛОИ	18a	13	11бв	11a	10	9в	9б	9a

График 2. Относительные хронологические параметры генезиса, развития и угасания выделяемых технологий расщепления камня на памятнике Усть-Каракол-1

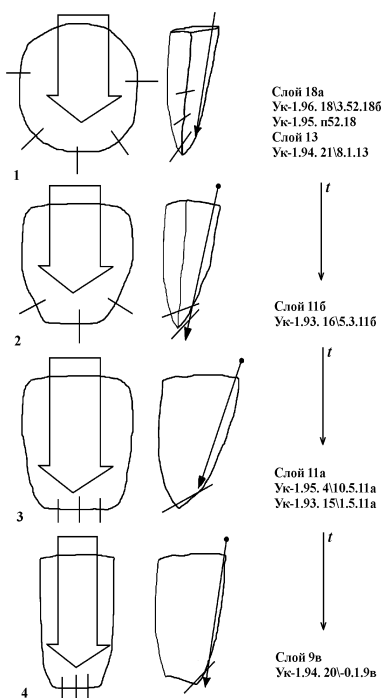

Рис. 1. Усть-Каракол-1. Эволюция технологии расщепления нуклеусов.
Линия 1

Преобладающее количество нуклеусов в коллекции памятника – торцовые; самые редкие – радиальные и расщеплявшиеся по упрощенной технологии.

В большем количестве представлены леваллуазские ядрища. Такая технология раскалывания камня наиболее характерна для относительно более древних слоев памятника, торцовое расщепление – для хронологически более поздних.

Обобщение данных об устойчивых технологических процессах расщепления камня на памятнике Усть-Каракол-1 можно представить в виде схемы хронологически последовательной эволюции способов получения основных снятий с «системных» нуклеусов.

Выделено две линии эволюции.

На рисунке 1 отображена «линия 1», имеющая наиболее древние для данных материалов исторические корни. Генезис наблюдаемой технологии прослеживается от слоя 18а. Следы угасания отмечаются в слое 9в.

На рисунке 2 отображена наблюдаемая эволюция технологии первичного расщепления, обозначенная как «линия 2». Анализ проведен на основе изучения артефактов, полученных при раскопках слоев памятника от 11б до 9а включительно.

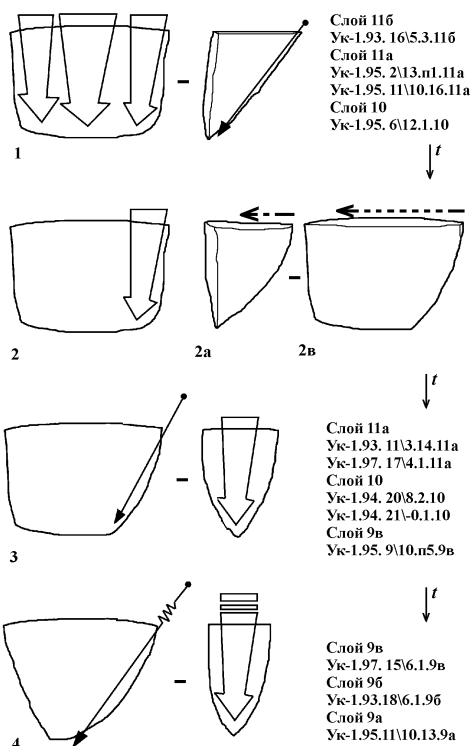

Рис. 2. Усть-Каракол-1. Эволюция технологии расщепления нуклеусов. *Линия 2*

В целом эволюция технологии получения основных снятий с нуклеусов, определяемая как «линия 2», может быть охарактеризо-

вана как один из вариантов генезиса пластинчатого и *микропластинчатого* расщепления.

Исследования показали, что генезис «линии 1» происходит значительно ранее зарождения техники расщепления по «линии 2». Вместе с тем в период, который позднее накопления слоя 9в, следов использования техники «линии 1» не отмечается. Напротив, зародившись в относительно более позднее время (в период накопления слоя 11б), расщепление «по линии 2» становится основным и далее единственным способом расщепления камня на исследуемом памятнике.

С.А. Гладышев, А.Н. Зенин
Институт археологии и этнографии СО РАН
**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА МУГОДЖАРСКИХ
ГОР (РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)***

Изучение археологических комплексов с поверхностным залеганием артефактов в Мугоджарах началось в 1999 г. За три года в этом районе открыто и исследовано 59 пунктов палеолитического времени.

Мугоджары являются южным продолжением Уральских гор. Они вытянуты в меридиональном направлении и состоят из множества бессистемно расположенных небольших возвышенностей, соединенных между собой в различных направлениях узкими перемычками со слабо выраженными седловинами.

На местности хорошо выражены котловины высохших озер, в настоящее время густо заросших камышом. К этой озерной цепи тяготеют и выходы сырья (кремнистый песчаник), которые встречаются в виде отдельных вершин и небольших гряд, тянущихся с юго-востока на северо-запад. Скорее всего, озерная цепь и обнажения кремнистого песчаника представляют собой некий тектонический разлом. Непосредственно Мугоджарские горы сложены из другой породы, которая не использовалась древним человеком для изготовления артефактов. Именно к этому разлому и приурочены все местонахождения каменного века.

---

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума СО РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и при поддержке РГНФ (проекты №01-01-00287а, №02-01-00322а и №03-01-00783а).

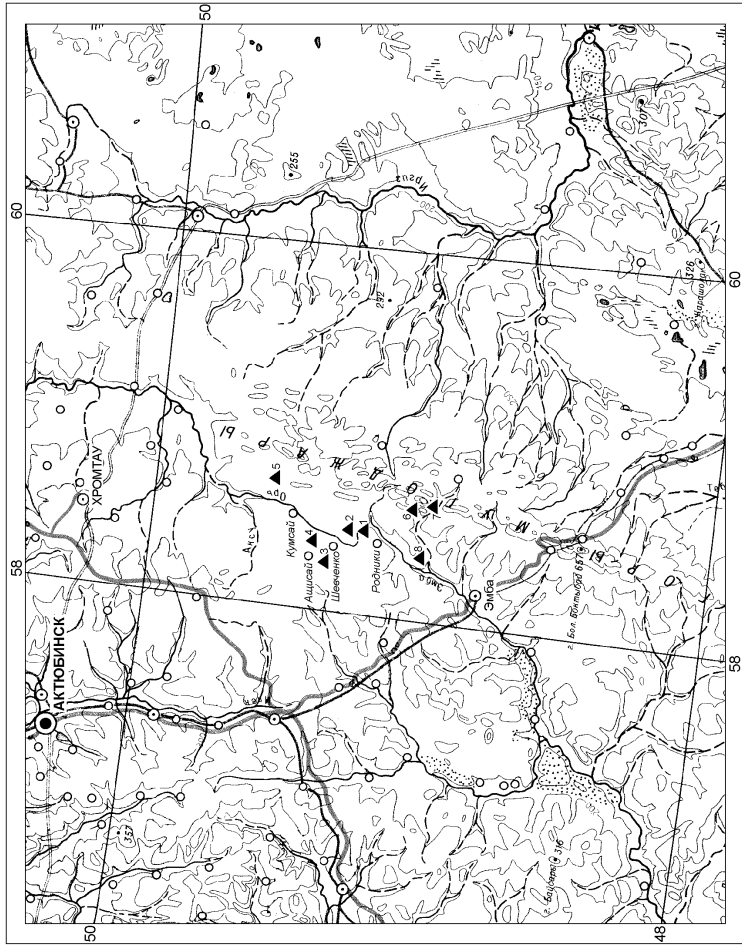

Рис. 1. Карта расположения палеолитических памятников в Мугоджарских горах: 1 – Мугоджары-31–35;
 2 – Мугоджары-36–45; 3 – Мугоджары-48, 49, 51–53; 4 – Мугоджары-54–57; 5 – Мугоджары-58, 59;
 6 – Мугоджары-12; 7 – Мугоджары-17; 8 – Мугоджары-9, 10

Особый интерес представляют семь местонахождений (Мугоджары-5, 6, 10, 12, 31, 34, 35), а именно сильнодефлированные группы артефактов, составляющие часть коллекций.

Наиболее богатая коллекция каменных изделий собрана на местонахождении Мугоджары-31. Особенно важна та часть артефактов, которая отражает наиболее ранний этап пребывания древнего человека на этой территории. К ней относятся бифасы-рубила (средней степени дефляции), леваллуазские и поперечные нуклеусы, простые скребла, зубчатые, зубчато-выемчатые изделия и орудия с носиком.

Вышеперечисленные предметы весьма близки, а порой идентичны изделиям этих же типов, собранных в 2000 г. на пунктах Мугоджары-9, 10, 12, 16, 17 и др. (см. рис. 1.-7-9). Это относится к леваллуазским нуклеусам, скреблам, зубчато-выемчатым орудиям и бифасам-рубилам. Типологический реестр слабодефлированной и недефлированной групп каменных изделий значительно разнообразнее. Кроме леваллуазских и поперечных ядрищ встречаются торцовые, ортогональные, а также подпризматические одно- и двухплощадочные нуклеусы. К списку орудий добавляются скребки и отщепы с ретушью. Немного южнее пунктов Мугоджары-31-33, на 20-метровой поверхности обнаружены два пункта (Мугоджары-34, 35) с комплексом сильнодефлированных изделий. Поверхность артефактов настолько заглажена, что порой невозможно определить детали вторичной обработки. Ансамбль каменных изделий включает в себя одноплощадочные нуклеусы, леваллуазские ядрища, скребла и ретушированные отщепы. Материалы этих пунктов являются дополнительным фактом, подтверждающим раннее проникновение древнего человека в этот регион.

Следующий разведочный маршрут охватывал участок местности от пос. Родники до с. Шевченко (см. рис. 1.-2). Эта местность представляет собой холмистое плато, ограниченное с востока Мугоджарскими горами и переходящее на западе в равнину. На всех, без исключения, холмах, где присутствует кремнистый песчаник, обнаружены комплексы палеолитического времени. Эти холмы расположены или обособленно, или составляют небольшие гряды из двух-трех возвышений. В этом районе обнаружено десять местонахождений (Мугоджары-36-45). Артефакты дислоцируются по склонам возвышенностей и на вершинах. Интересно то, что наибольшая концентрация находок приходится на южный и юго-

восточный склоны, которые, как правило, меньше затянuty рыхлыми отложениями и не имеют растительного покрова. В отличие от местонахождений в бассейне р. Эмбы и у с. Родники данные пункты занимают небольшую площадь (в среднем 50–100 м²). Коллекции артефактов с этих объектов демонстрируют единую технологическую линию развития и идентичный морфологический облик изделий. Объединяет их и отсутствие дефляции на каменных предметах. Продукты первичного расщепления включают в себя подпризматические нуклеусы плоскостного и торцового принципа раскалывания, леваллуазские ядрища и многоплощадочные монофронтальные нуклеусы. Орудийный ансамбль состоит из простых и конвергентных скребел, боковых и комбинированных скребков на отщепях, изделий с выемками, ретушированных пластин. На всех пунктах этой группы местонахождений обнаружены бифасы. Их можно разделить на две устойчивые группы. К первой относятся частично обработанные изделия. Вторичная обработка формирует неровную поверхность и извилистый край. Данные бифасы, на наш взгляд, являются заготовками, которые в дальнейшем могли трансформироваться как в орудие, так и в микронуклеусы. Вторую группу составляют листовидные тонкие бифасы, сплошь обработанные выравнивающей ретушью. Эти изделия могли служить ножами, скреблами и наконечниками метательных орудий. Материалы этой группы местонахождений дали и новый тип орудий, ранее не встреченный в Мугоджарских комплексах. Это острия-унифасы. Пока их всего 2 экз. Они представляют собой ромбовидно-вытянутые изделия с треугольным, массивным сечением. Дорсальный фас у них сплошь обработан выравнивающей разнофасеточной ретушью.

В целом технико-типологические параметры нуклеусов и орудийного списка с местонахождений Мугоджары-36–45, позволяют отнести эти комплексы к периоду позднего палеолита, скорее всего, к его средней фазе.

После трех лет работ на комплексах Мугоджарских гор можно подвести некоторые итоги. Открыто и изучено 59 местонахождений, получен огромный массив археологического материала. Анализ технико-типологических характеристик сильнодефлированной и среднедефлированной части артефактов позволил выделить ашельскую стадию на данной территории (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др., 2001а, с. 28; Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др., 2001б).

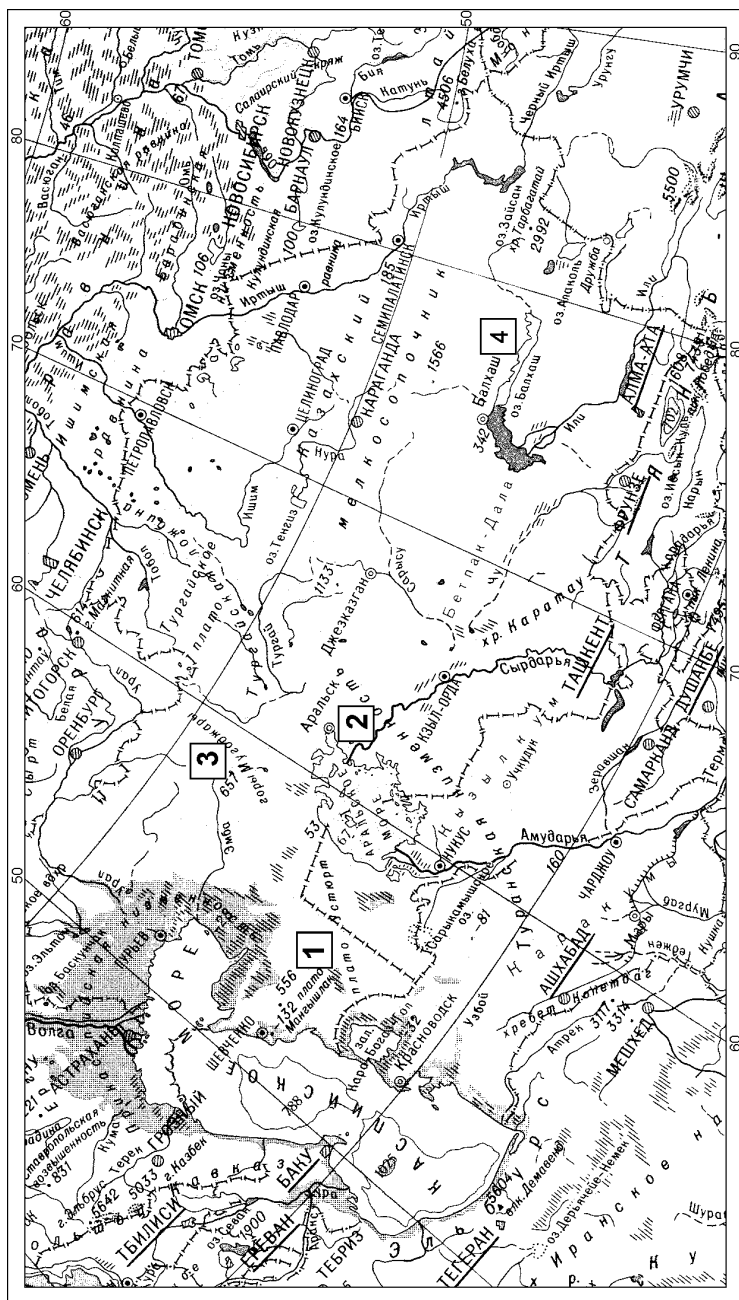

Рис. 2. Карта местоположения палеолитических индустрий с бифасами на территории Казахстана:
1 – плато Мангышлак; 2 – Северное Приаралье; 3 – горы Мугоджары; 4 – Северные Тяньшань

Ашельские комплексы характеризуются леваллуазскими нуклеусами для получения черепаховидных сколов, зубчато-выемчатыми орудиями и скреблами, а также бифасами-рубилами. В период среднего палеолита ансамбль мугоджарских комплексов обогащается нуклеусами параллельной системы расщепления: подпризматическими одно- и двухплощадочными, торцовыми. Среди орудий появляются скребки, орудия с выемками и изделия с носиком, а также пластины с ретушью. В материалах позднепалеолитических комплексов при сохранении старых традиций появляются и новые элементы. Это призматические, тщательно подготовленные ядрища, длинные призматические пластины, нуклеусы, напоминающие клиновидные, с микроснятиями, острия-унифасы, боковые и комбинированные скребки и тонкие, листовидные бифасы, обработанные уплощающей, выравнивающей ретушью.

В настоящее время на территории Казахстана выявлено четыре области распространения палеолитических индустрий с бифасами (см. рис. 2). Это – северо-западные, западные и центральные районы республики. Ближайшие памятники с бифасами находятся на Южном Урале, стоянка Мысовая (Бадер О.Н., Матюшин Г.Н., 1973; Матюшин Г.Н., 1990; Цейтлин С.М., 1975). Первоначально эти бифасы были отнесены к мустьерскому времени, позднее разделены на два комплекса, ашельский и мустьерский. Другой памятник с бифасами был исследован В.С. Волошиным (1988) в Центральном Казахстане в верховьях р. Ишим. Восточнее бифасы были обнаружены на памятниках с поверхностным залеганием культурного слоя на побережье озера Кудайколь (Медоев А.Г., 1982), в северном Прибалхашье, в комплексах Семизбугу (Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т. и др., 1993). На юге комплексы раннего палеолита с бифасами обнаружены на Красноводском плато. Первые находки сделаны там еще в 1950-е гг. А.П. Окладниковым, позднее поблизости найдены комплексы Янгаджа-Каратенгир (Любин В.П., 1984; Вишняцкий Л.Б., 1996).

Далее комплексы с бифасами обнаруживаются на Кавказе. Сейчас там известно более 150 памятников ашельского времени, расположенных на Западном Кавказе и на юге Кавказского хребта (Любин В.П., 1998). Материалы с Мугоджарских гор по технико-типологическим параметрам вполне сопоставимы с кавказскими, что дает возможность выделить ашельскую фацию в мугоджарских комплексах без уточнения нижней хронологической границы.

Таким образом, палеолитические комплексы Казахстана с бифасами представляют собой своеобразную линию развития, отличную от каратауской галечной (Оби-Мазар 6, Каратау, Лахути), микроиндустриальной (Кульдара, Кошкурбан, Шоктас) и линией зубчатого мустье (Кульбулак, Сельунгур) (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др., 2001а).

В целом исследование каменного века Мугоджарских гор показало, что человек пришел на эту территорию в глубокой древности и обитал на ней на протяжении всего плейстоцена.

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет

ПРОЦЕССЫ ТЮРКИЗАЦИИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Южная часть Западной Сибири является регионом лесостепной зоны Евразии, в котором происходили контакты промыслового таежного населения со скотоводческими племенами Средней и Центральной Азии. К середине I тыс. н.э. основной массив населения юга Западной Сибири был самодийским, освоившим данную территорию в ходе последовательных миграций конца I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э. (Чиндина Л.А., 1991, с. 129). За это время самодийцы, очевидно, полностью ассимилировали оставшиеся группы ираноязычных скотоводов, проживавших здесь со 2-й четв. I тыс. до н.э. (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 79). Дальнейшие этнокультурные процессы были связаны с проникновением в Западно-Сибирскую лесостепь тюркоязычных кочевников. В научной литературе за ними утвердилось название «тюркизация» (Бараба..., 1988, с. 167; Чиндина Л.А., 1991, с. 123; Савинов Д.Г., 1994, с. 4; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 85; и др.).

Под словом «тюркизация» мы понимаем миграцию тюркоязычного населения на новые земли, в результате которой происходило освоение территории и смешение с ее автохтонными жителями, при господстве материальной и духовной культуры пришлого компонента. Для юга Западной Сибири процессы тюркизации в раннем средневековье слабо освещены письменными источниками. Поэтому решающая роль в их реконструкции принадлежит архео-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №02-06-80342).

логическим материалам. Среди последних наиболее показательны предметные комплексы и погребальный обряд.

Типовые наборы вещей хорошо отражают определенные этнокультурные традиции и отбивают хронологию событий. Однако только одно их появление на новых территориях еще не означает проникновения сюда носителей самих традиций. Это обусловлено возможностью торговых отношений, военных набегов, распространением передовых технологий и моды. Погребальный обряд, как наиболее консервативная сторона мировоззрения, реагирует на происходящие изменения, когда они приобретают форму непосредственных межэтнических контактов. Различные составляющие обряда: погребальные сооружения, способы погребения несут в себе информацию о конкретных этнических компонентах.

Самодийским памятникам Западной Сибири присущи грунтовые и подкурганные погребения по обрядам ингумации и кремации (Чиндина Л.А., 1991, с. 31; Конников Б.А., 1992, с. 43; Казаков А.А., 1996, с. 172; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 23; Илюшин А.М., 1999, с. 46). У тюркоязычных кочевников Евразии господствующим был обряд подкурганного захоронения по способам ингумации в сопровождении верхового коня или шкуры лошади. Ингумация с конем характерна для тюрок и племен, вышедших из их среды: карлуков, кимаков, части хазар (Бичурин Н.Я., 1950, с. 347; Кумеков Б.Е., 1972, с. 40; Нестеров С.П., 1980, с. 12–14; Флерова В.Е., 2001, с. 166–174). Ингумация со шкурой коня фиксируется у ряда племен огузской конфедерации: праболгар, гузов, кыпчаков (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 118, 137; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с. 94). Только у двух крупных тюркоязычных этносов наблюдаются иные способы погребений. Это кыргызы, у которых, исходя из письменных и археологических данных, существовал устойчивый обряд полной кремации взрослого населения; и уйгуры, хоронившие, судя по письменным источникам, умерших по обряду типа вторичной ингумации (Бичурин Н.Я., 1950, с. 216, 353).

Самые ранние памятники по обряду ингумации с конем на юге Западной Сибири датируются 2-й пол. IV–V вв. Они известны в Лесостепном Алтае (Ераска, Татарские могилки, Ближние Елбаны-XIV) и Барабе (Сопка-2). Наиболее близкие и синхронные аналогии данные погребения находят среди материалов буланкобинской культуры Горного Алтая, составившей основной компонент в сложении тюркского этноса. Погребения с конем в Лесо-

степном Алтае появляются одновременно с памятниками по обряду ингумации с кольцевой деформацией головы (Тугозвонovo, Нечунаевский Елбан-2, Ближние Елбаны-III, XII, XIV, Татарские могилки), которые своим происхождением связаны с кенкольской культурой Семиречья (княжество Юэбань китайских летописей). Инвентарные комплексы этих новых памятников также имеют буланкобинские и кенкольские аналогии. Приход иноэтничного населения в Западно-Сибирскую лесостепь можно связать с образованием (359 г.) и военной активностью Жужанского каганата: войны жужаней с княжеством Юэбань (400–401, 418–419 гг.), вытеснение части огузов в Семиречье и гибель этого княжества (487–488 гг.) (Бичурин Н.Я., 1950, с. 187, 217; Гумилев Л.Н., 1993, с. 13–14). Вероятно, данная миграция послужила своеобразным внешним толчком для распада «самодийской конфедерации» (кулайская историко-культурная общность) на отдельные образования. В Лесостепном Алтае при непосредственном участии кенкольского и буланкобинского компонентов сложилась одицовская, в Новосибирском Приобье обособилась верхнеобская, в Томско-Нарымском Приобье – релкинская, в Барабе и Среднем Прииртышье – потчевашская, в Кузнецкой котловине – саратовская культуры. Считать первое появление тюркоязычного населения (каковым могли быть не только «булан-кобинцы», но и часть «кенкольцев») в южных районах Западной Сибири началом тюркизации этого региона будет неправильным. Число мигрантов, судя по памятникам, было небольшим, и они достаточно быстро ассимилировались в самодийской среде. Данный факт подтверждается господством местных норм погребальной обрядности в памятниках VI–VII вв.

Ряд ученых в своих работах относили начало тюркизации юга Западной Сибири к VI–VII вв., связывая это с образованием и деятельностью Тюркских каганатов (Неверов С.В., 1991, с. 182; Коников Б.А., 1992, с. 49). Действительно, на указанной территории в это время появляются наборы предметов (вооружение, конская амуниция, украшения) выполненные в тюркской традиции. Но все вещи находятся в погребениях, совершенных по местным обрядам. Кроме изделий тюркского облика, в этих могилах присутствует и инвентарь, выполненный в самодийской традиции: наконечники стрел, ножи и ножны к ним, поясные наборы, керамика, украшения костюма. Обращает на себя внимание и факт использования многих тюркских вещей не по первоначальному назначению. Так,

различные уздечные украшения начинают входить в состав поясной гарнитуры и наоборот. Сделанные наблюдения говорят только о влиянии материальной культуры тюрок на население Западно-Сибирской лесостепи. До сих пор здесь не найдено и погребений VI–VII вв., соотносимых с каким-либо тюркоязычным этносом. Правда, три могилы по обряду ингумации с конем исследованы на одинцовском памятнике Горный-10, расположенном в северных предгорьях Алтая. Однако размещение коней в могилах не соответствует тюркским канонам: конь находится под человеком (Абдулганеев М.Т., 2001, с. 128). Это свидетельствует о переосмыслении исходного обряда, и принадлежность данных погребений тюркам маловероятна. Исходя из вышеизложенного говорить о тюркизации юга Западной Сибири во время существования Тюркских каганатов преждевременно.

Более обоснованной выглядит позиция исследователей, относящих начало тюркизации лесостепных районов Западной Сибири к середине VIII в. (Бараба..., 1988, с. 3). Именно с этого времени здесь появляются могильники, содержащие значительное число захоронений по обряду ингумации с конем (Иня-1, Чингис-2) и шкурой коня (Чулым-2), аналогичные тюркской и огузской группам погребений, распространенным от Монголии до Восточной Европы. Вероятной причиной миграции тюркоязычного населения на новые земли явилось падение II Восточно-тюркского каганата (744 г.). Этноты, составлявшие политическую элиту этого государства, – тюрки и сиры (кыпчаки – по убедительной версии С.Г. Кляшторного), разгромленные коалицией басмылов, уйгуров и карлуков, были вынуждены покинуть степи Монголии. Одна их часть отступила в Китай, вторая удержалась в Южной Сибири, а третья продвинулась на север в пределы Западной Сибири. Сведения о разгроме двух тюркоязычных этносов могут быть соотнесены с двумя типами новых погребений, появившихся в Западной Сибири. Обряд ингумации с конем соответствует тюркам, а обряд ингумации со шкурой коня – сирам-кыпчакам. Памятники тюрок локализируются в Лесостепном Алтае, занимая ареал одинцовской культуры, а памятники кыпчаков – в Барабинской лесостепи, занимая часть ареала потчевашской культуры.

Переселение тюркоязычного населения на юг Западной Сибири, по нашему мнению, носило характер завоевания, в результате которого местное самодийское население было подчинено кочев-

никами и включено ими во вновь созданные объединения. Данный процесс отражают курганы 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX вв., под насыпями которых фиксируются могилы по обряду ингумации с конем или шкурой коня и могилы по обряду ингумации и кремации. Первые занимают в кургане центральное положение и содержат наиболее богатые предметы, вторые – окраинное положение и немного вещей (Уманский А.П., 1970, с. 47–50; Бараба..., 1988, с. 53–54; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1995, с. 146). Инвентарь обозначенных памятников соответствует материальному комплексу катандинского и тузктинского этапов тюркской культуры Центральной Азии с небольшой долей самодийских черт (некоторые типы керамики, наконечников стрел, украшений). Взаимодействие пришлого и местного населения привело к формированию новых этнокультурных общностей. На территории Лесостепного Алтая складывается сросткинская культура, с основой из тюркского и самодийского компонентов. В Барабинской лесостепи формируется культура, сочетающая кыпчакский и самодийский компоненты. Она довольно быстро распространяется в Среднем Прииртышье и Северном Казахстане, достигая Южного Урала. Территория, ею занимаемая, соответствует ареалу расселения кыпчаков в конце VIII – начале XI вв. по письменным источникам (Кумекоев Б.Е., 1972, с. 43, 56–57). Учитывая данное обстоятельство, логичнее всего обозначать эту культуру как кыпчакскую.

В середине IX в. возникают две новые державы кочевников Кыргызский и Кимакский каганаты, чьи северные владения соприкасаются с Западной Сибирью. Письменные источники отмечают вхождение в Кимакский каганат кыпчаков. Данный факт подтверждается и археологически. В курганах кыпчаков 2-й пол. IX – 1-й пол. XI вв. известны погребальные сооружения из сырцовых оград-стенки вокруг центральной могилы, копирующие кимакские каменные ограды-стенки из Восточного Казахстана (Могильников В.А., 1999, с. 68). В ареале сросткинской культуры появляются отдельные памятники кыргызов (Гилево-III, XV) и кимаков (Гилево-VII, Корболиха-X), сосредоточенные в приграничном районе северо-западных предгорий Алтая. В целом за период «великодержавия» Кыргызского и Кимакского каганатов на юге Западной Сибири не наблюдается значительного притока тюркоязычного населения. Процессы тюркизации продолжались здесь в рамках ранее созданных общностей – сросткинской и кыпчакской культур.

Более существенные изменения приходятся на середину X в. С этого времени начинается расширение ареала сросткинской культуры в северном и восточном направлении. Сросткинское население занимает земли верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье (Березовый Остров-1, Высокий Борок, Крохалевка-13) и земли саратовской культуры в Кузнецкой котловине (Мусохраново-3, Торопово-1, Шанда, Беково). Политическая ситуация 2-й пол. X – 1-й пол. XI вв. способствовала постепенному усилению западно-сибирских тюркоязычных объединений, за счет ослабления Кыргызского и Камакского каганатов из-за военного напряжения на их южных границах и развития внутренних центробежных тенденций. В результате процессы тюркизации охватили новые лесостепные районы Западной Сибири.

Дальнейшее изменение ситуации на юге Западной Сибири начинается с середины XI в. Оно связано с расселением кыпчаков по поясу евразийских степей. Помимо основного западного направления миграции, археологические источники фиксируют и ее восточное направление. Памятники кыпчаков 2-й пол. XI – XII вв. появляются в ареале сросткинской культуры: Новосибирское Приобье (Быстровка-1), Кузнецкая котловина (Калтышино-I, Промышленная-1), Степной Алтай (Барчиха), а также проникают в Томское Приобье (Басандайка). Таким образом, в процессы тюркизации включается вся территория Западно-Сибирской лесостепи, пригодная для ведения скотоводческого хозяйства.

Всего для эпохи раннего средневековья можно выделить три периода тюркизации Западной Сибири: 1. 2-я пол. VIII – 1-я пол. X вв. – тюрко-кыпчакский; 2. 2-я пол. X – 1-я пол. XI вв. – сросткинский; 3. 2-я пол. XI–XII вв. – кыпчакский. Общей особенностью процессов тюркизации в это время является то, что они носили характер культурной ассимиляции, но не привели к полному слиянию тюркоязычного и самодийского населения в новые этносы. Это было обусловлено социально-политической структурой созданных объединений, при которой тюркоязычные кочевники занимали господствующее положение, а самодийцы – зависимое. Такая модель была наиболее приемлема при численном преобладании аборигенного населения. Последующие процессы тюркизации на юге Западной Сибири связаны с монгольскими завоеваниями в начале XIII в. и созданием тюрко-монгольских государств в эпохи раннего и позднего средневековья.

Т.Г. Горбунова
Алтайский государственный университет
**РАСПРОСТРАНЕНИЕ «ТЮРКСКОЙ» КУЛЬТУРНОЙ
ТРАДИЦИИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**
(по материалам украшений конского снаряжения)*

В период со 2-й пол. VI в. по 1-ю пол. VIII в. (552–774 гг.) на территории распространения тюркской культуры складывается особая художественная традиция. Традиция представляет собой универсальную форму фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность (Новейший философский словарь, 1998, с. 724). В силу политического и культурного доминирования тюрков их культурная традиция оказывала значительное влияние на другие общности, задавая тон своеобразной «моды» на использование определенных категорий предметов, в том числе и украшений конского снаряжения.

В эпоху II Восточно-тюркского каганата формируются определенные типы украшений и ременных конструкций амуниции верховых лошадей. Многие из них имели прототипы еще в материальном комплексе Великого Тюркского каганата. Наиболее демонстративными среди вновь появившихся изделий выступили цельные трехлучевые распределители ремней с «перехватами» (зауженное место в точке соединения лопасти с центральной частью предмета), короткие наконечники ремней овально-прямоугольной формы, гладкие сердцевидные бляхи-подвески крупных пропорций, четырехлепестковые, сердцевидные и другие накладки (табл. 1.-А). Изготавливались эти предметы в большинстве своем из цветных металлов. Особенностью украшений являлась довольно «скупая» орнаментация либо ее полное отсутствие (гладкая лицевая часть). Преобладающими в их орнаменте выступали геометрические элементы: прорезные дуги, круги, ромбы, точки и т.д. Наиболее часто встречается так называемая нервюра (заостренное или скругленное ребро, выступающее над основной поверхностью предмета). Она могла окаймлять изделие или проходить по его центру. С помощью

---

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

такого элемента площадь украшения делилась на две или три части. Нервюры фиксируются на бляхах, наконечниках, распределителях ремнях и тренчиках. Такие декоративные изделия были отнесены нами к «тюркской» традиции (Горбунова Т.Г., 2002а, с. 92; 2002б, с. 40–42). Кроме того, к ней относится наиболее распространенная в рассматриваемое время конструкция суголовий. Она предполагала наличие налобного, наносного, нащечных, затылочного, подбородочного и иногда подгубного ремней. В эпоху Великого Тюркского каганата ременные конструкции узды были более разнообразными (Горбунова Т.Г., 2002а, с. 98, рис. 3). Нагрудники указанной культурной традиции были образованы основным (нагрудным) ремнем и срединным, который проходил под брюхом лошади и соединялся с подпругой. Накрупники включали подхвостный и перекидной накрупный ремень.

В научной литературе по археологии уже неоднократно упоминалось об особой традиции в изготовлении и оформлении предметов материальной культуры тюрков, а также о своеобразной «моде» на их использование (Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С., 2000, с. 7; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 81; Овчинникова Б.Б., 2000, с. 8–9). На наш взгляд, значение этой культурной традиции наиболее точно обозначила Б.Б. Овчинникова. По ее мнению, культура тюрков характеризуется «распространением общих черт» на довольно широкие пространства, а также «сохранением и передачей традиций в родственной среде на одной территории от одного этапа развития их культуры к другому...» (Овчинникова Б.Б., 2000, с. 8).

Данное положение наиболее ярко демонстрируется на примере украшений амуниции верховых коней. Основные категории таких изделий, окончательно сформировавшись в период существования II Восточно-тюркского каганата, продолжали использоваться тюрками и после падения государства вплоть до XI в. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105, рис. 41; с. 112, рис. 60–61; Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И., 2002, с. 120, рис. 1.-2–11 и др.). Таким образом, «тюркская» традиция представляла собой коммуникативно-трансляционный способ взаимодействия людей различных поколений в рамках данной культуры. Не менее эффективно она выполняла функцию передачи своих стандартов соседним культурам и территориям.

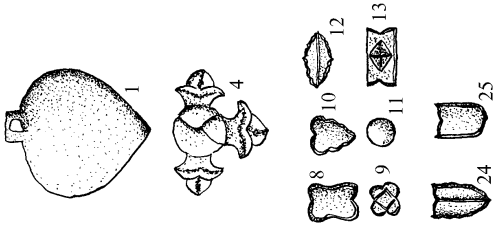
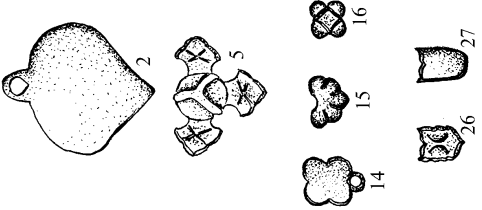
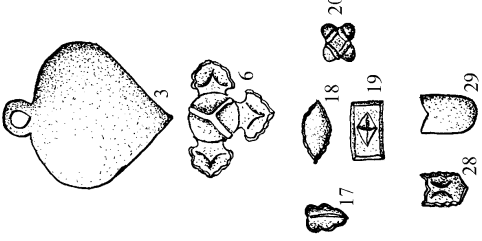
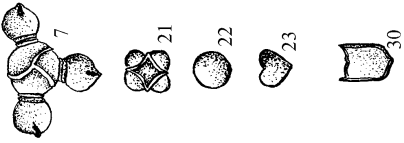
ТЮРКСКАЯ КУЛЬТУРА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ, ТУВА, МОНГОЛИЯ)	СРОСТКИНСКАЯ КУЛЬТУРА (АЛТАЙСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)	САРАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА (КУЗНЕЦКАЯ КОТЛОВИНА)	КУЛЬТУРА КЫПЧАКОВ (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)
А	Б	В	Г

Таблица 1. Украшения конского снаряжения тюркской культурной традиции

Изделия, выполненные в тюркском стиле, появляются в мужских погребениях по обряду ингумации в сопровождении верхового коня, относящихся к сросткинской культуре Алтайской лесостепи (табл. 1.-Б), в могилах с кремацией саратовской культуры Кузнецкой котловины (табл. 1.-В), а также в погребальных комплексах по обряду ингумации человека со «шкурой» коня, связываемых с культурой кыпчаков Барабинской лесостепи (табл. 1.-Г).

Появление тюркского предметного комплекса на новых территориях могло быть вызвано как частичными миграциями тюрок в другие регионы (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178), так и культурным влиянием на население этих регионов. Применительно к конкретным категориям украшений конского снаряжения нужно отметить следующие моменты. Гладкие сердцевидные налобные бляхи с петлей для подвешивания к ремню фиксируются как в собственно тюркских памятниках (Евтюхова Л.А., 1957, с. 209, рис. 5.-2) (табл. 1.-1), так и в материалах сросткинской (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 110, рис. 23.-2, 3) (табл. 1.-2) и саратовской культур (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 101, рис. 35.-17, с. 108, рис. 42.-13; Васютин А.С., 1996, с. 45, рис. 1.-10) (табл. 1.-3). Распределители ремней с «перехватами» и трехдольным делением центральной части с помощью нервюр также известны не только в памятниках тюркской культуры (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 112, рис. 60–61; Савинов Д.Г., 1982, с. 114, рис. 13.-4; Древние курганы Алтая, 1998, рис. 132; Кубарев Г.В., 2002, с. 91, рис. 3.-1) (табл. 1.-4). Во 2-й пол. VIII в. – IX в. такие декоративные изделия появились в комплексах сросткинской (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, с. 160, рис. 2.-5; Григоров Е.В., 1998, с. 154, рис. 1.-2–4) (табл. 1.-5) и саратовской (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 100, рис. 34.-17, с. 117, рис. 51.-33; Илюшин А.М., 1997, с. 103, рис. 17.-20, с. 107, рис. 21.-19, с. 115, рис. 29.-27, с. 116, рис. 30.-14-20) (табл. 1.-6) культур, а также в кыпчакских памятниках Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 26, рис. 15.-11) (табл. 1.-7). Не менее показательными являются и короткие наконечники ремней овально-прямоугольной формы: гладкие, либо оформленные нервюрой или прорезными дугами. Такие украшения происходят из собственно тюркских погребений (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 105,

рис. 41, с. 106, рис. 45; Савинов Д.Г., 1982, с. 114, рис. 13.-1-2; Древние курганы Алтая, 1998, рис. 132; Кубарев Г.В., 2002, с. 91, рис. 3.-6-12; Евтюхова Л.А., 1957, с. 209, рис. 5.-6) (табл. 1.-24, 25), а также из комплексов Алтайской лесостепи (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, с. 160, рис. 2.-3, 4) (табл. 1.-26, 27) и Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 109, рис. 43.-21; Илюшин А.М., 1997, с. 104, рис. 18.-26, с. 116, рис. 30.-25, 26, 28-32) (табл. 1.-28, 29), в материалах Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 29, рис. 16.-14) (табл. 1.-30).

Наконец, распространение «тюркской» традиции демонстрируется и на примере блях-накладок: четырехлепестковых (гладких и с нервюрами), сердцевидных с уступчатыми бортиками, гладких полусферических, прямоугольных с ромбической выпуклиной, подовальных с горизонтальной нервюрой в центре и лепестковым оформлением краев предмета. Они появляются и формируются в материальном комплексе тюркской культуры (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 99, рис. 25, с. 105, рис. 41, с. 115, рис. 68; Евтюхова Л.А., 1957, с. 209, рис. 5.-4, 5; Гаврилова А.А., 1965, табл. XIV.-8; Грач А.Д., 1966, с. 98, рис. 20; Савинов Д.Г., 1982, с. 114, рис. 13.-3-5; Древние курганы Алтая, 1998, рис. 132; Кубарев Г.В., 2002, с. 91, рис. 3.-1) (табл. 1.-8-13).

Начиная с середины VIII в. такие накладки появляются в материальном комплексе сросткинской (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, с. 160, рис. 2.-6, 7) (табл. 1.-14-16) и саратовской культур (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 99, рис. 33.-1, с. 101, рис. 35.-19-21, 32-34, с. 117, рис. 51.-17-19; Илюшин А.М., 1997, с. 111, рис. 25.-14, 15, с. 115, рис. 29.-27) (табл. 1.-17-20), а также в материалах кыпчаков Барабы (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 26, рис. 15.-14, 15) (табл. 1.-21-23).

Кроме всего прочего, из археологических комплексов выше-названных территорий происходят целые наборы украшений конской амуниции, реконструкция которых продемонстрировала их соответствие с уздечными комплектами тюркской культуры. Приведем такой пример. Уздечный набор из тюркского памятника Узунтал-VI в Горном Алтае (Савинов Д.Г., 1982, с. 114, рис. 13) имеет очень близкие аналоги в материалах сросткинского комплек-

са Иня-1 в Алтайской лесостепи (Панюков В.И., 1990, с. 46–47), кургана-кладбища Сапогово-2 в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1997; с. 116, рис. 30.-9–62) и кыпчакского могильника Чулым-2 в Барабе (Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 26, рис. 15.-14, 15). По материалам Узунтала-VI, Ини-1, Сапогово-2 и Чулыма-2 реконструируются еще и идентичные нагрудники с тюркским набором украшений.

В данных случаях на перекрестье ремней располагался распределитель, от каждой лопасти которого симметрично отходили накладки и короткие наконечники. Наконец, данные могильников Иня-1 и Чулым-2 позволяют воссоздать аналогичные нагрудники. На перекрестье подхвостного и крупного ремней данной конструкции располагались распределители, а на подхвостном – еще и накладки.

«Тюркская» культурная традиция сыграла заметную роль в дальнейшей эволюции украшений конской амунии рассматриваемых культур юга Западной Сибири. В рамках сроткинской культуры Алтайской лесостепи и культуры кыпчаков Барабинской лесостепи на основе тюркских изделий сформировались новые формы украшений, а конструкция оголовья дополнилась новыми декоративными элементами. В сроткинских комплексах под влиянием тюрков появляются и такие украшения, как наносные султанчики (Шиготарова Т.Г., 2000, с. 100–102). Наследие же «тюркской традиции» обнаруживается вплоть до начала XI в. и выражается в применении носителями сроткинской культуры и кыпчаками геометрических элементов при декорировании украшений конского снаряжения (Горбунов В.В., Ситников С.М., 2001, с. 11, рис. 2.-5–8, с. 12, рис. 3.-1–5; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др., 1988, с. 70, рис. 30.-7). Таковыми прежде всего были нервюры, являющиеся отличительной особенностью собственно тюркских изделий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование украшений конского снаряжения «тюркской» традиции являлось своеобразным эпохальным явлением и сыграло большую роль в формировании материальных комплексов различных раннесредневековых культур на юге Западной Сибири. Отдельные проявления данной традиции оказались довольно устойчивыми и бытовали вплоть до конца эпохи раннего средневековья.

С.П. Грушин
Алтайский государственный университет
**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ
В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ
(по материалам керамических комплексов)***

В результате исследований последних лет памятников эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья удалось выявить этнокультурные параметры такого явления в древней истории региона, как елунинская археологическая культура (Грушин С.П., 2002). Сравнительный анализ погребального обряда, вещевого и керамического комплексов позволил продемонстрировать возможный вариант соотношения елунинской и кротовской культур (Грушин С.П., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001).

Несмотря на это, до настоящего времени остается не решенным вопрос о культурной принадлежности большого массива памятников, содержащих отличную от елунинской керамику. Проблема осложняется тем обстоятельством, что многие из археологических объектов представлены сборами подъемного материала, раскопки на которых не производились или осуществлялись лишь в небольшом объеме. Такая ситуация значительно сужает интерпретационные возможности имеющегося материала.

Исследованные в последние годы, хорошо стратифицированные и единокультурные елунинские комплексы, как погребальные, так и поселенческие, позволяют отделить памятники Верхнего Приобья с керамикой иной культурной традицией. Реализация данной задачи должна стать первым шагом в решении проблемы культурной интерпретации памятников эпохи ранней бронзы на территории Верхнего Приобья.

Ю.Ф. Кирюшин включил в елунинский керамический комплекс три группы посуды. Сосуды первой украшены узорами из оттисков отступающей или шагающей гребенки, реже – зубчатой или гладкой качалки, образующими ленты, зигзаги, треугольники, прямоугольники, ромбы. В орнаментации второй группы характерна комбинированная техника нанесения орнамента, где большую долю составляет печатная гребенка, которая становится основной в третьей группе (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 17; Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 48–51).

---

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №ИО539) и Минобразования РФ (проект №Г02-1.2-509).

Сразу после выделения елунинской культуры было замечено, что погребальная и поселенческая посуда данной культуры значительно отличаются друг от друга. Фактическое различие сводилось к отсутствию в погребальном елунинском керамическом комплексе посуды второго и третьего типов, выделенных Ю.Ф. Кирюшиным. Такое различие могло объясняться наличием традиции, закрепленной консервативным погребальным обрядом, помещать в могилу вместе с телом умершего человека посуду определенного типа. В то время как «бытовая», обнаруживаемая на поселениях, могла иметь гораздо большее разнообразие. Отметим, что такая поселенческая посуда происходила преимущественно с комплекса памятников на оз. Иткуль, расположенного на правом берегу Оби, а погребальная – из могильников Елунино-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II, расположенных на левом берегу Оби.

Анализ керамического комплекса с поселения елунинской культуры Березовая Лука, который рассматривается нами как базовый памятник елунинской культуры, показал большую степень сходства с погребальной посудой могильников Елунино-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II, Телеутский Взвоз-I, чем с керамическими комплексами поселений на оз. Иткуль (Грушин С.П., 2002). Различия так же, как и в случае с погребальной керамикой, определяются отсутствием в керамике Березовой Луки посуды второго и третьего типов, выделенных Ю.Ф. Кирюшиным. Наличие елунинских могильников и поселения только с посудой первого типа, ставит под сомнение тезис о ее единокультурности с керамикой второго и третьего типов.

Исследования свидетельствуют также о том, что керамика, украшенная «отступающей гребенкой», считавшейся преобладающей в материалах елунинской культуры, составляет лишь небольшой процент, а в большинстве комплексов вообще отсутствует. Вероятно, исследователи такую технику декорирования путали с трудно диагностируемой техникой «шагающей гребенки с протаскиванием», которой украшена большая часть посуды елунинской культуры.

Таким образом, в елунинский керамический комплекс, на наш взгляд, входит посуда только первого типа, по классификации Ю.Ф. Кирюшина, однако не ограничивается им. Если основываться на анализе керамики с поселения Березовая Лука, могильников Елунино-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II, Телеутский Взвоз-I и некоторых других, то характеристика елунинского керамического

комплекса будет определяться устойчивым набором способов и приемов орнаментации посуды, куда входят «шагающая гребенка», «отступающая палочка», «гребенчатая качалка», «гладкая качалка», «прочерченная палочка». Другие приемы орнаментации на елунинской керамике встречаются гораздо реже.

Основными орудиями нанесения орнамента у елунинских мастеров выступали с различными вариациями – «гребенка» и «палочка», особенности морфологии которых определяли приемы нанесения орнамента – «шагающая гребенка», «гребенчатая качалка» и, соответственно, «отступающая палочка», «прочерченная палочка». Данные группы приемов и способов орнаментации характеризуют, по нашему мнению, две орнаментальные традиции в елунинском керамическом комплексе. По способу движения орнамента по поверхности сосуда традиции можно обозначить как «шагающая» и «отступающе-прочерченная» (Грушин С.П., 2003, с. 58).

О том, что керамика, украшенная «палочкой» и «гребенкой», характеризует разные орнаментальные традиции, говорят следующие наблюдения. Во-первых, способы нанесения основного орнамента «палочкой» и «гребенкой», за редким исключением, не встречаются на одном сосуде. Во-вторых, насколько можно судить по археологически целым сосудам, традиция украшать посуду в технике «отступающей палочки» присутствуют на сосудах, преобладающим композиционным построением орнамента на которых являются сплошные горизонтальные линии по всему тулову, без деления на зоны.

Важно отметить, что подобные приемы орнаментации характерны и для памятников Среднего Прииртышья эпохи ранней бронзы. Вопрос о соотношении так называемого логиновского типа керамики, для которого характерна техника «отступающей палочки» и кротовского – посуда, украшенная «шагающей гребенкой» (Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970), до настоящего времени не решен. Некоторые исследователи склоняются к отнесению посуды обоих типов к одной культуре (Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989, с. 108), другие считают ее разнокультурной (Стефанова Н.К., 1986, с. 42).

В этой связи важно отметить, что «отступающе-накопчатая» керамика, пусть даже и в малых количествах, но все же присутствует в большинстве керамических комплексах Барабы и Верхнего Приобья, в которых отмечена посуда, орнаментированная «шагающей гребенкой». Это правомерно не только для поселенческих комплексов, но,

что очень важно, и для погребальных. Материалы елунинской культуры свидетельствуют о культурной идентичности керамики, орнаментированной «отступающей палочкой», и посуды с отпечатками «шагающей гребенки».

Полностью данный тезис подтверждается материалами памятника Телеутский Взвоз-I. Об этом свидетельствуют как планиграфия, погребальный обряд, так и вещевой материал, обнаруженный в захоронениях с керамикой обоих типов. Более того, на одном из сосудов зафиксировано сочетание горизонтальных рядов, выполненных «отступающей палочкой» и «шагающей гребенкой», т.е. присутствие двух традиций на одном сосуде (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, рис. 48). Керамические материалы с однослойного поселения Березовая Лука также подтверждают данное наблюдение.

В посуде елунинской культуры, таким образом, выделяются две орнаментальные традиции, которые, вероятнее всего, отражают разные компоненты, принявшие участие в формировании елунинской манеры декорирования. При характеристике елунинского керамического комплекса следует учитывать, что такие приемы орнаментации, как «насечки», «гребенчатый штамп», «пальцевые вдавления», «ложный текстиль», «жемчужник», «отступающая гребенка» и другие, не характерны для него. Небольшой процент некоторых из вышеперечисленных способов декорирования на елунинской посуде может объясняться культурными контактами, с одной стороны, и, с другой, – использованием некоторых из них для украшения только определенной зоны сосуда. Например, пальцевые вдавления отмечены только на срезе венчика.

На востоке граница распространения «чистых» памятников елунинской культуры определяется достаточно узкой полосой – не более 50 км вдоль правого берега Оби. Такое наблюдение, вероятно, отражает реальное распространение елунинских комплексов, даже с учетом неравномерного исследования правобережья, по сравнению с левобережьем Оби. Данная территория, по нашему мнению, была контактной зоной с инокультурным населением. Об этом говорят материалы с поселенческих комплексов на оз. Иткуль – Костенкова Избушка, Коровья Пристань-I, II, III, поселений Комарово-I, Боровое-III, Аэродромное, Енисейское, Малоугреневое, Усть-Кажа и др., в которых присутствуют смешанные керамические материалы. Кроме традиционной елунинской посуды, там встречена керамика, укра-

шенная гребенчатым штампом, насечками, пальцевыми вдавлениями и некоторыми другими элементами, часть из которых можно трактовать как крохалевские (Абдулганеев М.Т., 1985, с. 119).

Особенность указанных памятников подтверждается не только орнаментацией посуды, но и направлением хозяйства, которое вело население, оставившее их. По результатам остеологического анализа, проведенного на материалах поселения Костенкова Избушка, основным занятием населения данной стоянки являлось рыболовство и охота. Кости домашних животных встречены в незначительном количестве (Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б., 1980, табл. 1, 2). Анализ костей животных с поселения Березовая Лука показал, что его жители занимались преимущественно разведением домашнего скота (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1998, с. 75; Тишкин А.А., 2002, с. 184). Вероятно, что отдельные группы елунинского населения проникали на правобережье Оби по рекам, например по Чумышу, в устье и в среднем течении которого фиксируются елунинские материалы, вступая в контакты с местными группами охотников и рыболовов. Сходные процессы характеризуют и вышеназванные памятники Бийского Приобья.

Большая часть памятников елунинской культуры расположена на территории Приобского плато. По характеру рельефа оно представляет собой плоскую слабоволнистую равнину, разрезанную на отдельные увалы ложбинами древнего стока (Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С., Бобров Э.А., Михайлов В.Е., Арефьев В.С., Швецов А.Я., 1988, с. 16). На левом берегу Оби распространены луговые степи в сочетании с мелколиственными березовыми и осиновыми колками. Здесь преобладают открытые степные участки, прорезанные ленточными сосновыми борами, которые тянутся с юга-запада на северо-восток. Территория с такими географическими характеристиками более пригодна для скотоводческого хозяйственно-культурного типа, что и демонстрируют материалы елунинских памятников.

К востоку от Оби открывается широкая пойма, изрезанная протоками, со старицами, озерами, заболоченными низинами, гривами и буграми эолового происхождения (Бобров С.В., Пурдик Л.Н., 1997, с. 13). Данная территория в большей степени покрыта лесом и предоставляет большие возможности для занятия рыболовством и охотой. Таким образом, население левобережья (елунинская культура) и правобережья (памятники оз. Иткуль, Боровое-III, Малоугреневое, Аэродромное и др.) занимали разные экологические ниши.

Граница распространения елунинской культуры маркируется, вероятно, памятниками крохалевского типа – Усть-Алеус-VII, Крохалевка-IV на севере (Полосьмак Н.В., 1978) и близкими к ним, но несколько отличными комплексами типа Новенькое-VI (Абдулганев М.Т., 1985, с. 125) с яркими керамическими комплексами, резко отличающимися от елунинских.

Картографирование памятников с елунинской и близкой к крохалевской посудой показало, что первые концентрируются в основном в Приобье от Новосибирского водохранилища до северных предгорий Алтая. Преимущественно эти памятники представлены погребальными комплексами, и за редким исключением, однослойными поселениями. Крохалевские материалы в большинстве случаев сопровождаются елунинской керамикой. Такие памятники «окаймляют» основную территорию распространения елунинских комплексов, очерчивая границу распространения данной культуры. Расположение «несмешанных» елунинских памятников, преимущественно на левобережье Оби и Приобском плато, подчеркивает скотоводческую направленность хозяйства елунинского населения, что определило их расселение в степном регионе.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Орнаментацию посуды елунинской культуры составляют две традиции: «отступающе-накольчатая» («отступающая палочка» и «проташенная палочка») и «шагающая» («шагающая гребенка» и «гребенчатая качалка»). Такие приемы орнаментации, как «насечки», «гребенчатый штамп», «пальцевые вдавления», «ложный текстиль», «жемчужник» и некоторые другие, не характерны для елунинского керамического комплекса. Памятники только с елунинской керамикой концентрируются в степной зоне Приобского плато, что подчеркивает скотоводческую направленность хозяйства, населения, оставившего данные объекты. Археологические материалы правобережья Оби демонстрируют более разнообразные керамические комплексы, где кроме елунинской встречены крохалевская керамика, сосуды, украшенные «гребенчатым штампом», «ногтевыми» отпечатками, «насечками», «жемчужником», более разнообразным композиционным построением орнамента (рис. 1).

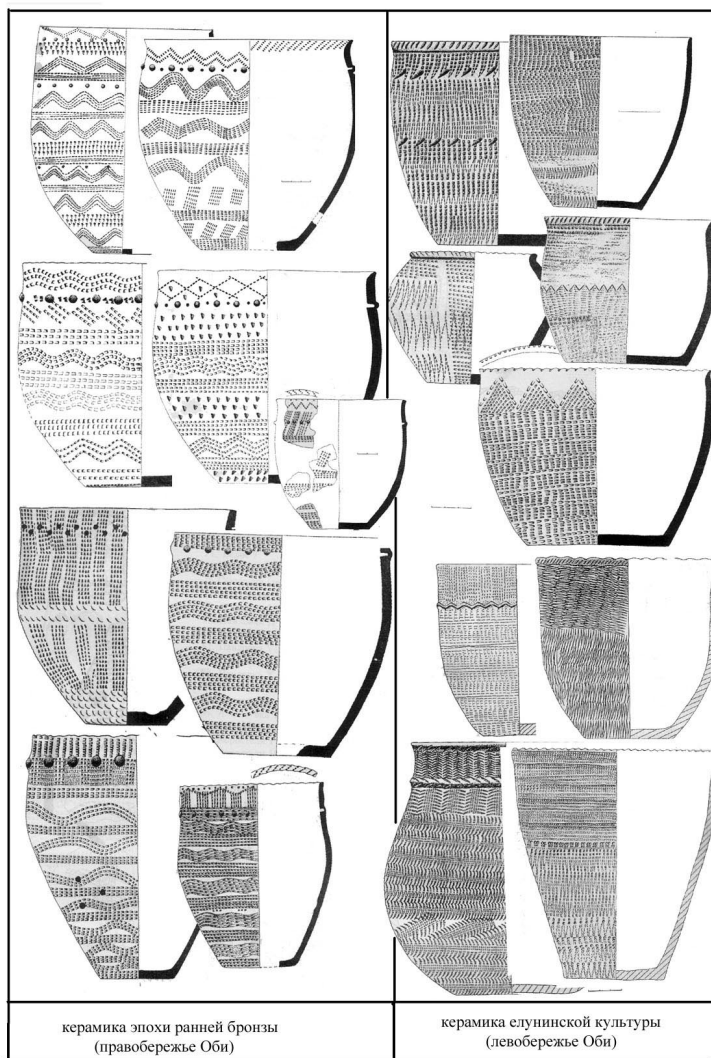

Рис. 1. Сравнительная таблица керамики эпохи ранней бронзы
право- и левобережья Оби

Данная территория, вероятно, была контактной зоной елунинского населения с местными племенами, которые занимали

другую ландшафтно-экологическую нишу, более благоприятную для занятия охотой и рыболовством. Открытое М.Т. Абдулганеевым в 2000 г. на могильнике Тузовские Бугры-I (правобережье Оби) захоронение с керамикой, близкой крохалевской (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., 2002), позволяет говорить и о различиях в погребальном обряде. Погребение совершено на спине в вытянутом положении. Для елунинских могильников характерны захоронения на левом боку с согнутыми в коленях ногами (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, с. 67).

Таким образом, Обь выступала естественной границей ландшафтно-экологических зон, население которых в эпоху ранней бронзы, являлось носителем разных культурных традиций в орнаментации посуды, а также, вероятно, в изготовлении орудий труда и погребальном обряде. Археологические данные свидетельствуют и о разных хозяйственно-культурных типах, получивших распространение по обе стороны от реки.

П.К. Дашковский
Алтайский государственный университет
О ВОЕННОЙ СТРУКТУРЕ
«ПАЗЫРЫКСКОГО ОБЩЕСТВА»*

Особое место военного дела в кочевых обществах древности и средневековья признается практически всеми учеными (Худяков Ю.С., 1997, с. 9–11; Крадин Н.Н., 1994, с. 34; Гумилев Л.Н., 1993; Хара-Даван Э., 1992, с. 86–117; и др.). Теоретически, а часто и практически, участвовать в военных действиях могла подавляющая часть мужчин-номадов, поскольку для обеспечения минимального уровня хозяйственной стабильности требовалось не более 4–5% населения. К тому же, во время военных походов или набегов хозяйственная деятельность (например, по выпасу скота) могла полностью возлагаться на женщин и детей старшего возраста – подростков (Крадин Н.Н., 1991, с. 304). Войны, набеги, грабежи являлись одним, но не единственным способом адаптации номадов в социокультурном и физико-географическом пространстве. Предпосылками такой агрессивной экспансионистской деятельности

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты №02-06-80342; №03-06-80384; №03-06-06037).

скотоводов могли быть различные причины, например: ограниченная экстенсивная скотоводческая экономика, глобальные и локальные климатические стрессы, автаркичность земледельческих цивилизаций, националистические и политические амбиции кочевников и другие факторы (Крадин Н.Н., 1994, с. 4). Отсюда исходит ксенократическая природа степных империй, предполагающая милитаризованный образ жизни кочевников и в известной степени более воинственный характер пограничной политики кочевников со всеми вытекающими из этого последствиями (Крадин Н.Н., 1996, с. 68). В то же время не стоит особо преувеличивать «воинственность» скотоводов, для которых в большей степени характерно сложное переплетение насильственных и ненасильственных способов взаимодействия как с оседло-земледельческими народами, так и с другими кочевыми обществами (Крадин Н.Н., 1991, с. 304–305; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994; и др.).

Частые военные действия и развитие воинского искусства, безусловно, сказывались на развитии социальных отношений кочевников. Не являлось в данном случае исключением и «пазырыкское общество». Многогранность военной деятельности кочевников Горного Алтая безусловно требует отдельного всестороннего исследования и отчасти работа в этом направлении велась (Кочевев В.А., 1990; 1997; 1998; и др.). Поэтому в данном случае укажем только на общие тенденции в этом процессе. Прежде всего имеющиеся материалы по погребальному обряду свидетельствуют о достаточно высокой степени милитаризации социума «пазырыкцев». Это, во-первых, демонстрирует высокий процент (до 70%) наличия тех или иных видов оружия (преимущественно в форме их металлических или, гораздо реже, деревянных копий) среди мужских погребений. При этом у наиболее социально активной возрастной группы – возмужалых мужчин – данный показатель еще больше – 73% (Дашковский П.К., 2002).

Во-вторых, о значительной степени военной активности свидетельствует то, что из 7–8% всех кенотафов 5–6% мужские, при этом подавляющая часть их приходится на периоды важных исторических событий (походы Александра Македонского, Маодуня и др.) (Дашковский П.К., Грушин С.П., 1998). В-третьих, выделенные социально-типологические модели погребений (Дашковский П.К., 2002) показывают, что у «пазырыкцев» существовала определенная воинская иерархия, что нашло отражение и в элементах погребаль-

ного обряда (сложность и масштабность погребального сооружения, наличие или отсутствие сопроводительных захоронений лошадей, количество и состав предметов вооружения). Безусловно, высшая военная власть сосредоточивалась в руках «вождей» племен и союзов племен. Непосредственное управление воинскими «подразделениями» во время кампании осуществляла родовая (высшая) военная аристократия. Обычно в эти группы входили люди или даже целые рода, непосредственно связанные «по крови» и «по происхождению» родственными узами с «вождями», что хорошо фиксируется по письменным источникам у хунну, тюрков, кыргызов, уйгуров, монголов и у ряда других народов (Крадин Н.Н., 1996, с. 73–78; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 68–69; Владимирцов Б.Я, 1934, с. 71–78; и др.). При этом внутри аристократии также зачастую существовало определенное деление, преимущественно, в зависимости от степени родства с «вождем»-правителем.

Обязанности и возможности представителей первых двух социальных групп, вероятно, были наследственными, поэтому в количественном отношении состав аристократии был достаточно гомогенным, поскольку пополнялся преимущественно в результате естественного прироста. Правда, в ряде случаев не стоит исключать в некоторой степени расширения слоя аристократии за счет браков с «командующими» дружинными подразделениями, с представителями служилой знати (например, сотник), который проявил себя как искусный военачальник, административный деятель, дипломат и т.д. Следующее звено в военной организации составляла дружина и служилая знать, при этом последняя социальная группа в законченном виде начинает присутствовать только у номадов с гунно-сарматского времени.

Зафиксированные особенности пазырыкского погребального обряда (масштаб и конструкция погребальных сооружений, инвентарь, наличие сопроводительных конских захоронений) в ряде мужских погребений позволяют более объективно говорить о процессе сложения у скотоводов Горного Алтая в пазырыкское время особой группы воинов-профессионалов, которых можно считать привилегированным воинским подразделением, особо приближенным к «вождю». При этом, судя по материалам пазырыкской культуры, внутри дружины также существовало деление на отдельные подгруппы (ср.: например, в эпоху средневековья у монголов – десятник, сотник и т.д. (Хара-Даван Э., 1992, с. 87–98)). Так, у «пазы-

рыкцев» достаточно хорошо выделяются группы погребений мужчин-воинов с оружием в срубах (каменных ящиках), внутри которых установлены деревянные ложа, а также устроено сопроводительное захоронение лошадей (от 1 до 3 особей), в другом случае зафиксировано отсутствие такого показателя. Третью совокупность курганов составляют погребения в срубах (каменный ящик, рама) без дополнительных конструкций (ложе), но с сопроводительными захоронениями коней. При этом доля курганов первой и второй группы значительно меньше, что также свидетельствует об особом положении умерших, похороненных в указанных объектах. Возможно, погребенные на деревянном ложе в сруб (каменном ящике) в сопровождении лошадей являлись как раз военачальниками (хотя и не в строгом смысле этого слова) отдельных дружинных подразделений или всей дружины (ср.: у хунну и у других народов «высшая» и «низшая» дружины (Крадин Н.Н., 1996, с. 82)).

При этом дружинники, судя по всему, были преимущественно конными воинами, о чем и свидетельствует наличие сопроводительных захоронений лошадей. Отсутствие в единичных случаях последнего элемента погребального обряда в мужских воинских погребениях с внутримогильной конструкцией в виде ложа и сруба (каменного ящика), можно объяснить отчасти, например, внезапным ухудшением материального положения погребенного человека (например, джут, военные набеги врагов и т.д.).

Надо отметить, что дружины существовали во многих социумах Евразии древности и средневековья: у скифов, хунну, саглынцев, тюрков, уйгуров, хазар, монголов и многих других (Хазанов А.М., 1975, с. 185–187; Грач А.Д., 1980, с. 46–48; Владимирцов Б.Я., 1934, с. 87–96; Худяков Ю.С., 1986, с. 178; Плетнева С.А., 1981; и др.). Сходные тенденции выявлены не только у скотоводческих обществ, но и у народов с комплексным хозяйством, например, у «тагарцев» (Кулемзин А.М., 1980, с. 166). Важно отметить, что формирование дружины, как правило, происходило вне традиционных кланово-племенных отношений, а на основе личных связей между воинами и предводителями. При этом в состав дружины могли входить, как представители элиты, так и более низших социальных групп, включая отдельных выходцев из низов общества (Крадин Н.Н., 1996, с. 81–82; Владимирцов Б.Я., 1934, с. 88–91; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 68–73).

Наконец, низшее звено в военной иерархии занимали все остальные соплеменники, для которых также характерна отдельная социально-типологическая модель погребения (Дашковский П.К., 2002). Интересно привести для сопоставления сведения Сыма Цяня о простых рядовых кочевниках хунну: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными ратниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» (цит. по: Крадин Н.Н., 1996, с. 86).

Аналогичные данные приводит Н.Я. Бичурин (1998, с. 58–59): «...хунны, ...обыкновенно... в свободное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся». Таким образом, «пазырыкцы», вероятно, как хунны и многие другие кочевые скотоводческие народы, в мирное время занимались хозяйством, а во время военных кампаний вливались в общеплеменное войско (или войско союза племен и т.п.). Надо отметить, что среди данной группы у номадов Горного Алтая, возможно, также были отдельные представители, для которых война становилась одним из основных средств деятельности. Об этом, например, свидетельствует захоронение воина-профессионала в каменном ящике в кургане №5 могильника Уландрык-I с полным комплектом вооружения, включая щит, на который был уложен умерший (Кубарев В.Д., 1987, с. 212).

Таким образом, имеющиеся материалы свидетельствуют о достаточно высокой степени милитаризации пазырыкского общества. Фактически все мужское население в той или иной степени могло быть вовлечено в этот процесс. Между тем явно наметилась тенденция к формированию определенной группы воинов-профессионалов, составляющих дружину (служилую рать) вождя. Однако степень сложения дружинного войска не стоит преувеличивать. Доля погребений дружинников составляет примерно около 30% от всей совокупности мужских захоронений. Это свидетельствует о незавершенности начатого процесса.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет

**ЭКОНОМИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АБОРИГЕНОВ
КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ**

В последние годы полевые и кабинетные исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции сконцентрированы на выявлении и фиксации этнографо-археологических комплексов эпохи средневековья на территории Кузнецкой котловины. По результатам этой работы можно утверждать, что коренным аборигенным этносом этого региона Саяно-Алтая на всем протяжении эпохи средневековья являлся этнос, погребавший своих родственников по обряду кремации на стороне. По комплексу изученных источников этот средневековый этнос входил в различные раннегосударственные образования на территориях Центральной и Северной Азии, имел сложную пирамидообразную социальную структуру. Генетически этот этнос связан с современными шорцами, а отдельные этнические группы вошли в этносоциальную структуру современных бачатких телеутов.

Известно, что у тюркского населения южной и средней полосы Западной Сибири в XVI–XIX вв. был комплексный характер хозяйства, в котором присутствуют интегрированные черты разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Последнее предполагает различные вариации сочетания таких традиционных видов хозяйства, как охота, рыболовство, собирательство и земледелие, что определяло культурный облик разных групп населения этого региона (Томилов Н.А., 1993, с. 54–108). Эта же ситуация имела место и у средневековых аборигенов Кузнецкой котловины. Основу экономики, гарантирующей существование средневекового населения Кузнецкой котловины, составлял комплекс присваивающего и производящего хозяйствования, а также различные виды ремесел и домашнего производства. В отдельные периоды истории весомую роль выполняло военное дело, которое позволяло не только охранять экономические устои общества, но и приносило ему весомый дополнительный доход в виде добычи.

К числу присваивающих форм хозяйствования относятся охота, рыболовство и собирательство. Эти отрасли традиционно составляли весомый сектор в экономике коренного населения Кузнецкой котловины. Своими корнями они уходят в глубокую древность. В

эпоху средневековья население имело знания, опыт и средства, позволяющие получать стабильные прогнозируемые результаты в присваивающих формах хозяйствования. Последнее обстоятельство значительно повышало роль этих занятий в средневековой экономике и позволяло регламентировать баланс взаимоотношений социума с окружающей его природой. Письменные источники кратко упоминают об этих формах занятий, которые играли большую роль в экономике средневекового населения. Говоря о «бома», «Тунь дзянь» повествует, что: «Любят рыбную ловлю и охоту. Мясо добытых рыб, оленей, выдр, соболей и других животных съедают, а шкуры используют для одежды» (Малявкин А.Г., 1989, с. 104–105).

Охота у всех этнических компонентов, населявших территорию Кузнецкой котловины в эпоху средневековья, относилась к категории ключевых отраслей экономики. Объектами охоты являлись практически все промысловые животные и птица степной, лесостепной и таежной растительных зон этого региона. Эта отрасль экономики удовлетворяла потребности населения в мясе, шкурах, костяных заготовках, а также служила средством воспитания боевых навыков у подростков. Преимущество охоты по отношению к другим отраслям производства заключалось в том, что это занятие могло кормить на протяжении всего календарного года. Сезонность в этой отрасли определяла лишь способы ведения охоты и категорию добычи, на которую велся промысел.

О видах животных, добываемых охотничьим промыслом, можно судить по костным останкам, фиксируемым при раскопках разнообразных археологических объектов. Одним из наиболее ярких фактов в этом отношении является находка останков 45 особей лис, которые были зафиксированы в могиле 4 кургана №15 на могильнике Сапогово (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992), расположенного в устье р. Касьмы. На многих поселениях, погребальных и ритуальных памятниках были зафиксированы кости марала, лося, дикой лошади, соболя, выдры, зайца, бобра, волка, медведя, суслика и др. Археологические находки и костные останки животных позволяют констатировать, что у средневекового населения Кузнецкой котловины были развиты два направления охоты – мясное и пушное.

Значительная густота речной системы обуславливает значительное богатство рыбных ресурсов Кузнецкой котловины, что издревле способствовало развитию рыбного промысла. Промысловое

сезонное и любительское круглогодичное рыболовство на территории Кузнецкой котловины в эпоху средневековья выполняло вспомогательную роль. Не исключено, что в отдельных местах Кузнецкой котловины, а порой и в отдельные «тяжелые» годы, рыболовство могло выступать как самостоятельная и ведущая отрасль экономики у средневековых аборигенов. О том, что средневековое население занималось рыболовством, а в реке Томь в эпоху средневековья водились даже осетры больших размеров, повествовали даже китайские историографы (Бичурин Н.Я., 1950, с. 350). Особая роль рыболовства отражена и в шорском фольклоре, где известны персонажи богатырей, занимающихся рыбной ловлей (Вербицкий В.И., 1993 с. 130). Более того, за шорцами, жителями р. Томь, в тюркском эпическом творчестве закрепился образ рыбаков, которые на каждом месте рыбной ловли ставят котлы и занимаются поеданием улова (Потапов Л.П., 1936, с. 85). О наличии рыболовства свидетельствуют единичные археологические находки – керамические грузила, деревянные поплавки, железные наконечники острог и пешни, рыболовные крючки, а также кости и чешуя различных видов рыб.

Можно предполагать, что собирательство играло в хозяйстве вспомогательную, но весьма существенную роль. Это обусловлено природно-экологическими факторами Кузнецкой котловины, где даже в настоящее время известно большое разнообразие видов дикорастущих пищевых растений. На важность собирательства в экономике средневекового населения Саяно-Алтая, а также и в более позднее время у коренных народов этого региона указывают различные письменные источники. В числе наиболее часто упоминаемых из числа растений продуктов собирательства, используемых для торгово-обменных операций и питания, можно назвать корни кандыка и сараны (Бичурин Н.Я., 1950, с. 344; Потапов Л.П., 1936, с. 74–76). Вероятно, весомое место в сборе продуктов природы занимал кедровый орех, который заготавливался осенью и использовался для питания в течение всего года, вплоть до следующего урожая. В одном из средневековых захоронений на могильнике Торопово-1, где погребена женщина в возрасте 40–50 лет, были найдены кедровые орешки (Илюшин А.М., 1999, рис. 20). Кроме растительных продуктов, средневековые аборигены занимались сборами продуктов жизнедеятельности животного мира. Наверняка ранней весной они собирали яйца диких птиц – гусей, уток, глухарей, рябчиков и др. Эта традиция сохранилась у шорцев, которые

ели результаты этих сборов в вареном виде (Потапов Л.П., 1936, с. 81). Можно с уверенностью заявлять, что средневековые жители предтаежных зон Кузнецкой котловины занимались собиранием меда диких пчел (бортничество), так как это занятие известно у шорцев и северных алтайцев и своими корнями уходит в глубокую древность (Потапов Л.П., 1936, с. 90–93; Чиспияков Э.Ф., 1993).

Из этих китайских источников следует, что в экономике коренного средневекового населения Кузнецкой котловины были две отрасли производящего хозяйства – скотоводство и земледелие. В «Синь тай шу» повествуется: «Поля пахут с помощью лошадей, масть лошадей пегая (бо), поэтому и страна так называется (Боба). Хотя разводят лошадей, не ездят верхом, используют кумыс в качестве пищи» (Малявкин А.Г., 1989, с. 106), а «Тунь дян» дополняет: «...сеют хлеба (пять злаков – у гу), ...пользуются керамической посудой для варки пищи, а также блюдами и чашками из бересты» (Малявкин А.Г., 1989, с. 104–105). «Вэньсянь тункая» сообщает: «...Лошадей (имеют) 300 000 голов» (Кюннер Н.В., 1961, с. 52).

Скотоводство у средневекового населения Кузнецкой котловины было развито достаточно высоко и являлось по существу одной из важнейших отраслей хозяйства, направленной на удовлетворение потребностей в пище и транспорте. Археологические артефакты свидетельствуют, что из домашних животных особая роль принадлежала лошади, а коневодство было полифункционально – удовлетворяло потребности в мясной и кисломолочной пище, тягловом и транспортном скоте, поделочном материале и военном деле. При этом необходимо отметить, что коренные средневековые этносы занимались только отгонным коневодством.

Принято считать, что в эпоху средневековья население северной периферии Саяно-Алтая знало плужное земледелие и сеяло разнообразные злаковые культуры (Кызласов Л.Р., 1984, с. 104–105). Территория Кузнецкой котловины входит в этот ареал и о наличии земледелия, кроме письменных источников, свидетельствуют и археологические материалы. В их числе находки каменных зернотерок и железных тесел, которые по форме напоминают мотыги.

Кроме этих ведущих отраслей средневековой экономики имели место и такие домашние промыслы, как ткачество и прядение, обработка кости, дерева, кожи и гончарное дело. В настоящее время можно ставить вопрос о наличии ремесленного производства в такой отрасли, как черная и цветная металлообработка.

Комплексное, производящее и присваивающее хозяйство средневекового населения Кузнецкой котловины предопределило появление прибавочного продукта, который способствовал развитию обмена и торгово-хозяйственных отношений. Об этом свидетельствуют многочисленные находки привозных изделий и монет, сделанные при исследовании разнообразных средневековых археологических памятников.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что экономика средневековых аборигенов Кузнецкой котловины была многоотраслевой, достаточно устойчивой и адаптированной к различным видам агрессии, и входила составной частью в единое экономическое пространство Центральной и Северной Азии.

К.Ю. Кирюшин

Институт археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О РЫБОЛОВСТВЕ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА

Вопросы, связанные с хозяйством населения Горного Алтая и Средней Катуні в эпоху неолита–энеолита, затрагивали многие исследователи. В данной работе хотелось бы рассмотреть имеющиеся на сегодняшний день точки зрения по ведущим формам хозяйства, а также о значении рыболовства у неолитического населения и большемысской культуры эпохи энеолита на р. Катунь в ее среднем течении (от устья р. Самульты до устья р. Маймы).

В настоящий момент обозначились два подхода к вопросу о хозяйстве населения Средней Катуні в неолитическую эпоху. Один из них изложен Н.Ю. Кунгуровой. Проанализировав каменный инвентарь с поселений Майма-3, Тыткескень-2 (3, 4, 7 горизонты), Усть-Куном, Куном-брод, она приходит к выводу, что основной инвентарь этих памятников составляют узкие пластинчатые вкладыши. «Вкладыши охотничьего оружия колюще-метательного типа (кинжалов-копий, дротиков, стрел) занимают ведущее место в их составе» (Кунгурова Н.Ю., 1997 с. 4). Используя выполненные А.В. Гальченко определения остеологического материала, делается вывод, что в экономике населения Катуні охота была специализированной, с ориентацией на стадных животных (косуля, марал). Кроме того, Н.Ю. Кунгурова отмечает, что орудия рыболовства на этих поселениях малочисленны и «их, скорее всего, следует при-

числать к орудиям индивидуальных промыслов, не игравших основной роли в хозяйстве населения» (Кунгурова Н.Ю., 1997, с. 4).

В последнее время в ряде публикаций высказано предположение, что «в основу хозяйства неолитического-энеолитического населения Горного Алтая было положено рыболовство» (Шмидт А.В., 2001 с. 195). Наличие долговременных жилищ в позднем неолите, по мнению указанного автора, говорит о привязанности древнего человека в неолите к одному месту. Для этого необходимо ведение хозяйства, которое гарантировало бы успешное существование общества и получение постоянного достаточного продукта на протяжении всего года с одной локальной территории. Подобное возможно только при ведении хозяйства, в основу которого положены производящие формы экономики, либо рыболовство. (Шмидт А.В., 2001 с. 195–196). По мнению А.В. Шмидта, в пользу рыболовства как основы хозяйства неолитического населения Средней Катуни «говорит расположение поселений в устьевой зоне притоков Катуни, изобилующих рыбой», и наличие на памятниках этого времени относительно большого количества рыболовных стерженьков (Шмидт А.В., 2001 с. 195–196). «Именно рыболовство становится причиной процентного сокращения мелких пластин, значительная часть которых шла на производство вкладышей оружия колюще-метательного типа. Возросшая роль рыболовства отодвигает охоту на второй план» (Шмидт А.В., 2001 с. 195–196).

По нашему мнению, говорить о наличии на памятниках этого времени относительно большого количества рыболовных стерженьков никак нельзя. На поселении Тыткескень-6 в слое раннего неолита найдено 957 артефактов и один стерженец рыболовного крючка (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994 с. 112, 114). На поселении Тыткескень-2 один стерженец рыболовного крючка найден в материалах третьего культурного горизонта, который относится к большемысской культуре (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26). В материалах четвертого культурного горизонта найдено жальце от составного рыболовного крючка. В остальных слоях поселения Тыткескень-2 вообще больше не найдено ни одного фрагмента рыболовного крючка. При этом необходимо отметить, что вскрытая площадь поселения составляет больше тысячи квадратных метров, количество артефактов насчитывает больше 30000 единиц, а орудийный набор свыше 5500 единиц. Таким образом, находки рыболовных принадлежностей эпохи неолита-энеолита из поселенческих комплексов в устье р. Тыткескень представлены единичными предметами и не составляют представительных серий.

На памятнике Тыткескень-2 прослеживается следующая тенденция – увеличение количества наконечников стрел в позднем неолите–энеолите.

По нашему мнению, занятие рыболовством не могло привести к «деградации» призматической техники расщепления. Причины этого изменения в деятельности населения эпохи финального неолита–энеолита Средней Катуни следует искать в появлении изделий из металла в эпоху энеолита.

На определенные размышления о ведущих формах хозяйства наводит анализ остеологического материала (определения выполнены А.В. Гальченко и П.А. Косинцевым), полученного при раскопках поселения Тыткескень-2. В общей сложности проанализировано 2212 костных остатков. Среди них нет ни одной рыбьей кости. Во всех горизонтах большинство костных останков принадлежит копытным среднего размера (косуля, кабарга, сибирский горный козел). На Средней Катуни в материалах памятников неолита–энеолита кости рыб встречены только в погребении могильника Усть-Куям (украшения в виде бус из позвонков щуки), датируемых афанасьевской эпохой (Берс Е.М., 1974, с. 25).

Аргументом в пользу высокого значения рыболовства в хозяйстве населения финального неолита–энеолита Средней Катуни может являться инвентарь погребения в Нижнетыткескенской пещере-1. В погребении найдено 27 наконечников стрел, восемь каменных «утяжелителей» для составных рыболовных крючков, три костяных «жальца» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995 с. 30, 34), принадлежащих крючкам разных типов. Указанные находки на первый взгляд свидетельствуют о высокой доле рыболовства в хозяйстве населения эпохи финального неолита–энеолита Средней Катуни. Но прямолинейные выводы здесь вряд ли уместны. Данное погребение авторы относят к большемысской культуре, и считают его шаманским (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 50–53). Соответственно «речь идет о шаманском погребении со специфической атрибутикой, несколько нестандартной для обычного погребального инвентаря» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000 с. 54). Скорее всего, эти типы орудий сформировались за пределами Средней Катуни, а возможно, и за пределами Горного Алтая, и попали в данный комплекс в результате перемещения населения большемысской культуры из предгорий Алтая на Среднюю Катунь.

Анализ орудий рыболовства в Горном Алтае, изделий из костей рыб, изображений рыб, плавучих средств от древнейшей эпохи до этнографического времени, а также термины рыболовства, названия рыб и топонимика в алтайском языке даны в работе В.И. Соенова (2001 с. 16–32). Мы же остановимся на вопросе: могло ли рыболовство быть положено в основу хозяйства населения в эпоху неолита-энеолита на Средней Катунь?

Для исследования возможностей рыболовства, как основной отрасли хозяйства населения Средней Катунь в позднем неолите-энеолите, считаем необходимым привлечь данные из этнографии алтайцев. Л.П. Потапов (1953 с. 210) писал, что «рыболовство у южных алтайцев отсутствовало». У северных алтайцев он отмечал наличие таежного рыболовства (Потапов Л.П., 1953 с. 5–8).

Интересные сведения по хозяйству алтайцев приводятся в материалах ясачной комиссии, работавшей в Бийском округе в 1832 г. В.Н. Владимиров (1990, с. 153, 156), отмечает, что «приводимые ясачной комиссией цифры носят скорее приближенный, оценочный характер» и демонстрирует данные о количестве зверей и рыбы, добываемых алтайцами в год.

Дючины	Район кочевания (дан по Л.П. Потапову)	Кол-во зверей (шт.)		Добыча рыбы (пуд.)	
		от	до	от	до
1.	Правый берег Катунь, преимущественно в районе Маймы	5855	11730	50	100
2.	По р. Урсул и Кеньге	3755	7390	25	50
3.	По р. Чарыш, Кан, Белому и Черному Ануу	3640	6180	20	40
4.	По р. Кан и Чарыш	7580	14905	100	200
5.	По р. Кан и Кеньге	6730	13345	80	150
6.	По р. Кан, Чарыш и Кеньге	2125	4120	15	30
7.	По р. Катунь (левый берег), Урсул, Кеньге	3690	6175	30	50

В.Н. Владимиров (1990, с. 156) отмечает: «Естественно предположить, что приведенные цифры не являются точными. Сделано это было, видимо, со слов алтайцев, которые могли сознательно занижить данные об охоте, поскольку боялись ясачного обложения мехами в больших размерах». Также исследователь пи-

шет, что добывались преимущественно таймени и хариусы. Он отмечает, что ловлей рыбы алтайцы занимались мало. В.Н. Владимиров приводит данные из материалов комиссии о формах рыболовства: «...а добывают не иначе, как малыми крючками (удами), или руками, а некоторые даже бьют камнями» (ЦГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 630 и сл.) (Владимиров В.Н., 1990, с. 156).

Видимо, есть основания говорить о том, что в хозяйстве алтайского населения рыболовство не играло значительной роли и стояло по своему значению на последнем месте после скотоводства, охоты и собирательства. По В.И. Соенову (2001, с. 26), рыболовство (наряду с охотой) становится важным хозяйственным занятием только таежных районов Алтая, в остальных районах оно было лишь подсобной отраслью, хотя и достаточно развитой и технически оснащенной.

По С.И. Эверстову, «промысел рыбы зависел от природно-климатических условий. До сих пор мало кто обращает внимание на современные термодинамические исследования, которые дают ценную информацию по температурному режиму водоемов, интенсивности нарастания ледяного покрова и т.д., а обход этих данных может привести к ошибочным представлениям» (Эверстов С.И., 1988, с. 13). Исследователи фауны Алтая отмечают, что: «Температура воды оказывает существенное влияние на температуру тела рыб, а также на такое важное биологическое явление, как созревание икры. У ряда рыб температура воды вызывает спячку» (Кучин А.П., 2001, с. 8). Кроме того, холодная вода негативно влияет на развитие планктона, мелких и зеленых водорослей, которые являются пищей для рыб. Холодная вода и бурное течение (скорость 3–5 м/сек) Катунь на исследуемом участке являются неблагоприятными факторами для некоторых видов рыб. В Горном Алтае водятся 27 видов рыб и два вида миног (Кучин А.П., 2001, с. 8). Мы попробуем рассмотреть современное состояние биоресурсов Средней Катунь и попытаемся разобраться, какие породы рыб могли быть объектом промысла населения Средней Катунь в эпоху неолита-энеолита.

Большое влияние на современное положение ихтиофауны Оби оказало строительство створа Новосибирской ГЭС. На состоянии ихтиофауны Средней Катунь это отразилось гораздо меньше. Температура воды в Катунь в ее среднем течении ниже, чем в Верхнем Приобье и на Нижней Катунь. Из-за этого некоторые по-

роды рыб, обитающие в Оби и заходящие в Катунь на нерест, не поднимаются выше Сросток, Маймы и Усть-Семы, другие породы рыб из Оби поднимаются вверх по Бии и нерестятся в Телецком озере или Чулышмане (дальневосточная минога, сибирская минога, осетр, стерлядь, нельма, щука, сибирская плотва, сибирский пескарь, золотистый карась, сибирская шиповка, окунь, ерш). Некоторые рыбы Горного Алтая являются эндемиками Телецкого озера (телецкий сиг, сиг Правдина). Выше в верховьях Катунь и водоемах Юго-Восточного Алтая водится алтайский осман. Часть рыб, обитающих сейчас в водоемах Горного Алтая, была искусственно акклиматизирована в XIX–XX вв. (восточный лещ, линь, серебряный карась, сазан (каarp), судак). Гораздо шире распространены таймень, ленок или усуч, сибирский хариус, сибирский елец, голянь, сибирский голец, налим, пестроногий подкаменщик, сибирский подкаменщик, эти породы рыб обитают на Средней Катунь. Именно эти породы рыб могли быть объектом промысла населения Средней Катунь в эпоху неолита–энеолита. Голянь, сибирский голец, пестроногий подкаменщик, сибирский подкаменщик промыслового значения не имеют. Промысловое значение имеют только пять видов рыб: таймень, ленок или усуч, сибирский хариус, сибирский елец, налим. Активный промысел на эти виды рыб в основном осуществляется в низовьях Катунь или на Телецком озере с применением сетей или переметов и не круглый год, а в путину «весеннюю» или «осеннюю». По сравнению с районами Верхнего Приобья и Нижней Катунь экологическая обстановка р. Катунь в ее среднем течении не способствует занятию рыболовством.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что археологические материалы, остеологические определения и этнографические данные свидетельствуют о том, что рыболовство не могло являться основой хозяйства населения Средней Катунь в эпоху неолита – энеолита. Природные условия не способствовали этому. Рыболовство, несомненно, существовало, но только как подсобный промысел. Ближе к низовьям р. Катунь в районе от р. Маймы до р. Семы доля рыболовства в хозяйстве могла быть выше, на участке от р. Семы до р. Самульты – ниже. Основу хозяйства населения Средней Катунь эпохи неолита составляла охота на копытных животных (косуля, кабарга, сибирский горный козел, марал). Определение ведущих форм хозяйства у населения большемысской культуры требует отдельного более детального изучения.

Ю.Ф. Кирюшин
Алтайский государственный университет
**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЮЖНО-ТАЕЖНОГО
ОБЪ-ИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ***

Первые люди в районах болотистого Васюганья появляются еще в эпоху мезолита, о чем свидетельствует кусок обработанной под брусок древесины, найденный на границе культурного слоя и материнского суглинка на поселении Тух-Эмтор-IV. Радиоуглеродная дата дала возраст 8300 лет (СОАН-1476), который хорошо укладывается в рамки мезолита. Однако каких-либо материалов этой эпохи здесь пока не найдено.

Эпоха неолита представлена незначительным количеством памятников и немногочисленными материалами, найденными при исследовании поселений энеолита и бронзового века. В частности, неолитическая керамика встречена на поселении Малгет на озере Шапочное, Тух-Эмтор-IV и Тух-Сигат-IV и на оз. Тух-Эмтор в верховьях реки Васюган. На последнем даже удалось реконструировать несколько сосудов. Каких-либо достоверных следов хозяйственной деятельности для этих эпох обнаружено не было. С одной стороны это вызывает недоумение, так как соседние регионы в это время были достаточно плотно заселены. В частности, на восточных склонах Урала и в лесном Зауралье известны десятки памятников мезолита и неолита (Старков В.Ф., 1970; 1980), на берегах Андреевского озера вблизи Тюмени исследованы многочисленные неолитические памятники. Представляется, что в объяснении этого явления лежат экологические факторы. Видимо, районы Васюганья, являющиеся по сути дела центральной частью Западно-Сибирской низменности, были более полноводными, что оставляло лишь небольшое количество пригодных для проживания участков земли. И большинство проникновений носило временный сезонный характер. Многими исследователями неоднократно отмечалось, что в верховьях долины рек региона постепенно сливаются с водоразделанными болотами. В период весеннего половодья реки и озера сильно разливаются, образуя Васюганское «море». Пространства,

---

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №И0539) и Минобразования РФ (проект №Г02-1.2-509).

не занятые болотами и озерами, покрыты пихтово-еловыми лесами с примесью кедра (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 3).

Постепенно происходит подсыхание этой территории, четче обозначаются речные и озерные террасы, пригодные для заселения группами древних охотников и рыболовов. В IV–III тыс. до н.э. появляются многочисленные энеолитические поселения, свидетельствующие о большей плотности населения в это время. Можно, конечно, предположить, что произошел какой-то демографический взрыв, но не ясны причины, его вызвавшие. Природа бассейна р. Васюган, особенно в его верховьях, отличается некоторыми особенностями, выделяющими его из других районов Среднего Приобья. В климатическом отношении он характеризуется определенной мягкостью зим и более теплым летом. Ю.А. Львов, касаясь мягкого климата таежной зоны Западной Сибири, считал, что наличие болот является фактором, существенно преломляющим все стороны природной обстановки. По его мнению, они медленно прогреваются летом, поглощая большое количество тепла, и столь же медленно охлаждаются зимой, в связи с чем смягчаются как летние, так и зимние температуры (Львов Ю.А., 1979, с. 12). В животном мире здесь отмечены представители более теплолюбивой фауны, не свойственной таежной зоне. Природная обстановка была сходна с зауральской тайгой и Тобольским Прииртышьем (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 118). Все это делало районы южно-таежного Обь-Иртышья привлекательными для проживания и способствовало их заселению в эпоху энеолита и раннюю бронзу с запада и северо-запада, а в эпоху развитой бронзы – с юго-запада, о чем имеются достаточные свидетельства.

Многочисленные проточные озера, мелкие и крупные реки, богатые рыбой, способствовали тому, чтобы основой хозяйства стало рыболовство, о чем свидетельствуют грузила различных типов для сетей, каменные и керамические рыбки. Правда, совсем нет каменных стерженьков для рыболовных крючков, часто встречающихся на памятниках Верхнего Приобья (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 26.-14; 29.-4, 16; 34.-6, 7; 39.-30–33; 41.-1, 2). Костяных гарпунов также нет, но они могли просто не сохраниться, ибо, судя по керамическим и каменным рыбкам, такая форма рыболовства должна иметь место. Бесспорным для этих районов являлось сетевое рыболовство. О другой форме рыболовства позволяют сделать вывод летние и зимние формы поселений, расположенных в мес-

тах, удобных для летнего и зимнего рыболовства у запоров. О занятии рыболовством свидетельствуют находки костей и чешуйки рыб (окунь, карась) и высокое содержание фосфора в культурных слоях поселений. Анализ почвы поселения Тух-Эмтор-IV показал необычайно высокое содержание валового фосфора, превышающее обычное содержание его в почвах Васюганья в 5–10 раз (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 126). Высокое содержание фосфора, несомненно, обусловлено поступлением в почву рыбных отбросов. Летние поселения находятся на мелких речках, впадающих в озера. Весной в них заходят на нерест местные породы рыб (язь, подъяз, щука, окунь, елец, чебак и ерш). На многих из этих рек местные жители ханты ставят запоры и в течение лета ловят около них мордой рыбу, занимаясь параллельно с этим рыболовством на озере. Запоры на мелких речках ставила каждая отдельная семья. Зимой местом рыбалки до недавнего времени был запор на единственной вытекающей из озера речке Тух-Сигат, когда озеро начинало промерзать и рыба стремилась уйти в реку. Запор на этой довольно крупной реке ставило несколько семей, которые рыбачили около него зимой. В зимнее время перед запорами, скорее всего, устанавливали ловушки типа котцов, морд и верш, которые появляются в Западной Сибири в конце III – начале II тыс. до н.э. и сохраняются до сих пор. Летом к ним, видимо, добавлялись невод и сеть. Эти приемы рыболовства, зародившиеся в энеолите, сохраняют свое значение на протяжении почти всего бронзового века. Рыболовческий тип хозяйства в условиях южно-таежной зоны давал более надежный источник пропитания, чем охота, и способствовал оседлости населения. О высокой роли рыболовства свидетельствуют находки рыболовных стерженьков и обожженных костей рыб в погребениях Степановского могильника (Кирюшин Ю.Ф., 1978).

Биологами подсчитано, что в Васюганье на один гектар площади леса выход биомассы составляет всего 5–6 кг, что является нормой сохранения биологического равновесия в природе данного района. В то же время на один гектар водной поверхности пойменных озер и озер, соединенных протоками с крупными реками, выход рыболовной продукции составляет 50 кг, что является нормой естественного воспроизводства рыбных запасов. Выход же рыбопродукции в пойменных протоках составляет 40 кг на один гектар водной площади (Иоганзен Б.Г., Емельянов М.Н. и др., 1966, с. 251, табл. 6).

Подсобную роль играли охота и собирательство. О занятии охотой свидетельствуют немногочисленные наконечники дротиков и стрел и кости животных. Объектами охоты были такие крупные мясные животные, как лось и олень, а также боровая и водоплавающая дичь. Для охоты на пушного зверя использовались различные ловушки, известные по этнографическим материалам у народов Сибири (Народы Сибири, 1956, с. 576–578, 615). О собирательстве свидетельствуют находки обожженных скорлупок кедровых орехов и косточки ягод, в изобилии растущих по берегам озер и рек.

Преобладанием рыболовства, являющегося более перспективным и надежным источником существования, чем охота, и объясняют тяготение поселений энеолита и ранней бронзы к пойменным озерам и к истокам или устьям небольших рек.

Тип хозяйства, сформировавшийся в эпоху энеолита, не меняется и в раннюю бронзу. С учетом промысловой продуктивности озер и потребностями древнего населения в пище можно реконструировать численный состав населения таких микрорайонов. Так, исходя из продуктивности озера Тух-Эмтор, рек, впадающих в него и вытекающих из него, окружающей территории тайги, здесь могло прокормиться более 40–50 человек, составляющих 4–5 больших семей. Косвенно это подтверждается и количеством жилищ на зимних поселениях.

В эпоху развитой бронзы появляются следы скотоводства. В жилище 5 поселения Тух-Эмтор-IV встречены кости домашних животных: собаки и низкорослой лошади, близкой современным якутским и монгольским. В андроновскую эпоху в южно-таежном Обь-Иртыше увеличивается доля скотоводства в хозяйстве, появляется крупный рогатый скот, что было, видимо, связано с дальнейшим осушением климата и появлением открытых луговых пространств. Почвенные анализы с поселения Тух-Эмтор-IV слоев андроновского времени дали высокое содержание азота, что объясняется перегниванием навоза, и низкое фосфора, что указывает на падение роли рыболовства (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 130).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Интенсивное освоение районов южно-таежного Обь-Иртыша начинается в эпоху энеолита. У населения, заселяющего эти районы, складывается комплексный тип хозяйства, где основой хозяйства являлось рыболовство, а подсобную роль играли охота и собирательство.

Этот тип хозяйства сохраняется до развитой бронзы, когда появляются зачатки производящего хозяйства – скотоводства. Доля его существенно увеличивается в андроновскую эпоху.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет;

Институт археологии и этнографии СО РАН

К ВОПРОСУ О КЕЛЬТЕМИНАРСКОМ ВЛИЯНИИ В ЭПОХУ НЕОЛИТА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

(на примере пятого горизонта поселения Тыткескень-2)*

Поселение Тыткескень-2 находится в среднем течении Катуня на второй левобережной надпойменной террасе, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Общая площадь поселения составляет около 6 тыс. кв.м. Открыто оно было М.Т. Абдулганеевым (1985, с. 189) в 1983 г. А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой (1986 с. 287–288) за 1984–1986 гг. небольшими раскопами было вскрыто около 70 кв. м площади поселения на глубину 0,45–0,5 м. Стационарными раскопами под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1994 г. вскрыто более 1100 кв. м (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25). Поселение является многослойным памятником, культурные горизонты которого разделяются стерильными прослойками, состоящими из светлого песка эолового происхождения (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю., 1991, с. 24).

Находки пятого культурного горизонта, который мы относим к развитому неолиту, залежали в слабогумусированном слое супеси буровато-серого цвета на глубине 60 см от дневной поверхности в центральной части раскопа. Мощность слоя, содержащего находки, составляет от 5 до 7 см. К сожалению, только небольшое количество артефактов получено из части раскопа, имеющего четкую стратиграфию. Большая часть слоя, относящегося к этому времени, уничтожена жилищем позднего неолита, врезанным в него. В северо-западной части раскопа удалось четко проследить, что жилище финального неолита (4 культурный горизонт) врезано в слой развитого неолита (5 культурный горизонт). Получено небольшое количество материала со стратифицированной части слоя. Весь архео-

---

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №ИИ0539).

логический материал и кости животных из этого горизонта покрыты слоем карбонатного налета (следы подтяжки карбонатов грунтовыми водами).

В материалах стратифицированной части слоя обнаружено 57 каменных артефактов. К сожалению, каменный инвентарь, полученный из этого комплекса, нельзя назвать представительным и использовать для статистических подсчетов и характеристики всего горизонта.

Кроме каменного инвентаря, в материалах стратифицированной части слоя найдены фрагменты керамики не менее чем от четырех сосудов. У трех сосудов можно частично реконструировать форму. Керамические изделия пятого культурного горизонта можно разбить на две группы.

Первая группа: неорнаментированная посуда. Толщина стенок 2–3 мм. У двух сосудов этой группы можно частично реконструировать форму. Сосуды вытянутых пропорций, высота больше диаметра, тулово шире горлышка. Горлышко плавно переходит в тулово. Тулово плавно переходит к днищу. По-видимому, все сосуды этой группы имеют остродонное или реповидное днище.

Ко второй группе посуды отнесены фрагменты от одного сосуда. Его орнаментация резко отличается от всей остальной керамики, найденной на поселении. Орнаментальная композиция состоит из вертикально расположенных асимметричных, зигзагообразных и волнистых линий. Расположение линий асимметрично придает динамичность всей композиции. Линии различаются по длине и ширине, имеются случаи их пересечения. Длина шага изгиба в одних случаях одинакова, статична. В других случаях длина шага изгиба постепенно уменьшается по направлению от венчика сосуда к придонной части, придавая композиции динамический характер. В орнаментации сочетаются плавный угол изгиба и острый. Все это также добавляет динамизма композиции (Шугаев В.М., 1969 с. 10–15).

На венчике сосуда имеется утолщение, рассеченное с двух сторон насечками. Несмотря на большое количество фрагментов от этого сосуда, полностью форму восстановить не удалось. Скорее всего, его форма будет идентична керамике первой группы рассматриваемого горизонта.

Часть материала, относящегося к пятому горизонту, получена в результате раскопок долговременного жилища типа полузем-

лянки четвертого горизонта, врезанному в слой развитого неолита. Заполнение котлована жилища, датируемого поздним неолитом, сильно отличается по цвету от слоя, включающего материалы пятого горизонта. Материал, собранный на границе слабогумусированной супеси буровато-серого цвета и сильногумусированной супеси темно-коричневого цвета, нельзя назвать четко стратифицированным. Он большей частью относится к развитому неолиту, но в него, несомненно, могли попасть артефакты более позднего времени. Керамический материал, полученный из этого комплекса, составляют большей частью фрагменты от сосудов из стратифицированной части. Несмотря на то что, возможно попадание в данный комплекс материалов из более поздних слоев, мы считаем, что некоторые выводы о каменном инвентаре развитого неолита на основании материалов данного комплекса сделать можно.

В материалах пятого горизонта отсутствуют галечные орудия, характерные для шестого и седьмого горизонтов. В остальном каменный инвентарь пятого культурного горизонта занимает промежуточное положение между комплексом раннего неолита (седьмой и шестой горизонты) и позднефинального неолита (горизонты четвертый и четыре-А).

Керамический комплекс пятого культурного горизонта резко отличается от материалов предшествующего и последующего времени. «В изучении неолитических культур и отдельных памятников в отечественной науке традиционно особую роль отводят орнаментам керамической посуды, которая, как полагают, отражала определенную семантику и характерные для родовых или племенных групп населения орнаментальные композиции (Ошибкина С.В., 1996, с. 7).

Использование прочерченного орнамента и его композиционное построение не имеют аналогов в керамических комплексах других горизонтов. Необходимо отметить, что прочерченный орнамент был довольно широко распространен в эпоху неолита и является одним из основных в орнаментации неолитической керамики Барнаульско-Бийского Приобья. «Прочерченный (прямолинейный, волнистый, пунктирный или прочерченный с неравномерным нажимом), занимает ведущее место и составляет на памятнике Завьялово-2 – 66,6%, а на памятнике Завьялово-8 – 62,6%. На Седовой Заимке такая керамика составляет не менее половины комплек-

са» (Молодин В.И., 1977 с. 12). На поселении Киприно прочерченный орнамент составляет 18,8% (Молодин В.И., 1977 с. 21).

Несмотря на широкое распространение прочерченного орнамента на неолитических памятниках Барнаульско-Бийского Приобья, мы не находим полных аналогов керамике пятого горизонта. Композиционное построение прочерченного орнамента на неолитических памятниках Барнаульско-Бийского Приобья составляют:

- прочерченные прямые, волнообразные и зигзагообразные линии, идущие параллельно друг другу и параллельно срезу венчика;
- прочерченные прямые и волнообразные линии, образующие геометрические взаимопроникающие фигуры – треугольники;
- прочерченные прямые линии, направленные под углом к срезу венчика, расположенные параллельно друг другу;
- прочерченные линии нанесенные хаотично (Молодин В.И., 1977 с. 12).

Прочерченный орнамент широко распространен в орнаментации керамики Южного и Среднего Зауралья (Ковалева В.Т., 1989, с. 30, 32, 34–35, 38; Мосин В.С., Григорьев С.А., 2000, с. 93, 107, 114). Композиционное построение прочерченного орнамента керамики Среднего и Южного Зауралья во многом повторяет орнаментальные мотивы неолитических памятников Барнаульско-Бийского Приобья:

- прочерченные прямые, волнообразные и зигзагообразные линии, идущие параллельно друг другу и параллельно срезу венчика;
- прочерченные прямые и волнообразные линии, образующие геометрические взаимопроникающие фигуры – треугольники, прямоугольники и т.д.

Необходимо отметить, что для керамики Среднего и Южного Зауралья характерно сочетание прочерченного орнамента с накольчатым или гребенчатым штампом. Композиционное построение сосуда пятого горизонта более сложное. В целом для сосуда пятого горизонта по сравнению с керамикой Верхнего Приобья, Южного и Среднего Зауралья характерно более динамичное построение орнаментальной композиции.

Имеются аналоги подобной керамики в материалах атбасарской культуры Северного Казахстана (Зайберт В.Ф., 1992, с. 159). «Фрагмент керамики украшен вертикальными резными волнистыми линиями, по венчику идут легкие насечки» (Зайберт В.Ф., 1979, с. 104). Встречается керамика с прочерченным орнаментом в неолите Средней Азии в материалах кельтеминарской культуры (Ви-

ноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975, с. 44, 112, 214–217). Определенное сходство с композиционным построением орнамента наблюдается с расписной керамикой джейтунской культуры (Коробкова Г.Ф., 1996, с. 90). По нашему мнению, керамика Средней Азии и Казахстана по сравнению с керамикой Верхнего Приобья и Южного и Среднего Зауралья имеет больше сходства с керамикой пятого горизонта. Это выражается в вертикальном расположении асимметричных, зигзагообразных и волнистых линий.

Видимо, появление керамики с прочерченным орнаментом в материалах пятого горизонта связано с проникновением на территорию Горного Алтая в эпоху развитого неолита племен из Средней Азии или Казахстана. В пользу подобного предположения свидетельствуют находки кельтеминарских наконечников стрел в материалах пятого и четвертого горизонтов.

На современном этапе развития источниковой базы кельтеминарские наконечники стрел известны в Средней Азии, Казахстане, на Южном Урале (Мосин В.С., Григорьев С.А., 2000, с. 99, 126; Коробкова Г.Ф., 1996, с. 98; Зайберт В.Ф., 1992, с. 108–109).

Существуют две точки зрения по поводу культурной принадлежности кельтеминарских наконечников стрел. В.Ф. Зайберт считает, что «на огромных пространствах Евразии в степных и пустынных зонах распространены памятники с очень близкой микролитической индустрией, основанной на специализированной пластинчатой технике расщепления нуклеусов и использования пластин в качестве вкладышей. Это результат конвергенции образования культурно-хозяйственных типов в сходных экологических условиях. Лишь с этой точки зрения можно объяснить, например, находки кельтеминарских наконечников стрел в Забайкалье» (Зайберт В.Ф., 1992, с. 109).

Другие исследователи склонны видеть в находках кельтеминарских наконечников стрел свидетельства культурных контактов населения эпохи неолита различных регионов с населением Арало-Каспия. В.С. Мосин и С.А. Григорьев (2000, с. 237), говоря об установлении единого культурного пространства между населением Арало-Каспия и Зауралья в эпоху неолита, отмечают, что «наиболее ярким и легко фиксируемым показателем такого единства является факт распространения наконечников кельтеминарского типа».

На наш взгляд, на данном этапе развития источниковой базы постановка вопроса о едином культурном пространстве населения

Горного Алтая и Арало-Каспия преждевременна, но уже сейчас можно поставить вопрос о том, что какие-то контакты населения этих территорий были. Характер этих контактов пока точно реконструировать невозможно. На наш взгляд, скорее всего мы имеем дело с миграциями населения Средней Азии или Казахстана на территорию Горного Алтая. Причиной подобного переселения могли послужить изменения климата в сторону ариадизации в эпоху развитого неолита.

Горизонт	№ даты	C14= 5570 лет	Возраст до н.э.	C14=5730 лет	Возраст до н.э.
Шестой	СОАН-5149	6860±90	4910±90	7065±90	5115±90
Шестой	СОАН-5150	6620±95	4670±95	6818±95	4868±95
Шестой	СОАН-5151	6585±85	4635±85	6782±85	4832±85
Четвертый	СОАН-5148	5360±90	3410±90	5520±90	3570±90

По результатам полевых исследований материалы пятого горизонта и горизонта четыре-А залегают между шестым и четвертым горизонтами. По-видимому, материалы пятого горизонта следует датировать 2-й пол. V тыс. до н.э., а материалы горизонта 4А – началом IV тыс. до н.э.

Материалы пятого горизонта существенно отличаются от материалов других горизонтов поселения Тыткескень-2 и от свидетельств неолитических памятников Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины. На материалах четвертого горизонта и горизонта 4А нами выделена среднекатунская поздненеолитическая культура с двумя этапами: ранним, к которому относится горизонт 4А и часть неолитического комплекса поселения Куюм и поздним к которому относится четвертый горизонт. Находка кельтеминарского наконечника стрелы в заполнении жилища четвертого горизонта позволяет говорить о том, что, скорее всего, сложение среднекатунской культуры происходило на протяжении достаточно длительного интервала времени и в нем принимало участие несколько различных этнокультурных групп населения. Мы считаем, что в формировании среднекатунской культуры приняло участие население, переселившееся на территорию Катунь с территории Средней Азии или

Казахстана. Свидетельства такого переселения хорошо прослеживаются на материалах пятого горизонта. В пользу участия в сложении среднекатунской культуры нескольких этнокультурных компонентов говорит и наличие нескольких традиций в изготовлении керамики. Вполне возможно, что проникновение населения из Средней Азии или Казахстана, прослеженное нами на материалах пятого горизонта, продолжалось и в более позднее время.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет

**МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ЭПОХИ РАННЕЙ
БРОНЗЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ИХ ПРОИЗВОДСТВА
НА ПОСЕЛЕНИИ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА***

Археологический комплекс эпохи ранней бронзы Березовая Лука находится неподалеку от с. Безголовово в Алейском районе Алтайского края. Материалы, полученные в ходе его изучения, свидетельствуют о скотоводческом типе хозяйства населения елунинской культуры, а также о результатах освоения недр Алтая и о бронзолитейном производстве. Имеющиеся данные позволяют определить хронологические рамки существования памятника – конец III – 1-я треть II тыс. до н.э. (Тишкин А.А., 2002).

Металлических предметов на поселении Березовая Лука обнаружено пока немного. Большинство изделий представлено в обломках (рис. 1.-3–5, 7–8, 10, 12). Частично сохранились клинки ножа (рис. 1.-1) и ножа-кинжала (рис. 1.-2). Имеются фрагменты шильев (рис. 1.-6, 9, 13), а также часть втулки (рис. 1.-11). В хорошем состоянии дошли свинцовые и оловянисто-свинцовые серьги в виде несомкнутого кольца. Одно изделие найдено в могиле №1 (рис. 1.-19), а другое – в заполнении жилища №1 (рис. 1.-18). Аналогичные металлические украшения обнаружены при сборе подъемного материала и проведении подготовительных работ на раскопе №2 (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2002, с. 59, рис. 1.-7, 2.-6). Обнаруженные серьги из проволоки в виде колечка характерны для эпохи бронзы, но в публикациях указывается, что они серебряные, бронзовые или медные. Ближайшие аналогии

---

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Интеграция» (проект №И0539) и Минобразования РФ (грант Г02–1.2–509).

рассмотренным выше серьгам происходят из памятников кротовской культуры, раскопанных в Барабе (Молодин В.И., 1985; Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И., 1989), и других объектах эпохи ранней бронзы (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., 2002). Однако исследователи не отмечают использование свинца для этих целей. Не были проведены и спектральные анализы таких изделий.

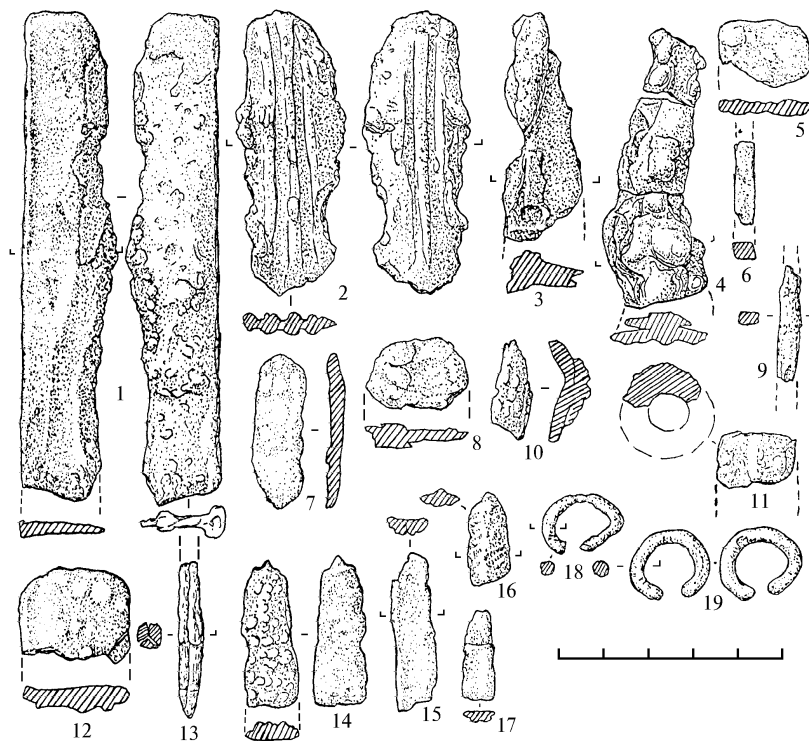

Рис. 1. Бронзовые предметы, обнаруженные на поселении Березовая Лука

Предметы, в том числе и интересующие нас серьги, изготовленные из почти чистого свинца, зафиксированы на Кавказе в памятниках III тыс. до н.э. (Селимханов И.Р., 1970). Еще древнее датируются разные изделия из свинца, найденные в Средней Азии и

на Ближнем Востоке (Mellaart J., 1967; Гришин Ю.С., 1980; Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., 1977, 1981; и др.). Стоит заметить, что культурно значимые параллели с Кавказом в рамках рассматриваемой эпохи уже приводились неоднократно (см., например, Гришин Ю.С., 1971; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Коренько В.А., Бородаев В.Б., 1993; Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., 1996; и др.). Сюда же можем добавить и находку ножа-кинжала из поселения Березовая Лука. Подобные изделия имеются в материалах майкопской культуры (Мунчаев Р.М., 1994, табл. 53).

Многие из вышеперечисленных металлических предметов находят аналогии в наиболее изученном погребально-поминальном комплексе елунинской культуры Телеутский Взвоз-I (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003). Несмотря на то, что все они имеют плохую сохранность, тем не менее представляют интерес как результаты бронзолитейного производства. В таблицах 1 и 2 приведены результаты полуколичественного спектрального анализа части металлических предметов, а также образцов руды, шлаков и сплесков. Наряду с преобладающим содержанием в большинстве изучаемых образцах меди ($\text{Cu} > 5$) и олова ($\text{Sn} > 2$), часто отмечается существенное наличие свинца ($\text{Pb} 0.2-1.0$), а также кремния (Si) и фосфора (P). Появление последнего элемента, вероятнее всего, свидетельствует об использовании костей в качестве топлива при металлургическом производстве (Гришин Ю.С., 1980). Действительно, на поселении обнаружены значительные массы пережженных и обгорелых костей со своеобразным синевато-фиолетовым оттенком. Присутствие свинца можно объяснить по-разному: например, как добавка для замены дефицитного олова или для придания металлу легкотекучести (Селимханов И.Р., 1970). Однако более вероятно наличие определенной доли данного элемента уже в самом используемом рудном сырье, о чем свидетельствуют приводимые данные спектрального анализа.

Следует указать на то, что в ряде случаев находки металлических предметов представляли, вероятно, специально приготовленный лом, который затем использовали для переплавки (рис. 1.-14–17). В культурном слое исследованной площади раскопа №1 вскрыто почти 500 кв. м на глубине более 2,5 м) обнаружены капли металла, сплески, руда, шлаки и окалины, свидетельствующие о процессе бронзолитейного производства прямо на самом поселении.

Таблица 1 (начало)

Результаты полуколичественного спектрального анализа
(в весовых процентах)

№ п/п	Элемент	Cu	Sn	Si	Pb	P	Ge	Mn	Ni	Zn	Fe	Cd	Bi	Pt
	ПО.	0,0003	0,0003	0,0003	0,0003	0,1	0,0003	0,0005	0,0005	0,003	0,0005	0,001	0,0003	0,0005
1		0,0050	–	0,005	>1	0,1	<0,0003	0,0030	0,0009	–	0,020	–	0,0110	0,0001
2		>5	>2	>1	0,200	0,2	–	0,0030	0,0011	0,015	0,012	–	0,0025	0,0005
3		>5	>2	>1	0,200	0,1	–	0,0050	0,0015	0,015	0,030	–	0,0045	0,0030
4		>5	>2	>1	0,030	–	<0,0003	0,0060	0,0016	0,004	0,030	–	0,0180	0,0030
5		>5	>2	0,500	0,500	0,1	<0,0003	0,0010	0,0008	0,040	0,010	–	0,0045	–
6		0,010	>2	0,500	>1	–	<0,0003	0,0100	0,0007	0,004	0,020	–	0,0010	0,0050
7		>5	0,0100	1	0,500	–	<0,0003	0,0090	0,0013	0,200	0,500	0,02	0,0087	0,0070
8		>5	>2	0,500	0,010	0,1	<0,0003	0,0040	0,0007	0,050	0,020	–	0,0013	0,0070
9		>5	>2	0,100	0,030	0,2	<0,0003	0,0020	–	0,014	0,010	–	0,0025	0,0050
10		>5	>2	0,100	0,040	0,1	0,0005	0,0007	0,0012	0,055	0,025	–	0,0045	–
11		>5	>2	0,050	0,040	0,1	<0,0003	0,0007	0,0010	0,010	0,010	–	0,0130	–
12		>5	>2	0,010	0,020	0,1	<0,0003	0,0040	0,0009	0,045	0,300	–	0,0120	0,0005
13		>5	0,0012	>1	0,300	0,1	<0,0003	0,0065	0,0030	~2	0,100	0,003	0,0300	–

1 – серьга из могилы №1; 2 – обломок клинка ножа из жил. №1; 3 – обломок бронзового изделия из кв. Ф-18/2 сл.; 4 – обломок клинка ножа из кв. Ф-17/1 сл.; 5 – нож-кинжал (сб.); 6 – серьга из жил. №1, кв. Р-23/5 сл.; 7 – окалина из кв. М-22/3 сл.; 8 – обломок бронзового изделия из кв. Х-25/2 сл.; 9 – обломок бронзового изделия из кв. П-24/2 сл.; 10 – обломок втулки из кв. П-26; 11 – обломок бронзового изделия из кв. У-15/яма; 12 – обломок шила из кв. НО-22,23/зол.; 13 – руда из кв. Ц-23/2 сл.

Таблица 1 (окончание)

Mo	Co	Ga	Na	Ag	Mg	Ca	Al	Pt	As	Nb	Sb	In
0,001	0,001	0,0003	0,003	0,0003	0,0003	0,001	0,0003	0,003	0,01	0,001	0,003	0,0002
–	–	0,0006	0,007	0,0070	0,005	0,020	0,030	–	–	–	–	0,0002
0,001	0,005	0,0004	0,023	0,0015	0,050	0,020	0,030	–	0,100	–	–	0,0002
–	0,005	0,0006	0,030	0,0015	0,100	0,030	0,050	–	0,030	–	–	0,0002
–	0,005	0,0006	0,015	0,0010	0,100	0,030	0,030	–	0,010	–	0,003	–
–	0,005	–	0,005	0,0050	0,001	0,005	0,0007	–	0,015	–	0,004	0,0003
–	–	–	0,016	0,0100	0,010	0,020	0,030	–	–	–	–	0,0003
0,003	0,003	0,0012	0,070	0,0030	0,050	0,030	0,070	0,004	0,010	–	–	0,0004
0,001	–	0,0003	0,070	0,0050	0,050	0,020	0,070	–	–	–	–	–
0,0015	0,002	0,0003	0,050	0,0030	0,050	0,025	0,030	–	0,100	–	–	–
–	–	0,0003	0,005	0,0100	0,010	0,010	0,006	–	0,035	–	0,010	0,0003
0,001	0,003	–	0,005	0,0015	0,005	0,006	0,004	–	0,01	0,001	0,004	–
0,001	0,003	0,0008	0,005	0,0040	0,005	0,015	0,030	–	0,02	0,001	0,004	0,0015
0,001	0,003	0,0006	–	0,0025	0,005	0,004	0,0045	0,004	0,01	0,001	0,025	0,0004

Примечание: П.О. – предел обнаружения элемента (минимальная концентрация, которую можно обнаружить данным методом).

Не обнаружены такие элементы при следующем П.О.:

Be – 0,0001, La – 0,003, Tl – 0,0005, Y – 0,0005, Ba – 0,01, W – 0,03, Ce – 0,01, Au – 0,003, Pd – 0,0003.

Таблица 2 (начало)

Результаты полуколичественного спектрального анализа
(в весовых процентах)

Элемент № пр.	LiO.	Cu	Sn	Pb	Si	Ba	P	Fe	Cr	Zn	Mn	Ni	Ge	In
14		0,0003	0,0003	0,0003	0,0003	0,01	0,1	0,0003	0,001	0,003	0,0003	0,0003	0,0003	0,0002
15		>>1	~1	0,2	0,03	0,01	0,1	0,01	0,0004	0,007	0,007	0,001	–	0,0003
16		>>1	0,01	>1	0,1	0,05	0,3	0,5	–	0,3	0,005	0,002	0,0003	0,0005
17		>>1	>1	0,3	0,1	–	0,1	0,01	0,003	0,015	0,004	0,002	–	0,0002
18		>>1	0,007	0,1	0,02	0,1	0,01	0,01	0,004	0,007	0,006	0,001	–	0,0002
19		>>1	0,003	0,2	0,03	0,02	–	0,02	–	0,2	0,005	0,001	–	0,0002
20		>>1	0,005	0,3	0,1	0,02	–	0,3	–	0,3	0,003	0,004	–	0,0003
21		>>1	0,0003	0,5	0,03	~1	–	0,05	–	~1	0,005	0,002	–	0,0003
22		>>1	~1,5	0,5	0,05	0,02	–	0,01	0,002	0,02	0,004	0,002	–	0,0003
23		>>1	>1	~1	0,1	0,02	–	0,01	–	0,02	0,009	0,001	–	0,0002
24		>>1	0,005	0,01	0,1	0,02	–	0,02	–	0,02	0,007	0,0005	–	0,0002
24		~1	0,001	0,07	>1	0,05	–	>1	0,002	–	0,1	0,02		меш. Mn, Fe

14 – капля металла из кв. С-11/3 сл.; 15 – шлак из кв. В-2/5 сл., жил. 2; 16 – обломок бронзового изделия (проколка?) из кв. Д-4/4 сл.; 17 – обломок бронзового предмета из кв. В-6/4 сл, жил. 2; 18 – окалина или шлак из кв. Г-7/4 сл., жил. 2; 19 – руда из кв. К-9/3 сл; 20 – руда из кв. Ж-1/1 сл.; 21 – кусочек металла из кв. Н-3/1 сл.; 22 – обломки бронзового изделия из кв. Е-10/4 сл, жил.2; 23 – руда из кв. Б-2/5 сл.; 24 – шлак из кв. Ж-10/3 сл.

Таблица 2 (окончание)

Au	Bi	Ti	Mo	V	Co	Cd	As	Ga	Na	W	Ag	Mg	Ca	Al	Sb	Y
0,001	0,0003	0,0003	0,001	0,001	0,001	0,001	0,01	0,0005	0,003	0,03	0,00001	0,0003	0,001	0,0003	0,005	0,0005
–	0,006	0,0005	–	0,003	0,002	–	0,03	–	0,004	–	0,003	0,01	0,01	0,0005	–	–
–	0,007	0,0005	0,005	0,001	0,002	0,003	0,03	0,008	0,05	–	0,0001	0,004	0,003	0,003	–	–
0,02	0,005	0,0005	–	0,01	0,002	–	0,05	–	0,01	–	0,005	0,01	0,01	0,003	–	–
0,001	0,005	0,0010	–	0,01	0,002	–	0,03	–	0,01	–	0,005	0,015	0,03	0,005	0,005	–
–	0,005	0,0010	–	0,002	0,01	–	0,03	–	0,005	–	0,0001	0,005	0,01	0,003	–	–
–	0,0003	0,005	–	0,002	0,005	0,001	0,01	0,001	0,01	–	0,00002	0,02	0,01	0,03	–	–
–	0,0005	0,003	–	0,002	0,002	0,0025	–	–	0,05	–	0,00002	0,008	0,03	0,01	–	–
–	0,005	0,01	–	0,015	0,002	–	0,03	–	0,02	–	0,0006	0,01	0,05	0,003	–	–
–	0,006	0,001	–	0,025	0,005	–	0,03	–	0,005	–	0,005	0,008	0,05	0,003	–	–
–	–	0,005	–	0,001	0,005	–	0,01	0,001	0,005	–	0,00001	0,003	0,05	0,03	–	–
–	–	0,001	0,005	0,005	0,003	–	–	0,005	>0,1	0,3	0,0001	0,015	0,01	0,005	–	0,005

Не обнаружены такие элементы при указанном П.О.:

Be (0,0001); Hf (0,03); Ta (0,1); Nb (0,001); Ti (0,0003); Yb (0,0003); Ce (0,01); La (0,003); Pt (0,003); Pd (0,001); Zr (0,003); Sr (0,03).

Анализы выполнены в лаборатории экспериментальной минералогии и геохимии ТГУ (исполнитель: Е.Г. Агапова).

При изучении полученного и имевшегося материала по елунинской культуре соответствующим образом возникает проблема определения рудных источников выявленного металлургического производства. В этом плане уже были сформулированы некоторые концептуальные положения (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1987, 1989). В тогдашней ситуации, конечно, наиболее рациональным являлось использование месторождений Рудного Алтая, из которых ближайшие к Березовой Луке находятся в Змеиногорском районе (Чекалин В.М., 1999). Это подтверждается вышеупомянутыми анализами находок бронзолитейного производства, среди которых также представлен и крупный образец медно-цинковой руды с наличием других составляющих, характерных для полиметаллических месторождений северо-западных предгорий Алтая. Кстати, необходимо еще акцентировать внимание на тот факт, что во всех имеющихся в нашем распоряжении анализах руд с поселения Березовая Лука отражено очень низкое содержание олова.

Изучено несколько образцов руды, из которых три происходили из зоны окисления (проба №19, 20, 23), а один (пробы №13 и 13а) представлен коренной сульфидной рудой. Спектральный анализ первых трех проб показал некоторые различия в их составе. Если не принимать во внимание, что эти различия являются результатом случайного отбора непредставительных штучных проб, то можно предположить, что руды отбирались из разных месторождений.

Анализ полученных данных позволил предварительно наметить места добычи рудных источников, сравнив показатели с результатами современных разработок. Так, проба №20 могла быть отобрана из зоны окисления месторождения колчеданного типа с баритом – Петровское, Змеиногорское, проба №19 – из месторождений практически не имеющих баритовой сыпучки в зоне окисления (Стрижковское, Михайловский прииск, Лазурское, Гольцовское). Проба №10 характеризует чисто медные руды. В Рудном Алтае такие руды были только на Пихтовском и Сосновском месторождениях (Чекалин В.М., 1999). Пробы №13 и 13а были взяты из обломка колчеданной руды размером до 9 см по длинной оси. Сверху руда была покрыта бурой корочкой окисления, состоящей из гидрогематита (смеси водных и маловодных окислов железа). Местами на поверхности обломка и в пустотах выщелачивания имелись примазки малахита. На свежем изломе была видна мелкая россыпь сульфидов. Спектральным полуколичественным анализом раздельно уста-

новлено содержание элементов в корочке окисления и в нетронутой выветриванием руде. Судя по полученным данным, тип оруденения был свинцово-цинково-медный. Источником руд могли быть практически все месторождения Рудного Алтая.

Следует указать на важный момент, связанный с изучением сплава меди с оловом. Месторождения меди довольно широко распространены, а запасы олова весьма немногочисленны. Возникает проблема о происхождении олова, а также его присадки к меди для получения бронзы, что является довольно сложным процессом. Касситерит или окись олова, который является основным видом оловянной руды встречается в виде вкрапленностей и гнезд кристаллов в кварцевых и пегматитовых жилах. Помимо коренных месторождений имелись и россыпи (Руденко С.И., 1963, с. 18). На территории Алтая и его предгорий известно значительно число свидетельств залежей касситерита. В 1920–1930-х гг. на территории Рудного Алтая в ходе поисково-разведочных мероприятий были обнаружены «чудские» выработки на олово. В результате этих работ получено заключение о «...весьма обширной площади оловянного оруденения» (Нехорошев В.П., 1935, с. 229), а оловоносность распространена и на обширную территорию Южного Алтая. Кроме того, были установлены коренные выходы, содержащие касситерит, и получено значительное число данных о его местонахождениях. Любопытно отметить, что на некоторых участках жилы касситерита встречались на значительном пространстве, однако геологами отмечен факт отсутствия следов древних работ, в то время как почти все Калбинские оловянные точки установлены путем изучения следов «чудских копей».

Таким образом, имеющиеся археологические находки свидетельствуют о том, что в эпоху бронзы, начиная с его ранних этапов (елунинская культура), на территории предгорно-равнинной части Алтайского края широко использовалось изготовление бронзовых орудий, чему способствовали рудные источники и выработанные традиции металлургического производства.

В связи с имеющимися данными встает проблема изучения горного дела в эпоху ранней бронзы. На Алтае имеется значительное число остатков древних выработок. Однако специальное изучение их не предпринималось. Тем не менее С.С. Черниковым проведенные исследования были проделаны на территории Восточного Казахстана. Им обнаружены разные типы древних горных ра-

бот (Руденко С.И., 1963. с. 18–20). На наш взгляд, очень важными являются находки древних орудий горнорудного дела на Теректинском хребте (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2002). Поэтому изучение памятника Владимировка является весьма перспективным для решения целого комплекса имеющихся проблем, связанных с освоением юга Западной Сибири населением эпохи ранней бронзы.

Ю.Ф. Кирюшин, А.В. Шмидт

Алтайский государственный университет

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ИНЯ-III (ТОПТУШКА)*

Памятник Иня-III расположен в правобережной пойменной зоне р. Обь Шелаболихинского района Алтайского края. Объект как курганный могильник известен с 1970 г. В 2000 г. здесь вскрыто 114 м². В результате раскопок, помимо погребальных сооружений кургана, обнаружен поселенческий материал эпохи неолита, который был датирован концом IV – 1-й пол. III тыс. до н.э. Неолитический комплекс памятника Иня-III, во избежание путаницы с другими материалами, получил название Иня-III (Топтушка) (Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П., 2001). Настоящая публикация посвящена детальному анализу каменной индустрии данного поселения.

В качестве сырья в основном использовался туф порфиров – вулканическая порода кислого состава, сложенная крупнозернистой фракцией, а также осадочные породы, представленные галечником. Ближайшие выходы перечисленного каменного сырья расположены в нескольких десятках километрах на Салаирском кряже.

Всего в 2000 г. на памятнике обнаружено 319 каменных артефактов. В целом индустрия направлена на производство отщепов, составляющих порядка 80% (все проценты даны от общего числа каменных артефактов). Из них 45,9% (145 шт.) без вторичной обработки. В основном это мелкие сколы и чешуйки. Средний отщеп только один, он имеет крупную фасетированную ударную площадку (рис. 2–1).

Призматическую технику расщепления отражают 17,2% всех каменных артефактов. Однако в настоящий момент на памятнике не

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №02-01-00102а).

найден ни одной пластины. Основная масса – это необработанные пластинчатые отщепы (11,6%), представленные по большей части в обломках (рис. 2.-6–10). Орудий всего пять: три боковых скребка (рис. 1.-6); резец (рис. 1.-13); изделие с шипом (рис. 2.-14).

Технические сколы и нуклевидные обломки составили 9,1% (29 шт.). Из них треть отражают призматическую технику расщепления. В качестве заготовок для орудий использовали только реберчатые сколы: пять резцов (рис. 2.-16); два острия (рис. 2.-17, 25); один нож (рис. 1.-15).

Орудийный набор представляют 83 изделия (26%) (в это число не вошли отщепы с ретушью). Самые многочисленные из них острия (25 шт., 7,8%). Изделия двух типов – «клювовидные» со слегка загнутым кончиком (рис. 1.-18) и случайной формы (рис. 1.-15, 20; 2.-17, 25, 26). Рабочая грань подправлялась мелкой ретушью, микрорезцовыми сколами, микроанкошем. Есть острия без дополнительной подработки. Эта же техника применялась и при оформлении орудий с шипом (3 шт., 0,9%) (рис. 1.-14; 2.-23).

Резцов – 14 экз. В качестве заготовок использовали отщепы, реберчатые сколы, в одном случае пластинчатый отщеп. Резцы двух типов: срединные (на реберчатых сколах и пластинчатом отщепе) (рис. 1.-13; 2.-16); угловые (на отщепах) (рис. 1.-20; 2.-19, 21). Еще один резец оформлен диагональным сколом (рис. 2.-20).

Есть шесть резчиков с одной (рис. 2.-18) и двумя (рис. 2.-22) рабочими гранями. У одного из изделий резчик совмещен с резцом.

На поселении обнаружено 15 скребков, представленные тремя типами: самые многочисленные – боковые, 10 экз. (рис. 1.-7, 17; 2.-11, 12), включая три на пластинчатых отщепах (рис. 1.-6); три дивергентных или веерообразных (рис. 1.-8, 16), два концевых на широких отщепах (рис. 1.-19; 2.-13).

В коллекции обнаружено четыре скребеля, два из которых помимо скобящей кромки имеют резцовые грани. Еще одно комбинированное орудие сочетает в себе боковой скребок и проколку (рис. 1.-12).

У пяти орудий рабочая грань оформлена микрорезцовыми сколами в виде небольшого выступа, напоминающего клюв утки. Согласно трасологическим определениям Н.Ю. Кунгуровой микроизнос рабочей грани характерен для деревообрабатывающих орудий. Возможно, их использовали для подправки прорезанных пазов (рис. 1.-3; 2.-24).

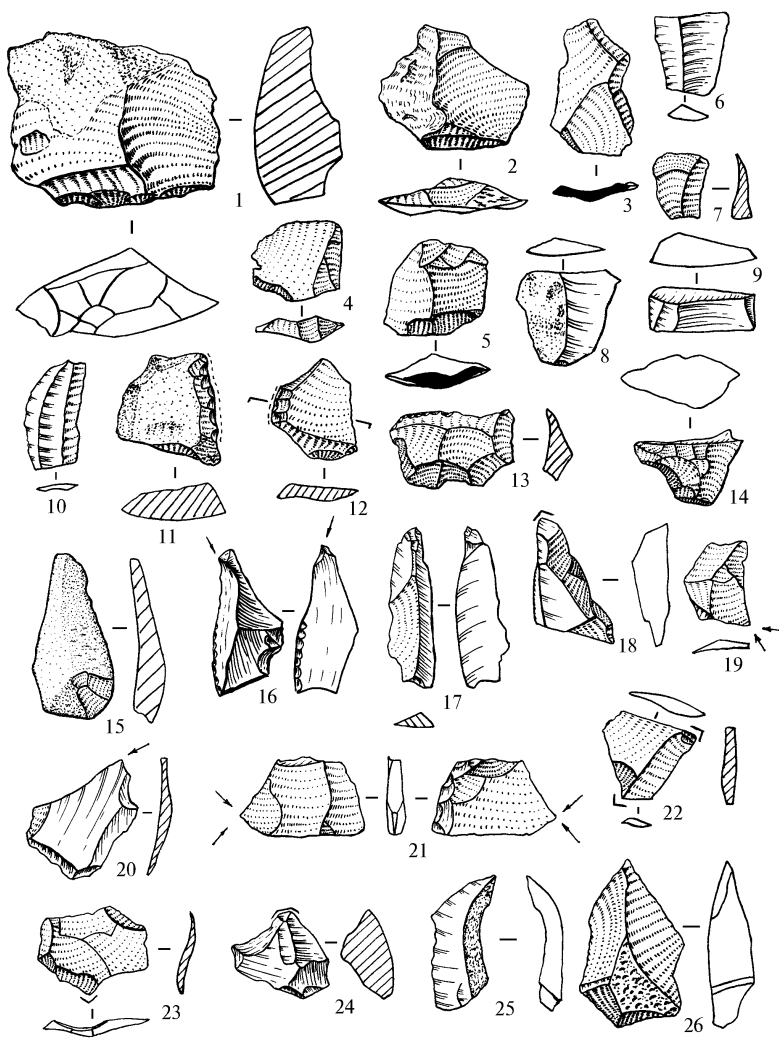

Рис. 1. Каменная индустрия поселения Иня-III (Топтушка)

Отщепов с ретушью – 23 экз. (7,2%). На поселении они представлены тремя типами: сколы подновления рабочих кромок; разовые орудия, не создающие типологических рядов; отщепы с утилитарной ретушью.

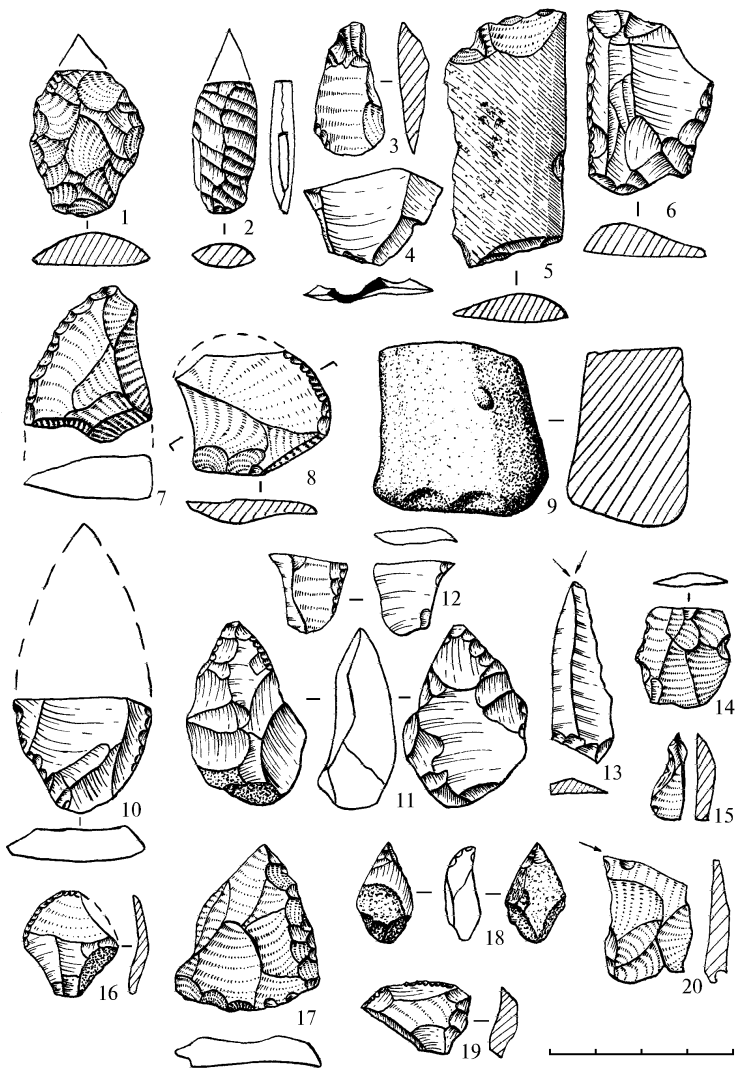

Рис. 2. Каменная индустрия поселения Иня-III (Топтушка)

На объекте обнаружено шесть бифасиально обработанных изделия (1,9%), все в обломках. Преобладают наконечники стрел – 4 экз. Два из них имели листовидные очертания пера со слабо выра-

женным черешком. Подобная форма находит аналогии в раннеэолитических материалах верховий Чумыша (Кунгуров А.Л., 1997, рис. 1). Очертания остальных достоверно неопределимы. Кроме этого, бифасы представлены фрагментом наконечника дротика (рис. 1.-10) и обломком ножа с обушком (рис. 1.-11).

Остальные орудия представлены единичными экземплярами. Это обломки отбойника и черешкового орудия (рис. 2.-14), а также фрагмент абразива (рис. 1.-9).

Наличие первичных отщепов, сколов оформления преформ, технических сколов и большого количества необработанных отщепов, вероятно, говорит о существовании в раскопанной части памятника площадки для обработки камня. Об этом также свидетельствуют многочисленные обломки орудий и фрагментированные пластинчатые отщепы. То, что сборы с дороги произведены со значительного участка, очевидно, говорит о гораздо больших размерах поселенческого комплекса памятника Иня-III, чем вскрытая часть.

Говоря в целом о каменной индустрии поселения, следует отметить, что она несет на себе явные следы деградации техники расщепления. Об этом свидетельствуют сколы так называемых псевдолеваллуазских очертаний (рис. 1.-4; 2.-3-5, 23) и отщепы с крупными фасетированными ударными площадками (рис. 2.-1, 2). Подобные вещи больше характерны для палеолитической эпохи, чем для неолита. Призматическая техника также несет на себе ярко выраженные следы упадка. Во многом это объясняется использованием при расщеплении низкокачественного сырья. С подобного камня, вероятно, было невозможно сколоть призматическую пластину и ее заменяют пластинчатые отщепы.

Прежде чем перейти к вопросам датировки памятника на примере каменного инвентаря, следует привести точку зрения В.Ф. Зайберта (1992, с. 122), характеризующего каменную индустрию Центрального и Северного Казахстана: «В позднем неолите-энеолите в пределах северо-казахстанской этнокультурной области... наблюдается процесс активного внедрения в практику древнего мастерства техники двусторонней обработки камня и шлифования. Характерно, что изменяется и сырьё – на смену достаточно качественным яшмовидным породам приходит крупнозернистый кварцит. Пластинчатая техника хотя и остается, но уже не играет той ведущей роли, которая была отведена ей в предыдущие эпохи».

ТИП-ЛИСТ
каменной индустрии поселения Иня-III (Топтушка)

№	Наименование изделия	Кол-во	%
1.	Отщепы средние	1	0,3
2.	мелкие	87	27,3
3.	Чешуйки	58	18,2
4.	Обломки камня	5	1,6
5.	Нуклевидные изделия	7	2,2
6.	Сколы подновления ударных площадок	3	0,9
7.	Реберчатые сколы	18	5,6
8.	Пластинчатые отщепы мелкие	4	1,3
9.	средние	19	5,9
10.	крупные	19	5,9
11.	Отщепы с ретушью	23	7,2
12.	Орудия на отщепах: скребки	12	3,8
13.	скобели	2	0,6
14.	острия	24	7,6
15.	резцы	8	2,5
16.	резчики	6	1,9
17.	шиповидные орудия	2	0,6
18.	Орудия с «клювовидным носиком»	5	1,6
19.	Комбинированные орудия	2	0,6
20.	Сколы с шлифованных орудий	5	1,6
21.	Наконечники стрел	4	1,3
22.	Наконечник дротика	1	0,3
23.	Отбойник	1	0,3
24.	Обломок черешкового орудия	1	0,3
25.	Абразив	1	0,3
26.	Нож-бифас с обушком	1	0,3
ИТОГО:		319	100

В данной ситуации в индустрии поселения присутствуют как ранние, так и поздние черты. С одной стороны, в качестве сырья используются крупнозернистые кремневые породы камня. Во многом именно этим объясняется значительное падение роли призматической техники расщепления. Вновь возрождаются традиции обработки камня, не свойственные для неолитической эпохи. Исчезают классические концевые скребки на отщепах и скребки с ретушью по периметру.

Однако, с другой стороны, техника двусторонней ретушировки не получает еще широкого внедрения (всего 7,2% всех орудий). Также малочисленны шлифованные изделия: один абразив и пять сколов подновления, один из которых впоследствии использовался в качестве ножа (рис. 1–5). К ранним признакам следует отнести большое количество резцов. Эта черта не характерна для памятников эпохи позднего неолита–энеолита, где они представлены в единичных экземплярах, либо совсем отсутствуют (Зайтов В.И., 1985, с. 32; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 27). Таким образом, в каменной индустрии поселения присутствуют как ранние, так и поздние признаки. Вероятно, индустрия является переходной от развитого к позднему неолиту. Поэтому некоторые черты остаются еще весьма устойчивыми, часть отмирает, а на их смену приходят новые. В предварительной публикации неолитического комплекса Иня-III было предложено датировать памятник рубежом IV–III вв. – 1-й пол. III тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П., 2001, с. 79). В настоящий момент хронология неолита удревнена (Кирюшин Ю.Ф., 2002), так как ранний энеолит определен 2-й пол. IV тыс. до н.э.

М.Ф. Косарев

Институт археологии РАН

К ПОИСКУ НЕТРАДИЦИОННЫХ ПУТЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Главной целью археологии как исторической науки является воссоздание тех сторон биографии человечества, которые никак не отражены или недостаточно отражены в письменных источниках. При этом важно иметь в виду, что археология – не просто историческая наука, но и средство, помогающее вывести из «амнезии» забытую или полузабытую память, чтобы извлечь поучительные свидетельства удач и неудач, расцветов и упадков, чести и бесчестия человечества на пути его становления и развития. Археология не только учит видеть факторы, причины и направленность исторического процесса в прошлые времена, но и способствует освоению положительного опыта наших далеких предков, не раз спасавшего племена и народы от, казалось бы, неминуемой гибели.

Мне уже приходилось отмечать в некоторых своих публикациях, что одной из насущнейших задач сибирской (и не только сибирской) археологии на нынешнем этапе продолжает оставаться поиск исследовательских методов интерпретационного, исторического, теоретического уровня, среди которых наиболее актуальны и перспективны палеоэтнографический, экологический и системный подходы (см. например: Косарев М.Ф., 1988, с. 3–19; 1991, с. 4–11). В настоящем очерке хотелось бы коснуться более частных моментов историко-археологического исследования, так или иначе связанных с проблемой историзма сибирской археологической науки. Некоторые из них затрагивались в ранее опубликованных статьях, но обычно мимоходом, вне связи с общей теоретико-методологической проблематикой. Попробуем подать эти высказывания более взаимосвязано.

Одной из наиболее популярных тем в российской археологии является, как известно, разработка периодизации, а также абсолютной и относительной хронологии археологических древностей. Наиболее объективным показателем этапной последовательности тех или иных культурных комплексов традиционно считается стратиграфический критерий. Однако, как свидетельствует многолетняя археологическая и этнографическая полевая практика, стратиграфическое распределение культурных остатков далеко не всегда фиксирует реальную картину хронологического соотношения культур в пределах той или иной историко-археологической эпохи. Поэтому часто используемая в археологии прямая экстраполяция стратиграфии одного конкретного памятника на историко-культурную стратиграфию района в целом или, другими словами, формальное проецирование реальной микростратиграфии на гипотетическую макростратиграфию не раз приводило и продолжает приводить к искажению истинной исторической ситуации.

В археологии нередки случаи, когда естественные различия в системных уровнях воспринимаются специалистами как непримиримые противоречия, хотя с точки зрения обыденной, здоровой, «ненаучной» («обывательской») логики представляются понятными и объяснимыми. Так, если рассматривать поздний неолит, энеолит и ранние периоды бронзового века Западной Сибири в целом, можно говорить об одновременном существовании здесь нескольких орнаментальных (этнокультурных) традиций — отступающе-накольчатой, печатно-гребенчатой и гребенчато-ямочной; если же

обратиться к отдельным районам этого суперрегиона – Тюменскому Приоболью, Среднему Прииртышью, северотаежному Приобью и др., то там одна из названных культурных традиций сменяется другой, другая – третьей, и они предстают как разновременные, причем последовательность культурных напластований на одновременных памятниках разных районов может носить обратный характер. «Случаи неоднозначной стратиграфии особенно часты в контактных зонах, где тесно взаимодействовали два или несколько культурных ареалов. Это не раз вводило исследователей в заблуждение, порождая споры о том, какая стратиграфия верна, а какая является результатом ошибочной методики раскопок (например, многолетняя дискуссия о хронологическом соотношении федоровских и алакульских комплексов). Между тем, если бы стратиграфия памятников ...рассматривалась в связи с общей историко-культурной стратиграфией Западной Сибири, т.е. системно, с учетом особенностей микро- и макростратиграфии, с умением видеть не только отдельные «деревья», но и «лес» в целом, перед исследователями предстала бы действительная стратиграфическая картина во всей ее сложности и неоднозначности» (Косарев М.Ф., 1988, с. 13–14).

Подтверждающей иллюстрацией к вышеизложенному могут быть живые этнографические примеры. В бассейне Кети, где в 1960-е гг. велись полевые археолого-этнографические работы, местные староверы, по их рассказам, никогда не селились там, где прежде жили челдоны. Последние были в этом отношении не столь разборчивы, и поэтому их «культурный слой» мог лежать выше староверческого, хотя они (челдоны и тем более остяки) освоили этот край раньше старообрядцев. В данном случае стратиграфия, фиксируя смену одного населения другим на конкретном поселении, не отражает реальную последовательность прихода этих групп в бассейн р. Кети. Здесь мы имеем дело с эффектом неприятия «чужой веры». Сходная реакция при определенных исторических обстоятельствах могла возникать и в отношении иной культуры, особенно когда носители последней были чужды местному населению в этнопсихологическом, расовом и иных отношениях.

Не всегда может быть однозначной и трактовка так называемой горизонтальной стратиграфии. Мне не раз приходилось в детстве и в молодые годы наблюдать в прииртышских степях смешанные русско-казахские селения. Казахи обычно занимали их окраинную часть, сохраняя при этом свою самобытность в домострои-

тельстве, в домашней утвари, в составе стада (казахи держали главным образом овцу и лошадь, русские – корову и свинью) и в других хозяйственно-бытовых проявлениях. Казахи и русские хоронили своих покойников на разных кладбищах, в разных сторонах от селения, по разному обряду. По формальным стратиграфическим приметам в их археологической трактовке казахи выглядят здесь более поздними пришельцами, хотя в действительности они освоили Прииртышье намного раньше русских.

Стремление к абсолютизации формальных показателей в значительной мере обусловлено неоправданной тягой к выдаче нагора «непротиворечивых» концепций. Особенно часто исследователи грешат этим, когда пытаются дать этническую интерпретацию той или иной археологической культуры. Однако в процессе этнических реконструкций, как правило, не учитывается, что здесь должны быть одновременно задействованы в исторической ретроспективе по крайней мере три совершенно разных этногенетических аспекта: историко-археологический, лингвистический и антропологический, которые далеко не всегда выступают в «непротиворечивом» единстве, а если и выступают, то это скорее исключение, чем правило. Откровенное желание некоторых археологов во что бы то ни стало «непротиворечиво» совместить эти три этногенетические ретроспекции во многих случаях есть не что иное, как «подгонка под ответ», тем более что среди разнородных и разноречивых точек зрения всегда можно выбрать самую удобную, объявить ее самой правильной и тем самым «совместить» все, что угодно. Аналогичным путем нередко идут в своих этногенетических реконструкциях лингвисты и антропологи. Уместно заметить в этой связи, что любое многоуровневое историко-культурное и этнокультурное построение просто **обязано** быть противоречивым, иначе оно окажется неспособным адекватно отражать объективную противоречивость исторического процесса.

Коль скоро затеян разговор относительно этнической принадлежности древних урало-сибирских культур, коснемся проблемы уральского праязыка, распавшегося, как ныне считается, сначала на прафинский, прасамодийский, праугорский и предположительно праюкагирский языки, которые, все более разветвляясь, дали начало многим языкам, на которых говорят теперь разные народы уральской языковой семьи (Б. Коллиндер; Е.А. Хелимский; Янхунен; В.В. Напольских и др.; см. библиографию: Напольских В.В., 1997, с. 200–231).

Эта лингвистическая родословная выглядит не вполне убедительно, во всяком случае применительно к территории Западной Сибири, где археологически прослеживается чередование волн этнокультурной дифференциации и этнокультурной консолидации: верхний палеолит – дифференциация; мезолит и ранний неолит – консолидация; поздний неолит, первая половина бронзового века – дифференциация; поздний период эпохи бронзы, железный век – консолидация. В первой половине бронзового века особенно мозаичная этнокультурная картина наблюдается на зауральско-западносибирском юге, где локализовались тогда более десятка археологических культур: баланбашская, коптяковская, синташтинская, петровская, ташковская, одиновская, кротовская, логиновская, крохалевская, елунинская, самусьская и др. (лесостепная зона и отчасти южная окраина лесной полосы), не говоря уже о букете северных культур гребенчато-ямочной, печатно-гребенчатой, отступающе-накольчатой керамики и их гибридных вариантов, различающихся специфическим набором культуuroобразующих признаков. Показательно, что в период поздней бронзы на юге зауральско-западносибирского региона локализовались по существу всего лишь две культуры: межовская (межовско-бархатовская) и ирменская. Этот археологически установленный факт требует определенной корректировки прежних подходов к этнической истории западносибирских народов, исходящих из априорной уверенности об однонаправленном нарастании – от глубокой древности до этнографической современности – этнокультурной дифференциации, наподобие непрерывно растущего и все более ветвящегося дерева. Однако вполне возможно, что формирование современных зауральско-западносибирских этносов происходило вовсе не на дифференцирующей, а на интегрирующей волне, и что в далеком бронзовом веке здесь могло быть больше языков и народов, чем во времена освоения Сибири русскими.

Надо, наверное, учитывать также возможность языковой «нефиксированности» проживания в прошлом на той или иной территории некоторых пришлых иноязычных групп. В средневековой истории наиболее наглядным примером такого лингвистически «нефиксированного» чужеродного внедрения является освоение норманнами десять веков назад юго-западного и западного побережья Гренландии. Если бы не письменные свидетельства, подкрепленные затем археологическими раскопками, никакие лингвистические

изыскания, скорей всего, так и не установили бы факт четырехсот-летнего существования в соседстве с эскимосами двух многолюдных норманнских колоний.

Нельзя не остановиться на нынешних подходах к реконструкции древнего мировоззрения. Нет необходимости доказывать, сколь важна эта проблема. Вне осмысления картины Мира и своего места в нем человек как биологический вид и как мыслящее существо никогда бы не состоялся.

Одним из наиболее семантически насыщенных и информативных источников по древнему мировоззрению является погребальная обрядность, во всяком случае с тех пор, когда она вошла в ритуальную практику. К сожалению, как уже приходилось не раз отмечать, у нас в изучении могильных древностей до сих пор господствуют статистико-формализационные подходы, ориентированные на индексацию, типологизацию, корреляцию и систематизацию обрядовых признаков. Однако ныне эти статистико-формализационные упражнения в значительной мере исчерпали свои возможности и зачастую начинают питать сами себя, не порождая ничего существенного и обнадеживающего. При исследовании смыслового содержания древней погребально-ритуальной практики сейчас не менее важно всесторонне учитывать три ее главных семантических ракурса:

1. **Структурный ракурс.** Могильный комплекс являет собой модель Мира. Подземная часть (могильная яма) ассоциируется с Нижним миром, наземная (надмогильные столб-«лестница», дерево, погребальный домик, курганный холм и пр.) демонстрируют связь с верхней (небесной) сферой. Чисто грунтовые захоронения – без надмогильного сооружения (иногда вниз лицом), устройство умершего на дневной поверхности, водружение покойника на дерево или вообще на высоту, встречающееся у сибирских народов, видимо, свидетельствуют о наличии ритуалов и магических действий, способствующих приобщению души покойника (одной из душ) к какой-либо определенной сфере Мироздания – в зависимости от возраста, образа жизни, социального положения, обстоятельств смерти и пр.

2. **Мировоззренческий ракурс.** В древней и традиционной погребальной обрядности закодированы основные категории и концептуальные сюжеты языческого миропонимания – представления о структуре Мира, о душе, о пространстве-времени, о жиз-

ненном круговороте, а также о других блоках мировоззренческого комплекса.

3. *Функциональный ракурс.* Практически все элементы древней и традиционной погребальной обрядности так или иначе направлены на обеспечение благополучного достижения темной (нижней) и светлой (темной) «душами» покойника мест загробного обитания – во имя будущей реинкарнации. Засвидетельствованное археологически и этнографически помещение останков покойника в дупло дерева, в долбленную колоду, в обласок, в зыбку или в иное вместилище имитирует возвращение умершего в материнское лоно для нового рождения. Вероятно, ту же смысловую роль на каких-то этапах развития языческого мировоззрения выполняла могильная яма, воспринимаемая как детородное место Земли-Матери. Не случайно в те или иные эпохи покойнику в могиле стремились придать скорченное (эмбриональное?) положение, на что обращали особое внимание многие исследователи.

Вне трех вышеперечисленных семантических ракурсов формализационные и статистические методы исследования древней погребальной обрядности теряют свой эвристический потенциал, что чревато формально-логическими выводами и заключениями.

К сожалению, существующие в нынешней археологии методы исследования реализуются преимущественно на уровне обязательных правил, ориентированных на археологические раскопки и последующую камеральную обработку добытого археологического материала. Методологические аспекты, касающиеся путей и способов извлечения исторической информации из археологических источников, разрабатываются весьма вяло и малоэффективно. Поэтому сибирская археология, как, впрочем, и отечественная, во многом продолжает оставаться не столько исторической, сколько вещеведческой дисциплиной.

Н.А. Кузнецов

Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»

**ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ КУРГАНОВ
ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУЗНЕЦКОЙ
КОТЛОВИНЕ (МОГИЛЬНИК ШЕСТАКИ-II)**

Средневековые памятники Кузнецкой котловины многообразны и пока еще слабо изучены. Такая категория памятников, как

курганы с погребениями по обряду кремации на стороне, на территории Кузбасса в разное время идентифицировалась как курганы средневековых кыргызов (тютятская культура), как курганы одинцовской или даже «сапоговской» культуры. В настоящее время почти все исследователи, работающие с такими памятниками, называют их курганами Верхнеобской этнокультурной общности или прямо памятниками Верхнеобской культуры или локального варианта этой культуры. Экспедицией ИАМ «Кузнецкая крепость» в 1998 и 2000 гг. проводились раскопки на курганном могильнике Шестаки-II, расположенном на р. Артыште (бассейн р. Иня), возле с. Старобачаты. Курганы содержали погребения по обряду кремации на стороне. Предварительная датировка – VIII–X вв. н.э. Среди погребального инвентаря наибольший интерес вызывают предметы вооружения.

Оружие дистанционного боя

Луки. Курганы содержат погребения по обряду кремации на стороне. Однако обряд погребения очень сильно варьируется. В некоторых случаях вещи, положенные в могилу, сожжены, в других они не носят следов обожжения. От луков сохранились только несколько костяных накладок. В кургане №3 в разграбленной могиле собраны фрагменты необожженных срединных боковых и фронтальной, и концевых накладок. Причем на одной из срединных боковых накладок процарапан знак, видимо, тамга. Больше подобных находок не было. Однако в двух могилах длинного кургана №2 среди кальцинированных костей обнаружены мелкие фрагменты сгоревших срединных фронтальных накладок от луков. Удивительно, что этих накладок так мало, на фоне присутствия наконечников стрел в большинстве могил. В синхронном памятнике – Есаульской курганной группе у г. Новокузнецка, наоборот, при незначительном количестве наконечников, почти в каждой могиле оказались фрагменты пережженных накладок от луков. Находки не позволяют нам делать какие-либо выводы о размерах луков.

Наконечники стрел. В курганах памятника Шестаки-II встречено большое количество железных и костяных наконечников стрел и их фрагментов. Часть из них найдена в насыпях курганов. Некоторые из этого числа были выброшены из заполнения могил грабителями или грызунами, но тем не менее можно утверждать, что достаточно много наконечников стрел было изначально помещено именно в насыпь кургана. Так, костяные наконечники из мо-

гил, – как правило, сгоревшие, а из насыпи – не носят следов обожжения. Железные наконечники из могил иногда имеют пленку закись-оксида железа, которая образуется при прокаливании железных изделий, в других случаях такая пленка не прослежена. Более того, иногда сохраняется часть древка при наконечнике, которая обмотана узкой полоской бересты. Это ярко свидетельствует, что стрелы в огне не были. Следует отметить такой факт: ни в одной могиле не найдено так называемых бронебойных наконечников стрел. Однако в тайничке, заполненном предметами вооружения и лошадиной сбруи, в кургане №2 оказались почти исключительно массивные четырехгранные или круглые боеголовковые наконечники. Хотя они спеклись в единый комок, сечение многих наконечников легко определяется.

Интересен втульчатый костяной наконечник стрелы, имеющий сквозное продольное отверстие. С первого взгляда предмет очень похож на костяную свистунку. Но аналогии такому наконечнику есть в экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея – этнографические, шорские стрелы для охоты на соболя, у которых костяной набалдашник насажен на древко так, что древко выступает вперед «шипом». Вероятно, к такому типу наконечников следует отнести и массивные костяные набалдашники, которые находят в памятниках верхнеобской культуры в составе колчанов со стрелами и определяют как детали стеков.

Свистунок и их обломков найдено очень мало. Они небольшие по размерам, имеют круглые отверстия и во всех случаях, когда они найдены при наконечниках, эти наконечники трехлопастные.

Колчаны. В кургане №1 в насыпи обнаружены выброшенные грабителями орнаментированные костяные пластинки от колчана, имеющие разный рисунок. На шести фрагментах, три варианта орнамента. Самый длинный фрагмент – 17 см. Ширина пластин – 1,2 см. Здесь же найден железный колчаный крюк с поперечной планкой. Костяные пластинки не имеют следов обожжения. В других курганах никаких следов колчанов обнаружить не удалось.

Оружие ближнего боя

Наконечники копий. Ни в одной из могил наконечников копий не найдено. Однако в кургане №2 оказался тайник под насыпью, на уровне материка. Он представлял собой овальную ямку, заполненную железными предметами вооружения и деталями конского снаряжения. Здесь находились наконечник копья, не менее 18

железных наконечников стрел, бляхи-тройники, стремяна, топор-тесло, удила, пряжки. Наконечник копья втульчатый, массивный, с ромбическим сечением пера. Судя по компактности сложенных предметов, здесь были не готовые изделия – оружие и амуниция, а только железные детали для них. Рядом с тайником находилась каменная плита-алтарик, возле которой было немного кальцинированных костей. Кроме того, рядом с тайником, в насыпи, на уровне наконечника копья, найден овечий астрагал и не сожженная косточка от хвоста лошади.

Клинковое оружие. В кургане №1 и в двух могилах кургана №3 найдены фрагменты больших клинков. Определить палаш это или сабля, невозможно. Во всех случаях это – небольшие обломки. Сечение их разное, в кургане №1 сечение таких фрагментов пятиугольное, в кургане №2 в одном случае – трехгранное, во втором – клинок расслоился и сечение из-за коррозии не определяется. В кургане №3 в могильную яму был втиснут целый палаш, при этом у него согнулся кончик клинка. Палаш имел почти прямой клинок, длиной 70 см и шириной 5 см. Деревянная рукоять была длиной 15 см и круто загнута в сторону лезвия. Вместо перекрестья, железная обойма на месте соединения клинка и рукояти, шириной 3 см. С первого взгляда палаш удивительно похож на казацкую шашку образца 1881 г., только прямой.

Нож. Насколько правомерно отнесение ножей к разряду оружия, споры ведутся до сих пор. В нашем случае критерий отнесения ножей к оружию следующий: в трех погребениях встречены пары ножей, один миниатюрный, второй с массивным клинком. В двух случаях массивный нож был коленчатым, с трехгранным сечением клинка и длиной клинка около 16 см, в третьем случае находка фрагментарна. В случае обнаружения двух ножей в наборе мы считаем большой нож боевым.

В синхронных памятниках на Ине встречаются вислообушные боевые топоры и кистени, но в Шестаках таких видов оружия не найдено.

Плети. Мы считаем, что плети не являются оружием. Дело в том, что плети у кочевников делятся на нагайки и камчи. Если нагайкой действительно можно тяжело травмировать человека, то камча, – как правило, небольшая легкая плетка. Удар ею чувствителен, но не опасен. В рассматриваемом комплексе встречена вырезанная из кости рукоять камчи (фрагмент) в виде головы хищной рыбы.

Предметов защитного вооружения в комплексе не обнаружено.

Хотя работы на курганном могильнике Шестаки-II продолжаются, можно сделать некоторые предварительные выводы. Предметы вооружения клали не только в могилы, но и в тайники и в насыпь кургана, возможно, это связано с поминальными обрядами. Комплекс вооружения здесь достаточно представительен и включает в себя оружие дистанционного боя (луки и стрелы), ударное оружие ближнего боя (копья и палаши) и вспомогательное оружие (коленчатые кинжалы). Предметы вооружения не клались в могилы целиком, во всех случаях они повреждены. Остается непонятным, почему некоторые предметы сожжены, другие не были в огне. Любопытно, что набор оружия из могил и из тайника резко различается, видимо, существовала какая-то регламентация предметов, которые положено было класть в могилу.

И.А. Кукушкин

Карагандинский государственный университет

им. Е.А. Букетова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ АНДРОНОВСКОГО (ФЕДОРОВСКОГО) ОРНАМЕНТА

Культурная принадлежность археологического памятника определяется прежде всего особенностями керамического комплекса, что особенно актуально в эпоху бронзы. Для андроновской культурно-исторической общности – это плавнопрофилированные и уступчатые сосуды, строгий геометризм в орнаментике с четко выраженным канонизированным сюжетом.

Детальное описание андроновского орнамента достаточно хорошо известно, однако работ, где бы объектом исследования являлся сам орнамент, сравнительно немного. Тем не менее отчетливо обозначилась тенденция к извлечению более глубокой информации семантического характера из такого массового источника, каким является керамический материал, который доходит до исследователей в наиболее целостном, нередуцированном виде, в отличие от других археологических «текстов» (Рудковский И.В., 1992, с. 40).

Отличительной особенностью андроновской орнаментики является горизонтальное зонирование орнаментального поля, за-

дающее три основных ряда значений: верх–середина–низ (Михайлов Ю.И., 1990, с. 14), что позволяет сопоставить андроновский горшок с трехчастной моделью вселенной, объединяющей три сферы мироздания. Первая – это земное жизненное пространство, вторая зона сосуда – воздушное пространство, третья зона – это небо (Кузьмина Е.Е., 1986, с. 71).

Таким образом, если андроновский сосуд представлялся моделью мирового устройства, а изготовление горшка отождествлялось с космическим актом творения вселенной (Кузьмина Е.Е., 1986, с. 60, 70), то андроновский рисунок и горшок должны были дополнять и целиком совпадать по своему сакральному значению, так как они неотделимы один от другого. Орнамент, по сути, играл основную роль в наглядной демонстрации и прочном закреплении традиционных космологических представлений в андроновской среде.

Следовательно, на андроновской посуде отражена идея космического миропорядка, ярко проступающая на горшках с «богатой» орнаментацией и, довольно скромно, на другой категории керамики, в виде упрощенного варианта общеизвестного целого. Конечно, геометризм андроновского сакрально-декоративного искусства существенно затрудняет его семантический разбор, но в то же время относительно строгое соблюдение изобразительного канона делают его интерпретацию вполне возможной.

Хотелось бы предложить совершенно нестандартный подход к решению проблемы дешифровки идейного содержания андроновского орнамента, а именно: обратить внимание на рисунок, наносимый на днища андроновской посуды.

Комплексный подход к исследованию андроновского орнамента позволил выявить около ста орнаментированных днищ, причем «собственно андроновским творческим приемом в заполнении дна является прежде всего изображение крестов, в том числе гаммированных (Михайлов Ю.И., 1990, с. 10). Как известно, крест (свастика) наряду с изображением солнца всегда маркирует семантический верх космоса. С трактовкой свастики как солярного символа, колеса солнца согласны фактически все исследователи. Округлое днище сосуда, следовательно, играет роль семантического верха, что и подтверждается крестом (свастикой), от которого соответственно расходятся лучи-треугольники, обычно наносившиеся в придонной части сосуда.

С этой позиции утилитарная нижняя часть, дно горшка, превращается в семантическую верхнюю и в этом, перевернутом положении орнамент на сосуде что называется становится с «головой на ноги».

На доказательность реальности такого подхода к проблеме изучения андроновского орнамента указывают регулярные находки сосудов, установленных вверх дном при исследовании некрополей эпохи бронзы, на что уже обращалось внимание (Итина М.А., 1979, с. 17). Сосуды, установленные вверх дном, зафиксированы в погребальных камерах, в верхней части заполнения неограбленных захоронений, в пределах оград и курганов, где они обычно интерпретируются как жертвенники.

Свастические мотивы орнамента широко использовались и в декоре тулова керамических сосудов, хотя сама по себе свастика в чистом виде встречается довольно редко. Чаще всего в андроновской орнаментальной традиции она значительно усложняется, нередко превращаясь в причудливый меандро-свастический рисунок, где, однако, мотивы свастики сравнительно легко угадываются.

Опираясь на общепризнанную индоиранскую концепцию происхождения андроновских племен, можно предполагать существование у населения степной бронзы мировоззренческих представлений, близких индоиранской космологической модели. Согласно последней, солнце представлялось в виде зоо- или антропоморфного существа, облетающего по небосводу землю на своей огненной колеснице и на ночь погружающегося в океан, через который оно переправляется с запада на восток, чтобы утром вновь подняться на небо (Елизаренкова Т.Я., 1986, с. 14).

Изображениями повторяющихся, соединенных в ряд идентичных предметов передавался в древности ритм и направление движения (Ермоленко Л.Н., 1991, с. 18, 19). Принимая во внимание известные солярные мифы, можно предположить, что меандро-свастическим орнаментом, замкнутым в круг на сосуде, передавалось круговое движение солнечной колесницы.

Меандровые мотивы рисунка, расположенного чаще всего в нижней части шейки сосуда*, обычно более «спокойны». Они, как правило, не закручиваются в свастику, а изображаются в виде полусвастики Z-образной формы (или «уточки») с различными вариантами соединения, подчеркивающими линейное скольжение. Оче-

---

* Используется общепринятая терминология.

видно, это связано с тем, что шейка сосуда отождествлялась с водной стихией, где солнце не катится, а плывет по ночному, подземному океану, влекомое водоплавающими птицами или само принимающее облик птицы этого вида.

Место меандра в нижней части шейки сосуда нередко занимает зигзагообразная лента, получаемая в результате негатив-позитивных преобразований, которая, видимо, символизирует воду и движение, что совпадает по своему значению со знаками петроглифического письма древнейших мировых цивилизаций и этнографическими данными. Думается, и другие элементы орнамента, полученные в этой зоне сосуда путем негатив-позитивных преобразований, близки этим значениям.

Верхняя часть шейки горшков обычно украшалась «падающими» или прямоугольными треугольниками, которые могли олицетворять собой волны мирового океана, который по представлениям древних со всех сторон омывал землю.

Попробуем рассмотреть вопрос: что за прообраз лежит в основе андроновского меандро-свастического орнамента, так как от его решения зависит и солярная семантика свастики.

Для этого восстановим общую картину космогонической системы «андроновцев», изображенную на сосудах. В качестве примера возьмем схему-развертку орнамента федоровского горшка из могильника Бурлук-I, (Зданович С.Я., 1970, с. 158), как в целом наиболее показательного (рис. 1).

Центральную часть развертки занимает солнце, окруженное лучами-треугольниками. Далее следуют треугольные фестоны, образующие в плане многолучевую звезду и обрамляющие свастический меандр, который в свою очередь может трансформироваться в замкнутую свастику, предстающую в виде ромба. Ниже проходит цепочка ромбов, выполненных в позитивной манере изображения и, по всей видимости, выступающих здесь в качестве водной стихии или водоплавающих. Завершающий элемент орнамента – остроугольные треугольники, маркирующие мировой океан, окружающий со всех сторон землю.

Андроновские свастические элементы орнамента часто имеют окончания в виде двух ветвей, направленных по часовой стрелке.

Считается доказанным, что орнамент зачастую передает одну характерную черту прообраза. По нашему мнению, андроновская свастика передает изображения рогов, а с учетом передне-среднеазиатского происхождения андроновского населения (Кукушкин И.А.,

2002, с. 120) – рогов козла, а в ряде случаев – барана. Изображение мелкого рогатого скота, в частности козла, имело широкое распространение в этих регионах. Петроглифические рисунки козлов, причем нередко с солярной символикой, отмечаются практически на всей территории, занимаемой андроновскими племенами.

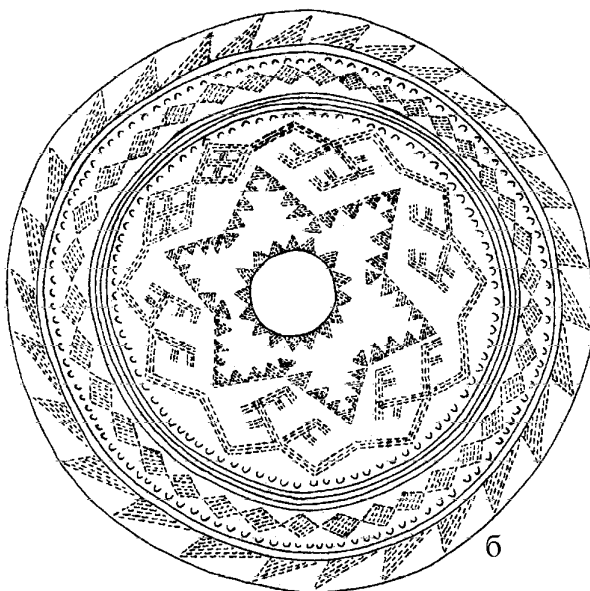
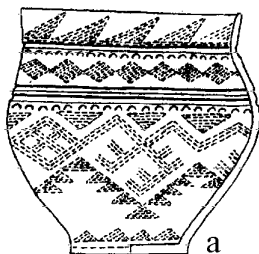

Рис. 1. Могильник Бурлук-I: *а* – федоровский керамический сосуд; *б* – схема развертки сосуда, изображающая андроновскую (федоровскую) космогоническую модель

На интерпретацию андроновских свастических мотивов как на изображение солнечных козлов или баранов указывают и эпизодические находки в оградах жертвенных сосудов, установленных вверх дном, вокруг которых укладывались головы или целые туши баранов (козлов), которые фактически являются натуралистичной калькой андроновского свастического орнамента, а также практической реализацией религиозно-мифологических представлений, целям которых и служил погребальный обряд.

Довольно часто крест наносили на округлые днища банок и горшков с упрощенной орнаментацией, так как «простейшая схема мира – это круг с вписанным в него крестом» (Бессоннова С.С., 1983, с. 83). Следовательно, солярный крест (свастика) маркирует всю космогоническую модель мира на сосуде в целом.

Утилитарный андроновский сосуд – это в то же время сакральный предмет, на котором графически зафиксирована космогоническая религиозно-мифологическая система, отражающая представления древнего населения об организованном пространстве окружающего мира. В сакральном (перевернутом) положении сосуд – это мировая ось, мировое дерево, на вершине которого находится солнце. Свастическими мотивами передается круговое движение дневного светила в образе солярного козла (барана), проходящее по небосводу с востока на запад. Ниже – подземная водная стихия, преодолеваемая с помощью водоплавающих птиц с запада на восток. В целом вся картина воспроизводит циклическое круговое движение, т.е. смену дня и ночи вокруг оси мира.

Хотелось бы обратить внимание на фестоны, обрамляющие свастический орнамент и в основном характерные для федоровских традиций. На наш взгляд, остроугольные треугольники, из которых они состоят, передают характернейший признак хищника – когтистую лапу, изображение которой встречается на керамических сосудах среднеазиатских культур.

Думается, на федоровских сосудах дополнительно воспроизведена и сцена преследования лунным хищником солярного животного, что подчеркивается большим динамизмом, экспрессией федоровского орнамента по сравнению с алакульским. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что солнце не являлось основным объектом культа у федоровских племен. На это указывает и отсутствие так называемых солярных бляшек в наборе украшений федоровских женщин.

Мировоззренческие представления федоровского и алакульского населения опирались на единую религиозно-мифологическую систему, но основные объекты культа, подчиненные внутрисоциальным отношениям, у них заметно отличались, что способствовало не сближению, а в большей мере разбеганию первоначальной андроновской общности.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ВСЕСОКРУШАЮЩЕЕ ВРЕМЯ

(семантика образа фантастического зверя и зервано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры)*

Время разъясняет все сокрытое

И скрывает все понятное.

Софокл

Вводные замечания и постановка проблемы. В роскошно разнообразном репертуаре анималистических образов древнего искусства Сибири и соседних с нею территорий особо впечатляют (и озадачивают!) фантастического обличья персонажи. Самый ранний такого вида образ *восходит ко времени финальной поры верхнего палеолита* юга Урала (Игнatieвская пещера; радиоуглеродная дата – $14\,240 \pm 150$; $13\,335 \pm 192$ лет от наших дней; см. Петрин В.Т., 1992). Позже нереальные, причудливо синкретичной природы и хищного норова звери становятся своего рода «визитной карточкой» искусства *окуневской культуры* юга Сибири (рубеж III–II тыс. до н.э.; см. Студзицкая С.В., 1997; там же список литературы). Они в трансформированном виде сохраняют затем статус характерных персонажей (см. рис. 1) в искусстве звериного стиля культур раннего железного века (I тыс. до н.э.; Окладников А.П., 1959; Васильев С.А., 2000; там же списки литературы).

Все это – свидетельства *устойчивости местных художественных традиций*, восходящих, возможно, к искусству средней поры верхнего палеолита (драконы Мальты; см. Ларичев В.Е., 1993; 1996), и потому, полагаю, нет необходимости отыскивать корни столь экзотического мотива в анималистике (положим, в

---

* Исследование поддержано РФФИ (проект №02-06-80094).

искусстве того же «окунево») ни на Ближнем Востоке, ни в Китае. Сходные мысли возникают также при обращении к проблеме интерпретаций образа фантастического зверя и композиционно связанных с ним персонажей, прежде всего окуневского искусства, *предтеч того и другого в искусстве звериного стиля* культур скифской эпохи. Поэтому для сибирских археологов остается актуальной задача *доказательного раскрытия информации*, запечатленной в объектах художественного творчества со стратегической нацеленностью на решение *проблемы характера религии окуневской культуры и культур раннего железного века Северной, Средней и Центральной Азии*.

Методические установки. Интерпретация образов фантастических зверей окуневского искусства вращается большей частью, или в кругу мифологической символики (персонаж «космической охоты», «пожиратель небесных светил»), или в поле философического пошиба отвлеченностей. Выйти на витки иных кругов и на неторенные искусствоведами археологии тропы можно лишь *при отходе от аналогового, мифолого-этнографического метода* семантических оценок объектов художественного творчества и *взятии на вооружение естественно-научного метода, нацеленного на извлечение должной информации прежде всего из самих этих объектов*, а не заимствовании ее со стороны. Такой метод позволяет (в случае удачного выбора объекта анализа) взглянуть на персон окуневского искусства под неординарным углом зрения.

Оптимальные условия для того создают, в частности, сюжетные композиции, в коих совершенно *определенного вида* фантастический зверь слит воедино (или размещен по соседству) с одним (или двумя) иного облика образами. Под «определенностью» вида животного подразумеваю такое его воплощение, когда *детали фигуры можно воспринять не только графическими элементами образа, но одновременно и счетными знаками*, которые составляют вместе как фигуры, так и неким образом *упорядоченный числовой текст*. При прочтении его может открыться перспектива более тонкого, точного и глубокого понимания смыслового контекста самого образа, а не исключено, и композиции в целом. Во всяком случае «числового вида» образы в искусстве верхнего палеолита Евразии (что есть свидетельство глубокой древности такой манеры шифровки художниками сакральных

знаний) позволили обрести большую уверенность в оценке правильности семантических реконструкций (см., для примера: Ларичев В.Е., 2002а, б).

Приступим к практике реконструкций, используя высказанные идеи.

Источники. «Определенному» (*числовому!*) виду зверя в полной мере соответствует классического облика «зооморфное божество», изображенное на поверхности плиты погребения 8 кургана №4 могильника Черновая-VIII (Вадецкая Э.Б., 1965). Контуры и детали фигуры фантастического зверя определяют выбитые, а затем окрашенные охрой линии (рис. 1). У него *медвежьи* голова и уши, *змеиные* клыки и язык, полосчатая, как у тигра, передняя часть тела (у искусствоведов – признак «скелетного стиля» или «транспарентности»), поджарая, как у *гиены* или волка, задняя часть, *львиные* грива и хвост, длинные и тонкие, со шпорами ноги *журавля*, пальцы коих более напоминают когти *орла* или *грифа*. Зверь «державной» поступью (напролом!), нагло и самоуверенно двигается вправо, угрожающе распахнув змеиную пасть и грубо попирая ногами второй персонаж композиции – трехглазый лик загадочного божества.

В качестве источников привлечем (на заключительном этапе исследования, когда настанет пора определяться по части самого сложного вопроса – характера религии «окунево») увенчанные головами стелы (рис. 2). На поверхности их запечатлены, надо полагать, варианты того же, что и на могильной плите, сюжета – яростно агрессивный зверь и личина, но уже в контексте не только некоего взаимоотношения их друг с другом, а, видимо, *с третьим персонажем, воплощенным монументально – в скульптуре* (они размещаются в пределах средней части ее, в районе *чрева*).

Презентация знаковых записей, слитых воедино с телом фантастического зверя и личиной. Текст составляют следующие блоки (см. рис. 1):

1 – короткие черточки на хвосте зверя	– 23;
2 – короткие черточки на крупе и спине	– 22;
3 – серповидные (8 и 8) и прочего вида (1,4,1) знаки	
(в ученой терминологии – «транспарентные» детали)	– 22;
4 – линейные, а также прочего вида знаки головы	– 22;
5 – детали конечностей и фаллос зверя	– 21;
6 – знаки личины	– 7.

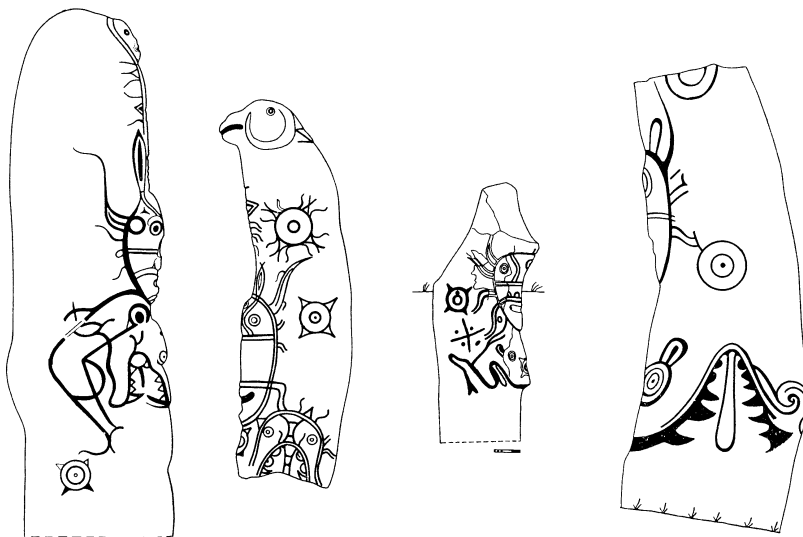

Рис. 2. Окуневские скульптуры с барельефами личин и фантастических зверей

На строгую продуманность числовой группировки знаков, связанных с туловищем зверя, а также конечностей намекает одинаковое или близкое количество их

23; 22; 22; 22; 21.

Подтвердим это впечатление объективно.

Тестирование числа знаков в отдельных блоках, в их подразделениях, а также всей композиции. Календарно-астрономический характер текста сразу же выдает количество знаков в подавляющем большинстве блоков – 22 или близкое ему число (23, 21). А все дело в том, что в древних, эпох неолита и бронзы, вариантах счетчиков времени именно эти числа определяли *длительность большей части подразделений 16-месячного лунного календаря, нацеленного на решение проблемы предсказания (ожидания) времени наступления лунного затмения.* На то прозрачно намекает особая (сакральная!) астрономическая значимость лунного периода, продолжительность которого составляет все те же 22 дня. Именно *такое число суток определяет в календаристике так называемую эпоху лунного затмения – 11 суток сближения Луны с узлом своей орбиты (точкой пересечения с эклиптикой,*

маршрутом движения Солнца) и 11 суток отхода ночного светила от узла, когда, окажись оно в эти $11 + 11 = 22$ дня (или близкое число суток) в фазе *полнолуния*, могло случиться затмение Луны.

Обращаю внимание и на важнейшее обстоятельство: число 22 кратно *синодическому* (фазовому, смещение относительно Солнца) обороту Луны –

$$22 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,7449 \approx \frac{3}{4} \text{ син. лун. мес.}$$

Лунный аспект этого числа выдает, помимо того, и *внутренняя структура записи его в пределах туловища зверя*, где серповидные знаки в верхней и нижней частях тела его фиксируют число – 8, кратное опять-таки *синодическому* обороту Луны –

$$8 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,2709 \approx \frac{1}{4} \text{ син. лун. мес.}$$

Лунный аспект, но иного разряда, отражает также количество знаков личины, ибо число 7 кратно *сидерическому* (смещение ночного светила относительно звезд; реальная продолжительность оборота его вокруг Земли) циклу –

$$7 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,2562 \approx \frac{1}{4} \text{ сид. лун. мес.}$$

Сидерическому циклу близко и общее число знаков конечностей зверя (+ его фаллос) и личины

$$21 \text{ сут.} + 7 \text{ сут.} = 28 \text{ сут.}$$

$$28 \text{ сут.} \approx 27,32 \text{ сут.}$$

Не менее интересные (и важнейшие!) календарно-астрономические аспекты проявляются при соединении блоков записей $23 \rightarrow 22 \rightarrow 22 \rightarrow 22$ попарно –

$$[23 + 22] = 45$$

$$[22 + 22] = 44.$$

Они, эти аспекты, интересны потому, что такие количества суток отражают в календаре *полуторамесячные синодические периоды выравнивающего типа*, когда легкое превышение цикла в одной паре «месяцев» $[23 + 22]$ компенсируется недостаточей в другой паре $[22 + 22]$ –

$$45 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,52 \text{ 38 син. лун. мес.}$$

$$44 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,48 \text{ 99 син. лун. мес.,}$$

и потому, что последовательное счисление времени лунными периодами по $45 \rightarrow 44$ сут. позволяет относительно *точно фиксировать не только 4 кардинальных момента солнечного года – 2 равноденствия и 2 солнцестояния, но также 4 межсезонья, т.е. сутки, примерно равно отстоящие от равноденствий и солнцестояний* ($\approx$ 8 ноября, 5 февраля, 6 мая, 8 августа; на эти даты попадают

сутки окончания счисления четырех периодов, длительность которых составляли $45 \rightarrow 44 \rightarrow 45 \rightarrow 44$, если, положим, начинать счисление 45 сут. с равноденствия или солнцестояния).

Итак, тестирование подтверждает календарно-астрономическую значимость «текста», в сущности, *числового воплощения* фигуры фантастического зверя, который изображен на могильной плите погребения. Теперь остается представить целостную картину расшифровки записей, чтобы *конкретизировать сущность персонажа*, сокрытого могильной насыпью кургана №8.

Реконструкция лунного и затменного календарей окуневской культуры. Определение новогодия, а также драконических и затменных аспектов системы счисления времени начала II тыс. до н.э. Принципиальный вопрос реконструкции – установление сезона новогодия. Эта задача решается просто – *суммирование всех знаков, связанных с телом зверя, четко ограничивает время совершенно определенного астрономического сезона – осеннего:*

$$[23 + 22] + [22 + 22] \text{ сут.} = 89 \text{ сут.},$$

что есть период *от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния*, единственного в солнечном году сезона, продолжительность которого кратна лунному циклу, и притом не только *синодическому*, но и *сидерическому* (смещение Луны на фоне звезд) разновидностям (отслеживания ночного светила на фоне звезд *позволяло отсчитывать время со значительной мерой точности*) –

$$89 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,0138 \approx 3 \text{ син. лун. мес.}$$

$$89 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 3,2576 \approx 3 \frac{1}{4} \text{ сид. лун. мес.}$$

Следовательно, *новогодие* в календаре «окуневцев», воплощенном в деталях тела фантастического зверя, *определял день осеннего равноденствия*, а остальные сезоны и межсезонья *определяли начала и финалы счисления блоков 45 и 44.*

Особо тонкие особенности такой структуры календаря окуневцев проявляются при счислении полугодия, а затем и года, т.е. при двукратном ($89 \text{ сут.} \times 2 = 178 \text{ сут.}$) и четырехкратном ($89 \text{ сут.} \times 4 = 356 \text{ сут.}$) проходе по всем 89 знакам. А все дело в том, что после двукратного счисления блоков финал полугодия (177–178 сут.) и финал года (355–356 сут.) *определят одни и те же знаки – два нижних змеиного вида клыка пасти зверя.* Числа же эти в астрономии и календаристике чрезвычайно примечательны – *они определяют сутки возможного повтора лунных затмений* (согласно рас-

четам современных астрономов *повтор затмения* может ожидаться на 177–178 и 355–356 сут. после наблюдения предшествующего).

Ясно, что выяснение такой детали календаря позволяет точно *определиваться с вопросом семантической оценки знаков пасти зверя, ее змеиных клыков и языка* – по ним отслеживались сутки приближения момента лунного затмения и самого этого явления. Но и это не все. Поскольку календарь составляет череда записей эпохи лунного затмения (22 сут.), что косвенно свидетельствует об осведомленности жречества относительно понятия узлов лунной орбиты, а значит, и продолжительности половины ($173,31 \approx 174$ сут.) и годового ($346,62 \approx 347$ сут.) драконического (затменного!) цикла, то можно установить, *какие знаки символизировали эти узлы*. Нетрудно рассчитать, что таковыми были (см. рис. 2) передний верхний клык (174-е сут.) и глаз зверя (347-е сут.). В таком случае язык его определял 354-е сутки от начала счисления, т.е. *важнейший календарный момент – финал лунного года!*

Реконструкция системы счисления солнечного года и семантика знаков, расположенных в зоне ног. При решении этих вопросов к прочтению следует привлечь 28 знаков текста, а именно: подключить их к счету по завершении счисления трех затменных циклов длительностью 356 сут. каждый. Поскольку вместе они составляют

$$356 \text{ сут.} \times 3 = 1068 \text{ сут.,}$$

то при подключении к этому числу факультива 28 знаков, получим период, близкий продолжительности 3-х солнечных лет:

$$1068 \text{ сут.} + 28 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.}$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,000750 \text{ солн. лет.};$$

неточность (превышение) составляет $0,274 \approx \frac{1}{4}$ сут.; т. е. ≈ 6 часов.

Семантику знаков личины определяет следующее обстоятельство: 5 знаков пасти и знаки факультива (28), которыми завершается выравнивание затменных циклов с *трехлетием солнечным*, составляют вместе

$$5 + 28 = 33,$$

число, *близкое эпохе солнечного затмения* (длительность колеблется в пределах 30–34 сут.; это период приближения, а затем удаления дневного светила от узла лунной орбиты, когда случалось одно (а порой даже два!) солнечных затмения). В свете такого заключения и следует оценивать круглые знаки с точкой посередине (глаза личины). Они, судя по всему, есть *символы совмещенных в небе Солнца*

(круг) и Луны (точка), т.е. времени фазы новолуния, когда после трехлетия и случалось порой самое страшное из небесных явлений – исчезновение с небосклона дневного светила, появление в Небе «бездонной черной дыры», оконтуренной всполохами света солнечной короны (пасть дракона с клочьями гривы на голове?).

Семантика фантастического зверя и личины. Сущность нереального в земном Бытии животного определяют внешний вид его, порождающий ужас, композитный характер образа (синкретичность его) и космичность (календарность, астрономичность) числовой информационной системы, которая зафиксирована деталями фигуры. Негативность восприятия ее усиливается при осознании затмненного содержания календарно-астрономических записей, совмещенных с нею (эпохи лунного и солнечного затмения; сутки повторов затмений; драконические циклы); начало года с осеннего сезона, когда Солнце «уходит» в южную сферу Мироздания, мифологически – в Нижний мир, в Преисподню, в мир холода и мрака, вследствие чего на земле начинают свирепствовать лютые морозы. Все это вместе взятое позволяет уверенно интерпретировать фантастического зверя в качестве мифологического разрушителя Мироздания – драконообразного поглотителя светил, образного воплощения Хаоса.

Семантическую суть личины, *композиционно связанной со зверем*, позволяют раскрыть иные источники, в коих представлены те же персоны, но не на безликой плите, а в пределах *скульптурного воплощения третьего персонажа* – зооантропоморфного существа. Речь идет о стелах окуневского времени с барельефами фантастических зверей хищного норова и личинами, которые располагаются одна над другой *в зоне чрева или нижнего отдела* зооантропоморфа (см. рис. 2.-1–4). Позы и очертания голов хищников с угрожающе оскаленными пастьми не оставляют сомнений в том, что существа эти изображены в момент, когда они стремятся вырваться за пределы тела зооантропоморфа.

Такое понимание сюжета, неоднократно запечатленного в скульптуре и барельефах времени окунево, невольно подталкивает к видению отражения в нем изначального космологического события – становления Мироздания, как это представлено в мифе о Творении зерванистской религиозной системы, «ереси» зороастризма (Рак И.В., 1998).

Представим конспективно этот величайшей значимости и красоты миф индоиранцев, истоки которого восходят по меньшей

мере к временам эпохи бронзы. Главный персонаж мира – *Зерван*, вечное божество бесконечного (но и ограниченного!) *Времени*, *Пространства* и *Судьбы*. То было существо андрогинное (двуполое). Оно обитало в Мире «пустом», т.е. лишенном Неба, Земли, светил и «живых тварей», потенциальных почитателей Зервана. Как раз отсутствие тех, кто назвал бы его лестным словом *Творец*, зародило у него идею рождения сына – доброго бога-созидателя Ахура-Мазды, коему следовало поручить роль устроителя всего недостающего в пустоте.

Но такая мысль могла обрести реальность лишь при усердных жертвоприношениях Судьбе и молениях о даровании ему желанного. При свершении того и другого в течение тысячелетия (!), случилось непоправимое: Творец после столь долгого срока служения Судьбе усомнился в пользе молитв в честь ее, ибо ожидаемого результата не было. Последствием недопустимого для мира богов сомнения стало зарождение во чреве Зервана не одного, а двух сыновей, что вынудило его принять два опрометчивых решения:

- власть над миром будет дана тому, что выйдет из чрева первым;

- то, что так оно и случится, Творец подтвердил нерушимой клятвой.

Ко всему прочему, роковой просчет допустил и всеведущий уже во чреве, желанный сын его Ахура-Мазда, способный воспринимать мысли отца. Он простодушно поделился знанием решения Зервана с «порождением Сомнения», – с братом своим, воплощением Зла – Ангхро-Майнью. Тот, узнав тайные мысли Зервана, вознамерился переиграть Судьбу и, первым выйдя из чрева, стать владыкой Мироздания. Задуманное и было коварно свершено: носитель Зла разорвал чрево Творца в неполюженном месте (сбоку), «явил» ему свое отвратительное обличье и дерзко объявил себя Ахура-Маздой. Зерван пришел в ужас от свирепого вида самозванца и, обозвав его «Нечистым», «Воплощением Тьмы», «Носителем Зла и смердящего запаха», попытался не признать в нем законного сына. Ангхро-Майнью, однако, напомнив Творцу о его нерушимой клятве, вынудил его содрогнуться и зарыдать при осознании полного бессилия изменить Судьбу.

Между тем, следуя обычному пути выхода из чрева Прародителя, на свет появился истинный Ахура-Мазда, «Бог светлый и

благоуханный». Зервану пришлось, во исполнение клятвы, провозгласить владыкой Мира «Духа Зла» Ангхро-Майнью, но он ограничил власть его 9 000 годами. Ахура-Мазде же осталось лишь утешаться пророчеством Творца о воцарении своем во Вселенной по прошествии срока «Правления Зла», когда должна была наступить пора исправлять зло «Сгинувшего в Небытие» и творить добро во благо живых тварей, земных служителей Зервана, который «был, есть и вечно будет» в упорядоченной «светлым богом» Вселенной.

В свете изложенного предлагаю интерпретировать фантастического зверя и личину на плите из могилы № 8: первый персонаж композиции – в качестве предтечи «Духа Зла, лжи и разрушения» – Ангхро-Майнью, а второй – в качестве предтечи Ахура-Мазды – «Бога Добра, правды и созидания». Если так оно и есть, то откроются новые широкого простора перспективы семантических реконструкций в сфере всего окуневского искусства. Зерванозороастрийские каноны и постулаты позволят также должным образом оценить монументальность разряда памятников окуневской культуры – грандиозные астросвятылища на вершинах гор и эффектные храмовые комплексы, открытые в изобилии на севере Хакасии, в долинах рек Белый и Черный Июс.

В этой связи особенно заманчивыми видятся возможности реконструкций в будущем космогонии, космологии, астрономии и календаристики окуневского жречества, а с ними и того, что остается обычно трудно уловимым для археологов – морально-нравственные (в духе зервано-зороастризма) устои, которые провозглашались представителями духовно-интеллектуальной элиты культур эпохи ранней бронзы юга Сибири.

П.В. Мандрыка

Красноярский государственный университет

**ПОДВЕСКА С АНТРОПОМОРФНЫМИ
ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ РИТУАЛЬНОГО
ЗАХОРОНЕНИЯ НА ЕНИСЕЕ**

Металлическая средневековая пластика Средней Сибири – уникальный археологический объект, привлекающий внимание большого числа исследователей, особенно в последние годы. Накопленные к настоящему времени сведения о ней послужили основа-

нием для попыток создания ее классификаций и определения хронологии в разных регионах Сибири (Чижова Л.В., 1983; Чиндина Л.А., 1991 и др.). Одной из групп металлической пластики являются антропоморфные изображения. Один такой предмет был обнаружен на поселении Нижнепорожнское-1 в Казачинском районе Красноярского края, располагавшегося в южнотаежной подзоне долины Среднего Енисея.

Поселение входит в круг памятников Казачинского археологического микрорайона и расположено на 11-метровой террасе левого берега Енисея в створе Казачинского порога. Памятник открыт и изучался автором в 1987–1991 гг. Вскрыто 343 м² его площади. Выявлено два культурных слоя – железного века–средневековья и мезолита (Мандрыка П.В., 1989; 1992).

Средняя мощность первого культурного слоя не превышает 40 см. Он частично разрушен русскими постройками и размыт половодьями. Основная масса керамики и находок из слоя относятся к нижнепорожнскому этапу раннего железного века (V–III вв. до н.э.) (Мандрыка П.В., 1998; Гридина И.Н., 1991), однако, кроме них, здесь обнаружены черепки и металлические изделия раннего средневековья. Стратиграфически разновременные артефакты не разделяются.

Находку бронзовой подвески тут нельзя считать случайной, поскольку рядом с ней был зафиксирован железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы с удлинненно-ромбическим пером, остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 1). Эти предметы размещались возле скопления древесных углей размерами 0,3х0,4 м и, возможно, свидетельствуют о разрушенном и размытом ритуальном захоронении.

Подвеска с антропоморфными изображениями (рис. 1.-2) изготовлена из оловянистой бронзы техникой плоского одностороннего литья. Размеры 4,0х4,5 см, толщина 0,2 см. Миниатюра хорошей сохранности, если не считать, что в трех местах имеются небольшие дыры – дефекты литья. Подвешивалась через треугольное отверстие.

На миниатюре изображены два стоящих человека, воина – мужчина и женщина. Фигурки людей очень похожи, но не тождественны. Для них характерен общий прием передачи деталей лица (круглые глаза, приостренные подбородки), аналогичные детали головных уборов (длинные «ухи», спускающиеся ниже плеч), трех-

палые руки согнуты в локтях и лежат на животе выше пояса, ноги скрыты. Детали одежды отсутствуют, но она подпоясывалась поясом, который украшался прямоугольными бляхами.

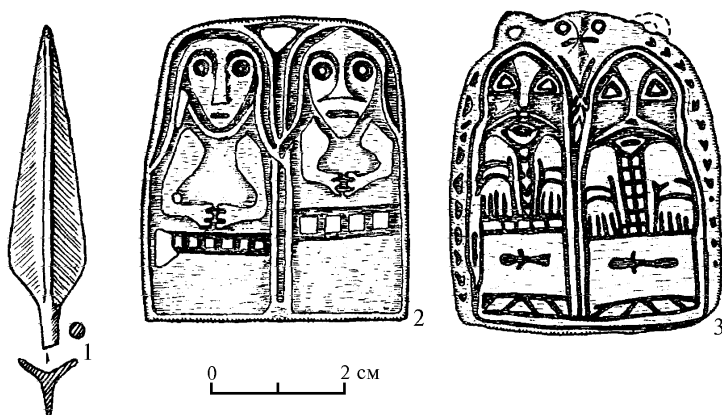

Рис. 1. Железный наконечник стрелы и бронзовые изображения двух воинов: 1, 2 – Нижнепорожинское, 3 – Новоильинское

У левой фигуры, подчеркиваются детали, указывающие на изображение женщины: прямой нос, неширокий рот, изящный контур лица, округлая макушка, ожерелье на шее. Наборный пояс узкий и передан шестью рельефными квадратами.

У правой фигуры, изображающей мужчину, контуры лица более грубые (скулы и рот широкие). Верхняя часть головы приострена, а нос в нижней части горизонтально расширен. Эти элементы указывают, скорее всего, на головной убор (шлем), чем на распущенные волосы. Пояс немного крупнее, чем на левой фигуре, и состоит из четырех рельефных квадратов.

Представленный комплекс предметов из Нижнепорожинского ритуального захоронения позволяет определить его место в культурно-историческом развитии Средней Сибири.

Ритуальные захоронения – это тип археологических памятников, которые выделяются по сочетанию кострища и скопления вещей. Их содержание позволяет предположить какие-то неслучайные обрядовые действия, поскольку скопления представляют компактный склад своеобразных предметов, изделий из металла и

кости со следами обожжения и не сопровождаются костями человека. Чаще всего, ритуальные захоронения располагаются в стороне от погребений человека – вне могил на могильнике или, как в нашем случае, на поселении.

Обычай устраивать ритуальные (символические) погребения широко распространился в Сибири с давних времен и был связан с культом умерших. Умерший на чужбине сородич должен был быть похоронен на своем кладбище. Если это было невозможно сделать, то на родовом кладбище устраивались его фиктивные похороны, чтобы душа могла водвориться среди своих покойных сородичей.

В эпоху средневековья ритуальные захоронения отмечаются в таежных районах Средней Сибири – Среднем Приобье и Северном Приангарье, которые являются сопредельными для южной тайги Среднего Енисея.

В Среднем Приобье для ритуальных захоронений релкинской культуры (система кострищ и скоплений вещей – по Л.А. Чиндиной), которые представляли собой компактный склад предметов, лежащих в стороне от погребений, характерно обязательное присутствие керамики (в том числе ладьевидных сосудов, бронзовой чаши). Здесь же очень часто отмечается наличие антропоморфных изображений и наряду с предметами обычных размеров присутствие миниатюрных моделей (топоров-тесел, ножей, удила, граненых наконечников стрел, сосудов) (Чиндина Л.А., 1977, с. 96).

Ритуальные захоронения средневекового (VIII–X вв.) могильника Усть-Кова в Северном Приангарье устраивались в неглубоких округлых ямах, также в стороне от погребений. Жженные кости человека или животных здесь отсутствовали. Предметный комплекс состоял в основном либо из железных изделий (в форме шпоры, наконечников стрел с прямым острием, тесел, ножей, проколов, цепочек, пряжек, подвесок – «онгонов»), либо из костяных изделий (наконечников стрел, накладки лука с изображением фигуры человека). В некоторых случаях здесь отмечается присутствие керамического сосуда (Леонтьев В.П., 1999, с. 9–11).

Из приведенных характеристик ритуальных захоронений сопредельных к южнотаежному району Среднего Енисея территории видно, что для них характерны как общие элементы, так и различия. К общим чертам относятся сам принцип устройства ритуальных захоронений вне погребений могильника, а также при-

существование отдельных, почти обязательных предметов, входящих в инвентарный набор (ножи, топоры-тесла, наконечники стрел). Различия проявляются в основном в наличии дополнительных предметов (антропоморфных изображений, деталей поясов, сосудов и др.).

Для определения культурной принадлежности ритуального захоронения из Нижнепорожнинского-1 поселения важны две детали. Это – наличие бронзовой подвески с антропоморфным изображением и сюжетно-стилистическая особенность изображения. Наличие или отсутствие антропоморфного изображения в ритуальном погребении может косвенно указывать на его культурную принадлежность. Так, для района Северного Приангарья только в одном ритуальном захоронении из шести известных отмечено наличие антропоморфного изображения и причем на костяной обкладке лука. Для района же Среднего Приобья в могильнике Релка наличие антропоморфных изображений из бронзы в составе инвентаря ритуальных захоронений почти обязательно.

По стилю нижнепорожнинская подвеска находит прямые аналоги в металлической пластике релкинской культуры. Ее можно отнести в третью группу антропоморфных изображений релкинской культуры (Чиндина Л.А., 1991, с. 56–57), поскольку она выполнена плоскорельефной техникой и несет изображение двух статичных фигур человека с непропорционально большими головами, контуры лица, бровей, носа даны одной линией и «уши» головных уборов (волосы, по Л.А. Чиндиной) распущены до плеч. Для большинства изображений этой группы трехпалые руки сложены на животе, а одежда заправлена под наборный пояс (Могильников В.А., 1987, табл. ХСVII.-3, 4, 5, 12). Вместе с этим Нижнепорожнинская подвеска отличается от среднеобских изображений по стилю, что выражается в отсутствии декоративности, орнаментальности деталей (лунок, штрихов, насечек, жемчужин).

Из известных на сегодняшний день подвесок релкинской культуры с антропоморфными изображениями наиболее близкая к нашей по сюжету является бронзовая подвеска с изображением двух воинов, найденная в 1899 г. у с. Новоильинского на правобережье Оби выше устья р. Чая при неизвестных обстоятельствах и передана А.В. Адриановым в 1899 г. в Археологическую комиссию (Отчет..., 1902, рис. 273; Дульзон А.П., 1956, №390; Чиндина Л.А., 1981, с. 88–89, рис. 1.-2; Чиндина Л.А. и др., 1990, с. 82–83; Мо-

гильников В.А., 1987, рис. 16). Сейчас она (рис. 1.-3) хранится в Государственном историческом музее (экспозиция).

В обеих представленных миниатюрах изображены пешие воины. Для этого сюжета характерно сочетание яркой индивидуальности, конкретности каждого образа с иконографичностью. Канонизация проявляется в статичности поз фигур, однородности приемов изображения застывших лиц, единообразии форм боевых поясов, в нарушении пропорций тела. Специфика отражена в наличии или отсутствии «ушастых» головных уборов, усов, в разнообразном способе изображения круглых или треугольных глаз, положении трех или четырехпалых рук, индивидуальности поясов, элементов одежды и украшений.

Индивидуальность в боевом снаряжении фигур на нижнепорожнинской подвеске подчеркивала в большей степени половые различия. Оно отразилось в размерах боевого пояса и количестве нашитых на него бляшек. Различие женских и мужских поясов фиксируется и по материалам могильников, хотя первые встречаются редко. В женских погребениях могильника Релка отмечены пояса, которые украшались пряжками более меньших размеров, чем пряжки мужских поясов (Чиндина Л.А., 1977, с. 120). Аналогичная ситуация отмечается и для тюркского могильника Кудыргэ на Алтае (Гаврилова А.А., 1965). В наличии боевого пояса на женской фигуре можно видеть подтверждение хорошо известного факта, что женщины в обществах кочевников имели достаточно большие права. Очевидно, это положение распространялось и на общества южнотаежных районов, контактирующих с кочевниками. Придание поясу отличительных черт в эту эпоху характерно повсеместно. Большинство исследователей происхождения этого обычая связывают с тюрками, у которых число и форма наборных бляшек считались признаком социального или военного ранга их владельца, символом власти и богатства (Распопова В.И., 1980, с. 107; Добжанский В.Н., 1990, с. 82; и др.).

Для релкинской культуры Среднего Прибыя в VI–IX вв., на основании анализа керамики и погребального обряда Л.А. Чиндина (1977, с. 115) предположила существование в рамках культурной общности двух локальных вариантов: томского и нарымского. Представленные материалы с южной тайги Среднего Енисея позволяют поставить вопрос о выделении еще одного локального варианта – енисейского, материалы которого отражают часть общего

явления, характерного духовному миру периода раннего средневековья. Единство культуры обусловлено близостью природной и экономической среды таежных районов, древностью этнокультурных контактов.

Датировка Нижнепорожнинского ритуального захоронения определяется по наконечнику стрелы и подвеске с антропоморфным изображением. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с удлинненно-ромбическим пером, остроугольным острием и покатыми плечиками были широко распространены в степных, лесостепных и южно-таежных районах Евразии с V по IX вв. (Медведев А.Ф., 1966; Худяков Ю.С., 1991, с. 52, рис. 25.-6, 27; Чиндина Л.А., 1977, с. 30, рис. 21.-17).

Более узкая дата в пределах конца VII–VIII вв. определяется по некоторым элементам амуниции (поясах с гладкими прямоугольными бляшками, приостренному шлему на голове мужчины) и форме гривны на шее женщины, изображенным на антропоморфных фигурах.

Пояса с набором только прямоугольных блях в погребениях встречаются редко. Основная их масса известна по изображениям на каменных изваяниях (Евтюхова Л.Д., 1941, с. 73–103; Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1984, с. 110–178; Савинов Д.Г., 1983, с. 161, рис. 1; Шер Я.А., 1966, с. 136–139). Судя по имеющимся типологическим разработкам время бытования таких поясов, определяется в интервале конца VII–VIII вв. (Амброз А.К., 1971, с. 126; Могильников В.А., 1981, с. 128–129, рис. 23; Савинов Д.Г., 1984, с. 55–61, 126–128; Кубарев В.Д., 1984, с. 36–39), причем широкое распространение блях-оправ с гладкой поверхностью характерно для Тувы, Монголии и частично на Горном Алтае (Добжанский В.Н., 1990, с. 44). В это же время прямоугольные бляхи-оправы распространяются и в комплексах релкинской культуры (Могильников В.А., 1987, с. 225).

Не противоречит предложенной дате и изображение гривны, отмеченной в виде валика на шее женщины. Гладкие гривны, круглые в сечении, из золота или серебра известны со скифской эпохи и остаются одним из основных украшений знатного воина и в средневековую эпоху. Аналогичным образом изображали гривны и на тюркских изваяниях Алтая (Кубарев В.Д., 1984, с. 31, рис. 5). Серповидная гривна отмечена и в могильнике Релка (Чиндина Л.А., 1977, с. 41, рис. 5.-24). В предложенные хронологические рамки укладывается и существование головного убора в виде конического

шлема с наносником, покрывающего голову мужского изображения. Аналогов такому головному убору можно назвать очень много, так как он повторяет форму простого мягкого колпака, известного с глубокой древности до наших дней у многих кочевых народов Евразии (Кубарев В.Д., 1984, с. 26, рис. 3).

Таким образом, Нижнепорожнинское ритуальное захоронение можно отнести к кругу релкинской культуры и датировать не ранее конца VII–VIII вв. Содержащаяся в нем подвеска с антропоморфными изображениями входит в единый западносибирский тип, демонстрируя одновременно локальный вариант или подтип бронзовых антропоморфных изображений релкинской культуры, восточная граница которой доходила до Енисея (Чиндина Л.А., 1977, с. 117; 1991, с. 7). Возможно, в этом предмете отразились синтезированные местные (южнотаежные среднеенисейские), западные (релкинские) и южные (тюркские) традиции.

Дальнейшая работа по поиску новых археологических памятников раннего средневековья в Обь-Енисейском междуречье и систематизация имеющихся материалов позволят уточнить предложенные выводы.

М.М. Маркин

Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

ИАиЭт СО РАН и НИИ ГИ при АГУ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ САРЫ-АЙРЫ-1*

Памятник, открытый автором в 1993 г., находится на левом борту долины р. Чумыш в 4 км к северо-западу от с. Степь-Чумыш, в 5 км к югу от с. Брагино (Ельцовский район Алтайского края). Располагается на восточном склоне холма, вскрытом ложбиной. На поверхности здесь собрано 16 артефактов палеолитического облика, изготовленных из зеленого алевrolита и песчаника. Данная коллекция включает два нуклеуса, обломок нуклеуса, остроконечник леваллуа, два скребла, два комбинированных орудия и восемь отщепов.

Первый нуклеус – монофронтальный одноплощадочный поперечный с полуконцентрическим снятием. Оформлен на обломке

---

* Работа выполнена при поддержке Минобразования РФ (грант PD02-3.14-20).

плитки алевролита. Имеет подтреугольную форму и трапециевидное поперечное сечение. Ударная площадка подчетырёхугольной формы – естественная. Угол скалывания близок к прямому. Фронт несет негативы снятия удлинённых отщепов на широкой стороне и торце.

Другой нуклеус также монофронтальный одноплощадочный поперечный. Оформлен на обломке плитки алевролита четырёхугольной формы, четырёхугольным в продольном и поперечном сечении. Ударная площадка – естественная. Фронт скалывания расположен на широкой стороне изделия, несет негативы снятия трех отщепов и нескольких чешуек.

Остроконечник леваллуа имеет крупные размеры и удлинённые треугольные очертания. Ударная площадка фасетированная. Центральное ребро полностью удалено негативом первого снятия, занимающего всю длину предмета (рис. 1.-2).

Оба скребла – поперечные. Первое оформлено на обломке плитки алевролита подтреугольным в плане и четырёхугольным в продольном и поперечном сечении. Слабо выпуклый рабочий край образован крутой захватывающей многорядной ретушью (рис. 1.-3). Выпуклое зубчатое лезвие второго скребла оформлено на крупном сколе с плитки алевролита подтреугольных в плане и в профиль очертаний. Ретушь вентральная крутая краевая разнофасеточная (рис. 1.-1).

Одно из комбинированных орудий сочетает в себе элементы скребла и зубчатого орудия. Первое лезвие образовано с вентральной стороны по левому краю крупного отщепа. Ретушь крутая краевая средняя. Зубчатый рабочий край оформлен дорсально по правому краю крутой краевой средней и крупной ретушью (рис. 1.-5). Другое комбинированное орудие сочетает в себе элементы скребла и выемчатого орудия. Один рабочий элемент расположен дорсально на дистальном конце крупного отщепа. Образован крутой и вертикальной краевой разнофасеточной ретушью. На левом крае изделия с дорсальной стороны расположена ретушированная выемка. На правом крае с вентрала одним сколом оформлена вторая выемка. Правый край с вентрала также несет негативы крутой краевой разнофасеточной ретуши (рис. 1.-8).

К сожалению, отсутствие стратиграфии затрудняет датировку коллекции, которая имеет, по-видимому, палеолитический возраст. Не исключена незначительная более поздняя примесь в виде атипично-призматического нуклеуса (рис. 1.-6), изготовленного из зеленого кремня.

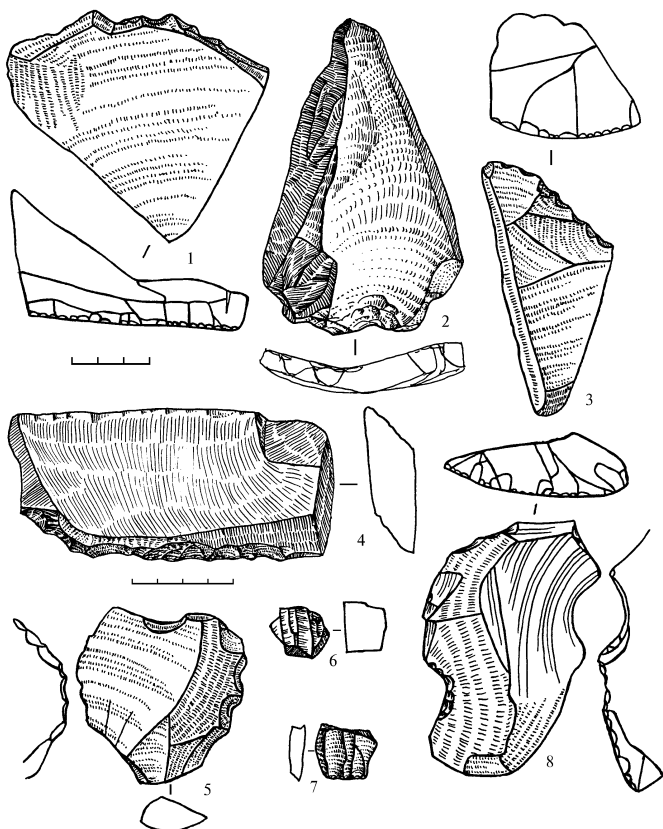

Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождений Сары-Айры-1 (1–3, 5–8) и Сары-Айры-4 (4): 1, 3, 4 – скребла; 2 – леваллуазский остро-конечник; 5, 8 – комбинированные орудия; 6 – нуклеус; 7 – отщеп

Малочисленный подъемный материал собран в 40–50 м севернее местонахождения Сары-Айры-1. Так как оба объекта отделены друг от друга ручьем, то новый пункт получил название Сары-Айры-4. Коллекция памятника Сары-Айры-4 включает керамику раннего железного века, отщеп, подпризматический нуклеус и продольное дорсальное скребло, оформленное на плитке алевролита крутой краевой разнофасеточной ретушью (рис. 1.-4). Датировка каменного инвентаря памятника также затруднена ввиду отсутствия стратиграфии.

В.К. Мерц
*Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова*

О НОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ КАЗАХСТАНА

В истории Казахстана эпоха ранней бронзы до сих пор остается практически неизученным периодом. Под ранней бронзой на данной территории мы понимаем время между энеолитом и появлением памятников андроновской культурно-исторической общностью (КИО) в пределах конца III, рубежа III–II тыс. до н.э. – 1-й четв. II тыс. до н.э., т.е. относим к ним памятники доандроновского этапа бронзового века. Необходимо сказать, что в современной науке представления о памятниках этого периода на территории Казахстана весьма скудные и практически не меняются за последние десятилетия. Аналогичная ситуация была до конца 1970-х гг. и с казахстанским энеолитом. Таким образом, в истории страны оставались и остаются неизученными целые эпохи.

Очевидно, что проблема изучения памятников ранней бронзы в Казахстане заключается прежде всего в недостатке источниковой базы. Справедливости ради нужно сказать, что реально материалы по ранней бронзе, вероятно, существовали на многих памятниках, но не вычленились из общей массы из-за малочисленности и отсутствия критерия, по которому их можно было выделять, а для выявления чистых комплексов не была известна топография памятников. Поэтому проблема изучения памятников эпохи ранней бронзы на территории республики так и осталась неразработанной, хотя первые раннебронзовые памятники были известны на востоке республики еще в 50-х гг. прошлого столетия (Черников С.С., 1960, с. 94–95). В последнее время здесь также были получены новые материалы по энеолиту–ранней бронзе (Оразбаев А.М., 1989, Оразбаев А.М., Омаров Г.К., 1998), однако они пока также не внесли существенных изменений в изучение проблемы. В 1970–1980 гг. появляются первые сведения о материалах ранней бронзы Северного Казахстана, полученных из могильников и поселений Петропавловского Приишимья (Зайберт В.Ф., 1973). Изученные впоследствии материалы поселения Вишневка-1 сопоставляются с кротовскими и логиновскими древностями Западной Сибири (Татаринцева Н.С., 1984, с. 110), а также с ташковскими материалами Среднего Зауралья (Ковалева В.Т., 1997).

Важной находкой, проливающей свет на проблему изучения энеолита и ранней бронзы Казахстана, было открытие карагандинскими археологами в 1980-х гг. ямного захоронения из могильника Караагаш в Центральном Казахстане (Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1989, с. 34–46).

Сейчас после изучения сибирскими археологами большого количества раннебронзовых памятников и выделения ряда культур этого периода материалы, происходящие из Северного и Восточного Казахстана, видимо, необходимо связывать с кротовско-елунинскими древностями, которые были распространены в Обь-Иртышском междуречье в доандроновскую эпоху и, следовательно, отражают более ранний период эпохи бронзы. Поэтому все аналогичные материалы доандроновского облика с территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана, на наш взгляд, рационально также связывать с этими комплексами и относить к периоду ранней бронзы. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько далеко к западу и юго-западу от Иртыша распространены памятники кротовско-елунинского типа. Вишневские материалы свидетельствуют о том, что они, вероятно, занимали всю лесостепную зону Северного Казахстана до Петропавловского Приишимья (Татаринцева Н.С., 1984, с. 104–113).

В отношении более южных – степных районов Северного и Центрального Казахстана, где до последнего времени подобные памятники были неизвестны, важную информацию представляют материалы, полученные в последнее время на территории Павлодарского Прииртышья. Прежде они были известны в основном на правобережье Иртыша, на всем его протяжении от Омской до Восточно-Казахстанской области. Это – единичные сосуды и фрагменты керамики, хранящиеся в фондах Павлодарского областного историко-краеведческого музея (рис. 1.-18–20), а также материалы, полученные нами вместе с массой разновременных предметов из разрушаемых поселений Шауке-1–3, 7, Типкаши-3 к северу от Павлодара. В коллекции имеется различная доандроновская керамика, каменные, металлические и костяные предметы, характерные как для кротовско-елунинских, так и для комплексов самусьского и логиновского типов. Собранные здесь коллекции представлены образцами толстостенной керамики из теста с пористой структурой и тонкостенной керамикой, в тесте которой часто присутствуют добавки кальцинированных костей, что отмечается исследователями как характерный признак кротовской керамики Среднего Прииртышья (Стефанова Н.К., 1988, с. 60).

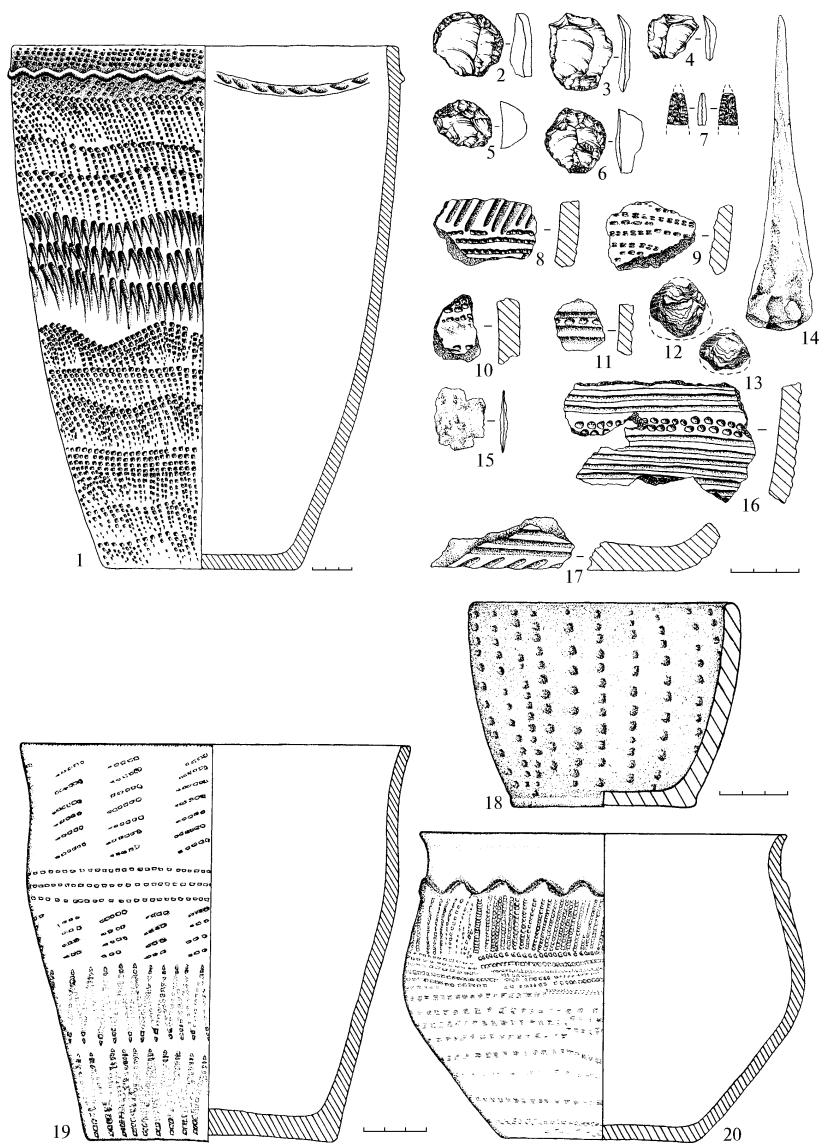

Рис. 1. Материалы ранней бронзы из кургана Шидерты-10 (1–17) и случайные находки из Павлодарского Прииртышья (18–20)

Толстостенная керамика орнаментирована сплошными оттисками гребенчатого штампа или крупнозубой качалки с расчесами. На внутренних стенках часто фиксируются следы горизонтальных разводов от протирания их травой по сырому тесту. От них сохраняются в основном придонные части и стенки, венчиков практически нет.

Тонкостенная керамика иногда имеет наклепные или формованные валики на шейке сосуда и сплошную орнаментацию оттисками отступающей или протянутой мелкозубой гребенки, образующих взаимопроникающие фигуры, плотные ряды гребенчатой качалки или зигзага, образуют горизонтальные, вертикальные и наклонные линии. Имеются оттиски косо поставленным зубчатым штампом или уголком гребенчатого штампа. По краю и поверхности венчиков различными инструментами наносились насечки или вдавления. Часть керамики орнаментирована нарезным способом, плотными горизонтальными линиями, чередующимися рядами вертикальных нарезок или треугольных оттисков. Среди других находок множество каменных изделий из отщепов и ножевидных пластин, это прежде всего скребки, крупные черешковые и с усеченным основанием наконечники стрел, мелкие наконечники с выемкой в основании и удлиненным жалом, костяной экземпляр четырехгранной формы и округлым черешком без упора, точильный камень.

В 1995 г. в 20 км к северу от Павлодара ПАЭ исследовала поселения эпохи неолита и бронзы у с. Мичурино. Среди находок из раскопа и подъемной коллекции найдены фрагменты нескольких сосудов кротовского типа, украшенных оттисками крупнозубой качалки и сплошным горизонтально-линейным орнаментом, образованным протягиванием гребенки по лощеной поверхности, и другие бронзовые, каменные и костяные предметы. (Мерц В.К., Франк Д.А., 1996, с. 71–75).

К югу от Павлодара подобные материалы были собраны на поселениях Есенбай (Мерц В.К., Куропятникова С.В., 1998) и Нурбай. К северу – на поселениях Вторы-3, 4 и Пятирыжск в Железинском районе (Смагулов Т.Н., 2001). Все эти памятники расположены вдоль Иртыша и в основном на его правобережье, но материалы подобного типа известны нам и с левобережной части области. Они были обнаружены в верхнем культурном слое стоянки Кудайколь-4, изучавшейся ПАЭ в 1995 г. и новых памятниках, исследованных в 2001 г. в Экибастузском районе – курган Шидерты-10 и поселение Шидертинское-2.

Наибольший интерес представляет курган Шидерты-10, расположенный в 5,5 км к югу от одноименной станции, на правом берегу реки Шидерты. Он представлял собой каменно-земляную насыпь, внешне ничем не отличающуюся от курганов раннего железного века, приуроченным, как правило, к ровным площадкам коренных склонов или вершинам сопок, реже речным террасам. В отличие от них данный памятник приурочен к ложбине стока, в 300 м от русла реки, на самом низком уровне между двух гряд. Его насыпь представляла неправильную окружность, диаметром 8х9 м, высотой 45 см, под которой зафиксированы следы подчетырехугольной ограды размером 7х7,6 м, сложенной из крупных камней, уложенных местами на погребенную почву, и насыпь кургана, состоящую из могильных выбросов. Небольшое ограждение из камней диаметром 3,5–4 м отмечено и вокруг могилы. Под камнями насыпи повсюду фиксировались следы древесного угля. Отмечено использование сильного огня и в самом погребении, о чем говорят сильно обожженные стенки могилы и имеющие красно-коричневый оттенок, что позволило сохраниться на них следам орудий, которыми осуществлялось ее сооружение.

Могила ориентирована на северо-запад. Она находилась в центре ограды и имела широкий вход диаметром 1,7х2,2 м, сужающийся с юго-западной стороны на глубине около 0,5 м до овально удлиненной формы, диаметром 1,5х1 м. Погребение оказалось ограбленным, следы грабительского лаза фиксировались по его беспорядочному заполнению камнями до самого ее основания на глубине 108 см. В могиле обнаружены *in situ* остатки голеней, стоп и бедренной кости и находящиеся вместе с ними кости ног животного, лежавшие возле пяток погребенного. Остальные кости скелета были разбросаны по всей могиле и в ее заполнении, вместе с костями жертвенных животных, которые отмечены здесь в большом количестве. В заполнении и на дне могилы было найдено несколько фрагментов керамики, украшенных отступающей гребенкой (рис. 1.-8–11), обломки перламутра от створок моллюсков (рис. 1.-12–13), несколько кремневых сколов и отщепов (рис. 1.-4), мелкие кусочки медной руды, обломки маленького двулезвийного бронзового ножа овальной формы (рис. 1.-15) и обломок наконечника стрелы иволистной формы, выполненный из черного кремня (рис. 1.-7). Жало наконечника также было сломано от удара о твердый предмет. Не исключено, что он находился в теле погребенного,

на бедренных костях которого отмечены прижизненные травмы и последующие патологические изменения.

Грабителями был сильно поврежден череп, разрушена вся лицевая часть, найдена лишь одна половина верхней челюсти, остатки нижней челюсти не обнаружены. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, погребенный лежал на правом боку или на спине, с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. В целом данное захоронение по форме могильной ямы напоминает погребения ямной культуры, хотя его сильное разрушение не позволяет полностью реконструировать погребальный обряд и говорить об этом с полной уверенностью.

Однако этими находками информация о погребальном обряде, важную роль в котором имели жертвоприношения, не исчерпывается, поэтому основная часть инвентаря находилась за пределами ограды с северо-восточной стороны, где обнаружен жертвенник. Он состоял из небольшой удлиненной ямы диаметром 1,5х0,55 м, глубиной 0,5 м, заполненной камнями, на поверхности которых и поблизости находилось большое количество обломков черепов, зубов и костей к.р.с., м.р.с. и лошади. С юго-западной стороны ямы, упиравшейся в стенку ограды, обнаружен крупный точильный камень, или терочник, из уплощенной гальки алевролита с глубокими выемками искусственного происхождения на плоскостях, кремневый скребок и отщеп с ретушью (рис. 1.-2-3). У северо-восточного края ямы на глубине 25–30 см зафиксирован развал крупного баночного сосуда с наlepным волнистым валиком на шейке, украшенного по всей поверхности вертикальными, косыми оттисками крупной гребенки, образующими горизонтальные ряды и волнистые линии. В средней части сосуда размещены три горизонтально-волнистых ряда качалки, нанесенные гладким штампом. По венчику также нанесены неглубокие оттиски гладким предметом.

Несмотря на плохую сохранность керамики, сосуд удалось реконструировать. Он имеет чрезвычайно стройные пропорции. При ширине горловины около 30,5 см и 15,5 см донной части, его высота составляла 42 см (рис. 1.-1). Среди обломков керамики найдены две вторые фаланги, резцы и коренные зубы лошади и проколка из грифельной кости (рис. 1.-14). Под развалом сосуда находилась прокалина, диаметром 0,7х0,5 м с обломками кальцинированных костей.

Далее к северо-востоку от развала сосуда и прокалины обнаружено небольшое скопление камней, а между ними следы другой прокалины, находящейся в 0,85 м от первой. Ее диаметр около 40 см, в ней также обнаружены кальцинированные кости, и мелкие обломки нижней части второго сосуда, украшенного чередующимися рядами округлых вдавлений и горизонтальных прочерченных линий на лощеной поверхности. Нижняя часть сосуда украшена косыми насечками, заходящими на его донную часть (рис. 1.-16–17). В южной части курганной насыпи было обнаружено еще две фаланги лошади, два обломка точильного камня из кварцито-песчаника, каменная мотыга; еще одна мотыга с боковыми выемками была найдена в центре кургана, прямо над могилой.

Таким образом, в погребальной обрядности племен, оставивших захоронение в кургане Шидерты-10, важную функцию играл огонь, как очистительная сила и воплощение солнечного культа, об этом свидетельствуют обожженные стенки могилы, многочисленные остатки древесного угля в ее заполнении и под камнями в насыпи кургана. Следовательно, очистительный огонь, вероятно, разводился перед погребением – прямо в яме, и после погребения – на поверхности земляной насыпи кургана и на местах жертвоприношений, где также оставлялись различные вещи и пища. Часть жертвенной пищи, видимо, сжигалась, о чем свидетельствуют кальцинированные кости в прокалинах. Хотя полностью погребальный обряд этого захоронения не удастся восстановить из-за сильного разграбления могилы, но многое в нем становится понятным. В этой связи нужно отметить также, что в могиле найдено большое количество костей животных, вероятно овец, являющихся остатками погребальной пищи, они размещались в различных частях могилы: возле стоп, у юго-западной стенки и в области головы или верхней части тела, где найдены обломки бронзового ножа. Они представлены локтевыми, плечевыми, бедренными костями, крестцом, позвонками, в том числе хвостовыми.

Наблюдается определенное сходство погребального обряда данного кургана с ямными погребениями Приуралья, с одной стороны, курганом №2 могильника Караагаш в Центральном Казахстане и кургана №2 могильника Черновая-II в Восточном Казахстане – с другой. Все они имеют между собой большое сходство, несмотря на противоположную ориентацию погребенных в одинаковой позе: на спине с подогнутыми и повернутыми на левый бок

ногами, вытянутыми вдоль тела руками и сосудами возле правой руки (Оразбаев А.М., Омаров Г.К., 1998, с. 28; Евдокимов В.В., Ломан В.Г., с. 40). Хотя, безусловно, шидертинский курган, судя по керамике, более поздний. Однако с этими памятниками его сближает сходная поза погребенного и форма грунтовой могилы с погребением из могильника Черновая-II, применение огня в погребальном обряде, устройство жертвенника и остатки жертвенной пищи и приношений с восточной стороны с курганом №2 могильника Караагаш. Обломки небольшого бронзового ножа и перламутра от украшений из моллюсков также сближают его с инвентарем ямных погребений степного Приуралья (Богданов С.В., 1990, с. 53; Дрожевский Н.В., 2002, с. 229).

Безусловно, наблюдается определенное сходство прежде всего с погребениями елунинской, а затем и кротовской культуры Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи, с которой сопоставимы, на наш взгляд, форма керамики и орнаментация сосудов и их расположение за пределами могилы в специальном жертвенном месте. Сюда же можно отнести обломок каменного наконечника стрелы иволистной формы и костяную проколку из грифельной кости лошади (Молодин В.И., 1985, с. 40, 52, 76). С елунинскими погребениями его сближает скорченное положение на боку или спине и присутствие жертвенной пищи в могиле, однако в шидертинском захоронении ноги погребенного были повернуты вправо, а могила и костяк ориентированы на северо-запад, что отличает его как от кротовских, так и от елунинских памятников. В связи с этим необходимо сказать, что погребальный обряд данного захоронения носит симбиозный характер, имеющий черты различных культур эпохи энеолита и ранней бронзы урало-алтайской лесостепи, где в это время происходили сложные процессы формирования раннебронзовых культур, в котором принимали участие различные скотоводческие племена, как автохтонные на данный момент – ботайско-терсекские и усть-нарымско-шидертинские, так и западные, более подвижные племена ямной КИО, переживавшие, видимо, какие-то кризисные моменты в развитии культуры, вызвавшие миграционные процессы ее населения в поисках новых территорий на востоке, где они, вероятно, и столкнулись с местными скотоводами Зауралья, Северного и Центрального Казахстана.

Результатом этих контактов, вероятно, и стало появление раннебронзовых памятников ташковского, вишнево-кротовского,

елунинского и других типов, изученных в основном в Зауралье, Западной Сибири и пограничных районах Северного Казахстана. Однако к югу от Петропавловска до сих пор они были не известны, где, видимо, также предшествовали андроновским памятникам, а население, оставившее их, могло участвовать в сложении андроновской культуры, о чем свидетельствуют новые материалы кротовско-елунинского типа с территории Павлодарского Прииртышья. Племена ташковской культуры, повлиявшие, видимо, на формирование культур эпохи бронзы северной части Урало-Казахстанской лесостепи и лесной зоны Западной Сибири, привели к сложению вишнево-кротовских древностей Среднего Прииртышья. Южнее, вплоть до Центрального Казахстана, вероятно, происходили параллельные процессы, приведшие к сложению комплексов типа кургана Шидерты-10, Усть-Букони, Каная и Елунино, в формировании последнего исследовавшие его авторы видят прежде всего южные импульсы, а лишь затем западные (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 209).

В этой связи важно выяснить вопрос о возможных контактах ямных племен и последствиях их влияния на ботайско-терсекские, усть-нарымско-шидертинские и аналогичные им комплексы, с носителями которых они должны были сталкиваться во время своего продвижения на восток через казахстанские степи. Данный вопрос рассматривался некоторыми авторами, но лишь в разрезе их противопоставления, а не сходства культур (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997, с. 149–152).

Вопрос о соотношении елунинских и кротовских комплексов уже неоднократно рассматривался в литературе (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001) и в целом не вызывает возражений. Соотношение елунинских и вишнево-кротовских комплексов Северного Казахстана, которые сопоставляются с кротовскими древностями (Татаринцева Н.С., 1984) отдельно еще не рассматривалось, как и вопрос о происхождении первых, хотя ряд авторов склонны напрямую выводить происхождение кротовских, а следовательно, и елунинских памятников с западным импульсом (не исключая возможности прямой миграции) (Стефанова Н.К., 1986, с. 45–46), связывая их с ташковскими и вишнево-кротовскими комплексами (Стефанова Н.К., 1988, с. 70–72). Важно и то, что племена кротовской и елунинской культур находились в тесном контакте с носителями турбинско-сейменской культурной традиции, их взаимоотношения с которыми также еще не до конца ясны, как и сам турбинско-сейминский

феномен. Все эти вопросы остаются нераскрытыми и требуют специального изучения.

Таким образом, новые материалы кротовско-елунинского типа, полученные на территории Павлодарского Прииртышья, значительно дополняют информацию о памятниках ранней – доандроновской бронзы на территории Северного и Центрального Казахстана и расширяют наши представления о культурном разнообразии этой эпохи. В связи с этим граница расселения кротовско-елунинских племен отодвигается далеко на запад, что позволяет говорить не только о вероятном существовании каких-то казахстанских вариантов их культуры, но и об обширной КИО, предшествующей андроновской на территории Казахстана в эпоху ранней бронзы. Дальнейшее изучение этих памятников и обобщение всех доандроновских материалов может изменить представление об этнокультурной ситуации здесь на раннем этапе бронзового века и на происхождение кротовско-елунинских комплексов, в котором, вероятно, занимали определенное место племена Северного и Центрального Казахстана.

В.Н. Нечипоренко, С.Г. Скобелев
Новосибирский государственный университет
**ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЛУКОВ
У КОРЕННОГО И РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ (XVII – начало XIX в.)***

Позднее средневековье и начало нового времени вплоть до последнего десятилетия представлялись полностью неизученным, «темным периодом» в археологии и этнографии народов, населявших юг Средней Сибири и всю Южную Сибирь. Археологических источников было известно очень мало, разрозненные этнографические описания не позволяли достаточно полно осветить все особенности историко-культурного развития региона, в том числе охарактеризовать особенности стрелкового оружия дальнего боя на завершающем этапе его развития.

К настоящему времени в результате заметного пополнения фонда археологических источников уже сделана первая удачная попытка проведения типологии луков II тыс. н.э., включая и некоторые наиболее поздние образцы (Худяков Ю.С., Ким С.А., 2001,

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №01-01-00289а).

с. 53–54). Однако в ней учтены не все обнаруженные в последнее время поздние луки и их детали. Кроме того, до сих пор не выделены особенности, присущие наиболее поздним изделиям. Требуется также уточнить и некоторые детали проведенной типологии данного вида стрелкового оружия дальнего боя. Цель настоящей работы – дальнейшее развитие и уточнение типологии луков на завершающем этапе применения, установление их особенностей на основе материалов новых находок.

Основная источниковая база – материалы последних археологических исследований поздних памятников на Енисее (могильники Монашка и Высокое, погребение Солонцы в Красноярском лесостепном районе, могильник Чегерак-I на севере Минусинской котловины, Саянский острог на юге Минусинской котловины). Кроме того, использовались материалы из раскопок, проведенных на юге Хакасии в разные годы А.Н. Липским (представлены в коллекции краеведческого музея г. Абакан). Для уточнения данных археологического происхождения использован ряд этнографических описаний XVIII–XIX вв. Подавляющее большинство находок имеет неоспоримую датировку и достаточно часто – определенную этническую принадлежность (по ряду признаков, в том числе наличию предметов русского происхождения, включая и монету XVII в.). Материалы с площади Саянского острога датируются XVIII в., принадлежат как русским, так и «служилым людям» из числа местных жителей.

Нами были обнаружены разные луки: деревянный без каких-либо дополнительных роговых деталей; имеющий только одну цельную роговую веслообразную накладку; кроме цельной веслообразной имеющий еще и плечевые роговые накладки; имеющий вместе с центральной веслообразной накладкой плечевые цельные и составные роговые накладки, а также роговые концевые вкладыши (данное изделие, имевшее необычный облик в виде сильно вытянутой буквы «S», сохранилось наиболее полно); имеющий составную веслообразную накладку и составные же плечевые роговые накладки. Эти изделия относятся к обеим группам – простым и сложносоставным. Большинство их, как и луки с соседних территорий, имело обычную форму с выгибом плеч вперед.

Ю.С. Худяков выделил четыре типа луков II тыс.: с одной цельной срединной фронтальной накладкой, с составной срединной фронтальной накладкой, со срединной и концевыми фронтальными накладками, со срединной и плечевыми фронтальными накладками,

дополненными концевыми вкладышами. В настоящее время исходя из полученных нами результатов данную типологию можно уточнить и дополнить. Так, видимо, следует отказаться от отнесения к отдельному типу образцов луков с составной срединной накладкой, поскольку форма этих накладок в рабочем положении полностью соответствует цельным и они также могут сопровождаться дополнительными плечевыми накладками; вероятно, более объективным стало бы отнесение подобных образцов лишь к соответствующим подтипам сложносоставных луков. Кроме того, факт наличия составных центральных веслообразных накладок не обязательно предполагает для луков «монгольского типа» раннюю датировку (так, в погребении Солонцы, где была найдена такая накладка, обнаружено свинцовое изделие – как известно, в памятниках дорусской эпохи наличия свинцовых изделий не отмечалось). Можно также выделить для сложносоставных изделий отдельную подгруппу – луков с асимметричным выгибом плеч и S-образной фронтальной линией кибити.

Учитывая обнаруженное разнообразие луков, использовавшихся коренными жителями и русскими людьми, можно полагать, что это является одним из доказательств наличия у них достаточно высокой степени специализации в применении разных типов луков в зависимости как от погодных и сезонных условий, так и от целей, по которым должна вестись стрельба. Мастера с юга Средней Сибири с учетом пожеланий заказчиков и для себя лично изготавливали луки разных типов, один из которых в ходе развития производства получил весьма необычную форму.

Установлено, что для поздних луков Енисея мы не можем использовать определение «берестяная обмотка». Реально обнаруженные нами фрагменты бересты полностью закрывали лишь часть кибити (обычно на концах), не могли крепиться на тулово лука иначе, как при помощи клея, и потому их и нужно называть соответственно. Полосы бересты, будучи всегда очень тонкими и однослойными, могли помещаться на луки волокнами поперек, вдоль и под углом к линиям кибитей, причем разное их размещение могло иметь место даже на одном образце лука. Это означает, что береста на луках рефлексирующих функций не выполняла. Для поздних луков Енисея также можно считать установленным фактом использование прокладок из бересты между частями некоторых из этих сложносоставных изделий, что делалось, вероятно, для обеспечения их более прочного склеивания.

Проведенное изучение позволяет определить характер развития производства этих орудий дальнего боя на последнем, завершающем этапе эволюции, когда начался постепенный процесс их вытеснения ручным огнестрельным оружием. Пройдя через крупные исторические этапы, такие как луки скифского, гуннского и тюркского (уйгурского) типов, история производства и применения этих орудий войны и охоты для коренных и русских жителей изучаемого региона завершилась на сложносоставном луке монгольского типа, получившем к XVII–XVIII вв. в целом незначительные изменения по сравнению с их первыми образцами. В археологическом отношении для большинства находок это выражается главным образом в изменении формы центральной (срединной) веслообразной накладки, которая получила более выделенные и удлиненные лопасти с четко намеченным переходом к ним от средней суженной части. Кроме того, нововведением, видимо, стало применение для отдельных образцов луков концевых клиновидных вкладышей с прорезями для тетивы, которые изготовлялись из рога и, возможно, дерева. Сложносоставные (композитные) луки среднего Енисея на завершающем этапе бытования по формальным признакам в массе своей нельзя считать вершиной развития этих изделий. В данном отношении, исходя главным образом из числа и размеров роговых деталей, они заметно не отличались по своим боевым и эксплуатационным качествам от луков, например, гуннского типа, появившихся более чем за полторы тысячи лет до этого. Наряду со сложносоставными композитными в употреблении находились и простые деревянные луки (возможно, также составные цельнодеревянные). Однако отдельные, можно сказать, штучные образцы поздних сложносоставных (композитных) луков, например, подобные изделию асимметричной формы, по своему облику и соответственно боевым качествам, видимо, выделялись из общей массы изделий, достигая предела совершенства по каким-либо эксплуатационным показателям.

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет

КОМБИНИРОВАННОЕ ИЗВЯЯНИЕ С РЕКИ ЦАЛУУ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В ходе маршрутных разведочных исследований комплексной экспедиции Томского государственного университета в 1999 г. на территории Западной Монголии был изучен большой круг археоло-

гических памятников разных хронологических периодов. В их числе на южном склоне Монгольского Алтая на правом берегу реки Цалуу у подножия горы Бус-Хайрхан (45°41'02" сев. шир; 93°59'30" вост. долг.) обнаружен и исследован поминальный комплекс тюркского времени.

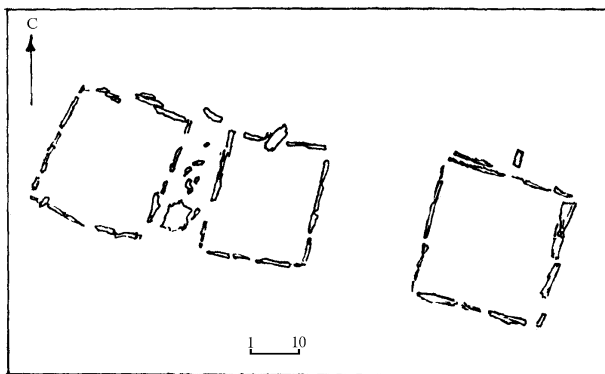
Памятник состоит из трех оградок, установленных в ряд с общей ориентацией по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 1.-а, б). Все сооружения подквадратной формы с предельными размерами: 1) 273x254 см; 2) 259x239 см; 3) 282x283 см. Расстояние между первой и второй оградками в пределах 215–225 см, между второй и третьей – 92–127 см. Стенки оградок выложены из камней преимущественно вытянутой формы, установленных на ребро. На разных участках они располагаются как на уровне современной дневной поверхности, так и превышая ее до 25 см.

Снаружи, вплотную к северным стенкам двух оградок, установлено по одному каменному изваянию. Одно из них выполнено из темно-серого слоистого сланца – филлита в виде объемной антропоморфной скульптуры (рис. 1.-в). К сожалению, у нее утрачена голова, от которой остался лишь небольшой фрагмент тыльной части. По признанию местного жителя, голова была обломлена им из простого любопытства за два-три года до прибытия нашей экспедиции. Возможно, за этим упрощенным объяснением кроется иная причина, о которой информатор предпочел умолчать. Например, тюркские изваяния во множестве уничтожались или частично разрушались по требованию представителей ламаистской церкви, борющейся с языческими культами.

Вероятно, в данном случае встречен отголосок тех событий. Голова, якобы, долгое время валялась здесь же, но, несмотря на предпринятые поиски, обнаружить ее не удалось. Не исключено, что она была употреблена при сооружении стоящего неподалеку загона для скота, на строительство которого, по словам информаторов, были использованы насыпи расположенных по соседству керексуров. Современная высота скульптуры над поверхностью 90 см, ширина в плечах 35 см, толщина на разных участках варьирует в пределах 10–13 см. Передней частью она обращена в северо-восточном направлении, но многочисленные следы указывают, что изначальное положение было иным: у основания нарыты ямы, фигура завалена назад.

а

б

в

Рис. 1. Поминальник Цаллу: а – общий вид;
б – план; в – объемное изваяние

Рис. 2. Поминальник Цалуу: а – изображение тюркского воина; б – изображение оленей

В иконографическом отношении произведение укладывается в рамки достаточно распространенного типажа. Это – фигура прямо стоящего человека, держащего в правой руке, согнутой в локте, поминальный сосуд, напоминающий своей формой русский плоскодонный чугунок, но отличающийся от последнего хорошо профилированными плечиками и наличием открытой горловины с высоким венчиком. Изображение левой руки попало в зону расслоения камня и полностью утрачено. На уровне шеи проработана полоса, вероятно означающая край нательной одежды, кромка верхней одежды отмечена широким треугольным вырезом, располагающимся ниже.

Значительно больший исторический и художественный интерес представляет другое изваяние, установленное у самой крупной оградки. В отличие от первой объемной скульптуры, здесь изображения выполнены на плоскостях подпрямоугольного блока светлой эффузивной породы среднего состава, вероятно диорита. Высота изваяния над поверхностью 118 см, а в поперечном сечении его параметры 36х20 см. На восточном фасаде блока в технике плоского рельефа нанесено изображение стоящего человека, обрывающегося несколько ниже пояса (рис. 2.-а). С целью выделения очертаний головы верхний край блока слегка закруглен, а на уровне шеи, в передней и боковых плоскостях, прорублены желобки, имитирующие с одной стороны нижнюю часть головы, а с другой – плечи персонажа. Рельеф возник после выборки фоновой поверхности, которая снята на глубину до 0,5 см, за счет чего детали лица, руки, украшения, поясной и портупейные ремни, поясная сумка

выпукло выступили над поверхностью. Линиями разной толщины проработаны брови, контуры миндалевидных глаз и зрачков, усы, расширяющаяся к низу линия носа с выделенными ноздрями, овалом обозначен рот, широким треугольником показана борода, а под нижней губой – ее продолжение в виде узкой вертикальной полоски волос. Изящные линии тонких изогнутых усов, полоска от нижней губы и аккуратная борода придают лицу щеголеватость и указывают на тщательный уход за этими деталями внешности. Уши человека обозначены знаково-символически. На их месте изображены крупногабаритные украшения наподобие серег «знак вопроса», с крупными оттяжками двух форм: левая – подтреугольная, правая – овальная. Название серьги здесь не совсем корректно, правильнее назвать этот тип украшений наушными подвесками, так как, судя по позиции – открытыми сторонами вперед, они одевались на уши сверху сзади и, таким образом, что подпружиненные изогнутые концы верхних дужек входили в ушные раковины и фиксировались в них, удерживая подвески в требуемом положении. Интересную художественную деталь представляет оформление щек в виде крупных плоских дисков. В изящно проработанной пятипалой кисти правой руки покоится небольшой сосуд с коническим дном, подобным дну бокала на ножке. Подогнутая в локте левая рука опущена на пояс, при этом четыре пальца лежат поверх поясного ремня, а большой палец убран под ремень.

Детали одежды практически отсутствуют. Как исключение может быть названа только широкая подтреугольная полоса, выделенная на уровне плеч – груди и, возможно, символизирующая край верхней одежды.

Поясной ремень показан сплошной полосой, пересекающий переднюю плоскость изваяния. Однако правая часть последнего утрачена вместе с фрагментом туловища, сколотым с изваяния, видимо, еще в древности. С левой стороны на ремне просматриваются три выпуклости, возможно, символизирующие набивные бляхи, обычные для тюркских воинских поясов. Здесь же на поясе подвешена округлая сумочка для хранения талисманов и другой мелочи, а ниже, наискось справа налево, на двух ремешках подвешено слегка изогнутое клинковое оружие в ножнах (сабля ?), на которых видны петли для крепления портупейных ремней.

Весь набор стилистических и типологических признаков ясно указывает на принадлежность данного изображения к тюрк-

ской художественной манере раннего средневековья. А четкость рисунка, чистота исполнения работы по камню свидетельствуют о высоком мастерстве художника и нестандартности творческого подхода.

Своеобразной особенностью скульптуры являются многочисленные резные углубления на изобразительных плоскостях рельефа, почти не заметные на камне, но четко проявившиеся на эстампе. На отдельных участках они создают иллюзию узоров, не передающих, к сожалению, целостной картины. Так, например, из-за их обилия на правой руке героя, последняя выглядит как татуированная. Такой же эффект присутствует на бороде, носу, щеках, кубке. На «диске», расположенном на правой щеке, сохранились четыре изогнутые линии, напоминающие отростки рога. Помимо того, нетронутая резцом тюркского мастера поверхность ниже клинка, висящего на поясе, плотно заполнена сплетением резных линий, среди которых просматривается профильная фигурка оленя без головы.

Последняя попала в зону гравировки контура сабли тюркского воина. Тем не менее эта фигурка привлекает к себе внимание уже потому, что весьма своеобразно передает форму животного. Олень запечатлен в статичной позе резкой остановки, он как бы присел на задние ноги. При этом передняя нога показана в вывернутом положении, изгиб в колене направлен внутрь. Задняя нога с четко обозначенным заостренным копытом также подогнута и выдвинута вперед. К сожалению, форма нижней части этой ноги, как, впрочем, и передней, не очень хорошо просматривается, но создается впечатление, что копыто обращено вперед, т.е. нога в нижней части тоже вывернута в обратную сторону. Вдоль спины животного показаны извивающиеся линии, вероятно, отмечающие рога. Судя по изобразительной форме, данная фигурка находит аналоги в пазырыкском искусстве Алтая.

Цельное изображение резного знака четко фиксируется над правой бровью персонажа. Здесь способом контррельефа нанесена фигура в форме серповидной дуги, соединенной короткой перемычкой с кольцом меньшего диаметра. Над левым ухом прослеживаются две овальные лунки. Происхождение и принадлежность упомянутых «узоров», знаков и фигуры оленя стали понятными только в ходе эстампирования противоположной стороны каменного блока.

Визуально поверхность западного фасада блока не вызвала особого интереса, так как выглядела абсолютно чистой. Вместе с тем в косых лучах света слабо просматривались отдельные неровности, которые собственно и инициировали, на первый взгляд, обреченную на неуспех попытку создания эстампа. Однако уже через короткое время работы выяснилось, что опасения были напрасными. Вся поверхность камня оказалась заполненной рисунками летящих слева направо и вверх оленей с клювовидными круглоглазыми головами (рис. 2.-б). После такого открытия стало понятно, что тюрки для своих целей использовали олений камень ранних кочевников, который изначально был зарисован с обеих сторон. Поэтому «узоры», декорирующие на восточном фасаде рельеф тюркского изображения, есть не что иное, как остатки «оленных» рисунков. Таким образом, две овальные лунки над левым ухом – это остатки ожерелья, нашедшего продолжение на обратной стороне, изогнутые линии на щеке и руке – фрагменты рогов, а серповидный знак со стержнем и петлей на его конце, расположенный над правым веком, – традиционная серьга в одной из нечасто встречающихся ее разновидностей. Изображение оленя в статичной позе также элемент традиционного оформления оленных камней. А его отсутствующая голова стала жертвой гравировки фигуры тюркского воина.

Рисунки западного фасада, как, впрочем, и всего оленного камня, выполнены, видимо, в технике выбивки или протески с последующей шлифовкой. Таким способом проработаны туловища и ветвистые рога оленей, а также другие значимые детали композиции. Вместе с тем низкий рельеф, обусловленный изначально мелкой выборкой и последующим «зализыванием» поверхности камня под абразивным воздействием песка, несомненно сильными и продолжительными ветрами, стали причиной появления «невидимой» графики. Иначе просто трудно объяснить происхождение и назначение рисунков, визуально не различимых на поверхности камня.

При эстампировании выявилось одиннадцать сильно стилизованных профильных изображений оленей, летящих снизу вверх и справа налево, которые располагаются в несколько рядов друг над другом. Десять из них изображены с головами, устремленными вперед и только один с головой, развернутой в сторону спины. Он – как бы в позе обернувшегося вожака, ведущего за собой стадо. Отдельные фрагменты сюжета созданы в полиэikonической манере,

где одна линия поддерживает контуры двух персонажей. Некоторые из оленей не имеют завершения туловища, изображения обрываются примерно у его начала. Почти все они – безногие, только у отдельных особей поджатые ноги отмечены невыразительными отростками, которые, вероятно, отражают только нижнюю часть ног с копытами. Остальная, более длинная, часть ног поджата и в изображениях как бы входит в состав туловища. За такой изобразительной манерой, вероятно, скрыта семантическая нагрузка: тело оленя уподоблено птичьему, не только в смысловом, но и формальном воплощении. Эта же цель преследуется демонстрацией у нескольких персонажей приоткрытых окончаний клювов. Вместе с тем художник, стилизуя животных, видимо, акцентировался на наиболее знаково-важной части – рогатой голове. Рога изображены в традиционной манере скифо-сибирского звериного стиля с множеством завитков-отростков, стелящихся над головами и спинами животных. Помимо индивидуальных оленьих рогов, в верхней части сюжета из обреза камня прорывается громадный рог или фантазийное существо, напоминающее своим крючковатым клювом грифона, голова которого увенчана прямыми рогами с отростками. Примерно вровень с линией этих рогов круто наискось вырублена цепочка из овальных лунок, составляющих звенья выше упомянутого ожерелья, пять из которых достаточно четко отразились на эстампе. Выше линии ожерелья справа камень заполнен серией плохо различимых волнистых линий, направленных слева направо и вверх. При внимательном рассмотрении можно понять, что перед нами очередная колонка из нескольких (не менее трех) рядов оленей, летящих в противоположную сторону тем, которые запечатлены ниже линии ожерелья. В отличие от первой группы, здесь изображения значительно мельче по размерам, что, возможно, обусловлено другим их знаковым статусом.

Типологическая и семантическая интерпретации данного сюжета требуют отдельного исследования, а на данном этапе можно только предположить, что камень сохранил графическое воплощение мифопоэтического текста, вмещающего в себя несколько пластов фантазийных персонажей, а точнее – завуалированных героев каких-то древних опозитизированных событий.

Исследование памятника носило предварительный характер, а следовательно, требует продолжения. Это одинаково относится

как к комплексу в целом (включая сохранившиеся и разобранные курганные насыпи, оградки), так и к отдельным его объектам и прежде всего к изваяниям. Их дальнейшее изучение позволит уточнить детали и дополнить изображения новыми подробностями, на основании которых появится возможность полностью реконструировать изначальный сюжет и перейти к его семантическому исследованию.

В.Т. Петрин, С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА

МУГОДЖАРСКИХ ГОР

(РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)*

Изучение археологических комплексов с поверхностным залеганием артефактов в Мугоджарах началось в 1999 г. За три года в этом районе открыто и исследовано 59 пунктов палеолитического времени.

Особый интерес представляют 7 местонахождений (Мугоджары-5, 6, 10, 12, 31, 34, 35), а именно сильнодефлированные группы артефактов, составляющие часть коллекций.

Наиболее богатая коллекция каменных изделий собрана на местонахождении Мугоджары-31. Особенно важна та часть артефактов, которая отражает наиболее ранний этап пребывания древнего человека на этой территории. К ней относятся бифасы-рубила (средней степени дефляции), леваллуазские и поперечные нуклеусы, простые скребла, зубчатые, зубчато-выемчатые изделия и орудия с носиком.

Вышеперечисленные предметы весьма близки, а порой идентичны изделиям этих же типов, собранных в 2000 г. на пунктах Мугоджары-9, 10, 12, 16, 17 и др. (см. рис. 1.-7-9). Это относится к леваллуазским нуклеусам, скреблам, зубчато-выемчатым орудиям и бифасам-рубилам. Типологический реестр слабодефлированной и недефлированной групп каменных изделий значительно разнообразнее. Кроме леваллуазских и поперечных ядрищ встречаются торцовые, ортогональные, а также подпризматические одно- и двухплощадочные нуклеусы.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №01-01-00287а).

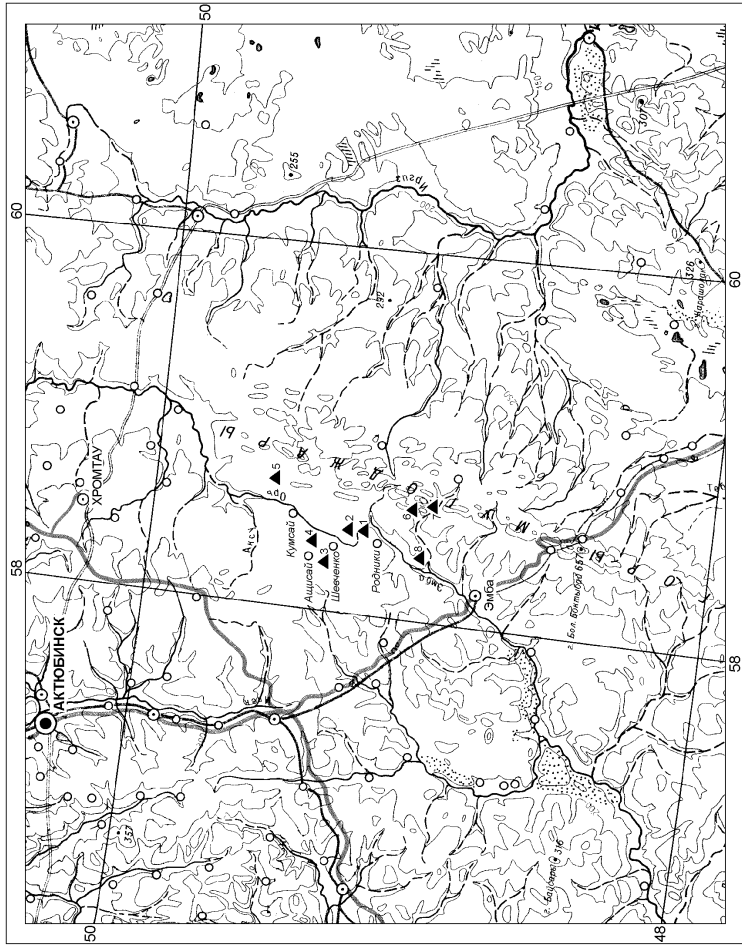

Рис. 1. Карта расположения палеолитических памятников в Мугоджарских горах: 1 – Мугоджары-31–35; 2 – Мугоджары-36–45; 3 – Мугоджары-48, 49, 51–53; 4 – Мугоджары-54–57; 5 – Мугоджары-58, 59; 6 – Мугоджары-12; 7 – Мугоджары-17; 8 – Мугоджары-9, 10

К списку орудий добавляются скребки и отщепы с ретушью. Немного южнее пунктов Мугоджары-31-33, на 20-метровой поверхности обнаружены два пункта (Мугоджары-34, 35) с комплексом сильнодефлированных изделий. Поверхность артефактов настолько заглажена, что порой невозможно определить детали вторичной обработки. Ансамбль каменных изделий включает в себя одноплощадочные нуклеусы, леваллуазские ядрища, скребла и ретушированные отщепы. Материалы этих пунктов являются дополнительным фактом, подтверждающим раннее проникновение древнего человека в этот регион.

Следующий разведочный маршрут охватывал участок местности от пос. Родники до с. Шевченко (см. рис. 1.-2). Эта местность представляет собой холмистое плато, ограниченное с востока Мугоджарскими горами и переходящее на западе в равнину. На всех, без исключения, холмах, где присутствует кремнистый песчаник, обнаружены комплексы палеолитического времени. Эти холмы расположены или обособленно, или составляют небольшие гряды из двух–трех возвышений. В этом районе обнаружено десять местонахождений (Мугоджары-36–45). Артефакты дислоцируются по склонам возвышенностей и на вершинах. Интересно то, что наибольшая концентрация находок приходится на южный и юго-восточный склоны, которые, как правило, меньше затянuty рыхлыми отложениями и не имеют растительного покрова. В отличие от местонахождений в бассейне р. Эмбы и у с. Родники данные пункты занимают небольшую площадь (в среднем 50–100 м²). Коллекции артефактов с этих объектов демонстрируют единую технологическую линию развития и идентичный морфологический облик изделий. Объединяет их и отсутствие дефляции на каменных предметах. Продукты первичного расщепления включают в себя подпризматические нуклеусы плоскостного и торцового принципа раскалывания, леваллуазские ядрища и многоплощадочные монофронтальные нуклеусы. Орудийный ансамбль состоит из простых и конвергентных скребел, боковых и комбинированных скребков на отщепах, изделий с выемками, ретушированных пластин. На всех пунктах этой группы местонахождений обнаружены бифасы. Их можно разделить на две устойчивые группы. К первой относятся частично обработанные изделия. Вторичная обработка формирует неровную поверхность и извилистый край. Данные бифасы, на наш взгляд, являются заготовками, которые в дальнейшем могли транс-

формироваться как в орудие, так и в микронуклеусы. Вторую группу составляют листовидные тонкие бифасы, сплошь обработанные выравнивающей ретушью. Эти изделия могли служить ножами, скреблами и наконечниками метательных орудий. Материалы этой группы местонахождений дали и новый тип орудий, ранее не встреченный в Мугоджарских комплексах. Это острия-унифасы. Пока их всего 2 экз. Они представляют собой ромбовидно-вытянутые изделия с треугольным, массивным сечением. Дорсальный фас у них сплошь обработан выравнивающей разнофасеточной ретушью.

В целом технико-типологические параметры нуклеусов и орудийного списка с местонахождений Мугоджары-36–45, позволяют отнести эти комплексы к периоду позднего палеолита, скорее всего, к его средней фазе.

После трех лет работ на комплексах Мугоджарских гор можно подвести некоторые итоги. Открыто и изучено 59 местонахождений, получен огромный массив археологического материала. Анализ технико-типологических характеристик сильнодефлированной и среднедефлированной части артефактов позволил выделить ашельскую стадию на данной территории (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др., 2001, с. 28). Ашельские комплексы характеризуются леваллуазскими нуклеусами для получения черепаховидных сколов, зубчато-выемчатыми орудиями и скреблами, а также бифасами-рубилами. В период среднего палеолита ансамбль мугоджарских комплексов обогащается нуклеусами параллельной системы расщепления: подпризматическими одно- и двухплощадочными, торцовыми. Среди орудий появляются скребки, орудия с выемками и изделия с носиком, а также пластины с ретушью. В материалах позднепалеолитических комплексов при сохранении старых традиций появляются и новые элементы. Это призматические, тщательно подготовленные ядрища, длинные призматические пластины, нуклеусы, напоминающие клиновидные, с микроснятиями, острия-унифасы, боковые и комбинированные скребки и тонкие, листовидные бифасы, обработанные уплощающей, выравнивающей ретушью.

В целом исследование каменного века Мугоджарских гор показало, что человек пришел на эту территорию в глубокой древности и обитал на ней на протяжении всего плейстоцена.

С.А. Пилипенко

Новосибирский государственный педагогический университет

МОНГОЛЬСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ МОГИЛЬНИКА БАСАНДАЙКА

Важной задачей западносибирской археологии является определение границ распространения памятников средневековых монголов, относящихся к периоду монгольской империи.

Несмотря на большое количество исследованных в последние годы археологических памятников начала II тыс. н.э. в Новосибирском, Томском и Барнаульском Приобье (Беликова О.Б., 1996, с. 3; Плетнева Л.М., 1997, с. 3; Адамов А.А., 2000, с. 3; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 3), в основной своей массе они отражают культуру населения предмонгольского времени, в своей основе кыпчакскую, а поэтому в большей степени однородную.

Археологических памятников самих монголов, в отличие от Барнаульского Приобья (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 3), в Новосибирском и Томском Приобье пока не выявлено.

При исследовании монгольских памятников Алтая получены определенные этнопоказательные признаки, присущие только монголам, на основе которых в дальнейшем можно будет вычленять из археологических памятников XIII–XIV вв. н.э. Новосибирского и Томского Приобья отдельные погребения, а возможно, и целые погребальные комплексы монгольского времени.

Показателем монгольского влияния на территории Новосибирского, Томского и Барнаульского Приобья считается наличие роговых подпружных пряжек из массивной роговой пластины прямоугольной формы. Эти пряжки встречаются на всей территории монгольской империи (Ефремов С.А., 1998, с. 159–169; Беликова О.Б., 1996, с. 70; Адамов А.А., 2000, с. 45), а также монгольские наборные пояса (Басандайка, 1947, табл. 55, 18; Адамов А.А., 2000, с. 56).

Все это показывает наличие монгольского влияния к северу от Алтая, но не присутствие там самих монголов.

В настоящее время наиболее важным является выявление собственных монгольских этнопоказательных признаков.

Исследование курганного могильника Телеутский Взвоз-I и памятника Ближние Елбаны-VI в Барнаульском Приобье (Грязнов М.П., 1950, табл. VIII.-20; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 3) позволили выявить еще один из таких

признаков. В ходе исследования этих памятников впервые на Алтае были найдены берестяные навершия монгольских головных уборов – «бокк», распространенные на всей территории монгольской империи, от Поволжья до Китая.

Три из них были найдены на курганном могильнике Телеутский Взвоз-I. Две – в женских погребениях (к. 8. п. 1; к. 9 п. 1) и одно – в мужском (к. 12. п. 1). Все погребения были потревожены грабителями. Аналогичное им навершие было найдено в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ближние Елбаны-VI. Обнаруженное там же овальное берестяное донышко «от туеска» следует рассматривать как часть берестяного навершия (Грязнов М.П., 1950, табл. VIII.-17, 20).

Все навершия аналогичны по своей конструкции и состоят из трех основных частей.

Трубки-конуса: конус был двухслойным. Изготавливался он из двух прямоугольных листов бересты. Внутренний лист сворачивался так, что его волокна располагались горизонтально, а на внешнем слое вертикально. Это придавало жесткость конструкции. Верхние края конуса надрезались на 2–2,5 см и отгибались в разные стороны. Высота конусов составляла 10–16 см, диаметр 3,5–5 см. Оба слоя прошивались тонкой иглой швом в строчку, шаг шва 1,5–2,5 см.

Навершие состояло из двух полукруглых слоев. После сшивания между собой низ расширялся кверху. Высота конуса 7–9 см. Внутренний слой был чуть меньше внешнего и образовывал маленький бортик в верхней внутренней части навершия. На этот бортик ложилась овальная берестяная крышка. Нижняя часть навершия сшивалась с верхней частью конуса, отогнутые края конуса прижимались к навершию и прошивались, плотно стягивая детали между собой.

Крышка: сделана из одного слоя тонкой бересты. Была зафиксирована лишь в одном случае в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ближние Елбаны-VI (рис. 2.-86). Крышки редко сохраняются. Навершия могли быть обшиты тканью и бисером. Само навершие вставлялось в шапочку с длинным султаном на 2–4 см, сшиваясь с шапочкой подобной тем, какие находят в золотоордынских погребениях Поволжья (рис. 2.-9–10). Других деталей от «бокк» не выявлено.

Все рассмотренные навершия «бокк» были найдены в монгольских погребениях Алтая, входившего в состав монгольской империи.

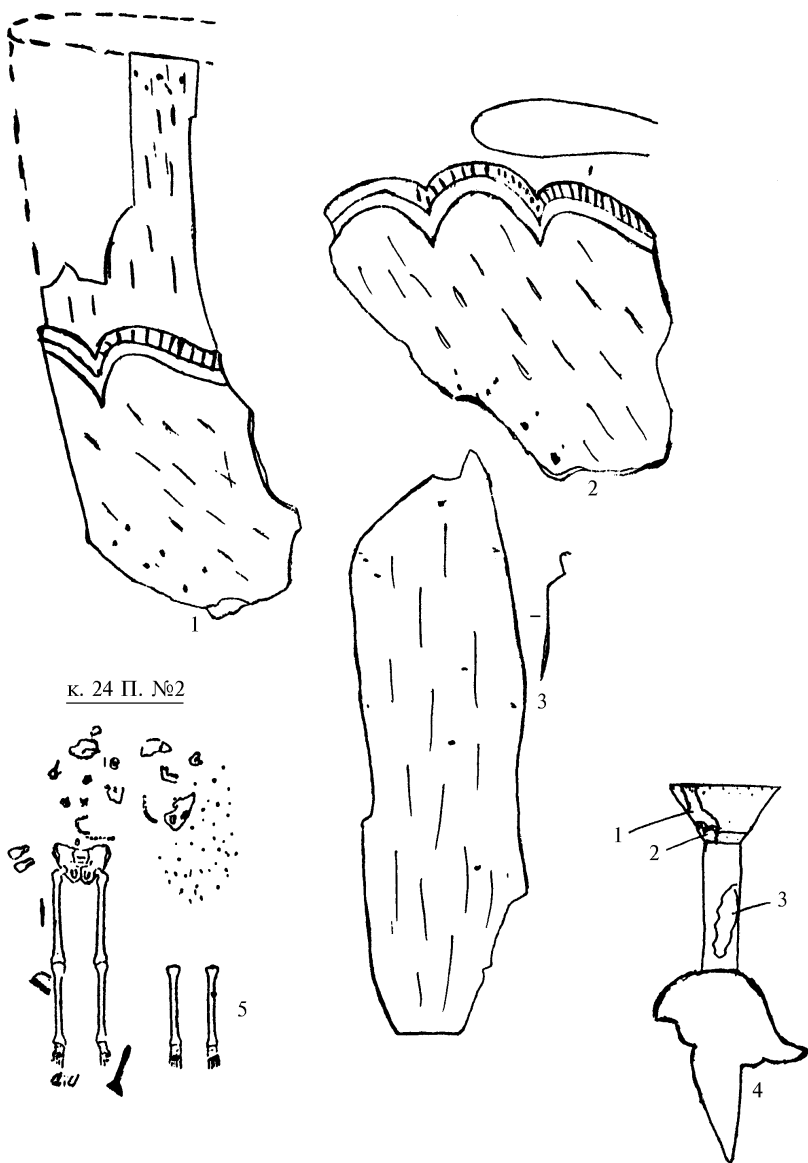

Рис. 1. 1–3 – детали берестяного навершия бочки из мог. Басандайка;
 4 – реконструкция берестяного навершия бочки;
 5 – местонахождение берестяного навершия в погребении

На этом фоне выделяется одна находка, сделанная А.П. Дульзоном в 1946 г. при исследовании могильника Басандайка. В ходе раскопок кургана №24 на уровне погребенной почвы было расчищено завернутое в бересту парное погребение №2. Погребение частично оказалось потревожено грабителями (рис. 1.-5). Погребенные были ориентированы головами на восток-юго-восток. Погребение содержало мужской и женский костяки. Оба умерших лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Наиболее полно сохранился мужской костяк. Возле него, справа от бедра, находились два тесла и железный стержень. В районе ступней лежали два берестяных запятника. От женского костяка не потревоженными остались только берцовые кости и ступни. Выше них в грабительском перекопе найдены белый бисер и стеклянные бусы.

Ниже ступней мужского и женского костяков в не потревоженной части могилы *in situ* лежала берестяная воронка, имеющая высоту около 10 см и в диаметре по верхнему краю около 5 см, по нижнему краю 4 см. В основание воронки вставлена берестяная трубка длиной 24 см, имеющая в диаметре сверху 4 см, а внизу 3,5 см; воронка и трубка двойные, куски бересты были сшиты по краям, трубка сделана из прямоугольной полосы, сшитой сзади вдоль, т.е. по длине. Между верхним куском бересты, на месте соединения обоих конусов, имеется берестяная накладка около 2,5 см ширины, которая наложена на нижний конус так, что покрывает разрез. Воронка вырезана из куска бересты. Имеется только один шов, который находится сзади, являясь как бы продолжением продольного шва трубки. Между верхним (покровным) куском бересты и нижним на месте продольного шва имеется берестяная прокладка в виде полосы шириной 4 см. Вокруг основания воронки наложена берестяная полоска шириной 4 см, прошитой сзади, в том же месте, где имеются продольные швы воронки и трубки. Названная полоска покрывает место соединения воронки с трубкой. По верхнему краю она впереди обрезана в форме фигурной скобки, вдоль верхнего же края нарезаны две линии на расстоянии 2 мм друг от друга, повторяющие контуры верхнего края. Расстояние между верхним краем и первой линией (около 2 мм) заполнено линиями, нацарапанными на близком расстоянии друг друга перпендикулярно краю. Предмет лежал лицевой стороной вверх (Басандайка, 1947, с. 113). Так ее описал в своем дневнике А.П. Дульзон.

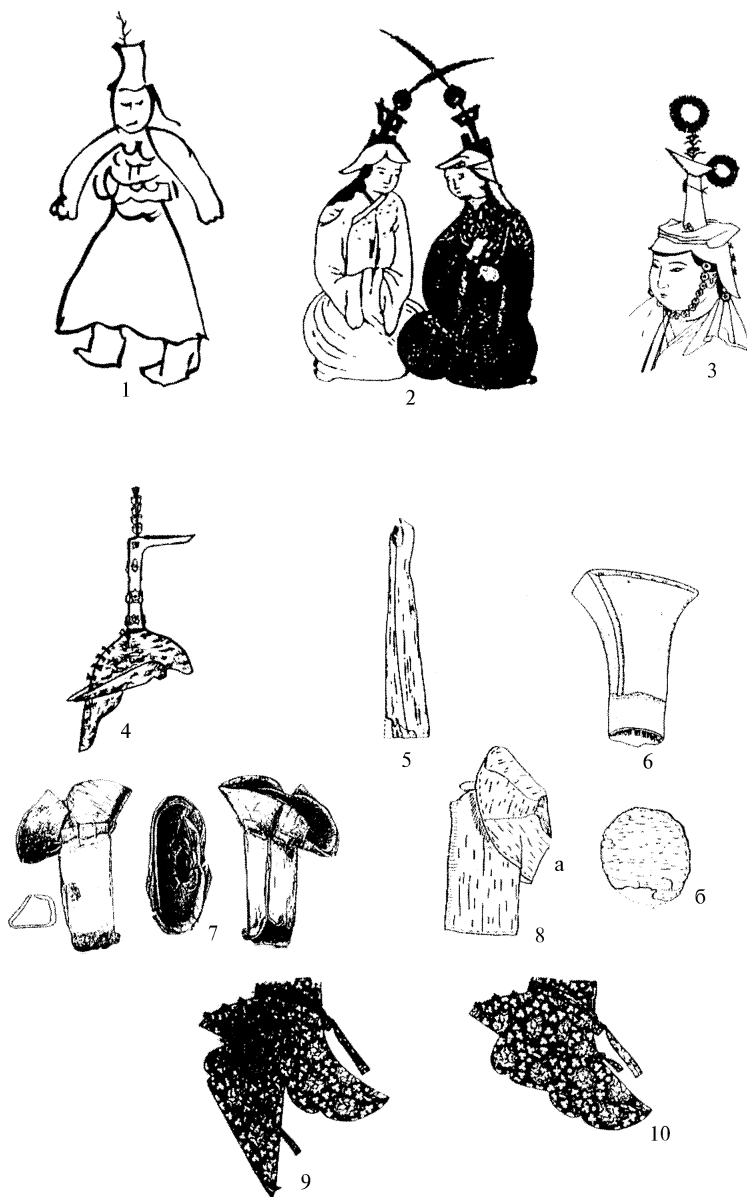

Рис. 2. Аналогии бокки из могильника Басандайка

Берестяная воронка была взята монолитом, а затем вместе с материалами курганов №24 и 25 поступила на хранение в музей ТГУ. Больше к этой находке никто из исследователей не обращался. В 2001 г. во время работы с материалами могильника Басандайка автором были найдены три сохранившихся до наших дней фрагмента бересты в коробке без номеров лежавшей с материалами кургана №25 (рис. 1.-1–3). Позже они были идентифицированы с вышеприведенным описанием берестяной воронки из кургана №24 (погребение №2).

Находки берестяных наверший с Алтая из могильников Телеутский Взвоз-I и Ближние Елбаны-VI позволяют нам правильно атрибутировать детали берестяной воронки из могильника Басандайка.

Всего сохранилось три фрагмента. Первый состоит из двух слоев (рис. 1.-1) и является частью навершия (рис. 1.-4:1). Нумерация фрагментов соответствует цифрам на реконструкции (рис. 1.-4). Высота навершия 10 см. Навершие было украшено фигурной аппликацией (рис. 1.-1–2, 4:2). Наличие такой аппликации уникально, так как на алтайских экземплярах никаких аппликаций не зафиксировано, что может быть связано с ограблением могил.

В погребениях могильника Телеутский Взвоз-I было встречено большое количество берестяных фигурных деталей. Но не одну из них пока невозможно соотнести с украшениями «бокк». Интересна еще одна деталь. Между слоями навершия и аппликацией из могильника Басандайка не отмечено остатков ткани, это позволяет утверждать, что данный экземпляр не обшивался тканью, но был украшен ажурной аппликацией. Третий фрагмент является частью конуса (рис. 1.-3, 4:3). Таким образом, берестяная воронка из могильника Басандайка является берестяным навершием женского монгольского головного убора «бокка» и аналогична по своей конструкции «боккам», найденным на Алтае (рис. 1.-4; 2.-7, 8). Кроме того, это единственная «бокка», найденная *in situ* на территории Западной Сибири.

Интересен сам факт попадания «бокки» в погребение, расположенное далеко на севере от основных районов нахождения монголов.

«Бокки» носили только замужние женщины (Окладников А.П., 1962, с. 72). «Бокка» являлась показателем социального ста-

туса погребенной женщины, которую, скорее всего, следует считать монголкой, ее могли выдать замуж за представителя северных племен, населявших Томское Приобье. Эта женщина не принадлежала к монгольской знати, как и женщины, погребенные на могильнике Телеутский Взвоз-I. Алтайские и басандайскую «бокки» следует выделить в отдельный район распространения этого типа «бокк». «Бокки» имеют широкий круг аналогий от Монголии (рис. 2.-1, 2), Тянь-Шаня (рис. 2.-6) до Поволжья (рис. 2.-3-5) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 36; Табалдиев К., 1996, с. 132). Но все они различны по конструкции навершия. Изучение этих различий является целью дальнейшего исследования.

А.Д. Пряхин, И.Е. Сафонов

Воронежский государственный университет

**С.В. КИСЕЛЕВ И ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ***

Сергею Владимировичу Киселеву (1905–1962) – одному из наиболее ярких представителей отечественной археологии советского времени посвящено достаточное число работ, в первую очередь биографического содержания (Л.Р. Кызласова и В.П. Левашевой, Н.Я. Мерперта, А.П. Окладникова, А.А. Формозов и др.). Однако до сих пор недостаточно проанализирован его вклад в изучение конкретных проблем археологии и прежде всего эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи – ведущего направления в его научной деятельности.

Хорошо известно, что на изучение проблематики эпохи бронзы Сибири С.В. Киселева направил В.А. Городцов, совершивший сам летом 1924 г. научную командировку в Иркутск, Красноярск и Минусинск. В Красноярске В.А. Городцов встретился с С.А. Теплоуховым и изучил коллекции из его раскопок 1920–1924 гг. В том же году на заседаниях Отделения археологии научно-исследовательского Института археологии и искусствознания (РАНИОН) В.А. Городцов выступил с докладами по эпохе бронзы в Сибири, впервые предприняв попытку научного сопоставления происходящих отсюда свидетельств бронзового века и материалов

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №02-01-00453а.

из южнорусских степных курганов (доклады «Отношение енисейских и ангарских культур III–II тыс. до н.э. к европейским и русским культурам того же времени», «Связь и взаимное влияние древних культур России и Сибири»). В этих докладах В.А. Городцов дал характеристику глазковской, андроновской, афанасьевской, минусинской (карасукской) культур, сопоставив их с древностями ямной, катакомбной и срубной культур. Подчеркнем, что речь шла именно о сопоставлении конкретных археологических культур, потому что даже С.А. Теплоухов предпочитал тогда говорить только о «культурных этапах» в рамках единой бронзовой культуры (Теплоухов С.А., 1922, с. 28; 1927, с. 62).

Осознавая необходимость продолжения начатого, В.А. Городцов сориентировал на проведение археологических работ в Сибири одного из своих талантливых воспитанников – С.В. Киселева. В 1928 г., будучи аспирантом РАНИОН, он без специального финансирования проводит свои первые исследования в Минусинской котловине. Тогда же вышла и первая большая статья С.В. Киселева, посвященная тагарской культуре (Киселев С.В., 1928б).

В личном архиве В.А. Городцова сохранились пометки относительно первых выступлений или публикаций своего ученика: «написано отлично», «сказано верно» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 197. Л. 59, 64–73 и др.). Учитывая критическое и жесткое отношение В.А. Городцова к археологическим работам, такая оценка стоит много. В свою очередь и С.В. Киселев с неизменным уважением относился к работам учителя, ссылаясь, конкретизируя и развивая основные положения его высказываний на ход культурно-исторического развития в эпоху бронзы на территории южносибирской степи и лесостепи (см. например: Киселев С.В., 1951, с. 62–64 и др.). Ученик унаследовал стиль археологических исследований учителя, придав ему облик неповторимой личной индивидуальности.

Начиная с 1930 г. С.В. Киселев возглавил Саяно-Алтайскую археологическую экспедицию и бессменно руководил ее до 1956 г. Он одним из первых обратил внимание на уникальные памятники Алтая. Если ранее полевые исследования проводились преимущественно в Минусинской котловине, то теперь Саяно-Алтайская экспедиция работала поочередно на Алтае или на Енисее в котловине. В ходе многолетних работ было раскопано значительное число памятников эпохи бронзы – афанасьевской, карасукской, андроновской культур (Киселев С.В., 1935, 1937а; 1937б; 1938 и др.).

Проявившиеся в археологии 1-й пол. 1930-х гг. стадиальные построения, социологический схематизм, увлечение автохтонизмом затронули и С.В. Киселева. Отдельные его работы, в том числе и по эпохе бронзы, написаны по стадиальной схеме (Киселев С.В., 1933 и др.). Однако можно с уверенностью сказать, что С.В. Киселев был одним из тех археологов нового поколения, которые осознав значимость тенденций, развивавшихся в нашей археологии в 1920-е гг., возвращаются к признанию фактора специфики развития отдельных регионов, к выделению и обоснованию археологических культур, возможности миграций древнего населения, что фактически предопределило преемственность между традициями старой археологии и набирающей быстрые темпы развития молодой, опирающейся на марксистскую концепцию историзма, археологической науки.

К концу 1930-х гг. С.В. Киселев выходит на свои первые обобщения материала по эпохе бронзы не только Южной Сибири, но и степной полосы Восточной Европы. В опубликованной в 1938 г. статье «Советская археология Сибири эпохи металла» им излагается очерк развития древних культур эпохи бронзы. Уже само название статьи весьма показательно: вместо термина «история материальной культуры» присутствует термин «археология». В статье, хотя и осторожно, но уже вновь употребляется термин «культура», а в изучении андроновских древностей подчеркивается значение работ вернувшегося из ссылки М.П. Грязнова. Более того, автор развивает некоторые научные положения М.П. Грязнова. Так, различие между минусинскими и западноказахстанскими памятниками андроновской культуры С.В. Киселев объясняет явлениями хронологического характера (в отличие от географических особенностей по М.П. Грязнову) (Киселев С.В., 1938, с. 231). Он пытается выйти и на оценку хозяйства населения эпохи бронзы Южной Сибири (Киселев С.В., 1938, с. 233).

Обобщение накопленных археологией данных способствовало и началу преподавательской деятельности С.В. Киселева на истфаке МГУ на только что образованной кафедре археологии. Возглавивший кафедру А.В. Арциховский пригласил его читать курсы лекций по бронзовому и раннему железному веку. Стенограммы лекций по эпохе бронзы, записанные в 1939 г., свидетельствуют об основательности проработки С.В. Киселевым археологического материала со всех обширного пространства евразийской

степи и лесостепи, что способствовало выработке авторской концепции развития на этой территории археологических культур (Архив ИА РАН. Ф. 24. Ед. хр. 41). Отличительная черта лекций С.В. Киселева – подробный анализ свидетельств, полученных при исследовании поселений. Напомним, что еще в одной из своих самых ранних статей Киселев отмечал такую особенность поселенческого материала, как необходимость его изучения с позиции реконструкции определенной системы жилых комплексов, а также тщательность его изучения с целью восстановления всех сторон жизни обитавшего здесь населения (Киселев С.В., 1928а). Характерен также выход на общеисторическую оценку проблематики, связанной с изучением эпохи бронзы.

Содержащие в курсе общетеоретические обобщения во многом предопределили дальнейшее изучение эпохи бронзы Евразии в стране, послужили толчком для реализации принципа научного историзма в конкретных исследованиях как применительно к эпохе бронзы, так и другим археологическим периодам.

Указанный подход сам С.В. Киселев реализовал в блестяще защищенной в 1946 г. докторской диссертации и в своей главной книге «Древняя история Южной Сибири» (Киселев С.В., 1949; 1951), получившей высокую оценку научной общественности. Значительная часть книги посвящена эпохе бронзы и оценке афанасьевской, андроновской, карасукской культур. Причем развитие каждой конкретной археологической культуры увязывается С.В. Киселевым в общую схему исторического развития эпохи бронзы степной и лесостепной полосы на всей обширной территории Евразии. Отметим, что С.В. Киселев чаще всего употребляет термин «эпоха» (например, афанасьевская, андроновская) и реже «культура», что в целом придает проведенному исследованию значительно больший историзм, одновременно не умаляя значительности конкретного археологического анализа.

Невольно вновь напрашивается параллель с В.А. Городцовым. То, что сделал последний в начале прошлого столетия для археологии эпохи бронзы южнорусской степи, то сделал и С.В. Киселев спустя несколько десятилетий для южносибирско-казахстанской степной бронзы. В свое время В.А. Городцов, анализируя памятники эпохи бронзы Восточной Европы и прослеживая общекультурный фон и аналогии, апеллировал к более восточным территориям. И наоборот, С.В. Киселев рассматривает эпоху бронзы

Южной Сибири в хронологической и культурной увязке с древностями более западных территорий.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Монография вышла двумя изданиями (1949 и 1951 гг.), хотя между ними небольшой хронологический разрыв. Второе издание частично переработано, что было обусловлено прошедшей в этом отрезке времени дискуссии по вопросам языкознания (1950 г.), когда резкой критике были подвергнуты стадиальные построения Н.Я. Марра. Не будучи последователем Н.Я. Марра, С.В. Киселев спешит порвать с теорией стадиальности, во многом навязанной археологии в 1-й пол. 1930-х гг. В предисловии ко второму изданию книги он подчеркивает, что «эпохи» прямо противоположны «стадиям», и они характеризуют «развитие действительно существовавших сообществ людей в определенных социально-экономических условиях» (Киселев С.В., 1951, с. 4). Изменений в разделе монографии, посвященного бронзе, было внесено относительно немного: названы новые материалы из раскопок рубежа 1940–1950-х гг., переработан раздел по карасукским каменным изваяниям, некоторые другие коррективы.

В свете сказанного не случаен и выход статьи С.В. Киселева «О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века» (Киселев С.В., 1953). Сборник посвящен упоминавшейся дискуссии и «проработке» археологов, допускавших дальнейшее использование теоретических построений Н.Я. Марра в археологии. В работе С.В. Киселев подвергнул критике положения В.И. Равдоникаса в связи с готской проблемой, высказывания А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого о генетической преемственности между катакомбной и срубной культурами, сделал самокритические замечания относительно существования киммерийской стадии на Енисее (по поводу собственного анализа карасукских стел в 1933 г.). При этом он апеллирует к точке зрения В.А. Городцова и противопоставляет ее взглядам М.И. Ростовцева. «В области изучения бронзового века, — пишет он, — советской археологии досталось по существу два направления. Одно из них было развито крупнейшим исследователем бронзового века Восточной Европы В.А. Городцовым, который продвинул далеко эту отрасль отечественной археологии, установив хронологическую классификацию памятников степной полосы...» (Киселев С.В., 1953, с. 130–131).

Справедливой выглядит критика «киммерийской стадии» В.И. Равдоникаса. Но надо отдать должное С.В. Киселеву: резкий

тон выступления против В.И. Равдоникаса сильно разнится с его критикой в адрес А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого. С.В. Киселев признает, что их книга «Родовое общество степей Восточной Европы» (1935 г.) «...сыграла значительную роль в развитии советских археологов о бронзовом веке дальше тех выводов, которые сделал в дореволюционные годы В.А. Городцов» (Киселев С.В., 1953, с. 135). Свойственный для В.И. Равдоникаса огульный тон критических замечаний сменяется критическим анализом имевшихся концепций стадиальности и автохтонизма. Нельзя сказать, что С.В. Киселев полностью отрицал значение Н.Я. Марра: «...под влиянием работ Н.Я. Марра теория миграций перестала быть универсальным объяснением культурно-исторических изменений. Наличие миграций стало необходимо доказывать, как и всякое другое событие» (Киселев С.В., 1946, с. 176). С.В. Киселев ведет речь о необходимости критического отношения к работам предшественников. И дело не только в том, являлись ли авторы «марристами» или «миграционистами». По мнению С.В. Киселева, важно в первую очередь историческое содержание работ археолога. В этом отношении показательна завершающая часть статьи, призывающая обратиться к племенной истории в эпоху бронзы, выяснению взаимоотношений между отдельными племенными группами и т.п. (Киселев С.В., 1952, с. 12; 1953, с. 139).

Реализация данного подхода – стержневая линия в научном наследии С.В. Киселева 1950-х – начале 1960-х гг. В одной из последних опубликованных при жизни работ по эпохе бронзы он наиболее четко сформулировал свою позицию по археологическому изучению эпохи бронзы: «Археологические культуры исследуются с позиции исторического материализма. Выясняется экономическое и социальное развитие тех обществ, остатками которых они являются, затем исследуются на основе изучения социально-экономического развития особенности общественной, политической и культурной жизни древних племен и народов, их взаимоотношений, передвижений и дальнейшей судьбы» (Киселев С.В., 1962, с. 759). Фактически в этом высказывании излагается парадигма, которая получила свое развитие в археологии и после кончины С.В. Киселева.

По постановке общих задач и по решению конкретных проблем эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи программной является другая статья С.В. Киселева – «Исследования бронзового

века на территории СССР за 40 лет», где охарактеризовано состояние изучения эпохи бронзы и намечены направления очередных исследований. Так, впервые С.В. Киселевым был сформулирован подход, согласно которому «...совершенно очевидно, что в одних случаях мы имеем дело со строго локальными явлениями, выражающимися в культурно-исторических формах развитие определенных ограниченных общностей, в других же случаях речь должна идти о более широких общностях – о культурно-исторических областях, где в силу совершенно конкретных исторических причин создавались известные общие черты, присущие ряду локальных культур» (Киселев С.В., 1957, с. 30). Практически это означало выход на анализ обширных культурно-исторических общностей, что в нашей археологии было реализовано позже. Сама же необходимость именно такого подхода диктовалась всем ходом развития археологии степной и лесостепной бронзы, что в работах С.В. Киселева (1949, с. 55–57) нашло свое первоначальное выражение в анализе культурных особенностей андроновского населения и его связи со срубным населением западных территорий. Важно мнение С.В. Киселева (1957, с. 38), что при решении вопроса о происхождении срубной и андроновской культур необходимо учитывать их родство и взаимовлияние, как отражение сложнейшего процесса их культурогенеза.

Среди больших культурно-исторических массивов им была названа и ямная культура, важность изучения которой подчеркивалась особо. Среди основных проблем, которые, по мнению С.В. Киселева, предстоит решить в области изучения срубных древностей, им названы происхождение и дальнейшая судьба населения срубной культуры. Он справедливо предостерегал, что выделение полтавкинских памятников еще не решает вопроса о происхождении культуры.

Не менее значимо звучит и тезис о том, что решение проблем эпохи бронзы на территории СССР возможно в случае, если будут проводиться серьезные исследования в области изучения переднеазиатских и средиземноморских цивилизаций.

Как известно, во 2-й пол. 1950-х гг. Киселев приступил к созданию нового капитального труда «Энеолит и бронзовый век Старого Света». Судя по всему, эта книга должна была явиться первым обобщением с позиции историзма всех имеющихся материалов эпохи энеолита и бронзы и в первую очередь евразийской степи и лесостепи.

К сожалению, завершить задуманное не удалось. Им был закончен (опубликованный уже после смерти ученого) очерк «Бронзовый век СССР» для многотомного издания «История СССР», содержание которого свидетельствует о существенной проработке данной тематики. Значительное место занимает оценка степи и «окраины леса Восточной Европы» (Киселев С.В., 1962, с. 30–38, 46–52). С.В. Киселев фактически вплотную подошел к выделению лесостепной зоны в археологии эпохи бронзы Евразии. По сути дела, это первое монографического характера обобщение, сделанное по эпохе бронзы на территории СССР к началу 1960-х гг. завершившегося столетия.

Все изложенное позволяет поставить имя С.В. Киселева в число выдающихся исследователей бронзового века Евразии, сопоставив сделанное им в послевоенные десятилетия прошлого века с тем, что было осуществлено в первые десятилетия XX в. его учителем – В.А. Городцовым.

В.И. Соенов

Горно-Алтайский государственный университет,

Институт алтаистики им. С.С. Суразакова

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НА АЛТАЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Население Горного Алтая принято считать кочевниками, основу хозяйства которых составляло кочевое скотоводство и охота (Потапов Л.П., 1953, с. 84). Однако археологические материалы свидетельствуют о несколько ином характере системы хозяйства древних и средневековых алтайцев, где значительную роль играли также ремесло, торговля, рыболовство, собирательство, земледелие.

Наличие земледелия в Горном Алтае начиная с IV–III тыс. до н.э. и до позднего средневековья подтверждают: 1) находки различных земледельческих орудий – железного наральника и железных «заступов» (Гаврилова А.А., 1965, с. 54; Захаров А.А., 1926, с. 74, 78, 80), каменных жерновов ручных мельниц (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 98; Руденко С.И., 1960, с. 32; Кунгуров А.Л., 1994, с. 45; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994, с. 64, 66; Молодин В.И., Бородавский А.П., 1994, с. 77), серпов или жатвенных ножей (Гаврилова А.А., 1965, с. 16; Кунгуров А.Л., 1994, с. 45, 46; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 57; Соенов В.И., 2001,

с. 56), роговых мотыг (Суразаков А.С., 1987, с. 8; Ларин О.В., 1990, с. 6), лемеха и отвала плуга (Кубарев В.Д., 1988, с. 124; Кубарев Г.В., 1997, с. 154), железной оковки лопаты (Бородовский А.П., 1994, с. 75) (это без учета многочисленных находок полифункциональных орудий тесловидного характера, которые могли использоваться как мотыги, и каменных зернотерок, являющихся распространенным предметом в памятниках Алтая начиная с неолита и до современности); 2) зерновая яма в Денисовой пещере со значительным количеством зерна пшеницы (мягкой) обыкновенной (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 105); 3) остатки памятников орошаемого земледелия – каналов (Ядринцев Н.М., 1883, с. 192–202; Радлов В.В., 1989, с. 26, 32, 34, 39, 474; Швецов С.П., 1900, с. 7, 8, 15, 16; Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 38; Верещагин В.И., 1927, с. 19, 22, 51; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 80; Потапов Л.П., 1953, с. 100; Гаврилова А.А., 1956, с. 9–10; и многие другие); 4) специальные ботанические исследования в урочище Тётё, подтвердившие его обработку в древности под пашню (Киселев С.В., 1951, с. 513); 5) распространенность земледельческой терминологии в современном алтайском языке и присутствие близких по звучанию основ в тюркских языках, что является подтверждением глубокой древности этих лексических элементов.

Земледелие на Алтае не могло возникнуть самостоятельно, без внешнего влияния, поскольку здесь не было пригодных для одомашнивания видов растений. Возникновение земледелия произошло в соответствии с очагами распространения важнейших видов культурных растений в немногих центрах, откуда они распространились на остальные территории. Одним из наиболее вероятных таких центров можно считать Переднюю Азию, где было сосредоточено значительное количество видов растений, пригодных для одомашнивания. В VII–VI тыс. до н.э. земледелие постепенно распространяется на соседние с Передней Азией территории и дальше на север в результате миграций отдельных групп населения, а также в результате заимствования навыков ведения земледелия в ходе культурных контактов. На территорию Сибири земледелие, видимо, привнесено выходцами из Приаралья и Прикаспия.

В силу причин природно-географического порядка становление земледелия в Горном Алтае было длительным и сложным процессом, растянувшимся на тысячелетия. Близкие к современным ландшафтно-климатические области сформировались в Южной

Сибири в конце плейстоцена-начале голоцена (Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А., 1994, с. 38). За последние тысячелетия природные условия Горного Алтая не подвергались каким-либо коренным изменениям и в целом соответствовали сегодняшним. Поэтому мы можем, со значительной долей вероятности, экстраполировать современные агроклиматические возможности Горного Алтая на древность и средневековье. Развитие мотыжной, а затем плужной форм земледелия шло здесь в условиях, отличных от переднеазиатских и прикаспийских: в условиях сурового сибирского климата и ландшафта население было вынуждено накапливать свой собственный опыт выращивания различных культур, вырабатывая наиболее приемлемые способы и сроки обработки почвы и посевов.

Из-за проблем засушливости в силу легкого механического состава, высокой водопроницаемости и малой влагоемкости почв значительной части участков, пригодных для обработки, земледелие в Горном Алтае с самого начала было орошаемым.

Развитие земледелия требовало хорошего знания природных явлений, а также календарных, астрономических и других наблюдений (Лисицына Г.Н., 1987, с. 49). Поэтому не случайно появление в Горном Алтае таких удивительных сооружений, как обнаруженный в 20 км от с. Кош-Агач Тархатинский мегалитический комплекс из уложенных по кругу камней, глыб и каменных выкладок (Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В., 2000, с. 7). Большинство мегалитических сооружений, известных в Европе и Азии, как и Тархатинский комплекс, созданы именно в эпоху раннего металла, что совпадает по времени с периодом становления производящих форм хозяйства. Конечно, Тархатинский мегалитический комплекс – многофункциональное сооружение, но его архитектурные особенности и географические характеристики указывают на астрономическое и календарное предназначение.

Судя по археологическим материалам, уже в эпоху раннего железа, т.е. в I тыс. до н.э., успехи земледелия на Алтае были значительны. Об этом свидетельствуют находки каменных жерновов ручной мельницы в насыпях курганов пазырыкского времени на могильниках Бертек-I, Юстыд, Башадар и т.д. Ручная мельница по производительности в 12 раз превосходит хорошую зернотерку и в мировой истории появление ручной мельницы свидетельствует о пашенном земледелии (Краснов Ю.А., 1971, с. 39, 45; Кызласов Л.Р., 1985, с. 69).

Расцвет земледелия на Алтае приходится на эпоху средневековья. Именно к этому времени относятся многие из оросительных сооружений, расположенных в долинах Катунь, Чуи, Урсула, Карлыка, Улагана, Челушмана, Аргута, а также специализированные земледельческие орудия: каменные жернова ручной мельницы, серпы, лемех и отвал плуга, железная оковка лопаты и т.д.

В ходе монгольского завоевания Южной Сибири в 1207 г. и подавления монголами в XIII–XIV вв. многочисленных восстаний местных народов, происходит нарушение хозяйственной деятельности и физическое уничтожение или угон больших масс населения. Это приводит к упадку и регрессу экономики, а также обезлюдению завоеванных территорий. Саяно-Алтайское ирригационное земледелие с этого времени пришло в упадок. В последующие века при неустойчивой военно-политической обстановке и при этносоциальном доминировании кочевников-монголов процветание земледелия на Алтае вряд ли было возможно. Земледелие деградировало и стало к тому времени преимущественно мотыжным.

В XVII–XVIII вв. сложные политические взаимоотношения между Российской, Джунгарской, Цинской империями из-за претензий на преобладание в Южной Сибири и Центральной Азии, превращение территории Алтая в арену военных действий, а также перманентные военные набеги со стороны казахов Среднего жуза делали невозможным нормальную хозяйственную деятельность алтайцев. Поэтому из отраслей хозяйства, поставляющих продукты питания, преимущественное развитие на Алтае имели те отрасли, которые были наиболее приспособлены к нестабильной жизни: скотоводство, охота и собирательство. Земледелие в этот период окончательно превратилось в подсобную отрасль.

К.Н. Солодовников

Алтайский государственный университет

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИБЬЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

В результате археологических работ, проводимых экспедициями Алтайского госуниверситета начиная с 70-х гг. XX в., накоплены обширные палеоантропологические материалы разных эпох и культур. Для их хранения и научной обработки был создан Кабинет антропологии АГУ, возглавил который А.Р. Ким. После траги-

ческой гибели Аркадия Романовича в 1993 г. систематизацию материалов и обработку коллекций продолжила С.С. Тур. В числе прочих, в Кабинете антропологии хранятся краниологические материалы эпохи ранней и развитой бронзы.

Для эпохи ранней бронзы в Верхнем Приобье выделена елунинская археологическая культура (Кирюшин Ю.Ф., 1986; 1987). Измерения черепов из елунинских могильников Староалейка-II (раскопки Ю.Ф. Кирюшина в 1986 г.) и Телеутский Взвоз-I (раскопки А.А. Тишкина, С.П. Грушина и других археологов АГУ в 1996–2001 гг.) суммированы с ранее опубликованными В.А. Дремовым (1997) измерениями черепов этой культуры (Солодовников К.Н., Тур С.С., 2002; 2003). По средним данным мужская елунинская серия характеризуется европеоидными чертами с небольшой монголоидной примесью и сходна с сериями круга южных европеоидных форм, обычно называемого средиземноморской расой. Женщины заметно более монголоидные по сравнению с мужчинами и сохраняют генетическую преемственность с предшествующим неолитическим и энеолитическим населением южных районов Верхнего Приобья (Дремов В.А., 1980; 1997). По сравнению с «чистыми» средиземноморцами у мужчин-«елунинцев» более широкие мозговая коробка и лицевой скелет и менее выраженные европеоидные черты в строении лица. Женская же группа сравнительно с населением эпохи неолита-энеолита обнаруживает сдвиг в сторону европеоидности. Объясняется это смешением слагающих компонентов: пришлого европеоидного средиземноморского, представленного преимущественно у мужчин, и местного промежуточного европеоидно-монголоидного, представленного у женщин. В составе населения елунинской культуры существовали группы, различающиеся долей монголоидной примеси. Так, мужская и женская серии из могильника Староалейка-II заметно более европеоидные по сравнению с однополыми выборками из Телеутского Взвоза-I. Примечательно, что первый из этих могильников тяготеет к степной зоне Алтая, а второй – к приобскому лесному массиву. Вероятно, смешение пришлых скотоводов-«елунинцев» с местным населением наиболее интенсивно протекало в Приобье, а в степной зоне юго-западных районов Алтая – менее*. Возможно,

---

* Объясняется это, по-видимому, хозяйственной спецификой (преимущественно охотники и рыболовы (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 100)) и связанной с этим большей концентрацией населения у энеолитических племен в приобских лесных массивах.

в составе населения елунинской культуры существовали группы, у которых монголоидная примесь была минимальной или вовсе отсутствовала.

Эпоха развитой бронзы в Верхнем Приобье представлена памятниками андроновской (федоровской) культуры. Наиболее многочисленные антропологические материалы происходят из грунтового могильника Фирсово-XIV, исследовавшегося А.Б. Шамшиным в течение ряда полевых сезонов с 1989 по 1998 г. Краниологическая серия из него насчитывает 28 мужских и 15 женских черепов. В настоящее время это наиболее многочисленная серия, происходящая из одного могильника андроновской культуры. По средним данным среди синхронных материалов она обнаруживает наибольшее сходство с выраженноевропеоидными группами, в составе которых в той или иной пропорции представлены средиземноморский и протоевропеоидный морфологические компоненты: «алакульцами» Западного Казахстана (Алексеев В.П., 1967), «срубниками» Поволжья (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984, с. 40–41), и населением тазабагъябской культуры Хорезма (Яблонский Л.Т., 1986).

Серия из Фирсово-XIV морфологически неоднородна. И индивидуально-типологически, и статистически (с помощью внутригруппового факторного анализа) в мужской группе выделяются два примерно равных в количественном отношении компонента, не отличающихся степенью выраженности европеоидных черт, но резко различающихся по размерам и пропорциям основных диаметров мозгового и лицевого отделов черепа. Первый из них – с массивной крупной мезокранной мозговой коробкой, более широким прямым лбом, низким и широким лицевым скелетом – соответствует андроновскому варианту протоевропеоидного типа, характерному для населения федоровской культуры. Поскольку в более раннее время на данной территории этот краниологический вариант не фиксируется, то он представляет пришлое население. Второй компонент в составе мужской серии – длинноголовый, резко долихокранный, с менее широким средненаклонным лбом, относительно узким и высоким лицом – европеоидный средиземноморский. Ранее, вслед за другими исследователями (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, с. 204; Дремов В.А., 1990, с. 59; Дремов В.А., Козьмин В.А., 1993, с. 46–47), присутствие данного антропологического типа в составе «андроновцев» Верхней Оби объяснялось участием в их миграции населения алакульской культуры (Солодовни-

ков К.Н., 1997, с. 50). С накоплением материалов, прежде всего елунинской культуры, появилась другая возможность интерпретации факта наличия долихокраних узколицых европеоидов в составе населения андроновской культуры данной территории. Действительно, археологически фиксируется проникновение отдельных алакульских элементов на территорию Верхнего Приобья (Хабарова С.В., 1994). Однако наличие в составе группы из Фирсово-XIV около половины мужчин с чертами средиземноморской расы при отсутствии алакульских элементов в керамике и погребальном обряде могильника (Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1994), препятствует их идентификации с «алакульцами». Средиземноморский компонент серии из Фирсово-XIV более сходен не с «алакульцами» Западного Казахстана, а с «елунинцами», особенно с их наиболее европеоидными группами.

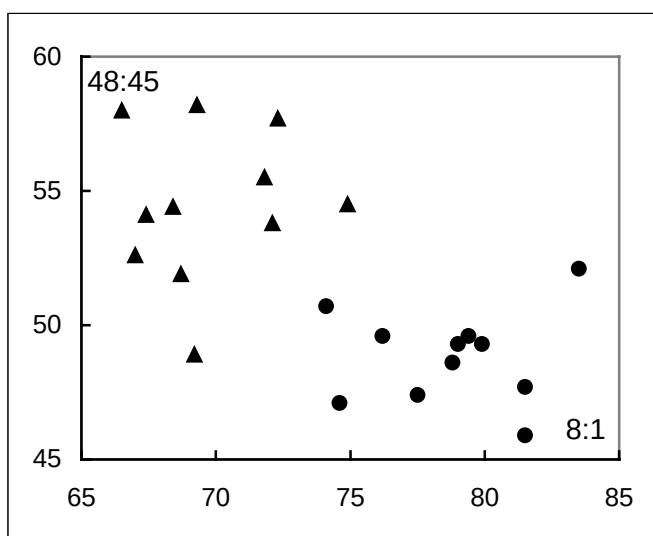

Рис. 1. Мужские черепа андроновской культуры из Фирсово-XIV. Попарное комбинирование признаков на корреляционном поле. На оси абсцисс отложены значения черепного указателя; на оси ординат – верхнего лицевого указателя. ● – черепа, вошедшие по результатам внутригруппового анализа главных компонент в «протоевропеоидный» кластер; ▲ – в «средиземноморский» кластер

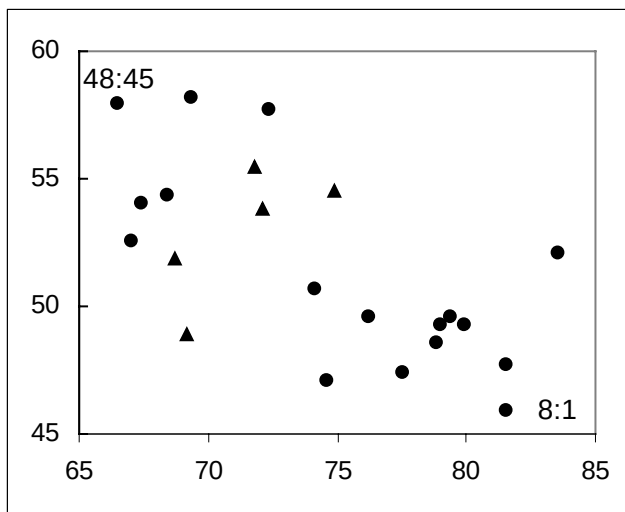

Рис. 2. Мужские черепа андроновской культуры из Фирсово-XIV.

Попарное комбинирование признаков на корреляционном поле.

- — черепа из юго-западной «ранней» части могильника;
  - ▲ — из северо-восточной «поздней» части
- (остальные обозначения те же, что на рисунке 1)

В настоящее время предполагается, что прародиной «андроновцев-федоровцев» являлось Верхнее Прииртышье (Ткачев А.А., 1992; Ткачева Н.А., 1997). Их миграции на восток, север и запад по масштабам сравниваются с «великим переселением народов» (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И., 1994, с. 8). В Верхнем Приобье «андроновцы» ассимилировали население елунинской культуры и частично вытеснили его в более северные и западные районы (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 88). Как известно по исторически фиксируемым миграциям в более позднее время, в переселение часто вовлекались по «принципу домино» инокультурные и даже иноэтничные группы, через территорию которых осуществлялась миграция. Представляется, что краниологические материалы из Фирсово-XIV отражают сходные явления: «андроновцы» в процессе миграции вовлекали в переселение на Верхнюю Обь «елунинцев» из юго-западных районов Алтая, а проживающее в Приобье население елунинской культуры, имеющее определенную

долю монголоидной примеси (представленное, например, серией из могильника Телеутский Взвоз-I), было вытеснено в другие районы.

В женской серии из Фирсово-XIV выделяются два основных кластера. Первый из них, более многочисленный, по средним данным идентичен с суммарной мужской серией с учетом полового диморфизма. Типологически в нем выделяются черепа с особенностями протоевропеоидного или средиземноморского типов. Вероятно, данный кластер формируется на основе смешения тех же компонентов, что и у мужчин. Известно, что в женских группах смешение происходит быстрее, и обычно женские серии менее неоднородные по сравнению с мужскими.

Второй кластер у женщин менее многочисленный^{*}. Характеризуется он по средним данным суббрахикранной, менее высокой мозговой коробкой, широким и относительно низким лицом, среднепрофилированным в горизонтальной плоскости и с тенденцией к альвеолярному прогнатизму, и слабо выступающим носом при высоком профиле его спинки. Данный кластер, по-видимому, также смешанный. При этом основным компонентом смешения является низколиций монголоидный тип. По сочетанию умеренной горизонтальной профилировки лица и малого угла выступления носа женские черепа второго кластера проявляют особенности западносибирской расы (Дремов В.А, Багашев А.Н., 1998; Багашев А.Н., 1998). Ближайшие аналогии им находятся в материалах федоровского могильника Преображенка-III в Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988). Появление в южных районах Верхнего Приобья подобной комбинации признаков следует объяснять брачными контактами с населением более северных территорий в рамках андроновской культурной общности.

Могилы, из которых происходят черепа двух кластеров мужской серии Фирсово-XIV, не различаются между собой ни по погребальному обряду, ни по набору инвентаря и не образуют каких-

---

^{*} Во внутригрупповой анализ главных компонент, помимо черепов из могильника Фирсово-XIV, были включены два женских черепа из андроновского могильника Ордынское в южной части Новосибирского Приобья (Алексеев В.П., 1961). Они оба, вместе с черепами из могил 268 и 311, ск. 2 Фирсово-XIV, формируют второй кластер. Другие женские черепа из андроновских могильников Барнаульско-Новосибирского Приобья (Дремов В.А., 1997; и неопубликованные данные автора) не включались во внутригрупповой анализ по причине плохой сохранности.

либо скоплений на могильном поле. Однако сопоставление планиграфии могильника и антропологических данных позволяет отметить определенную тенденцию. По признакам, наиболее четко дифференцирующим в данном случае черепа протоевропеоидного и средиземноморского типов (черепной и верхний лицевой указатели), в мужской серии наблюдается небольшая трансгрессия (рис. 1). Обеспечивают ее в основном черепа из могил, расположенных в северо-восточной части могильника (рис. 2), и в которых, вероятно, захоронены метисы от браков представителей протоевропеоидного и средиземноморского антропологических типов. Данное наблюдение подтверждает вывод, сделанный на материалах могильников на Енисее, о том, что кладбища андроновцев разрастались с юго-запада на северо-восток (Кожин М.П., 1997, с. 47).

Таким образом, изучение антропологических материалов эпохи ранней и развитой бронзы позволяет выявить две модели освоения пришлым населением территории Верхнего Приобья и его взаимодействия с местным. Отличия этих моделей, вероятно, объясняются уровнем различий хозяйственно-культурных типов мигрантов и местного населения, а также другими факторами. В эпоху ранней бронзы пришлые скотоводы-елунинцы вступали в контакты с автохтонным населением, с преимущественно присваивающими формами хозяйства, в основном путем брачных связей с местными женщинами. При этом по материалам керамических комплексов и других категорий инвентаря елунинской культуры прослеживается определенная преемственность с предшествующим населением южных районов Верхнего Приобья (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 83–84). В эпоху развитой бронзы какая-либо преемственность пришлых андроновцев с местным населением по археологическим данным не прослеживается (Удодов В.С., 1991, с. 74; Кирюшин Ю.Ф., 2002а, с. 53), и только привлечение антропологических материалов позволяет наметить механизмы их взаимодействия.

С.В. Сотникова

Тобольский государственный педагогический институт

АНДРОНОВСКИЙ (ФЕДОРОВСКИЙ) ОБРЯД КРЕМАЦИИ: К РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛА

Для западной группы федоровского (андроновского) населения, локализующейся на территории Южного Зауралья, характерной чертой погребального обряда являлся ритуал сожжения умершего.

Кремация осуществлялась на стороне с последующим захоронением останков в могиле. Кремированные останки размещались на дне компактно, в виде небольших скоплений в центре или в восточной части погребальной камеры, тогда как сосуды и кости животных (ребра) локализовались преимущественно в западной части. Следовательно, актуальное ритуальное пространство могилы было невелико.

Вместе с тем нередко могильные ямы федоровского населения Южного Зауралья достигают крупных размеров (длина 3 м и ширина 2–2,5 м и более). Средние размеры могильных ям западных федоровцев достаточно точно соответствуют размерам ям взрослых погребений восточных федоровцев, в которых совершены захоронения по способу труположения. Это позволяет предположить, что федоровский погребальный ритуал предусматривал временное нахождение в могиле трупа умершего до совершения сожжения и окончательного захоронения (Сотникова С.В., 2002, 2003).

Существует еще одна возможность объяснения непропорционально больших размеров федоровских погребальных камер по сравнению с площадью, занимаемой в них кремированными останками. В момент захоронения в погребение могла помещаться «кукла». Именно на таком предположении строится интерпретация материалов из алакульско-федоровского могильника Кулевчи-VI. Н.Б. Виноградов, на основании наблюдений за расположением двух скоплений кремированных останков и бронзовых украшений в погребении 2 кургана №3 этого могильника, интерпретировал их как захоронения праха, помещенного в «куклы». Наибольший интерес представляет скопление 1, с которым были связаны следующие находки: сосуды 1 и 4, три ребра крупного животного у сосуда 1, скопление украшений №1, наконечник, низки бронзовых бус у северо-восточного окончания кальцинированных костей. Относительно расположения находок, связанных с этим скоплением, Н.Б. Виноградовым сделаны следующие выводы: «Если исходить из этого (наличия в погребении «куклы». – С.С.), то становится понятным расположение погребального инвентаря. Наконечник ориентирован по линии СЗ–ЮВ и начинается с крупной обоймы. На скелетах алакульских женщин, погребенных по способу ингумации, начало наконечника находится у основания черепа сзади. Стало быть, сосуд 1 и ребра животного (кусочек мяса) располагались за головой «куклы», а сосуд 4 и скопление украшений 1 – перед лицом ее. Украшение верхнего края обуви низками бронзовых бусин традиционно для

алакульских женщин, захороненных по обряду труположения. Не случаен, видимо, и факт залегания наконечника и низок бус непосредственно на обломках кальцинированных костей». Сходная картина наблюдается и в других погребениях этого могильника. Так, в яме 3 кургана №2 поверх кальцинированных костей лежали два бронзовых браслета (Виноградов Н.Б., 1984, с. 140–141, 143–145, 151).

Данный вывод о наличии кукол в андроновских погребениях Н.Б. Виноградов сделал на основании аналогий с погребальными куклами-манекенами таштыкской культуры, где также практиковалось сожжение умершего. Как свидетельствуют таштыкские материалы, оставшийся в ходе сожжения пепел собирали в кожаный мешочек. Затем шили человекообразный манекен размером с покойника. Изготавливали такие куклы из травы и обшивали кожей, а возможно, берестой и материей. Внутрь помещали мешочек с пеплом (Вадецкая, Э.Б., 1986, с. 134).

Помещение в могилу украшений вместе с остатками кремации имело место и в других андроновских могильниках. Так, в алакульско-федоровском могильнике Солнце-Талика захоронение в кургане №2 было совершено в яме крупных размеров 3,35х2,85х0,4 м. На дне ямы, вдоль западной – юго-западной стенки стояли 6 сосудов. Вдоль восточной – северо-восточной стенки тремя компактными скоплениями располагались мелкие обломки кальцинированных костей. Из заполнения ямы и норы извлечены обломки бронзовых украшений, в частности, височного кольца или браслета выпукло-вогнутого сечения (Виноградов Н.Б. и др., 1996, с. 133–134).

Находки украшений в погребениях с сожжением характерны также для андроновских погребений Центрального Казахстана. В расположении остатков кремации, украшений и другого инвентаря прослеживаются те же закономерности, что и в погребениях Южного Зауралья. В могиле 1 ограды 1 атасуского могильника Сангруппы у западной стенки находились три сосуда. У северной стенки – слой полупережженных костей погребенного (80х25 см). Среди них обнаружены четыре бронзовых бляшки, две пронизи и кусочек фаланговой кости животного с отверстием. В могиле 7 ограды 1 северо-западную половину ящика занимал слой полупережженных костей (80х30 см), среди которых находились 64 бронзовые бусины. У восточной торцевой плиты – три сосуда. В могиле из ограды 5 на дне у западной стенки располагались три сосуда. Рядом с ними – два брон-

зовых кольца с раструбом, два браслета со спиральными навершиями, обломки лентовидного браслета и две бусины. В западной половине зафиксирован слой красной краски попеременно с полусожженными костями погребенного (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 100–102). В нуринском могильнике Бугулы-I в погребениях с сожжением также обнаружены украшения, но их местоположение по отношению к остаткам кремации точно не указывается. В могиле из ограды 1 найдена бронзовая пронизка, в могиле ограды 3 – около 50 бронзовых бусин и круглое бронзовое зеркало, в могиле 2 ограды 4 – около 50 бронзовых пронизок (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 73, 75–76).

Некоторые атасуские комплексы Центрального Казахстана содержат следы неполного трупосожжения с характерным набором украшений. В могильнике Бегазы в северном ящике ограды 11 «отдельные фрагменты костей сохранили следы огня», среди них обнаружены обломок бронзовой привески и несколько бронзовых бусин и пронизок. В комплексе Ельшибек в ящике 4 ограды 73 найдены бронзовая бусина и костяная трехгранная пронизка с резным орнаментом, у юго-западной стенки – бронзовые пластинки. В ящике 5 той же ограды обнаружены бронзовая и аргиллитовая бусины (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 132, 138–140).

Как следует из вышеприведенного обзора, основная масса комплексов с остатками кремации не содержит столь ярких, как в могильнике Кулечи-VI, свидетельств, позволяющих предполагать наличие погребальной куклы. Как правило, находки инвентаря (помимо сосудов) в погребениях с сожжением вообще редки и расположение их не столь выразительно. В некоторых случаях оружие и украшения вообще локализуются отдельно от кремированных останков, рядом с ритуальной пищей. Так, в могильнике Урефты-I (курган №7, могила 2) бронзовый нож располагался на дне рядом с сосудом, в северо-восточном углу, углистые пятна с золой находились на дне около северной стенки и в юго-восточном углу (Стефанов В.И. и др., 1983, с. 161). В могильнике Путиловская Заимка-II (курган №7) на дне у восточной стены обнаружены два скопления кальцинированных костей, у западной – три сосуда, лопаточная кость животного, бронзовый нож с перехватом и два бронзовых разомкнутых височных кольца, обернутых золотой фольгой (Зданович Г.Б., 1988, с. 99).

Вместе с тем компактное расположение и достаточно определенные границы скоплений остатков кремации, наличие коллек-

тивных захоронений по способу трупосожжения с четким разделением на два (Кулечи-VI, Путиловская Заимка-II) или три скопления (Солнце-Талика) дают основание предполагать, что останки могли быть во что-то завернуты. Учитывая находки среди костей разнообразных украшений, обычно нашиваемых на одежду (бус, пронизок, бляшек, подвесок), либо прикрепляемых к головному убору (накосники, височные кольца), можно предположить, что это была одежда умершего. В этой связи следует внимательнее отнестись к наблюдениям, сделанным в ходе изучения таштыкских кукол. Как отмечает Э.Б. Вадецкая, одевали их, видимо, в подлинную одежду покойного, прикрепляли к голове волосы трупа, таким образом кукле стремились придать сходство с покойником, подчеркивая его индивидуальные черты (Вадецкая Э.Б., 1985, с. 36–38; 1986, с. 134; 1990, с. 116–118). «Андроновцы» же могли, к примеру, собирать кремнированные кости в мешочек, но помещать его не в куклу, а заворачивать в одежду умершего, расшитую бусами, бляшками и пронизками. Вероятно, женские погребения сопровождались еще головными уборами и браслетами.

Определенные аналогии такому обряду имеются в культуре хеттов, сложившейся при участии индоевропейского населения. Среди табличек из Бозакея есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. В первый день совершалась кремация тела. «На второй день, как только рассветает, женщины идут..., чтобы собрать кости... Они берут кости серебряной *лапта* и погружают их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем они вынимают кости из очищенного масла и кладут их на льняной *гаццарнулли*, под который подложена «красивая одежда». Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «красивую одежду» и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку... Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами... И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой... [Затем] они берут кости... и приносят их в его «Каменный дом» (Герни О.Р., 1987, с. 146–147).

Во многом сходный вариант обращения с кремнированными останками умершего практиковался ведийскими ариями. Как следует из комментария к Погребальному гимну, содержащемуся в «Атхарваведе» (XVIII, 4. 16–28), кости, оставшиеся после кремации, складывали в виде человеческой фигуры. Затем, ориентируясь на стороны света, ставили вокруг этой фигуры блюда с ритуальной

пищей и сопровождали обряд произнесением соответствующих ритуальных формул (Атхарваведа, 1995, с. 377–378). В федоровских комплексах отсутствует непосредственная антропоморфизация кремированных останков умершего, но для этой цели могла служить его одежда.

М.П. Грязнов сравнивал орнаментацию посуды эпохи бронзы, в том числе и андроновской, с орнаментацией кожаной и меховой одежды некоторых коренных народов Южной Сибири и Казахстана. Он указывал на возможность перенесения орнамента с одежды на посуду (Кирюшин Ю.Ф., 1995, с. 58–59). Учитывая пышную и сложную орнаментацию федоровской погребальной посуды, можно утверждать, что для андроновцев значение одежды вряд ли ограничивалось чисто утилитарным смыслом.

Особое отношение к одежде умершего, как к его заместителю, прослеживается в похоронно-поминальной обрядности иранских народов. Осетинский обряд «сидения мертвых» совершался спустя неделю после Нового года и в день Богоявления в семьях, которые в течение предшествующего года потеряли кого-либо из близких. В честь умершего пекли хлеб огромной величины. Затем делали изображение покойного, распялив на палках его одежду, перед которым ставили любимые вещи покойного, чашку и бутылку арака. Существует мнение, что душа на это время вселяется в изображение умершего. В течение дня происходит оплакивание, а затем угощение (Дюмезиль Ж., 1990, с. 189).

В среде федоровского (андроновского) населения антропоморфизированные с помощью одежды кремированные останки также могли рассматриваться как временное вместилище души покойного. Подтверждением этому служит ритуал последующего кормления умершего, о чем свидетельствует наличие в западной половине погребальной камеры сосудов и ребер животных (чаще всего лошади). Помещение еды в погребение говорит о том, что кремированные кости рассматривались не как безликая и бесполезная масса, а как достойный заместитель умершего.

Вероятно, «федоровцы» сжигали умершего без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были бы сохраниться расплавившиеся остатки металлических украшений, нашитых на одежду.

Интересные параллели можно провести с иранской традицией. Согласно воззрениям зороастрийцев, в момент выставления трупа на дахме, что, по мнению М. Бойс, заменило у иранцев риту-

ал сожжения (Бойс М., 1987, с. 23–24), на нем не следовало оставлять одежды. Более того, в Авесте (Видевдат) предусматривалось жестокое наказание за нарушение этой традиции (Vd. VIII. 25): «О Создатель плотского мира, праведный! Кто одежду оставит поверх покойника, – тканую или кожаную, – такую, как вся одежда мужчины, какое ему наказание? – И сказал Ахура-Мазда: Пусть нанесут ему тысячу ударов конской плетью, тысячу [ударов плетью] «делающей послушными».

Опираясь на данные различных источников, имеется возможность отчасти реконструировать федоровский ритуал. Вероятно, умерший сжигался вне могилы без одежды. Затем кремированные останки заворачивались в одежду и помещались в восточную половину могилы, после чего совершался ритуал кормления умершего.

А.Д. Степанов, В.М. Дьяконов
Якутский государственный университет
**К НАХОДКАМ КЕРАМИКИ С МЕЛКОСТРУЙЧАТЫМ
ОРНАМЕНТОМ В ЯКУТИИ**

В 2000 г. при раскопках на поселении Вилюйское шоссе, находящемся в г. Якутске, было найдено 38 фрагментов гладкостенного сосуда (рис. 1.-1). Цвет черепков снаружи красновато- и светло-коричневый, изнутри светло-коричневый и коричневато-бурый, в изломе черный. Структура теста рыхловатая, неяснослоистая, с сильной примесью песка. Внешняя и внутренняя поверхности местами сильно повреждены. Сосуд был орнаментирован в привенчиковой части несколькими (не менее трех), далеко разнесенными между собой рядами мелкоструйчатого (змейковидного) штампа, нанесенного под бортиком вертикально, с небольшим наклоном вправо. Длина оттисков 1,2–1,5 см. Бортик сосуда был прямой, часто рассеченный косыми, узкими, полукруглыми в сечении вдавлениями. Толщина бортика составляла 0,7–0,8 см, стенок – 0,2–0,3 см.

Фрагмент подобной керамики был найден в 1988 г. при подъемных сборах, произведенных у с. Владимировка в 20 км к югу от г. Якутска, на стоянке Владимировка-VI («пашня») археологами ЯГУ А.С. Кириллиным и Е.И. Елисеевым (неопубликованный материал). На внешней поверхности сохранились оттиски мелкоструйчатого штампа и, обрамляющих его сверху и снизу, округлых ямочных вдавлений (рис. 1.-2). Цвет черепка палевый. Тесто этой

керамики имело большую примесь песка и отдельных включений дресвы. Толщина стенки составляла 0,3 см.

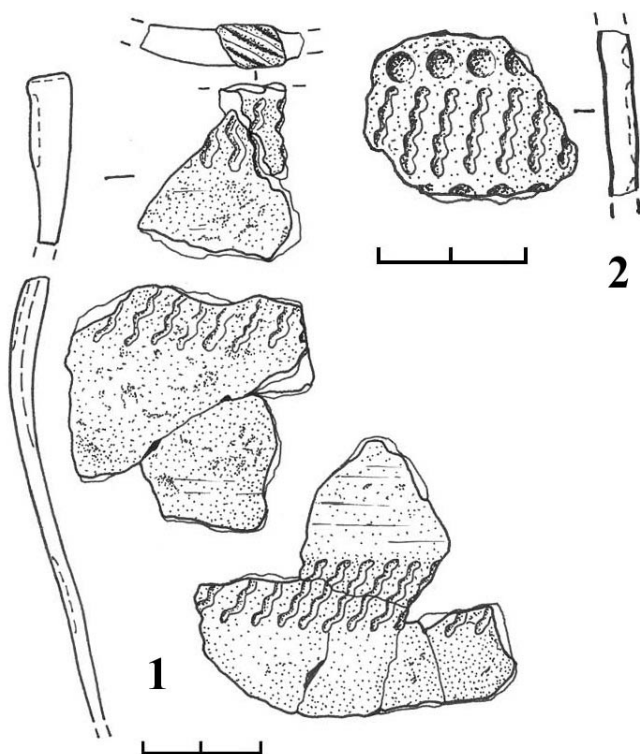

Рис. 1. Керамика с мелкоструйчатым штампом со стоянок
Центральной Якутии: 1 – Вилуйское шоссе; 2 – Владимировка-VI

Аналогии подобной керамики с мелкоструйчатым штампом встречаются на довольно обширной территории ареала крестово-струйчатых культур Западной Сибири и Северного Приуралья, главным образом на памятниках поздней бронзы и раннего железа XII–VII вв. до н.э. (Борзунов В.А., 1982; 1986, с. 58, табл. 1; 1991; Чемякин Ю.П., Кокшаров С.Ф., 1984, рис. 2.-2, 4, 9, 13, 13а, 17, 18; 3.-12а, 24; 4.-2, 5, 6, 10–12а, 13–15, 17, 18; 6.-2, 5; Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986; Косарев М.Ф., 1987а, с. 289–304, рис. 117.-4; 119.-21; 1991, с. 21, рис. 54; 57; Стоколос В.С., 1988, с. 156–157, табл. 41; Глушков И.Г., Захожая Т.М., 2000). Из них территориаль-

но близкими к Якутии являются памятники выделяемой тургайской культуры Обь-Енисейского междуречья (Бобров В.В., 1999). Струйчатый и крестовый штамп наблюдается на сосудах тэбаховской культуры приустьевое Амура (Лосан Е.М., 1996, с. 376, рис. 2, 3, 4, 8, 17). Надо отметить, что тэбаховская керамика сближается с западносибирскими (сузгунскими, потчевашскими) и даже приуральскими (чужьяельскими) комплексами еще одним элементом орнамента – скобками, которые образуют сгруппированные чешуйчатые композиции (Лосан Е.М., 1996, рис. 1, 6).

Мелкоструйчатый штамп считается одним из орнаментальных проявлений гребенчато-ямочной традиции (Васильев В.И., 1979; Васильев Е.А., 1982; Косарев, 1987б, с. 317; 1991, с. 16–21; Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986, с. 49). Употребление этого типа орнамента продолжается вплоть до раннего железного века и средневековья, где струйчатые композиции известны в заполярной группе памятников оронтурского типа, в кулайской и релкинской культурах (Могильников В.А., 1987, с. 202–207, табл. LXXXVI, 5; Чиндина Л.А., 1984, табл. 5; 1991, с. 50, рис. 13, 64). Уже с раннего железного века отмечается уменьшение доли струйчатого орнамента в общем объеме орнаментальных композиций керамических комплексов.

Мелкоструйчатую керамику со стоянки Вилуйское шоссе, очевидно, следует связать с гребенчатым керамическим комплексом раннего железного века Якутии – ююкэ-сангарским, по А.П. Окладникову (1945, с. 64–72) и белькачинско-дюктайским, по И.В. Константинову (1978). Это подтверждается сходством орнаментальной композиции струйчато-ямочной керамики из Владимировки-VI (рис. 1.-2) и гребенчато-ямочной керамики, известной из комплексов I слоя Белькачи-I (Константинов И.В., 1978, табл. VIII.-9) и Областной больницы (Окладников А.П., 1950, табл. XLI.-2). В настоящее время ранний железный век Якутии датируется в пределах V в. до н.э. – V в. н.э. (Алексеев, 1996, с. 28, 62).

Находки струйчатой и струйчато-ямочной керамики в Центральной Якутии, наряду с открытием керамики со струйчатым и крестовым штампом на Дальнем Востоке (тэбаховская культура) (Лосан Е.М., 1996, рис. 2, 3, 4, 8, 17), позволяют говорить о том, что территория Якутии не являлась какой-то исключительной периферией этого ареала. Возможно, данная керамика приоткрывает еще неизвестные страницы этнокультурных процессов, происходивших в Якутии в эпоху раннего железа.

М.Г. Сулейменов

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт

ВОЙНА КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Война, по определению «Толкового словаря» (Вл. Даль, 1978), является неотъемлемым атрибутом человеческих взаимоотношений в древности, локализованных на определенном пространстве и во времени. В советской историографии подчеркивается классовый характер войн, которые основывались на появлении и функционировании частной собственности (БСЭ, 1978, с. 82). Война становится регулярной, появляются специальные группы людей, для которых война становится профессией (вооруженные отряды, армия). В отношении периода древности указывалось на причину военных столкновений разрозненных человеческих коллективов, которые таким образом добывали средства пропитания, захват территории и жизненно важных ресурсов. При образовании же военнопотестарных образований – грабеж, разбой захват скота (рабов) и сокровищ, с их последующим накоплением (Худяков Ю.С., 1985).

В перечисленных подходах к определению сути военных столкновений и их причин обращает на себя внимание факторы, определяющие или влияющие на возникновение военных конфликтов: жизненно важное пространство, пригодное для проживания человеческих коллективов, адекватной их ХКТ или к которой человек может приспособиться, изменив свой привычный хозяйственный уклад; обязательное наличие оружия – специализированного комплекса материально-технических средств для ведения боя, которые способствуют эффективному нанесению противнику телесных повреждений, несовместимых с жизнью, и одновременно средств защиты от подобного со стороны противника (Худяков Ю.С., 1979).

Последний фактор становится насущной необходимостью для гарантированного выживания, когда в контакт вступают несколько человеческих коллективов, которые соревнуются или соперничают за одну и ту же территорию и ее ресурсы, либо боестолкновение становится неизбежным при миграции. Отсюда вытекает потребность каждого человеческого коллектива, которое в свою очередь базируется на обыденном различении типа «свой–чужой», поддерживать достаточный уровень вооруженности и мобилизационной готовности, включая овладение ресурсной матери-

ально-технической базой и технологией производства оружия, его накопление и поддержание в боеспособном состоянии, с обязательной боевой подготовкой наиболее дееспособной части мужского населения, при которой сохраняется постоянная готовность как к обороне, так и к нападению, при обязательном несении караульной службы. По-видимому, подобная готовность воспринималась древним человеком не как война «всех против всех», а как гарантия выживания в окружении человеческих коллективов.

В современном оружиеведении принято считать, что повышение военизации общества является следствием увеличения частоты встречаемости социумов из-за открытия металлов, увеличения подвижности населения и появления разнообразных форм скотоводства, что повлекло за собой усиленную типологическую разработку всех видов вооружения (Худяков Ю.С., 1985, с. 106–107; 1990). Как представляется, современное сибирское оружиеведение преодолело период накопления, систематизации и осмысления объективных закономерностей развития на широком историческом фоне такой специфической категории вещевого инвентаря, как предметы вооружения (Худяков Ю.С., 1986; 1991; 1997). Появилась необходимость не только комплексной реконструктивной обработки всего доступного массива источников по оружию, военному делу и военной истории Северной и Центральной Азии, но и определению региональной специфики, выявлению причин появления и векторизацию распространения наиболее передовых достижений в области военных технологий, а также в выявлении реконструктивным путем потенциальных противников, по степени вооруженности и возможной боевой тактике. Очевидно, что любой выявляемый комплекс вооружения, которым пользовались конкретные носители и который археологи обнаруживают при раскопках, использовался против конкретного врага, а выявляемый комплекс вооружения дает возможность реконструировать не только типовой состав боевых средств или возможность их тактического применения. Подобный путь, как представляется, поможет конкретизировать вклад каждого этноса в историю военного дела Евразии, а также способствовать конкретизации исторических процессов, попытаться соединить данные археологии (артефакты) с данными письменности при локализации этнонимов.

Кузнецкая котловина и ограничивающие ее орографически различные районы – Салаирский кряж, Кузнецкий Алатау и Горно-

Шорское плато, а также примыкающая часть Сибирской равнины, входящие в современное административное деление как Кемеровская область, как части юго-востока Западной Сибири – демонстрируют природное разнообразие и делают возможным длительное комфортное проживание не только носителей присваивающей экономики, но и представителей комплексного ведения хозяйства, с элементами или преобладанием производящего (Бобров В.В., 1989; Сулейменов М.Г., 2003), имеется возможность пограничного проживания представителей с различным ХКТ, поскольку наличествуют как участки «степь–лесостепь», так и лесные участки предгорий и горная черневая тайга.

Отсутствие опубликованных компилятивных работ по систематизации и обработке накопленного вещевое материала и разнесению его по хронологическим периодам не позволяет в настоящее время считать такой интересный историко-культурный регион, как Кузнецкая котловина, включенным в историко-культурный контекст западно-сибирского региона. При знакомстве с опубликованными материалами отмечается отсутствие такого понятия, как «местное автохтонное население», лишь к финалу бронзы, в ирменское и позже, с началом формирования протосамодийского субстрата, можно констатировать включение территории Кузнецкой котловины в этнокультурный ареал Верхней Оби (Бобров В.В., 1989; Илюшин А.М. и др., 1996).

Большая же возможность для построения социокультурных реконструкций и выяснения причин миграций и роли военных действий на материалах Кузнецкой котловины представляет эпоха средневековья, когда концептуально была определена принадлежность местного населения к верхнеобской историко-культурной общности с помещением в подкурганные захоронения остатков кремации на стороне (Илюшин А.М., 1999). Курганные захоронения с трупоположениям, трупоположения с конем, с окружением курганной насыпи рвом были отнесены к мигрантам (Илюшин А.М., 1993; 1996б). В пользу длительности проживания местного населения свидетельствует обряд трупосожжения (VI–XII вв.) (Илюшин А.М., 1997; 1999а; Илюшин А.М., и др., 1999). Заслуживает внимания положение, высказанное А.М. Илюшиным о возможном дружинном культе и процессе консолидации местных племен против мигрантов, выраженное в появлении и длительности функционирования «длинных» курганов. К сожалению, из-за особенностей сред-

невековых трупосожжений невозможно сделать вывод о характере ранений и причинах смертности захороненных человеческих останков с предметами вооружения, но то, что процесс проникновения мигрантов не всегда был мирным, свидетельствуют характер ранений пришельцев – в средневековом кургане могильника Сапогово (№1) и кургане №4 могильника Торопово-1, содержащих останки с проникающими ранениями черепа и скелета, а также мягких тканей. Параллельно с количественным ростом раскопанных средневековых могильников были высказаны и другие точки зрения на реконструкцию этнокультурных процессов в средневековое время Кузнецкой котловины, когда памятники местного населения относили к кыштымам кыргызов или территория котловины определялась как пограничная между кимако-кыпчакским и кыргызскими объединениями (Илюшин А.М., 1994; Васютин А.С., 1997; Савинов Д.Г., 1993; 1994; Худяков Ю.С., 1993; 1993а; 1993б; 1994а). Концепция А.М. Илюшина о двух волнах миграции тюркоязычных кочевников подтверждается материалами могильников Шабаново-3, Мусохраново-3 и Торопово-1 (начало – 1-я пол. 2 тыс. н.э.), где присутствует двукомпонентный погребальный обряд, демонстрирующий длительный процесс консолидации двух этносов, несмотря на сохраняющуюся высокую вооруженность населения обеих сторон (Илюшин А.М., 1999; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994; Четошников С.Г., 1998).

Все вышеперечисленные теоретические положения, практические соображения и историографические обзоры демонстрируют достоверность вывода о том, что именно в эпоху средневековья, как это ни парадоксально, боевые действия как следствия миграций и столкновений человеческих коллективов стимулировали хозяйственно-культурное освоение территории Кузнецкой котловины, когда немирные отношения между кровнородственными коллективами, инфильтрация мигрантов и временное объединение доселе враждовавших кровных родственников, необходимость отстаивать право на существование каждой из сторон конфликта, поиск незанятых пространств и маршрутов сезонных кочевков, уход от противника через, казалось бы, неприступные горные системы, окружающие котловину, гибкость в вынужденном приспособлении к необычному образу жизни, способу ведения хозяйства – вот далеко не все второстепенные факторы повлияли на процесс появления, формирования и размещения так называемых малых народов Куз-

басса в 1-й пол. II тыс. н.э. Как представляется, особенности погребальной кочевой культуры, наличие большого числа малых курганных групп, многообразие погребальных надмогильных и внутримогильных сооружений, расположение могильников разрозненно, в привязке к микрорельефу, отсутствие достоверно зафиксированных материальных свидетельств боестолкновений между «представителями» рядом расположенных синхронных могильников с различным погребальным обрядом, отсутствие достоверно зафиксированных летников и зимовок позволяют считать территорию Кузнецкой котловины своеобразным убежищем, но не препятствующим проникновению как в широтном, так и в меридианальном направлении и утверждать факт постепенности формирования населения? композитного по характеру, в предмонгольское время.

А.С. Суразаков, А.А. Тишкин

Институт алтаистики им. С.С. Суразакова;

Алтайский государственный университет

ПАМЯТНИК КЫЗЫК-ТЕЛАНЬ-I В ГОРНОМ АЛТАЕ И ЕГО ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

Археологический комплекс Кызык-Телань-I находится в 7 км к юго-юго-востоку от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. Он расположен в одноименной долине, которая занимает 15-метровую надпойменную террасу правого берега Катунь и тянется вдоль него на 2,5–3 км. С запада эта территория ограничена склоном террасы, с востока – горами, с юга и севера – бомами. В конце долины Кызык-Телань обрывается дорога, представлявшая отрезок первоначального варианта Чуйского тракта, от которого затем отказались ввиду сложности его строительства и редкости населения на правобережье Катунь. Северная часть рассматриваемого участка частично распаивалась, а южная, где сконцентрировано большинство древних сооружений, хорошо задернована и на ней находилась стоянка для скота.

Памятник насчитывает около 120 археологических объектов различного времени, находящихся в пределах одного могильного поля. Выделяются небольшие группы, представляющие собой, по всей вероятности, общинные кладбища. Достаточно хорошо иден-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №02-06-80342).

тифицируются кольцевидные каменные выкладки афанасьевского типа, округлые в плане курганы с каменной наброской диаметром 5–20 м эпохи раннего железа, подквадратные оградки тюркского времени. В центре указанных сооружений иногда заметны пологие западины. В восточной части представляемого комплекса, у подножья окаймляющих долину гор, находится святилище – камень с петроглифами, рядом с которым зафиксирован культурный слой с остатками кострищ, фрагментами керамики и костями животных. Строгой закономерности в расположении курганов не наблюдается. Однако можно выделить отдельные группы и цепочки, о чем речь пойдет ниже. Археологические объекты сильно задернованы. Многие поросли мелким кустарником и слабо выделяются на поверхности, что при визуальном осмотре затруднило определение их точного количества, первоначальной формы, размеров, а также культурной и хронологической принадлежности.

В 1980 г. А.С. Суразаков произвел на памятнике Кызык-Телань-I первые раскопки. Были вскрыты восемь курганов (№1–7, 10) и одна подквадратная каменная оградка с вертикальной стелой в центре (объект №8). Кроме этого, удалось скопировать петроглифы и заложить небольшой раскоп у камня, на котором они находились (объект №9) (Суразаков А.С., 1981, с. 214; 1983, с. 42–52). Затем работы на памятнике были продолжены в 1988, 1989 и 1991 гг. совместными экспедициями ГАНИИИЯЛа и Института археологии АН СССР. Основной объем работ оказался выполнен в полевом сезоне 1988 г., когда исследовались 29 объектов, из которых один отнесен к афанасьевской культуре (№31), 21 курган (№11–12, 14–21, 23, 26–30, 34–36, 39–40) и пять выкладок (№13, 22, 24–25, 35) определены раннескифским временем, а два кургана (№37, 41) – пазырыкским периодом. В 1989 г. было вскрыто 13 каменных сооружений. Из них к афанасьевской культуре отнесены объекты №32 и 33. Курганы №44–52 датированы раннескифской эпохой. Среди них следует отметить объекты №45/51 и №46/50, в которых зафиксированы погребения людей в каменных ящиках и сопровождающие их, но отдельно устроенные, конские захоронения в ямах. Выкладка №43 оказалась с непотревоженным грунтом. Курган №42 можно считать объектом пазырыкского времени. В 1991 г. было вскрыто шесть курганов раннескифского периода (№54–59). Таким образом, к настоящему времени на памятнике изучено всего 58 различных объектов (рис. 1).

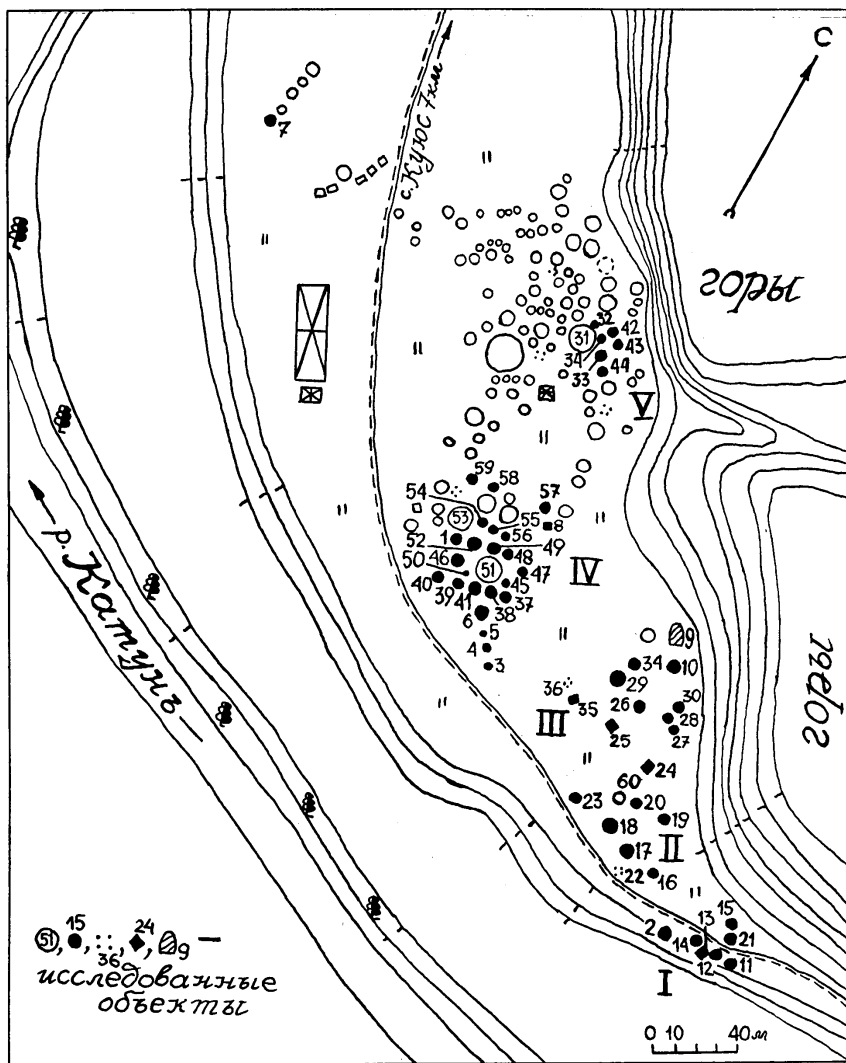

Рис. 1. План памятника Кызык-Телань-I

Лишь небольшая часть материалов, полученных при раскопках в долине Кызык-Телань, издана. Помимо общей информации в «Археологических открытиях» (Суразаков А.С., 1981) опубликова-

ны данные о курганах №3–6, исследованных в 1980 г. Эти объекты первоначально датированы V–III вв. до н.э. и на основе анализа их погребального ритуала был сделан вывод о выделении в Горном Алтае кара-кобинской культуры, отличной от пазырыкской (Суразаков А.С., 1983, с. 42–48). Позднее время исследованных курганов №3–6 было определено V–IV вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1989, с. 103). Изданы материалы объектов №31–33, отнесенных к афанасьевской культуре и датированных рубежом III–II тыс. до н.э. (Ларин О.В., 1990, с. 3–6, рис. I–VIII). Кроме этого, в научной литературе еще имеются очень краткие сообщения о работах на памятнике Кызык-Телань-I и ссылки на некоторые полученные результаты (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 49; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с. 87; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 33–34; и др.). Поэтому является важным введение в научный оборот имеющихся сведений о планиграфических и других особенностях крупного археологического комплекса, отражающего процессы освоения Алтая в древности и средневековье.

Некрополь Кызык-Телань-I не является сплошным могильным полем. Визуально на нем выделяются пять групп курганов и несколько примыкающих к ним или отдельно расположенных цепочек. Кроме того, небольшие цепочки, состоящие из нескольких курганов, фиксируются и внутри групп. Рядом с погребальными конструкциями располагаются выкладки. Зафиксированная ситуация отражает последовательность сооружения объектов памятника, а также социальную структуру оставивших его коллективов.

Выделяющиеся на могильнике пять групп курганов пронумерованы римскими цифрами с юга на север, исходя из следующих соображений. В южной части долины площадь памятника ограничена бомом, выходящим к Катунь и служащим естественной границей долины. При этом южная часть могильника исследована наиболее полно. Все визуально наблюдаемые сооружения групп I–III раскопаны полностью. Курганы групп IV–V вскрыты частично. Объекты раннескифского времени, по всей видимости, начали сооружать с южной оконечности долины, от борма. Затем уже шло устройство курганов к северу, в сторону основной и наиболее расширенной части долины. Возможно также, что курганы различных групп могли сооружаться относительно синхронно представителями разных общин. Средняя или основная часть долины оказалась в какой-то мере свободной от погребально-поминальных сооруже-

ний, сделанных из камня. Подобная приуроченность курганов к концам, а не к средней части долин и у скальных выходов прослежена одним из авторов в 1974 г. на Средней Катуні в ходе разведок в зоне предполагаемого затопления Катунской ГЭС, а также отмечена в ряде других мест Горного Алтая, например, на памятниках Кызыл-Джар, Талдура, Бойтыгем и др. (Могильников В.А., 1983а, 1983б; Могильников В.А., Елин В.Н., 1982; 1983; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992, с. 35, 1994; Тишкин А.А., 1996; и др.). Такое устройство курганов определялось, видимо, рядом обстоятельств разного характера.

В условиях ограниченного количества в Горном Алтае территорий, удобных для реализации хозяйственной деятельности, это обеспечивало использование средней части долин в качестве пастбищ или давало возможность земледельческой обработки пригодных участков. В какой-то мере указанное размещение погребальных сооружений гарантировало изоляцию зоны памятника. Следует отметить, что в концах долин рядом находятся склоны гор, с которых брали камень для возведения насыпей, что существенным образом облегчало его доставку.

Остановимся на размещении курганов по группам и цепочкам (рис. 1). Самую южную группу I образуют пять курганов (№11–12, 14–15, 21) и одна выкладка №13, находившаяся между объектами №12 и 14. При этом курганы №11–12, 14 были выстроены в цепочку, ориентированную по линии ЗСЗ–ВЮВ. Под углом 45–50° к ней в направлении ЮЮВ–ССЗ (почти Ю–С) стояли курганы №15 и 21. Исходя из непосредственной близости друг к другу, можно говорить о попарном расположении курганов №11 и 12, №15 и 21. Ритуал всех пяти курганов группы I одинаков. Они содержат под насыпями из рваных камней с кольцевыми выкладками по периметру единичные погребения в ящиках из каменных плит, установленных на уровне древнего горизонта. Компактное расположение и аналогичный погребальный обряд свидетельствуют об их хронологической близости. В ящике кургана №21 был найден бронзовый втульчатый ассиметрично-ромбический наконечник стрелы, датирующийся концом IX–1-й пол. VI вв. до н.э. Подобные изделия представлены в кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980, рис. 8, 11, 12) и в других памятниках раннескифской эпохи (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 80–84). Это позволяет относить рассмотренные объекты к VIII – началу VI вв. до н.э. К группе I с за-

пада пристроен курган №2, возможно, уже пазырыкского времени с погребением в ящике, установленном в яме.

Объекты группы II расположены в 28 м к северу от предыдущего скопления. Семь курганов располагались двумя почти параллельными цепочками, ориентированными по линии ЗСЗ–ВЮВ, на расстоянии 10–12 м друг от друга. Западная из них включает четыре кургана (№16–18, 23), восточная – три (№19, 20, 60). С севера и юга к группе II симметрично примыкают две каменных выкладки (№22, 24). Среди камней первой обнаружен уголек, вторая оказалась без находок. В курганах группы II прослеживается некоторое разнообразие погребального ритуала: устройство каменных ящиков на уровне древнего горизонта (курганы №16–17, 19–20); установка ящика в яме таким образом, что плиты его перекрытия были на уровне древнего горизонта (курган №23); сооружение ямы без ящика (курган №18). Датирующих вещей не обнаружено, кроме «оленных» камней, лежавших возле насыпей курганов №17 и 18. Верхний предел их бытования определяется VII–VI – рубежом V в. до н.э. (Савинов Д.Г., 1994, с. 113). По указанным особенностям зафиксированного обряда курганы группы II, возможно, являются несколько более поздними по отношению к объектам группы I.

Группа III, состоявшая из восьми сооружений (№10, 26–30, 34, 61), располагалась вблизи камня с петроглифами и отстояла на 25–30 м к северу от предыдущего скопления (рис. 1). С западной стороны к указанным курганам примыкали три выкладки (№25, 35–36). Четкой планировки в локализации объектов рассматриваемой группы не наблюдалось. Можно отметить микрогруппу из трех курганов (№27–28, 30), парное расположение конструкций №29, 34 и обособленность объекта №10, отстоявшего на 9 м к востоку от кургана №34. Для погребальных памятников группы III характерны захоронения в ящиках из плит, установленных на уровне древнего горизонта, под насыпями из рваного камня с кольцевой выкладкой по периметру. Компактное расположение и единообразие ритуала указывают на хронологическую близость этих объектов. В кургане №29 найдена бронзовая пронизка-столбик от перекрестия ремней узды. Подобные изделия датируются обычно VII–VI вв. до н.э. К раннескифскому времени можно отнести и другие курганы группы III. Следует указать отличие сооружения №10, которое содержало погребение в каменном ящике, установленном в яме глубиной

1,4 м, что более свойственно уже погребальному обряду кара-кобинской группы памятников пазырыкской культуры, однако находок, свидетельствующих об этом, не обнаружено.

Объекты групп I–III вместе представляют одну макрогруппу, состоявшую в основном из курганов раннескифского времени и отделенную от группы IV пространством шириной около 50 м. В свою очередь сооружения групп IV–V представляют другую макрогруппу, в которой объекты связаны тремя цепочками нераскопанных курганов, ориентированных по линии Ю–С и относящихся, судя по отмеченному направлению, к пазырыкскому времени. По-видимому, эти конструкции по отношению к основной массе памятников VIII–VI вв. до н.э. групп IV–V являются более поздними и ими было занято пустое пространство между ранее сформировавшимися скоплениями.

Группа IV насчитывает 31 объект. С юга к ним пристроена цепочка из четырех курганов (№3–6), а с запада и востока – две квадратных оградки тюркского времени. В данной группе, помимо указанных, исследовано еще 20 сооружений. Среди них можно наметить 5–6 цепочек курганов, ориентированных с разными отклонениями от линии З–В. В южной половине центральной части этого скопления в одной цепочке с объектом №47, содержавшем захоронение в каменном ящике, находились два кургана (№46, 51) с погребениями в цистах и сопутствующими захоронениями лошадей, совершенными под отдельными выкладками №45 и 50, которые располагались с юго-восточной стороны. Большинство исследованных курганов рассматриваемой группы содержат характерные погребения в каменных ящиках на уровне древнего горизонта с насыпью из рваных камней и кольцевой выкладкой по периметру. На периферии, в южной части, в курганах №38, 41, 37 прослежено размещение ящиков в ямах.

Группа V является самой многочисленной и наименее исследованной. Ее объекты локализовались в северной части некрополя. Там расположен самый крупный курган могильника диаметром около 20 м, высотой 1,2 м, вероятно, раннескифского времени, сложенный, как и другие курганы из рваного камня и имеющий в центре грабительскую воронку. Всего в группе V насчитывается около 55 курганов и выкладок, располагающихся без четкого порядка. Раскопано 7 объектов, в том числе два кургана и выкладка (№31–33) афанасьевской культуры (Ларин О.В., 1990, с. 3–6, рис. I–

VIII), два кургана (№34, 44) VII–VI вв. до н.э. с погребениями в каменных ящиках на уровне древнего горизонта, курган №42 с захоронением в каменном ящике и в яме, возможно пазырыкского времени, и выкладка №43 без находок.

В 20 м к северо-западу от крайних курганов группы V находится цепочка из пяти подквадратных оградок размером около 4х5, 4х4 м, ориентированная по линии ЮЮЗ–ССВ, и расположенный рядом с ней объект диаметром около 8 м, высотой 0,45 м. В 35 м от него на северо-запад располагалась цепочка из пяти каменных насыпей диаметром 6–8 м, высотой 0,3–0,4 м, ориентированная по линии Ю–С. Судя по такой организации погребального комплекса, курганы предварительно можно было бы отнести к пазырыкскому времени (2-я пол. VI–III вв. до н.э.). Самый южный объект №7 этой цепочки раскопан. Обнаружены останки детского погребения на уровне древнего горизонта без вещей.

В заключение необходимо отметить, что исследованные курганы памятника Кызык-Телань-I относятся преимущественно к раннескифской эпохе. Несмотря на малочисленность инвентаря, плохую сохранность остеологических остатков и полную разграбленность большинства каменных ящиков исследованный могильник в настоящее время является самым крупным из некрополей бийкенской археологической культуры (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, 1999; Тишкин А.А., 1996, 2002). Большой интерес представляет связанное с ним святилище. Подобная ситуация уже отмечена на базовом памятнике раннескифского времени Горного Алтая Бийке (Тишкин А.А., 2000) и требует специального рассмотрения.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН*

**СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ И АБОРИГЕНОВ
В КУЗНЕЦКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.
И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ
НА БОЛЕЕ РАННИЕ ЭПОХИ***

Закономерности расселения народов Западной Сибири изучены неполно. Известно, что подавляющее большинство абориге-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-841а).

нов (угров, самодийцев, тюрков) жили вдоль крупных сибирских рек и в нижнем течении их притоков. Поселения на этих территориях были крупнее, чем в глубинных таежных районах. То же можно сказать и об особенностях расположения русских деревень. Глубинные таежные районы русские массово начали заселять только в XIX в. Возможно, следует говорить об особой природно-географической зоне – пойме больших рек с особым биоценозом, почвами, гидрологическим режимом и т.д.

Расположение известных археологических памятников от эпохи неолита до позднего средневековья в Алтайском крае, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, южных районах Тюменской вышесказанному не противоречит. Можно говорить и о двух принципах заселения:

- микрорайонном, когда археологические комплексы располагаются на ограниченной каким-то образом территории, а между ними находятся свободные от археологических объектов территории;

- линейном заселении, когда памятники тянутся длинными, в несколько десятков километров, непрерывными цепочками.

В результате археологических работ в поле зрения специалистов ежегодно попадают десятки новых памятников, и представления об особенностях системы расселения могут быть скорректированы. Но поскольку полное обследование территории Западной Сибири не завершено, есть смысл обращаться к этнографическим, картографическим, письменным и другим источникам.

В данном случае были использованы описания Кузнецкого уезда Г.Ф. Миллером (1996) и географические карты масштабом 1:200000 Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай. В результате анализа распространения нанесенных на карты населенных пунктов первой трети XVIII в. стало возможным говорить о некоторых особенностях системы расселения аборигенов и русских.

Интересно, что после сооружения Кузнецкого острога в этой части Западной Сибири до начала XVIII в. русская администрация не устраивала укрепленных поселений, но зато потом остроги и крепости появляются почти одновременно: Би-Катунская крепость в 1709 г., Мунгатский острог в 1715 г., Бердский острог в 1717 г., укрепленная Малышевская слобода в 1722 г., Колыванский завод и крепость при нем в 1728 г. Примерно в это же время по правому

берегу Иртыша русские сооружают Омскую (1716 г.), Семипалатинскую (1718 г.), Усть-Каменогорскую (1719 г.) крепости и между ними укрепления на Ямышевском озере, Качиры и Железинку. В 1722 г. была устроена дорога через Барабинскую степь из Омска в Томск с пятью станциями, куда перевели томских и тарских крестьян.

Очевидно, что в первые десятилетия XVIII в. начинается мощное движение русских в лесостепные и степные районы Западной Сибири. По Оби крестьяне шли в южные районы современной Новосибирской области и Алтайский край. Здесь сочетались крестьянская и военная колонизации: Би-Катунская и Белоярская крепости были построены казаками изначально для оборонительных целей и позже к ним были приписаны деревни. А вот Мунгатский, Бердский остроги и Малышевская слобода были построены после заселения этих районов крестьянами. По Иртышу выше Омска были построены только крепости.

В таежных районах Западной Сибири существовали территории, заселенные только аборигенами, только русскими или чересполосно теми и другими. Вероятно, русские первоначально селились на незанятых территориях. Однако существовала тенденция вытеснения аборигенов с наиболее удобных мест и угодий в глубинные таежные районы. Это служило источником нескончаемых жалоб и указов о «нестеснении» инородцев. В материалах Г.Ф. Миллера в местах длительного проживания русских практически все географические названия имеют русское происхождение.

В Кузнецком уезде была несколько иная ситуация. После сооружения Кузнецкой крепости в XVII в. вокруг нее вверх и вниз по Томи, в низовьях Кондомы, по Ускату, Абе, Бачату и Чумышу появляются русские деревни. Только в Кыстымской и Керетской волости русские и аборигены жили чересполосно. Во всех остальных волостях ни одной русской деревни не отмечено. В 35 инородческих волостях на юге современной Кемеровской области по Томи, Мрассу, Кондоме, в Красноярском крае по Абакану, в Алтайском крае по Лебедю, Бие, Катуню на гигантской по площади территории проживало всего 1304 плательщика ясака. Г.Ф. Миллер не указал число плательщиков в Телеской волости (табл.). Можно предполагать, что ясак платили главы хозяйств. Неизвестно, сколько в среднем человек было в хозяйстве, вероятно, можно применять коэффициент 4,5 или 5. Тогда общая численность населения не будет превышать 6–6,5 тысяч человек.

Число плательщиков ясака в инородческих волостях

	Наименование волости	Число плательщиков ясака
Район Кузнецкой крепости	Керетская	10
	Телеутская	151
	Тюлюберская	4
	Баянская	28
Волости по р. Томи и на границе Красноярского уезда	Кыстымская	63
	Тагапская	39
	Тогульская	31
	Богоракова	27
	Мойнакова	49
	Сагайская	53
	Бельтирская	45
Волости по р. Мрасе и ее притокам	Бешбаякова	46
	Едеева	24
	Тогоякова	4
	Елейская	27
	Ближняя Карга	43
	Кузешева Карга	17
	Кызыл Карга	15
	Кивинская (р. Komer)	31
	Кивинская (р. Мраса)	12
	Изушерская	21
Волости по р. Кондома и ее притокам	Барсаяцкая	35
	Бешбаякова (Катунская)	44
	Етиберская (на Кондоме)	46
	Етиберская (на р. Мандыбаш)	34
	Елейская	27
	Карачерская (Шорская)	72
Волости по р. Бия, Катунь и их притокам	Шолкальская	43
	Каргинская	6
	Кумандинская	105
	Юская (Еутская)	11
	Кузенская	28
	Камляшская	49
	Кергешская	39
	Таутелеутская	34
	Телеская	?

Г.Ф. Миллер писал, что все они проживали в горных районах небольшими общинами, и не имели постоянных деревень. Скорее всего, речь может идти о наличии летних и зимних населенных пунктах, а также мест ведения промыслов. Такое отмечено им у татар на Иртыше и Тоболе, у самодийцев и угров на Оби и ее притоках.

Некоторые волости находились в труднодоступных местах и их население приносило ясак не в Кузнецкую крепость, а в близлежащие волости: Елейскую из Тогояковой, Кузешеву из Ближней Каргинской, Кызыл-Каргинской, Кивинской, Ковинской, Изушерской, Кумандинскую из Еутской и т.д.

Итак, русские в данном районе не селились среди аборигенов. Часть деревень Мунгатского дистрикта была расположена в верхнем течении реки Ини, правого притока Оби, на пути из Кузнецка в Томск степью и на пути в Томск из деревень по Ускату. Близ Мунгатского острога Томь выходит на равнину, где и были основаны несколько деревень и сам острог. Вероятно, они были связаны дорогой по правому берегу Томи с Верхотомским острогом, что располагался чуть ниже современного Кемерова.

Часть деревень Белоярского дистрикта группировалась возле самой крепости, другие располагались по Чумышу от Усть-Чумышской пристани до д. Глуховская (ныне Староглушинка), вероятно, вдоль дороги по Чумышу от Колыванского завода на Кузнецк. Русские по Чумышу ниже д. Тальменской селились только на левом берегу реки, а выше нее – по обоим.

Деревни Бердского дистрикта располагались преимущественно по правому берегу реки Бердь, вероятно, вдоль дороги на Кузнецк. Другие деревни лежали близ рек Койнихи и Тальменки по дороге от Бердского острога в Белоярскую крепость. Современная автострада Новосибирск–Барнаул проходит примерно этими же местами. В Тальменской пересекались дороги Бердск–Белоярск и Усть–Чумыш–Кузнецк. Остальные деревни этого дистрикта располагались на правом берегу Оби и вдоль ее притока Каракана. Возможно, дороги из Бердска и Белоярска сходились где-то в районе современного города Заринска, от которого уже один путь вел к Кузнецку. Все деревни Малышевского дистрикта располагались на правом берегу Оби, часть из них находилась в 5–10 верстах друг от друга между д. Алацкой до д. Каменки (близ современного с. Ордынское). Другие деревни находились между устьем реки Мереть и д. Носковой.

Г.Ф. Миллер зафиксировал расположение русских деревень и инородческих волостей в уникальный момент. Степные и лесостепные районы были свободны от населения. Можно связывать отток дорусского населения, от которого остались только брошенные жилища, с политическими и военными процессами в Джунгарском ханстве и откочевкой отсюда самих калмыков и подчиненных ему аборигенов. До этого времени русские селились только близ Кузнецка. На освободившиеся места, по историческим меркам мгновенно, заселились русские крестьяне. Часть из них поселилась близ крепостей. Расстояние между ними было иногда не более полуверсты, чаще 1–3. Возможно, так и формировались некоторые археологические микрорайоны. Другие деревни тянулись вдоль дорог от одной крепости к другой. Эти деревни располагались друг от друга на расстоянии 7–12 верст, а иногда и больше. Это можно сравнивать с линейным заселением. Наконец, часть деревни располагалась по Оби на расстоянии около 5 верст друг от друга. Может быть, это традиционная система расселения русских севера европейской части России и таежной зоны Западной Сибири.

При экстраполяции этой системы на более ранние эпохи необходимо решить вопрос о корректности такого сопоставления, а во-вторых, найти соответствующую ситуацию в прошлом. Как вариант, можно поработать с культурами крестовой керамики, очень быстро проникнувшими на юг, с материалами о распространении памятников в кулайской культуры из Нарымского Приобья в лесостепные районы, с материалами эпохи Великого переселения народов в Новосибирском Приобье и постсаргатского времени в Барабе, Прииртышье и Притоболье.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ОСВОЕНИЯ
АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ***

Изучение древней и средневековой истории Алтая в основном базируется на результатах археологических исследований, а также на немногочисленных, порой противоречивых, письменных

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №02-06-80342).

свидетельствах и на некоторых других источниках. За последние полтора столетия накоплены материалы, позволяющие отразить не только основные этапы освоения нашего региона и сопредельных с ним территорий, но и представить более подробные культурно-хронологические схемы для ряда эпох. В данном контексте нами ведется работа по созданию и оформлению единой концепции развития народов Алтая в раннем железном веке и средневековье на основе комплексного исследования этногенетических процессов и всесторонней характеристике имеющихся данных. Для реализации такой программы был учтен опыт наших предшественников, который в определенной мере демонстрируется в настоящей публикации.

Для создания целостной картины развития человечества исследователи начиная главным образом с XIX в. пытаются выработать и использовать наиболее оптимальные схемы мировой истории. Можно назвать целую когорту ученых, занимавшихся данной проблематикой: О. Шпенглер, А. Тойнби, А. Вебер, К. Маркс, К. Ясперс и др. Существует довольно много периодизаций, основанных на разных принципах и подходах к определению последовательности событий, явлений и изменений в жизни человеческого общества. Такие разработки, несмотря на изъяны и критические замечания, отражают положительный опыт понимания исторического процесса в целом. В связи с этим можно привести мнение К. Ясперса (1991, с. 52), в котором отмечено определенное понимание данного исследовательского направления: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты».

Следует указать, что к настоящему времени так и не разработана универсальная общемировая схема понимания исторического развития человечества. Существует несколько концептуально представленных систем, идет поиск закономерностей, критериев их выявления и категорий для их объяснения. Однако из-за целого ряда специфических показателей, характеризующих уровень развития разных социумов, привести их к одному «знаменателю» чрезвычайно трудно. Это еще предстоит сделать. Пока наиболее «живучей» в археологии является схема, озвученная Лукрецием Каром (I в. до н.э.) и обоснованная датским ученым Христианом Томсе-ном, который в 1836 г. по материалам изготовления орудий труда

разделил первобытную эпоху на три периода: каменный, бронзовый и железный (Амальрик А.С., Монгайт А.Л., 1966, с. 7, 19). Это построение затем было наполнено более детальным и конкретным содержанием в трудах последующих поколений археологов.

Тем не менее исследования продолжаются, в том числе и в рамках обозначенного направления. На наш взгляд, важным является создание локальных схем, основанных на археологических материалах отдельного комплекса или региона в целом, которые представляют возможность корреляции их с многими другими систематизациями, а также с общими тенденциями и характеристиками всего исторического процесса. Данная работа актуальна особенно для тех областей, где основу исследований составляют археологические материалы, где есть лакуны и «белые пятна» и идет упорядочение имеющихся данных. Алтай в этом плане соответствует указанному положению дел.

Одним из первых, кто попытался представить схему развития народов Алтая на основе периодизации археологических памятников Южной Сибири и северо-восточной части современного Казахстана, был В.В. Радлов (1989, с. 419–480), который подразделил все изученные им объекты на четыре хронологических периода: бронзовый и медный, древнейший железный, новый железный, позднейший железный. Данная схема с небольшой поправкой нашла отражение и была конкретизирована иллюстративными материалами в атласе рисунков сибирских древностей, подготовленном ученым (Вайнштейн С.И., 1989, с. 672). Данная периодизация отражала уровень развития археологической науки в России в конце XIX – начале XX в. С подобными построениями научную общественность познакомили многие исследователи (Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков, А.М. Тальгрэн и др.), положив в основу материалы Южной Сибири.

Наиболее целенаправленно работал в направлении создания для Алтая своей культурно-хронологической схемы М.П. Грязнов (1930, 1939, 1947, 1949, 1951, 1956, 1978, 1992 и др.). В 1930 г. был опубликован небольшой по объему труд М.П. Грязнова «Древние культуры Алтая», где исследователь, опираясь на ранее известные материалы, а также используя периодизацию, разработанную С.А. Теплоуховым (1929) для Южной Сибири, привлек результаты к тому времени новых археологических данных и представил схематичное построение смены культур Алтая, подразделив памятники на семь основных этапов. Базой для формирования данного по-

строения послужила сводка обнаруженных древних и средневековых вещей. В предложенном М.П. Грязновым делении схематично определена последовательность сменяющихся культур, но отсутствовали конкретные хронологические привязки. Для более совершенной периодизации тогда не хватило единичных и случайных находок, нужен был массовый материал, отражающий различные стороны жизнедеятельности древних и средневековых обществ (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 12–13). Тем не менее этот опыт периодизации археологических памятников Алтая можно считать важным, так как публикация М.П. Грязнова заложила основу для дальнейших перспектив в археологическом изучении одного из своеобразных регионов Евразии. Данная работа не потеряла своего значения до настоящего времени и к ней постоянно обращаются исследователи (Аванесова Н.И., Кызласов Л.Р., 1985; Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 7–8; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2002, с. 154; и др.).

Не менее существенным вкладом является выделение трех хронологических групп могильников Алтая эпохи ранних кочевников (майэмирская, пазырыкская и шибинская), что было изложено при написании параграфа к «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (Грязнов М.П., 1939, с. 399–411). Представленная в популярной форме и без достаточной аргументации схема хотя имела хронологические определения, но все же требовала существенного обоснования. В 1947 г. был опубликован доклад М.П. Грязнова, сделанный на заседании сектора бронзы и железа ИИМК по поводу выделения наиболее древней (майэмирской) группы памятников. К проблеме периодизации эпохи ранних кочевников М.П. Грязнов неоднократно обращался и позже. Это нашло отражение в нескольких публикациях (Грязнов М.П., 1975, 1978, 1980, 1992). С критикой классификации, основанной на материалах из погребений в свое время выступил А.Н. Бернштам (1946; 1949), но он, по мнению А.А. Гавриловой (1965, с. 50), не внес нового в разработку этого вопроса.

Стоит более подробно остановиться на реализации программы, задачу которой М.П. Грязнов сформулировал при проведении исследований на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны. Идея заключалась в выявлении и исследовании разных археологических объектов, чтобы полученный материал отражал «...все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби» и

«...представлял надежную опору для хронологической классификации памятников...» (Грязнов М.П., 1956, с. 6–7). Итоги такой деятельности сначала были опубликованы кратко (Грязнов М.П., 1949, с. 110–119; 1950; 1951, с. 105–113; 1952; и др.), а затем состоялось и монографическое издание их с привлечением большого количества материалов (Грязнов М.П., 1956). Сначала в опубликованной лекции (Грязнов М.П., 1950), а затем в статье, вышедшей в 1951 г., М.П. Грязнов предоставил основательную таблицу обозначенных в районе Верхней Оби культур от эпохи бронзы до телеутов XVI–XVII вв. Там уже даны названия 11 последовательных этапов, имелись конкретные датировки, а вместе с комплексами вещей приведены примеры погребальной обрядности. По сравнению с публикацией 1930 г., это был, конечно, существенный прогресс в обосновании культурно-хронологической концепции. В монографии 1956 г. некоторые из ранее выдвинутых положений были переосмыслены и пересмотрены (Тишкин А.А., 2000, с. 110; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 12–14). Однако именно эта работа стала базовой для многих исследователей, занимающихся изучением археологии Сибири. До сих пор она не потеряла своего значения и определенным образом влияет на интерпретацию получаемых в настоящее время результатов. Тем не менее следует все же признать, что смоделированное М.П. Грязновым понимание процессов, происходивших на Алтае с эпохи бронзы до позднего средневековья, в деталях уже исчерпало себя. Несмотря на то, что ряд исследователей по-прежнему остаются в рамках культурно-хронологических разработок М.П. Грязнова, имеющиеся значительные археологические материалы позволяют по-новому посмотреть на ставшие традиционными положения, существенно расширить эти построения, а также определенным образом их переработать. Иначе адекватного процесса осмысления научных данных не получится.

Существенными следует признать и разработки С.В. Киселева в области систематизации знаний о древней и средневековой истории Южной Сибири. Опубликованная концепция, имея в какой-то мере традиционную канву, отличалась от подобного рода исследований не только анализом огромного объема полученного и обработанного материала, но принципиально другим подходом. Изучив первые попытки систематизации археологических материалов Сибири, а также работы в этом направлении В.А. Город-

цова, А.А. Спицына, Д.А. Анучина и других исследователей, С.В. Киселев предоставил на обсуждение свою схему и свое понимание развития культур Южной Сибири от неолита до государства кыргызов.

Делая упор на «историзм», исследователь выделил три больших периода (древность, гунно-сарматское время, сложение государств), в которых последовательно отражены эпохи (южносибирский неолит, афанасьевская, андроновская, карасукская, тагарская, пазырыкская, таштыкская), хронологический отрезок (Алтай в V–X вв. н.э.) и история енисейских кыргызов. Данная схема имела погрешности в логическом построении и изложении и, наряду с общей положительной оценкой, вызвала справедливые критические замечания. В частности, А.А. Гаврилова (1965, с. 4) указала на то, что, «...используя археологический материал как исторический источник, С.В. Киселев излагает произведенную классификацию памятников Алтая (эпохи средневековья. – *А.Т.*) декларативно, без установления характерных особенностей каждой группы» и кроме того, «...осталась не выполненной иллюстративная часть этой классификации – не была сделана хронологическая таблица». Учитывая опыт своих предшественников и опираясь на имеющиеся к тому времени материалы, А.А. Гаврилова (1965) создала свою периодизацию позднекочевнических могил Алтая.

Следует указать, что построением культурно-хронологических схем на археологических материалах в 1950–1980-е гг. занимались многие исследователи Сибири (А.Д. Грач, Л.Р. Кызласов, В.А. Могильников и др.). Эти результаты стали следствием широкомасштабных раскопочных мероприятий, осуществленных в послевоенный период особенно в зонах интенсивного строительства объектов народного хозяйства Советского Союза.

Определенный вклад в разработку обозначенной нами темы внес Д.Г. Савинов. В целом ряде публикаций им представлена динамика развития южносибирских культур эпохи раннего железа и средневековья в сопоставлении с историческими датами (Савинов Д.Г., 1984, 1991, 1994, 2002 и др.). Опыт синхронизации хорошо датированных событий, известных по письменным источникам, с археологическими построениями неоднократно использовался исследователями в рамках какой-то одной эпохи или культуры. В работах Д.Г. Савинова данный прием получил новый импульс. Весьма продуктивным в этом плане оказалось совме-

ние в одной книге «Степные империи Евразии» двух разделов, один из которых написан на основе письменных источников, а другой – на анализе археологических данных (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994).

К настоящему времени благодаря работам различных подразделений Алтайского госуниверситета получен значительный по объему археологический материал, требующий систематизации, осмысления и обобщения. Данное обстоятельство представляет возможность для реализации новых построений на основе предыдущих положений. Это объективный процесс, отражающий переход количественных накоплений в качественное оформление. В ходе наших исследований была выработана единая культурно-хронологическая схема археологического изучения истории кочевников Алтая эпохи раннего железа и средневековья с целью всесторонней характеристики и создания по возможности более полной картины этнокультурного развития региона. Основой реализации данного проекта стала систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержащих наиболее массовый и представительный материал. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживавшего на указанной территории на разных этапах истории. Все выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые происходили в Центральной Азии и отражены в различных письменных источниках.

Реализованный на средневековых материалах подход (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002), на наш взгляд, оказался довольно эффективным при разработке и демонстрации целостной картины поэтапного развития культур Алтая в рамках рассмотренной эпохи. Как показывает опыт, выбор такого решения использовался многими исследователями Сибири, не потерял своей значимости до сих пор, имеет положительную оценку и отражает уровень накопления и осмысления имеющихся материалов. Возможности совершенствования культурно-хронологической схемы не исчерпаны и при получении новых данных возможны корректировка и дополнения. Такая систематизация объективно отражает процесс изучения древней и средневековой истории Алтая и сопредельных с ними территорий.

Я.В. Фролов

Алтайский государственный краеведческий музей

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИЯХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ БРОНЗОВОМ ЛИТЬЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Практически все исследователи, занимавшиеся изучением предметов культового литья эпохи железа народов таежной зоны Западной Сибири, отмечают связи изобразительных традиций, проявившихся в культовой пластике (бронзовом литье), с искусством скифского мира (Ширин Ю.В., 1993, с. 217; Яковлев Я.А., 1993, с. 126; Дураков И.А. 1995 с. 50; 2001, с. 157; и др.). Но детально на этом вопросе никто не останавливался.

С другой стороны, при изучении изображений на предметах, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля, найденных на памятниках раннего железа Верхнего Приобья, все чаще приходится обращаться к материалам более северных территорий, где обнаруживается довольно много аналогий подобным изделиям.

Несмотря на обоюдный интерес исследователей, занимающихся изучением искусства скифского времени, по материалам памятников степной и лесостепной зон и эпохи железа северных районов Западной Сибири, сейчас остаются неясными пути и механизмы проникновения художественных традиций скифского мира в культуру населения таежных районов Западной Сибири. Это во многом обусловлено неразработанностью вопросов, связанных со стилистическим и иконографическим анализом изображений культового литья эпохи раннего железа и раннего средневековья (Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н., 1999, с. 259–259; Федорова Н.Ф., 2000). Предложенный в этой публикации анализ некоторых элементов иконографии одной довольно узкой группы изображений находится в русле наметившихся в последнее время подходов к изучению изобразительных традиций, представленных в художественных бронзах Западной Сибири (Дураков И.А. 1995; Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995; Федорова Н.Ф., 2000; Яковлев Я.А., 1996; Оятева Е.И., 1995, с. 105–118).

В данной работе ограничимся рассмотрением профильных фигур животных и прежде всего изображений медведя. Профиль-

ные фигуры стоящего медведя, близкие по иконографии скифо-сибирским встречены на бронзовых бляхах, выполненных в технике сплошного литья, датируемых концом эпохи раннего железа – эпохой раннего средневековья и относимых большинством исследователей к верхнеобской, релкинской и зеленогорской культурам (Беликова О.Б., 1999, рис. 2.-3, 5–7; Федорова Н.Ф., 2000; Троицкая Т.Н., 2000; Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995, рис. 1). Эти изображения медведей имеют сходство с композициями, представленными на бляхах или пряжках подпрямоугольной формы наборных поясов скифского времени, где на щитке присутствует профильная фигура идущего хищника, у которого изображены: четыре ноги, оканчивающиеся когтями и опирающиеся на нижнюю сплошную планку – край пряжки; опущенная вниз или расположенная прямо голова, часто с открытой пастью, под которой присутствует изображение свернувшегося в кольцо копытного животного или его парциальное изображение (рога или голова). Все эти детали можно увидеть на профильных изображениях медведей (рис. 1). Полностью совпадает поза медведей, изображения когтей на лапах, опирающихся на нижнюю планку. Имеется голова оленя или лося под мордой, замененная иногда планкой.

Хронологический разрыв между сопоставляемыми группами изображений почти тысяча лет, на изображениях присутствуют разные образы: медведь и хищник семейства кошачьих, но здесь сохраняется преемственность в традиции изображения животных. В целом механизм появления сюжетов, где сохраняются некоторые черты иконографии, восходящей к скифо-сибирскому звериному стилю и существование их на протяжении нескольких веков, можно представить следующим образом.

Подавляющее большинство анализируемых нами предметов создавались местными мастерами литейщиками. Они копировались путем оттисков штампов-матриц при примитивной технологии. В качестве матриц использовали зачастую уже готовые металлические изделия. Изображения на новых отливках иногда утрачивали ряд одних деталей и другие деформировались (Дураков И.А., 2001, с. 92–94, 163; Миносян Р.С., 1995). Это можно проследить, сравнив две бляхи, найденные в Новоалтайском могильнике и могильнике Новый Шарап-I. Как отмечает И.А. Дураков (2001, с. 55, 95), они сделаны в одной литейной форме или в формах, изготовленных с одного штампа-матрицы. Оба изделия имеют литейный брак.

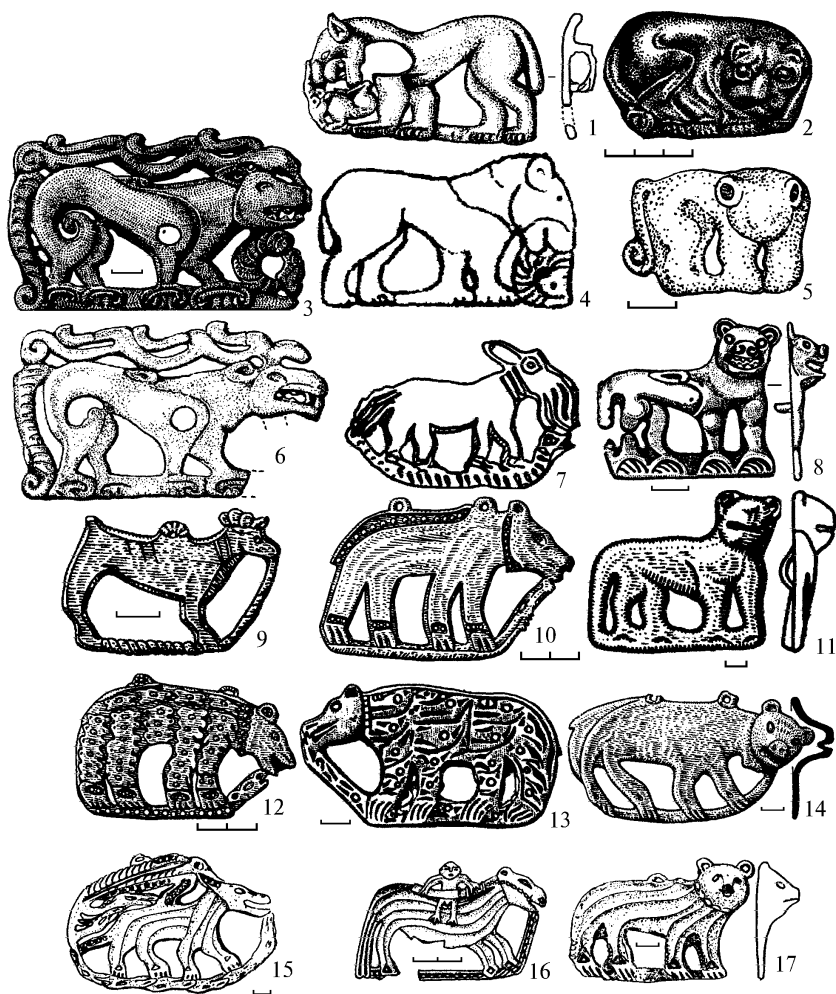

Рис. 1. Бляхи с профильными зооморфными изображениями эпохи железа:
 1 – Бердск (случайная находка); 2 – могильник Тасмола-5; 3 – могильник
 Новый Шарап-1; 4 – могильник Майма-19; 5 – могильник Клепиково-1;
 6 – Новоалтайский могильник; 7 – Каксинская Гора-1; 8 – могильник Почта-3;
 9, 15 – Васюганский «клад»; 10 – могильник Тимирязевский-2; 11 – селище
 Речкина-2; 12, 17 – могильник Релка; 13 – Городище Третий Кордон-1;
 14 – Рафайловское городище; 16 – Обь-Енисейский канал

У бляхи из Нового Шарапа часть морды оказалась недолитой, в результате чего она приобрела несколько иные, чем на новоалтайском изделии, конфигурации. На предмете из Новоалтайска отсутствует голова барана под пастью фантастического зверя, которая была отломлена после отливки.

Если рассматривать изделие из Новоалтайского могильника, то в удлинённых пропорциях морды фантастического хищника можно усмотреть волчьи черты. Именно так традиционно изображали волков в скифо-сибирском зверином стиле (Переводчикова Е.В., 1994, с. 45; Баркова Л.Л., 1995, с. 62). Морду хищника с предмета из Нового Шарапа с этой группой изображений связать сложно. Соответственно, при возможном использовании в качестве матрицы бляхи из Нового Шарапа для дальнейшего тиражирования изделий подобного рода изменяются и детали изображения, что впоследствии может привести и к изменению содержания образа.

Специально изготовленные матрицы из кости, дерева, воска представляли реплики с ранее произведенных изделий, но почти всегда они имели индивидуальные черты. Копируя образец, мастер привносил новые детали, другие же элементы изображения исчезали. Это проявлялось, если художественные способности мастера были невысоки или он не представлял, что за животное изображено на копируемом изделии. Это можно проследить, сравнив группу сходных профильных изображений фигуры хищника с повернутой в фас головой. Так, на бляхе из Почты-3, которая своими прототипами имеет изображения кошачьих хищников, найденные у саков Казахстана (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 65, рис. 78; Кадырбаев М.К., 1966, с. 398, рис. 63), мастер проработал морду животного, тем самым внес специфические черты в изображение, создав синкретичный образ – фигура кошачьего хищника и морда напоминающая медвежью. В.И. Молодин (1992, с. 107) интерпретирует это изображение именно как медвежье. И с другой стороны, имеются найденные на поселениях саргатской культуры бляхи с фигурой животного, в такой же иконографической позе, утратившие большинство деталей (Корякова Л.Н., 1988, рис. 21.-8; Матвеева Н.П., 1993, рис. 37.-20). Еще на одном изображении подобного рода, обнаруженном в могильнике староалейской культуры, не проработаны детали морды (Фролов Я.В., 2001, рис. 1.-4). Возможно, сходная бляха (с утраченными деталями на морде) и являлась прототипом для изделия из Почты-3.

Таким образом, предметы, произведенные уже с некачественных или измененных копий, при их дальнейшем тиражировании могли приобретать новые детали, которые осмысливались уже с других культурных, мировоззренческих позиций. Но несмотря на частые переработки и утрату ряда деталей, наиболее ясный иконографический сюжет сохраняется на протяжении столетий. Другое дело, что изменение некоторых элементов, замещение образов ведет и к изменению смыслового наполнения изображения.

Здесь можно предложить несколько вариантов возможной замены образов, основы сюжета при сохранении традиционной иконографии изображения фигур животных.

При изготовлении большинства найденных в Приобье в эпоху железа художественных предметов бронзового литья местными литейщиками мастер при создании штампа-матрицы для отливки зооморфного изображения имел перед собой образец, в основе восходящий к импортному изделию. Если он осознавал копируемый сюжет, то на новой матрице деталям придавалась специфическая (авторская) форма, при этом семантическая нагрузка изображения оставалась прежней. В случае, если автор имел смутное представление о смысловом содержании сюжета копируемого изображения, то на имеющийся сюжет переносил свои представления. Происходило замещение образа. В изображении на импортном предмете мастер «опознавал» по терминологии А.В. Бауло (2002), персонаж своей мифологии и при копировании, сохраняя форму – иконографию мотива (как наиболее понятный семантический слой), изображал уже образ, сопоставимый с собственной картиной мира, наделяя его характерными чертами. Подобные механизмы проникновения инородных художественных традиций прослеживаются и по материалам позднего средневековья. Наличие предметов импорта (русского, западноевропейского) и кустарных копий подобных изделий в памятниках, оставленных угорскими и самодийскими народами (XV–XIX вв.), иллюстрирует механизмы проникновения новых художественных сюжетов в их культуру. Как и в древности, заимствовались изображения, которые интерпретировались и адаптировались в местной культовой мифологической среде. Это изображения вооруженных всадников (Георгия Победоносца, Людовика XIV и т.д.), интерпретируемые как изображения богатырей (Мельников Б.В., 1999, с. 58–59; Ожередов Ю.И., Приступа О.И., 1997, с. 319–322; Яковлев Я.А., 1992). В данном случае в них вос-

принимался только самый верхний семантический слой (вооруженный всадник), а глубинное содержание импортируемых образов в культуре населения Приобья было совершенно иным. Таким образом, в культуре угорских и самодийских народов сохраняются традиции и механизмы восприятия новых художественных образов через заимствования высокохудожественных изображений, находящихся аналогии в их мифологии и использующихся в обрядовой практике. Этот механизм наиболее детально рассмотрел А.Л. Бауло на примере функционирования импортных предметов торевтики в обрядовой практике обских угров. Он выделил три этапа существования этих изделий в культуре обских угров: этап опознавания, этап включения и функционирования этих предметов в обрядовой практике и этап влияния представленных изображений на создание новых изобразительных канонов и выработку новых форм атрибутики (Бауло А.Л., 2002). По всей видимости, данные процессы трансляции художественных образов можно спроецировать на более ранние периоды – скифское время и эпоху раннего средневековья.

И другой вариант появления синкретичных мотивов, образов, сочетающих разные художественные традиции, можно увидеть при обращении к предметам, выполненным для скифов в Причерноморье греческими мастерами, которые приспособляли свое изделие под потребности той группы населения, для которой оно предназначалось. Такой же механизм трансляции художественных образов отмечен и в XVIII в. – мастера в Тобольске, занимавшиеся отливкой художественных изделий для коренного населения Западной Сибири, изготавливали их в соответствии с местными изобразительными канонами (Яковлев Я.А., 1992. С. 57–58). Существование в Западной Сибири крупных ремесленных центров по изготовлению предметов бронзового литья с VIII в. постулирует Н.Ф. Федорова (2002, с. 216).

На наш взгляд, все представленные возможности трансляции художественных традиций имели место в процессе изменения искусства народов Приобья на протяжении эпохи железа. Но первый путь являлся наиболее распространенным, так как анализируемые изделия из бронзы на территории Западной Сибири во многих случаях делались не в крупных ремесленных центрах, а на значительной части поселений Приобья уже с эпохи раннего железа. Большинство имеющихся отливок эпохи железа индивидуальны. Тех-

нология их изготовления была несложной, хотя и требовала профессиональных навыков (Дураков И.А, 2001, с. 94). Имеющиеся дубли в основном изготавливались в разных литейных формах, восходящих к одной матрице. Поэтому, по имеющимся на сегодняшний день материалам, трудно говорить о существовании в Приобье каких-либо крупных ремесленных центров по производству подобных изделий в эпоху раннего железа и средневековье. Для эпохи раннего железа отсутствие таких центров констатирует И.А. Дураков (2001а, с. 10).

В подобном контексте, видимо, следует рассматривать и сохранение иконографии изображения кошачьего хищника в профильных фигурах животных, прежде всего медведя, на бронзовых бляхах эпохи раннего средневековья, которые явно копируют изображения на пряжках поясов скифских культур – вещах, имевших высокий культовый, социальный статус, являющихся престижными предметами. Здесь изображение животного семейства кошачьих или фантастического хищника заменено на более соответствующее региональной специфике изображение медведя. Но часть сюжетной линии, представленной на классических бляхах скифского времени со стоящим хищником семейства кошачьих, остается прежней – хищник терзает копытное. Неизвестно, сохранялась ли при этом основная семантическая нагрузка изображений или она заменялась на иную или видоизмененную в соответствии с мировоззрением мастеров, изготавливающих копии со скифских аналогов, и потребителей – людей, использующих эти предметы. Вполне возможно, что мастера в северной зоне – лесостепи Верхнего Приобья и особенно в южно-таежной и таежной зоне Западной Сибири были не знакомы с крупными кошачьими хищниками степной зоны – тигром и каракалом. Поэтому кошачий хищник заменяется на сопоставимого с ним по значению в животном мире лесной зоны – медведя.

Сохранение образа кошачьего хищника в степной зоне Западной Сибири обусловлено тем, что там эти животные были распространены. В степях Алтая последние два тигра были убиты в середине XIX в. Каракалы из Монголии и Восточного Туркестана, через степи Восточного Казахстана также могли попадать на Алтай. В свете вышесказанного можно отметить сохранение самого верхнего смыслового пласта изображения: идущее (показанное в движении) животное – наиболее крупный хищник в Западной Си-

бири (в лесу – медведь, в степи кошачий хищник – тигр) – терзает копытное. Интересно, что сохраняется и ряд довольно специфических деталей: копытное представлено парциальным изображением – головой и в классических бляхах скифского времени и в средневековых в Приобье. В контексте вышеизложенного можно объяснить появление и сохранение таких мотивов. Изготовление фигуры животного, свернувшегося под мордой зверя, имеющей много мелких деталей, требует больших навыков как в изготовлении штампов-матриц, так и самих форм. Литейщику сложно было добиться сохранения мелких деталей на металлической отливке. И поэтому при изготовлении новых штамп-матриц мастера стремились изобразить только одну крупную деталь, по которой можно было опознать образ, например, голову, рога животного. Причем размеры и округлая форма самого элемента оставались прежними. Иногда под мордой животного оставался только диск, заменяющий изображение копытного (Молодин В.И., 1988, рис. 103.-1). Каноны композиции сюжета не нарушались. Все это косвенно может свидетельствовать, что прототипами для рассматриваемых блях с изображениями медведей с головой животного под мордой были изделия, где присутствует именно парциальное изображение копытного.

Сохранение в местной среде профильных изображений хищников, иконографии сцен терзания (и возможно, их новое осмысление) обусловлено, вероятно, наличием древних изобразительных традиций, где также присутствует профильное изображение медведя. Наиболее близкие сюжеты (в хронологическом плане) можно встретить на предметах ажурного литья кулайской культуры (Беликова О.Б., 1999, рис. 1). Эти мотивы восходят к древней традиции, имеющей свои истоки в бронзовом веке и эпохе камня (Василевский Р.С., Окладников А.П., 1980, рис. 3; Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995). Во всех профильных фигурах этой традиции ноги животного не соединены планкой, подставкой, что их существенно отличает от тех изображений, в основе которых лежит скифо-сибирская изобразительная традиция.

Иная иконографическая поза медведя или кошачьего хищника, где показаны четыре ноги, хищник представлен идущим и, что особенно важно, имеется планка, подставка под ногами, возможно, восходит к другому художественному пласту. На ранних бляхах – принадлежностях поясной гарнитуры с изображением кошачьего

хищника, у него показаны гипертрофированные когти на лапах, в результате этого лапы соединены друг с другом, и тем самым образуется сплошной край бляхи. Эта традиция сохраняется и на бляхах с изображением медведей, но здесь присутствует уже основа – планка, которая могла возникнуть только при переработке сюжета с шествующим кошачьим хищником. Лишние детали, подставка и т.д. не могли возникнуть на этих изображениях самостоятельно, так как противоречили древнему канону изобразительной традиции (где ноги изображались раздельно) (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995, рис. 1), имеющему основу в натурализме эпохи камня.

Сохранение соединения ног – планки может объясняться и технологическими причинами. Наличие соединения создает дополнительный питательный канал для заливки металла в такие выступающие детали фигуры животного, как голова и ноги, тем самым улучшается качество отливок и упрощается технология их изготовления (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995, с. 28–29). Здесь следует отметить, что только технологическая необходимость не могла явиться причиной появления соединения-планки под ногами фигуры животного, так как архаичная ритуальная традиция не допускала появления лишних деталей в изображениях. А вот позитивный опыт литейщиков в Приобье, приобретенный при копировании импортных классических образцов скифо-сибирского звериного стиля – блях со стоящим хищником, где присутствует соединение ног и головы животного, мог послужить основой при появлении новой более прогрессивной технологической традиции. Даже сам факт изготовления более качественных отливок при использовании матриц, в основе которых лежат профильные изображения идущих хищников породы кошачьих, в магическом, ритуальном аспекте мог послужить фактором долгого сохранения традиционной скифской иконографии.

Сохранение на протяжении нескольких веков сюжета терзания хищником копытного, может быть, связано с тем, что он органично входил в мировоззрение и отражался в существующей обрядовой практике населения Западной Сибири в эпоху железа. Ю.В. Ширин на примере других изображений доказал связь образов медведя, оленя и лося, которая восходит к медвежьему празднику и находит параллели в мифологии финно-угорских народов (Ширин Ю.В., 1997, с. 221–222; Туров М.Г., 2000). Взаимосвязь образов лося и медведя в мировоззрении древнего населения Западной Сиби-

ри усматривают Р.С. Василевский и А.П. Окладников (1980, с. 237–238). Это ярко проявляется и в обрядовой практике. Мотив борьбы этих животных фигурировал в обряде выбора вождей у эвенков (Василевский Р.С., Окладников А.П., 1980, с. 237–238). В медвежий праздник ханты перед головой убитого медведя ставили сделанные из хлеба или бересты фигурки оленей, принося их тем самым в жертву зверю. Интересно это тем, что здесь фигура копытного помещена перед мордой медведя, между лапами, что может являться визуальной аналогией со сценами терзания (Харзуин Н., 1898, с. 18; Соколова З.П., 2002, с. 50).

Вопросы хронологии культового литья эпохи железа Западной Сибири довольно слабо разработаны. Наблюдается большой разброс при датировке близких стилистически или даже одних и тех же изображений разными исследователями (Федорова Н.Ф., 2000). Трудности в данном вопросе связаны с тем, что традиции при изготовлении предметов культового литья финно-угорских народов были очень устойчивы, многие образы и иконографические мотивы существовали столетия, сами предметы передавались из поколения в поколение как реликвии, связанные с культом, найденные древние предметы переиспользовались. Поэтому возможности привлечения типологических рядов предметов бронзового литья, построенных по изменениям в иконографии, могут несколько облегчить эту задачу (Федорова Н.Ф., 2000). По крайней мере, могут очертить рамки – выявить последовательность появления подобных профильных изображений животных в бронзовом литье Западной Сибири эпохи железа.

Исходя из предложенных оснований можно предложить типологический ряд для профильных изображений животных на предметах бронзового литья эпохи железа в Приобье. Наиболее ранними являются кулайские, в них сохраняется древняя иконографическая традиция, восходящая к эпохам бронзы и камня (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1995, рис. 1, с. 31; Василевский Р.С., Окладников А.П., 1980, рис. 3). Затем в Приобье появляются изделия, выполненные в традициях скифо-сибирского искусства. В местной среде они подвергаются переработке, «опознаются», включаются в обрядовую практику. Соединение двух художественных традиций (этап влияния импортируемых художественных мотивов на искусство населения Приобья) наиболее ярко проявляется в кулайских изделиях начиная со II–I вв. до н.э. – V в. н.э. (Дураков И.А., 1995,

с. 50; Чиндина Л.А., 1984, с. 123–124) Предметы, относящиеся к эпохе раннего средневековья, демонстрируют сложившуюся художественную традицию, где влияние скифского искусства проявляется прежде всего в сохранении иконографии изображений животного, которая органично включена в изобразительную систему (Чиндина Л.А., 1991, с. 62–65). Традиции, восходящие к скифским, сохраняются и в еще более поздних изображениях всадников, доживающих до эпохи позднего средневековья. Это фигуры всадников, в которых ноги и морда лошадей соединены планкой. Интересно, что на самых ранних изображениях подобного рода сохраняется и сходство верхового животного с медведем (Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В., 1991, с. 65).

Предложенный типологический ряд демонстрирует очень долгое сохранение, консервативность древних изобразительных традиций в культуре населения Приобья эпохи железа. Предложенная интерпретация анималистических изображений на предметах бронзового литья показывает, что образ, представленный на бляхах (медведь, всадник, фантастическое животное и т.д.), не всегда является ведущим при анализе происхождения, бытования и сопоставления с другими предметами художественного бронзового литья. Как уже отмечалось другими исследователями (Федорова Н.Ф., 2000; Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н., 1999), опора только на образы и лишь эпизодическое обращение к стилистике и иконографии древних художественных сюжетов образуют разрыв в исследовательской процедуре. Как раз анализ иконографии и стилистики изображений на предметах бронзового литья дает основания при привлечении тех или иных аналогий и сопоставления с обрядовой практикой или мифологией при реконструкции их семантики.

А.В. Харинский

Иркутский государственный технический университет

ЗАХОРОНЕНИЯ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ КОНЦА I тыс. н.э. ИЗ ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ

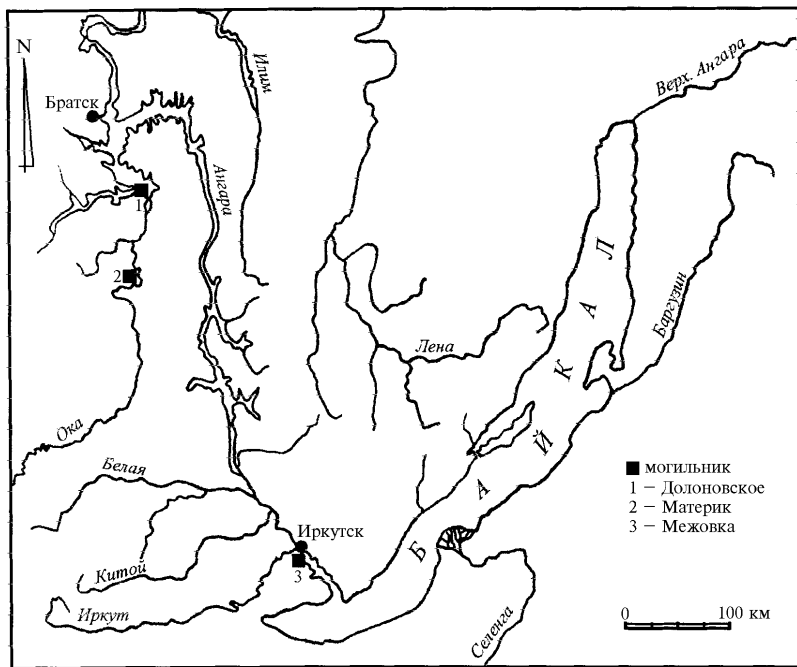
В конце I тыс. н.э. на территории Южного Приангарья распространяется погребальный обряд, характеризующийся кремацией умерших на поверхности земли. Захоронения производились на берегу реки, на высоте 20–40 м от уреза воды. На месте сожжения умершего образовывалось овальное пятно прокала диаметром око-

ло 1,5 м, в котором располагался погребальный инвентарь, подвергшийся пироженному воздействию. Какие-либо надмогильные конструкции не сооружались. Данный погребальный обряд значительно отличается от погребальных традиций, фиксируемых в большинстве предбайкальских погребений I–II тыс. н.э. Его индивидуальность позволила объединить южноангарские захоронения по обряду кремации конца I тыс. н.э. в долоновскую группу захоронений (Харинский А.В., 2001, с. 56; Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В., 2002).

К сожалению, к настоящему времени в южной части Ангарской долины известно всего четыре погребения, которые можно было бы отнести к этой группе (рис. 1.-1). Захоронения выявлены в результате осмотра береговых обнажений. Одно из них найдено на побережье Долоновского расширения Братского водохранилища, в нижнем течении р. Оки. Собранный археологический материал позволил А.В. Волокитину и Е.М. Инешину датировать захоронение IX–X вв. н.э. (рис. 1.-2–8; рис. 2.-9–11, 16). По их мнению, погребение оставлено средневековыми кыргызами, проникшими в Южное Приангарье (Волокитин А.В., Инешин Е.М., 1991). Другое захоронение обнаружено в окрестностях Иркутска, в местности Межовка. Анализ находок (рис. 2.-7, 8, 13–15) позволил предположить, что в нем погребен тюркский (возможно, кыргызский) воин VIII–XI вв. (Николаев, Белоненко, 1996). Еще два захоронения исследованы на левом берегу Оки, в 9,7 км к северо-востоку от с. Заваль, в местности Материк. Исходя из анализа сопроводительного инвентаря (рис. 1.-9–17; 2.-1–6, 12), а также найденной в погребении №1 монеты Кай-юань-тунбао, захоронения датируются VIII–XI вв. (Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В., 2002).

Отсутствие на территории Южного Приангарья в I тыс. до н.э. и в начале–середине I тыс. н.э. захоронений по обряду кремации позволяет предположить, что носители этого погребального обряда начинают распространяться в Южном Прибайкалье лишь в VIII–IX вв. Многие исследователи связывают средневековые захоронения по обряду кремации в Восточной Сибири с енисейскими кыргызами, которые в середине IX в. вторгаются на территорию Центральной Азии и на некоторое время устанавливают там свою гегемонию. «Хигас было сильное государство; по пространству равнялось туюкским владениям. На восток простиралось до Гулигани, на юге до Тибета, на юго-западе до Гэлолу» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 354).

1

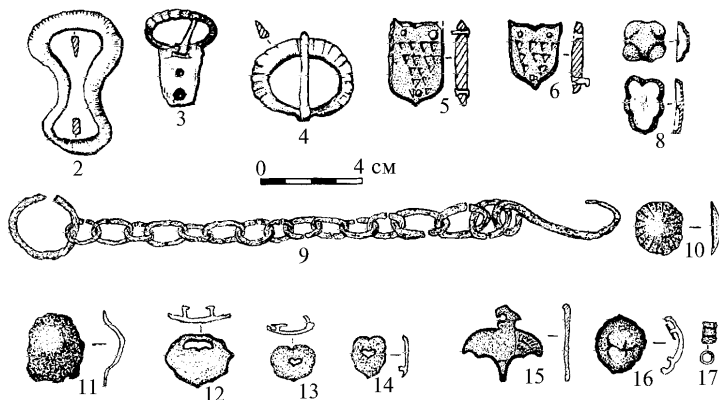

Рис. 1. 1 – карта расположения погребений по обряду кремации в Южном Приангарье; 2–8 – Долоновское (по А.В. Волокитину и Е.М. Инешину, 1991); 9–14 – Материк, погребение 1; 15–17 – Материк, погребение 2 (по Николаеву В.С., Дзюбасу С.А., Белоненко В.В., 2002)

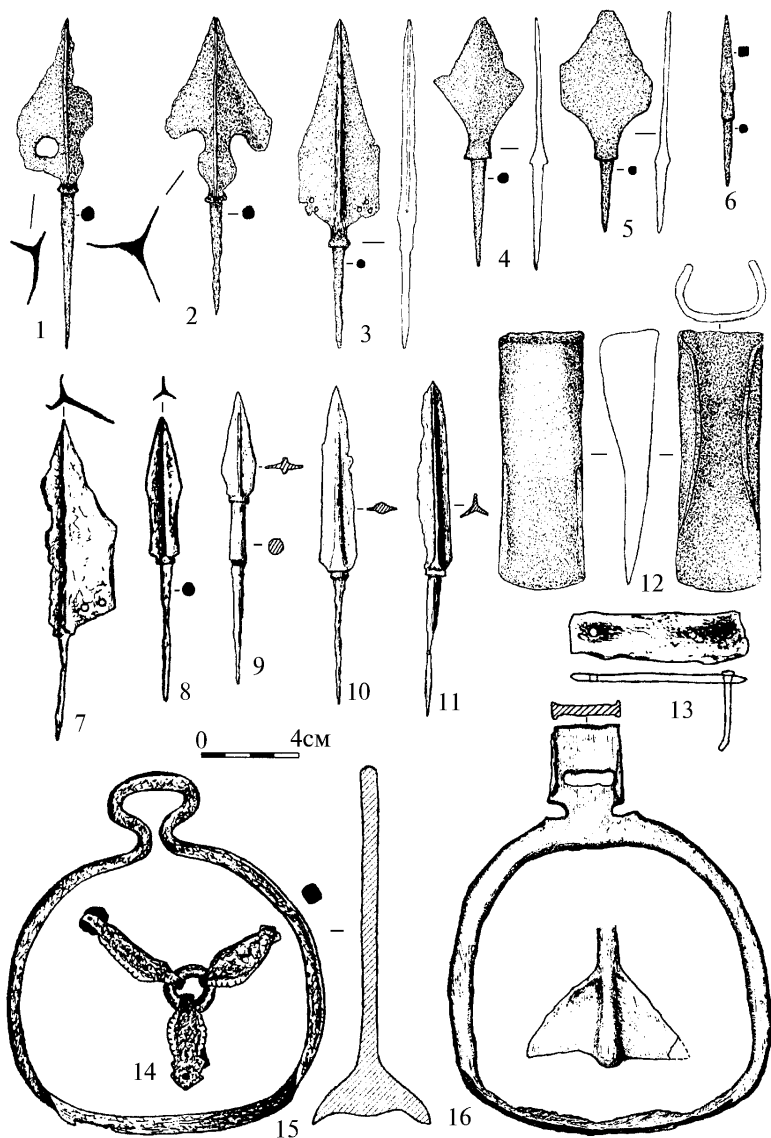

Рис. 2. 1–6, 12 – Материк, погребение 1; 7, 8, 13–15 – Межовка
(по Николаеву В.С., Дзюбасу С.А., Белоненко В.В., 2002);
9–11, 16 – Долоновское (по А.В. Волокитину и Е.М. Инешину, 1991)

Интересная гипотеза, рассматривающая взаимоотношения кыргызов и курыкан имеется у Д.Г. Савинова. «В IX–X вв. курыканы были, скорее всего, подчинены енисейским кыргызам (целиком или частично) и находились от них в определенной форме социальной зависимости. Причиной этого могло послужить участие курыкан в кыргызско-уйгурских войнах на стороне последних в составе других племен этносоциального объединения теле. Следствием этих событий явились потеря курыканами своей политической самостоятельности и выделение из их объединения этнического подразделения хори, испытавшего наибольшее влияние со стороны енисейских кыргызов» (Савинов Д.Г., 1994, с. 124).

В данном контексте, военно-политическая мощь кыргызов представляется преувеличенной. Нанеся поражение Уйгурскому каганату в 840 г., кыргызы в отличие от своих предшественников не смогли на длительный период подчинить своей власти племена кочевников, живших в Центральной Азии. Для этого у них просто не было людских и экономических ресурсов. Во 2-й пол. IX в. большая часть кыргызов, преследуя уйгуров, оказалась к югу от Саянских гор. Это была наиболее активная часть населения Минусинской котловины, принявшая участия в походах 40–50-х гг. в Турфан, на Шивэй и в Кашгар. Активные боевые действия на юге не позволяли кыргызам столь же эффективно действовать в других направлениях. Поэтому возможность кыргызов подчинить Прибайкалье кажется маловероятной. Тем более, что экономические возможности этого региона были намного ниже, чем Внутренней Монголии.

Говоря о восточных границах кыргызской державы, следует прежде всего учитывать геоморфологическую ситуацию Южной Сибири, где Восточные Саяны являются естественным рубежом между долинами Верхнего Енисея и верхнего течения Ангары. В исторической ретроспективе географическая граница являлась и культурно-этнической границей, разделившей две историко-культурные области – Минусинскую и Ангаро-Ленскую. Восточная граница державы кыргызов во 2-й пол. IX в., вероятно, проходила вдоль западного подножия Восточного Саяна и водораздела Енисея и Ангары (верховья Оки, Китоа и Иркуты). Именно водораздел Енисея и Ангары явился рубежом, отделявшим владения кыргызов от области расселения гулигань (курыкан), занимавших территорию Прихубсугуля и Тункинской долины (Харинский А.В., 2001, с. 26). Вполне возможно, что отдельные кыргызские отряды совер-

шали набеги на гулиганьские земли и облагали их население данью, но явление это могло носить лишь кратковременный характер и не влекло за собой подчинение кыргызами Предбайкалья.

В X в. происходит отток кыргызов из Центральной Азии на Енисей, что, вероятно, вначале было связано с климатическими (засуха), а затем и политическими (расширение державы киданей) осложнениями. Д.Г.Савинов считает, что в конце X – начале XI в. происходит разделение кыргызского этноса: часть енисейских кыргызов вернулась за Саяны, причем, вероятно, в районы, расположенные севернее Минусинской котловины, а другая часть осталась в Туве. Судя по материалам археологических памятников, переселение кыргызов на Средний Енисей происходило двумя волнами. Первая волна, очевидно, была связана с продвижением кыргызов, оставивших в Центральной Туве могильник Эйлиг-Хем-III. Вторая волна переселения охватила всю Минусинскую котловину и привела к сложению «минусинского варианта» культуры енисейских кыргызов XI–XII вв. («оглахтинский период», по периодизации И.Л. Кызласова) (Савинов Д.Г., 1994, с. 149).

Первая волна кыргызского переселения на север дошла до района Красноярска, где выделяется красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов (Савинов Д.Г., 1989). К этой же культурной традиции, но к несколько более позднему времени, Д.Г. Савинов относит погребения с трупосожжением на р. Кан (Савельев Н.А., Свинин В.В., 1978). По мнению Д.Г. Савинова (1994, с. 149), скорее всего, население красноярско-канского варианта культуры енисейских кыргызов продолжало существовать до монгольского времени, постепенно занимая более северные подтаежные районы, вплоть до нижнего течения Ангары, что подтверждается находкой погребений по обряду трупосожжения в нижнем и среднем течении Ангары. Обнаруженные в них предметы сопроводительного инвентаря близки к кыргызским (Логинов В.П. и др., 1985).

Если первый, более ранний (середина IX в.), вектор кыргызской экспансии был направлен на юг и не оказал значительного влияния на культурно-историческую ситуацию в Южном Приангарье, то второй, более поздний (X в.), был ориентирован вниз по Енисею и тоже обошел стороной Предбайкалье.

Некорректность прямого сопоставления ангарских захоронений с трупосожжением с енисейскими кыргызами наглядно видна

при сравнении погребальных ритуалов. Погребальный ритуал, фиксируемый в Минусинской котловине в VI – начале IX вв. (культура чаатас) и соотносимый с енисейскими кыргызами, характеризуется сооружением над могилами четырехугольных каменных кладок. Под ними располагались кубические или подпрямоугольные могильные ямы, стенки которых обставлялись вертикальными столбиками. На дно ямы укладывались пережженные человеческие кости, мясная пища и жидкая или полужидкая пища в глиняных сосудах (Кызласов Л.Р., 1981а, с. 49; Худяков Ю.С., 1982, с. 206). Тюхтякские захоронения Минусинской котловины (эпоха великодержавия) (IX–X вв.) генетически связаны с культурой чаатас. Они производились под округлыми насыпями из камней и земли или земляными. Диаметр их от 4–8 до 17 м, высота – от 0,2 до 1,3 м. Кремированные останки человека помещали либо в яму, либо в остатках кострищ на горизонте (Кызласов Л.Р., 1981б, с. 55).

Южноангарские захоронения по обряду кремации отличаются от минусинских отсутствием могильных ям и надмогильных сооружений. В них не обнаружены сосуды, характерные для кыргызских захоронений. Подобная керамика вообще не фиксируется на территории Предбайкалья. Сопровождающий же инвентарь, представленный предметами вооружения, конского снаряжения и украшениями, имеет интернациональный характер для всей Южной Сибири и не может быть соотнесен только с енисейскими кыргызами. Следовательно, считать погребения долоновского типа кыргызскими не правомерно, как и другие ангарские захоронения с трупосожжением. Обряд захоронения умерших по обряду кремации или частичной кремации был распространен на Среднем Енисее и Средней Ангаре уже в железном веке и в период раннего средневековья (Васильевский Р.С., Бурилов В.В., 1971; Привалихин В.И. и др., 1984; Привалихин В.И., 1993; Мандрыка П.В., 1989; 1997; 1998). Поэтому вполне вероятно, что кремация погребенных, отмеченная на Средней Ангаре в 1-й пол. I тыс. н.э., генетически связана с местными традициями, а не привнесена из Минусинской котловины. В конце I тыс. н.э. носители этого погребального ритуала распространяются вверх по Ангарской долине, свидетельством чего и являются захоронения долоновского типа.

Ю.С. Худяков, Л.А. Бобров
Институт археологии и этнографии СО РАН
**ШЛЕМЫ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

Защитное вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху позднего средневековья остается недостаточно изученным, поскольку памятники этого периода длительное время находились вне поля зрения археологов. Однако без изучения защитных средств, применявшихся номадами Центральной Азии в XV–XVII вв., невозможно выявить закономерности в развитии военного дела в кочевом мире и объяснить причины военных успехов и неудач войск кочевых государств.

В течение 2-й пол. XVII – 1-й пол. XVIII вв. значительную военную активность проявляла «последняя кочевая империя» в Центральной Азии – Джунгарское ханство. Джунгария вела ожесточенные войны за господство в Центральной Азии с государством Алтын-ханов, маньчжурской империей Цин, казахскими жузами и Россией. Вопреки сложившимся стереотипам защитное вооружение в кочевом мире в этот период, несмотря на появление огнестрельного оружия, не регрессирует, а продолжает развиваться и в начальный период нового времени (Бехайм В., 1995, с. 127).

Предметы защитного вооружения, относящиеся к периоду позднего средневековья, хранятся в коллекциях музеев Москвы, Санкт-Петербурга, многих городов Сибири и Монголии. Встречаются среди материалов позднего средневековья железные шлемы и кольчужные наголовья. Однако большая часть этих материалов до настоящего времени не введена в научный оборот или при публикации получила неточную атрибуцию из-за слабой исследованности защитного вооружения эпохи позднего средневековья и отсутствия точно датированных аналогий. Между тем для анализа этих материалов имеется возможность привлечь аналогии с сопредельных регионов, письменные, изобразительные и фольклорные источники.

Первые находки деталей защитного доспеха в памятниках, относящихся к XVII в., были сделаны в ходе раскопок В.В. Радлова (1989) на Чулыме в середине XIX в. Исследователь смог точно оп-

---

* Работа выполнена по проекту РГНФ №01-01-00289.

ределить датировку памятника по находке русских медных монет. С образованием в сибирских городах музеев, в коллекциях находок появились предметы защитного вооружения, относящиеся к периоду позднего средневековья. Это были, преимущественно, случайные находки. Отдельные предметы передавались в музеи потомками кыргызских или татарских князей, в семьях которых эти доспехи хранились в течение жизни нескольких поколений. Среди таких находок имеются кольчуги и шлемы. При издании каталога предметов из собрания Минусинского музея в 1886 г. Д.А. Клеменц описал несколько кольчуг и панцирных пластин (1886, с. 165–166). При этом он указал, что одна из кольчуг «сохранилась в семействе Д.К. Доможакова от предков киргизского происхождения» (Клеменц Д.А., 1886, с. 165–166). В собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника имеется железный шлем, переданный музеем в XIX в. потомками княжеского рода Кульмаметьевых. Хорошо сохранившиеся, богато оформлены шлемы и панцири халха-монголов и ойратов XVI–XVIII вв. хранятся в Оружейной палате Московского кремля и Государственном Эрмитаже (Опись..., 1884, с. 6, 36–39, 165–166; Ленц Э., 1980, с. 154–155). По данным М.В. Горелика (1979), эти доспехи были преподнесены в качестве дипломатических подарков российским царям или захвачены в качестве трофеев. Художественно оформленные предметы вооружения и воинского снаряжения, относящиеся к XVII–XIX вв., хранятся в Бурятском объединенном музее в г. Улан-Удэ, в Центральном государственном музее Монголии, Музее изобразительных искусств и музее-резиденции Богдо-хана в г. Улан-Баторе (Цултэм Н., 1987, ил. 9–10, 14, 16–17, 129).

В научной литературе о позднесредневековых шлемах кочевников Центральной Азии и народов с сопредельных регионов упоминается сравнительно редко. Г.Ц. Цыбиков (1919, с. 210–212) привел описание и фото «старинных» тибетских панциря и шлема, а также тибетского воина в шлеме и панцире. Тибетские шлемы имеют сфероконический купол с накладными полосами, плоское навершие с трубочкой для султана или плюмажа, небольшой козырек, боковые клапаны-науши и задний клапан-назатыльник. По основным элементам своей конструкции тибетские шлемы схожи со шлемами центральноазиатских кочевников эпохи позднего средневековья.

Совершенно иную конструкцию имел маньчжурский шлем, обнаруженный у нивхов Амура и опубликованный Л.И. Шренком

(1899, с. 258–259, табл. XLIV.-2). Купол шлема состоял из узких, слабоизогнутых пластин, сшитых кожаными ремешками, перетянутых ремешком вокруг наверхия и прошитых по составному обручу, к которому крепилась подвесная ламеллярная бармица.

С.И. Вайнштейн (1961, с. 16, рис. 8) опубликовал находку позднесредневекового шлема из долины р. Ий в Тодже.

Л.Р. Кызласов в 1964 г. издал схематичный рисунок шлема из Дзун-Хемчинского района Тувы (Кызласов Л.Р., 1964, табл. I.-33). По его мнению, подобные «железные шлемы-шишаки, склепанные из четырех или шести прогнутых треугольных пластин, с накладками, козырьками и трубочками для султанов» были широко распространены в XVI–XVII вв. в Южной и Восточной Сибири (Кызласов Л.Р., 1964, с. 85). Л.Р. Кызласов ошибочно отнес к числу аналогичных находку шлема из разграбленного кургана в устье р. Могой у с. Уюк, который был приобретен в 1929 г. С.А. Теплоуховым и в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже (Кызласов Л.Р., 1964). Судя по имеющимся аналогиям, могойский шлем должен относиться к монгольскому времени (Худяков Ю.С., 1997, с. 53).

Я.И. Сунчугашев (1977, с. 134–136; 1979, с. 133–134) попытался отнести сначала к монгольскому, а затем и к позднесредневековому времени находку шлема из Абазы и обломки шлема из Белого Яра в Минусинской котловине. Подобная хронология основана на датировке чугунных котлов, вместе с которыми были найдены шлемы и панцири. По мнению Я.И. Сунчугашева, эти котлы «типологически хорошо датируются» XIII–XIV вв. или XIII–XV вв. Однако подобные котлы бытовали у кочевников Центральной Азии вплоть до этнографической современности и основанием для датировки шлемов монгольским временем быть не могут (Вайнштейн С.И., 1991, с. 103). Больше оснований относить абазинский шлем к эпохе развитого средневековья, поскольку он найден вместе с панцирем, пластины которого отличаются от типологически более поздних, обнаруженных в Монголии и относящихся к XIII–XIV вв. (Худяков Ю.С., 1980, с. 129; 1992). В работе М.В. Горелика (1979, с. 96–99) выделено несколько типов монгольских шлемов XVI–XVIII вв. В 1991 г. Ю.С. Худяковым (1991, с. 95) была опубликована находка кыргызского шлема из Минусинской котловины, обоснована его датировка эпохой позднего средневековья, проанализированы данные письменных, исторических и фольклорных источников о позднесредневековых кыргызских шлемах.

Среди шлемов, которые были осмотрены в музеях китайских провинций Ганьсу и Синьцзян, относящихся к периодам правления династий Мин и Цин, охватывающим эпохи позднего средневековья и нового времени, только один тип сфероконических шлемов находит аналогии среди боевых наголовий центральноазиатских кочевников (Худяков Ю.С., 1995, с. 39). Наиболее распространенные типы маньчжурских конических шлемов имеют существенные отличия от позднесредневековых шлемов номадов Центральной Азии.

В работах Л.А. Боброва (2000а, б) проанализированы письменные сведения о монгольских, ойратских и кыргызских шлемах и реконструирован внешний облик позднесредневековых воинов-кочевников, носивших шлемы разных типов. Для поиска аналогий центральноазиатских кочевнических шлемов, относящихся к эпохе позднего средневековья, важное значение имеют материалы по шлемам из сопредельных регионов Китая и Тибета, а также из Кореи и стран Переднего Востока, собранные в книге Х.Р. Робинсона (Robinson H.R., 1967, pl. I.-a; II.-a,b,c,d; IV.-a,b; XIV.-c,d; XXII.-a; XXV.-a,c; XXVI.-a,b).

В настоящей статье анализируются находки шлемов центральноазиатских кочевников из музеев Сибири и Монголии. По форме купола среди них выделяются несколько типов.

Тип. I. Сфероконические.

К данному типу относится большинство находок шлемов из музейных собраний Сибири, Монголии и Восточного Туркестана. По составу пластин купола и наличию дополнительных деталей среди шлемов выделяется несколько вариантов.

Вариант I.1. Шлемы с шестипластинчатым куполом, накладными полосами и козырьком. Включает 1 экз. из Минусинской котловины. Хранится в Минусинском музее. Высота купола – 29,5 см, диаметр купола – 21 см. Купол шлема склепан из шести пластин, соединенных накладными фигурными полосами с валиком по продольной оси и заклепками на треугольных выступах. Спереди к куполу заклепками приклепан короткий, неширокий овальный козырек (рис. 1.-1) (Худяков Ю.С., 1991, с. 95).

Вероятно, шлем имел навершие, которое не сохранилось, и кольчужную бармицу, которая крепилась к куполу с помощью отверстий и заклепок.

Близкой аналогией данной находке является шлем из музея г. Куча в Синьцзяне (Худяков Ю.С., 1995, с. 35, рис. III.-3). У него сохранилось сферическое навершие, трубочка для плюмажа, фигурные

полосы, обруч по нижнему краю и узкий треугольный козырек. В отличие от минусинского на кучинском шлеме накладные полосы более широкие и не имеют валика по продольной оси. Определенное сходство с минусинским и кучинским имеют некоторые юаньские и корейские шлемы, у которых несколько иная конструкция навершия и широкие накладные пластины (Дамдисурэм А., Robinson H.R., 1967, pl. XXV.a,c; fig. 85.-a,b).

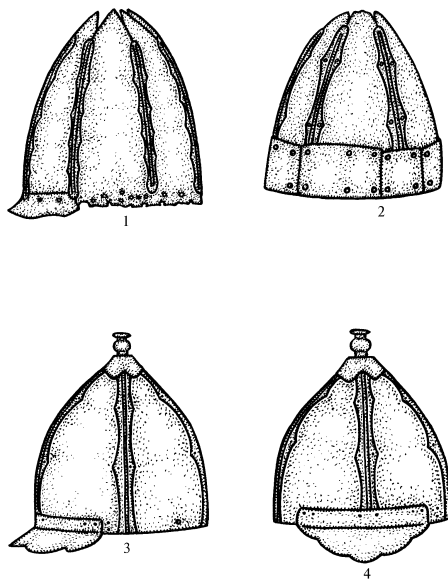

Рис. 1. Шлемы из Минусинской котловины и Тувы:
1–4 – тип I, варианты I.1; I.2; I.3

По этим аналогиям данный вариант защитного наголовья можно уверенно датировать эпохой позднего средневековья и началом нового времени.

Вариант I.2. Шлемы с шестипластинчатым куполом, накладными полосами и составным обручем. Включает 1 экз. из долины р. Ий в Туве (Вайншейн С.И., 1961, рис. 8). Он был найден в районе электростанции колхоза «Первого мая» в Тоджинском районе. Хранится в Кызыльском музее им. Алдан Маадыр. Высота купола – 23 см, диаметр – 22 см. Купол склепан из шести пластин,

соединенных фигурными накладными полосами с валиком по продольной оси и заклепками на выступах. Навершие не сохранилось. По нижнему краю купола приклепан составной обруч из отдельных, широких пластин с двумя рядами заклепок (рис. 1.-2). По своей форме данный шлем наиболее схож со шлемами кочевников Тувы в эпоху развитого средневековья и с кыргызскими шлемами этого периода (Худяков Ю.С., 1997, с. 53, рис. 32; 1980, с. 129, табл. XLIV). К эпохе позднего средневековья данный вариант шлемов может быть отнесен на основании формы накладных полос и обруча, отличающих его от защитных наголовий развитого средневековья.

Вариант 1.3. Шлемы с четырехпластинчатым куполом, накладными полосами, навершием и козырьком. Включает 1 экз. из местности Чыргаки в Туве. Он был найден в 1964 г. Хомушку Сумбуу в Дзун-Хемчикском районе. По данным Л.Р. Кызласова (1964, табл. I.-33), он был найден в 1963 г. и хранился в кабинете Истории ТНИИЯЛИ. В дальнейшем был передан на хранение в Кызыльский музей имени Алдан Маадыр. Высота купола – 24 см, диаметр – 21 см. Купол склепан из четырех пластин, соединенных фигурными накладными полосами с валиком по продольной оси и заклепками на выступах. Шлем имеет коническое навершие с четырьмя лопастями, уплощенным верхом и короткой цилиндрической трубкой для плюмажа с шарообразным расширением в центральной части и уплощенной шайбой наверху. Спереди к шлему приклепан треугольный козырек с фигурно вырезанным краем (рис. 1.-3, 4).

Наибольшее сходство данный вариант шлема имеет с киданьскими шлемами с четырехпластинчатыми куполами и четырехлепестковым навершием и короткой трубкой для плюмажа (Худяков Ю.С., 1991, с. 86). Однако у киданьских шлемов накладные полосы шире, чем у чиргакинского шлема. У них имеются обручи и нет козырьков. Поэтому чиргакинский шлем, по аналогиям с минусинским и кичинским, необходимо отнести к эпохе позднего средневековья.

Подобные варианты сфероконического типа шлема для Центральной Азии являлись наиболее распространенной формой защитного наголовья в периоды развитого и позднего средневековья. Они были характерны в течение этих периодов и для кыргызов Енисея, и для кочевников Тувы, и для монголов. Вероятно, именно подобные шлемы в русских письменных источниках именуются шишаками (Михайлов В.А., 1993, с. 8; Бахрушин С.В., 1955, с. 182; Потапов Л.П., 1952, с. 53).

Вариант I.4. Шлемы с шестипластинчатым куполом, навершием и боковыми петлями. Включает 1 экз. из Убсу-Нурского аймака Монголии. Хранится в музее г. Улангома. Высота купола – 25 см, диаметр – 22 см. Купол склепан из шести пластин заклепками. Имеет коническое навершие и боковые петли, приклепанные к куполу заклепками (рис. 2.-3).

Данный вариант имеет определенное сходство со шлемами кочевников Тувы в монгольское время (Худяков Ю.С., 1997, с. 53). Для монголов в эпоху позднего средневековья он выглядит несколько архаично. Однако отнести его к развитому средневековью не позволяет находка железного наручья овальной формы, с которой он был обнаружен находчиками.

Тип II. Сферические с цилиндрической тульей. Шлемы данного типа относятся к двум вариантам.

Вариант II.1. Шлемы с шестипластинчатым куполом, навершием, обручем и накладной пластиной. Включает 1 экз. из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Хранится в этом музее. Высота купола с тульей и султаном – 32 см, диаметр – 20 см. Купол склепан из шести пластин и переходит в высокую, цилиндрическую тулью, увенчанную плоским навершием с зубцами. На навершии укреплен высокая цилиндрическая трубочка с расширением и две небольших конических трубочки для плюмажей. Нижний край купола стянут широким обручем и приклепан заклепками. Спереди к нему крепится накладная пластина, выступающая за обруч. Сзади обруч прошит в отверстия кожаным ремнем (рис. 2.-1).

Вариант II.2. Шлемы с шестипластинчатым куполом, навершием, обручем, козырьком, наушами и назатыльником. Включает 1 экз. из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Был в XIX в. передан в музей потомками княжеского рода Кульмаметьевых. Хранится в этом музее. Высота купола с тульей, навершием и султанами – 27 см, диаметр купола – 20 см. Купол склепан из шести пластин заклепками и имеет высокую цилиндрическую тулью, с цилиндрическим навершием и тремя коническими трубочками для плюмажей. Нижний край купола стянут широким обручем, на поверхности которого чеканен растительный орнамент в виде побегов виноградной лозы с завитками. Спереди к куполу приклепан короткий, пятиугольный козырек. По бокам к куполу пришиты матерчатые науши с шестью декоративными бронзовыми розетками. Сзади к куполу пришит матерчатый назатыльник (рис. 2.-2).

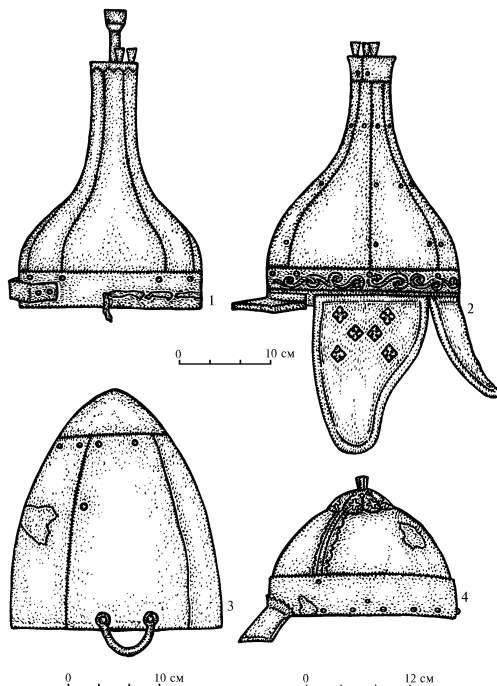

Рис. 2. Шлемы из Западной Сибири, Монголии и Кыргызстана:
 1, 2 – тип II, варианты II, 1; II, 2; 3 – тип I, вариант I, 4;
 4 – тип «сферический» шлем из Ак-Келя

Подобные наголовья «вычурной формы» применялись монголами и ойратами в XVI–XVIII вв. (Горелик М.В., 1979, с. 99, рис. 4). Шлемы из Тобольского музея могут принадлежать либо ойратам, которые в XVII в. владели Прииртышьем, либо сибирским татарам, князья которых пытались опереться на помощь Джунгарского ханства. Вероятно, именно о подобных шлемах в хакасском фольклоре говорится как о «месяцеподобных, с тремя гребнями», под которыми можно понимать три султанчика из конского волоса на навершии (Бутанаев В.Я., 1981, с. 189). Хотя на Енисее подобных шлемов не найдено, местные знатные воины могли заимствовать их у ойратов.

В Чуйской области Кыргызстана, в высокогорной местности Ак-Кель был обнаружен шлем со сферическим куполом, накладными фигурными полосами, навершием с трубочкой для плюмажа, обрубком и козырьком (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 2001) (рис. 2.-4).

Рис. 3. Реконструкция шлемов воинов-кочевников
Центральной Азии в эпоху позднего средневековья

Находка этого шлема, так же, как и маньчжурских шлемов, в Восточном Туркестане и на Дальнем Востоке характеризует границы распространения традиций центральноазиатских шлемов, применявшихся монголами, ойратами и зависимыми от них кочевниками Саяно-Алтая. По мнению М.В. Горелика (1979, с. 99), монгольские шлемы лежат в основе развития традиции маньчжурских шлемов в империи Цин. Для Восточного Туркестана и Средней Азии было характерно преобладание иной, передневносточной, в основе своей персидской, традиции применения шлемов с цельнокованным сферическим куполом (Robinson H.R., 1967, pb. II.-a,b,c,d; IV.-a,b). Центральноазиатские кочевники сохранили свои традиции в производстве боевых наголовий и формы шлемов до нового времени.

И.Ю. Чикункова

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ОПЫТ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ САРГАТСКОГО ЖИЛИЩА*

Исследование остатков жилых и хозяйственных построек на поселениях и городищах способствует изучению социально-экономических отношений, хозяйства, вносит ясность в проблемы экологической адаптации общества к природным условиям, а также в значительной мере характеризует культуру жизнеобеспечения того или иного этноса.

В ходе исследования Рафайловского археологического комплекса, включающего двухплощадочное городище, селище и курганный могильник, был получен один из наиболее полных блоков данных по этой проблеме. Памятник находится в Исетском районе Тюменской области, исследовался в 1983–1987 гг. экспедицией ТюмГУ и в 2002 г. отрядом ИПОС СО РАН под руководством Н.П. Матвеевой (1987, с. 263). На сегодняшний день здесь на городище и селище частично или полностью вскрыты 23 жилища и 8 хозяйственных построек. Поселение характеризуется большой плотностью застройки, обилием различных планировочных решений.

Целью данного исследования было получить информацию о стереотипах домостроительства саргатцев Рафайловского селища на примере жилища 6 и позже построенного на его месте жилища 7 (Матвеева Н.П., 1993а, с. 153–154).

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №01-06-80094.

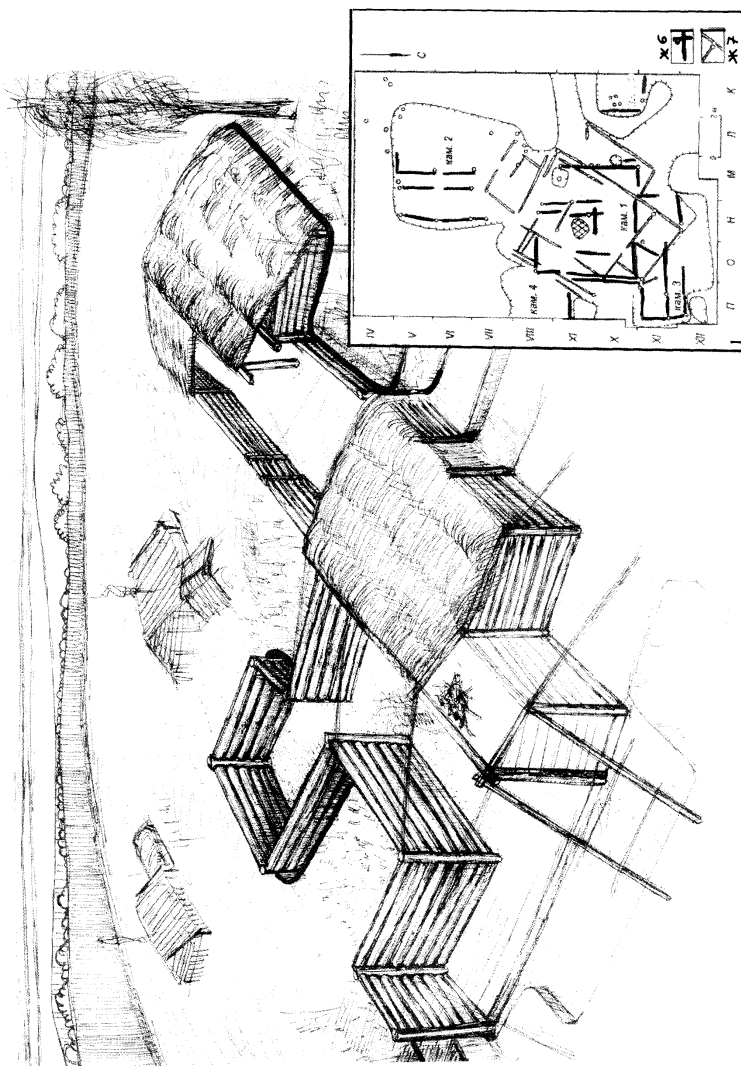

Рис. 1. Рафайловское селище. Жилище 6

Жилище 6 (рис. 1). Ранее состояло из четырех камер. Ориентировано по сторонам света. Очертания камер и их площадь были установлены благодаря сохранившимся канавкам от конструкций стен, перегородок и ямам от столбов. Жилище было полуземляночным, углублено в землю на 0,4–0,6 м, что предполагает наличие наземной части высотой не менее 1,2–1,5 м в центре.

Размеры 1 камеры – 5,5х5,0 м, в ее центре также прослежены неглубокие ямки и канавки, вероятно, от околоочажной конструкции. Размеры второй камеры – 5,5х6,7 м. Для расширения камеры 1 к северу (что часто практиковалось саргатским населением (Корякова Л.Н., 1994, с. 259–275)) пристроена камера 3 размером 3,5х6,2 м. К юго-восточному углу камеры 1 была пристроена камера 4. Обращает на себя внимание отсутствие очагов в камерах. Возможно, что очаги были разрушены в процессе строительства нового жилища, а очаг в камере 1 использовался также и обитателями позднего жилища 7.

Как и в большинстве исследованных саргатских жилищ на разных памятниках, дополнительные камеры в жилище 6 имели какое-либо хозяйственное значение. Так, можно предположить, что достаточно обширная камера 2 была загоном для молодняка. В пользу предположения о нежилом характере камеры свидетельствует огромное количество мусора в виде битой посуды и костей, скопившихся в этой камере, в то время как основная камера, видимо, содержалась в чистоте.

Регулярное расположение ямок в сочетании с канавками от горизонтально лежащих бревен позволяет реконструировать принцип архитектуры – это каркасно-столбовая постройка. Стены состояли из жердей или тонких бревен, их вставляли в пазы столбов, либо укладывали между двух вертикально стоящих столбов. Такой способ был особенно удобен для пристраивания дополнительных камер или подсобных помещений. Для теплоизоляции использовался мох, также можно предположить обмазывание стен глиной. Крыша во всех камерах, скорее всего, была двухскатной, так как четырехскатная предполагает наличие в центре камеры на полу ям от достаточно толстых столбов, способных выдержать нагрузку со стороны крыши, покрытой дерном, как в жилище 2 поселения Ингаalinka-1 (Матвеева Н.П., 1993б, с. 128). Для устройства крыши центральные столбы ставились выше боковых, через них пропусклась балка-конек. Затем несколько жердей или досок одним концом упирались в землю, а другим укладывались на конек. Пространство

между этими балками могло забираться притесанным кругляком, а для утепления обмазываться глиной, засыпаться землей, обкладываться дерном. Такой способ был известен у барабинских и чатских татар (Селезнев А.Б., 1991, с. 78–85; Соколова З.П., 1998). Выход оформлен в виде длинного коридора, идущего от западной стенки камеры 1. Снаружи стены жилища укреплялись и одновременно утеплялись грунтом, вынутым при рытье котлована, на крышу укладывались прутья, береста и дерн.

Зная площадь жилища – почти 105 кв. м, и допуская условную норму в 4 кв. м на человека (Корякова Л.Н., Сергеев А.С., 1989, с. 169), получаем, что в данном жилище могли проживать до 25 человек. Однако, как уже отмечалось, очаг находился только в основной камере, следовательно, уместно предположить, что жилой была лишь одна камера. Таким образом, число членов семьи, обитавшей в жилище 6, могло исчисляться в 6–10 человек, однако не исключено, что это число могло колебаться в большую или меньшую сторону.

Постройка данного жилища, скорее всего, происходила в несколько этапов по мере изменения состава семьи или увеличения потребностей домочадцев. Воспользовавшись нормативными данными СНИП и ЕНиР (строительные нормы и правила, единые нормы и правила) и учитывая расчеты, произведенные Л.Н. Коряковой для жилищ Дуванского-II поселения, получаем, что выкапывание котлована центральной камеры ($5,5 \times 5,0 \times 0,5 \text{ м} = 13,75 \text{ куб. м}$) потребовало 68 чел/час, т.е. труд 6–7 мужчин в течение одного рабочего дня, протяженностью 10–12 час.

Для работ по возведению стен, куда входит выбор бревен, разметка, заготовка по размеру, вкапывание столбов, выдалбливание пазов, конопатка стен мхом (при общей площади стен $2 \times (5,5 + 5) \times 1,8 \text{ м} = 37,8 \text{ кв. м}$), потребовалось 540 чел/час, т.е. труд 6–7 мужчин в течение 6–7 рабочих дней протяженностью 14 час.

В состав работ по возведению крыши входит подъем и укладка балок на стены, изготовление врубок в стенах и на концах балок, укладка наката (заготовка и укладка подборов из пластин или горбылей) по брускам балок, утепление крыши (приготовление глиняной смеси, промазка перекрытий глиняным раствором, засыпка перекрытия землей, разравнивание, укладка дерна). Принимая во внимание, что двухскатная крыша имела площадь больше, чем площадь пола (например, в нашем случае $\sim 33 \text{ кв. м}$), получаем,

что на сооружение крыши потребовалось 82,5 чел/час. Иначе говоря, 6–7 человек могли соорудить эту крышу за один день. На укладку пола потребовалось бы 25 чел/час.

Таким образом, центральную камеру жилища 6 семеро взрослых мужчин могли построить за 9 дней или за ~ 715 чел/час. Для постройки 2 и 3 камеры потребовалось 1473 чел/час. Если бы все камеры жилища 6 строились одновременно, то 6 взрослых мужчин построили бы его за 30 дней при 12-часовом рабочем дне. Однако предположив, что в строительстве наверняка принимали участие практически все работоспособные и не занятые другой работой домочадцы, постройка жилища могла занять и меньшее количество времени, например, за 15 дней (10 чел. x 14 час.) .

Жилище 7 (рис. 2) было построено, очевидно, в котловане заброшенного жилища 6. Оно представляет собой полужемлянку с четкими подпрямоугольными контурами. Жилой ее частью являлась большая камера площадью 22 кв. м. Это жилище не имело длинного выхода-коридора. Его функцию выполняла камера, пристроенная с восточной стороны. Надо сказать, что три пристроя из четырех имели свой вход. Это может свидетельствовать об их функциональном назначении. Свидетельством этому выступают, во-первых, некоторое количество ошлакованной посуды, во-вторых, отсутствие отдельных очагов в этих пристройках.

Стены жилища возводились в технике заплота, из бревен толщиной не менее 20 см. Строительным материалом для жилищ служили сосна и береза, так как они обладают многими ценными в строительном отношении качествами. Прямизна и отсутствие дуплистости позволяли изготавливать из бревен сосны тес, а ее смолистость обеспечивала хорошую сопротивляемость гниению. Палинологический анализ, проведенный по образцам из жилища 12 (его радиоуглеродная датировка соответствует V–IV вв до н.э. (Ларин С.И., Матвеева Н.П., 1997, с. 135; Орлова Л.А., 2002), показал, что в данный отрезок времени были распространены березовые и хвойные леса, причем больший процент (9,5) хвойных принадлежит кедру (*Pinus sibirica*).

На постройку основной камеры жилища 7 потребовалось 601 чел/час или, иначе говоря, потребовался труд 6 взрослых мужчин и 8,5 дней работы при 12-часовом рабочем дне. На постройку всего жилища тому же количеству строителей потребуется две недели при 14-часовом рабочем дне. При этом наши расчеты несколько

расходятся с расчетами Л.Н. Коряковой по жилищам Дуванского-II поселения в сторону увеличения количества затрат на постройку одного жилища. Это объясняется более основательными рафайловскими жилищами саргатцев, утепленной крышей и т.д.

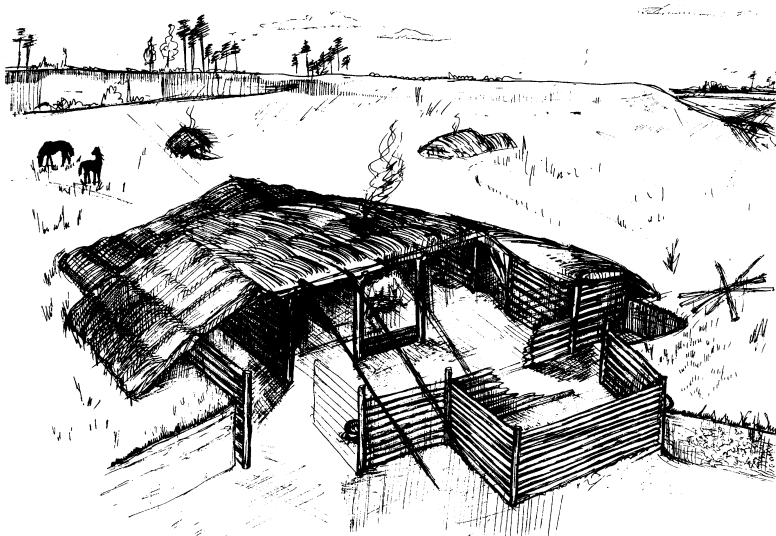

Рис. 2. Рафайловское селище. Жилище 7

Произведенные расчеты по теплостойкости камеры включали вычисление необходимого количества тепла в сутки для обогрева центральной камеры, КПД очага, теплостойкость постройки. Учитывая среднюю температуру воздуха зимой в Притоболья (Рябогина Н.Е., Ларин С.И., Семочкина Т.Г., 1999, с. 61), составляющую $-8-11^{\circ}\text{C}$, хотя не исключено, что перепады температур были сильными, и учитывая работы польских исследователей, получаем, что средняя температура в жилище могла быть около 14°C . Для поддержания этой температуры в течение шести холодных месяцев требовалось приблизительно 15 куб. м дров.

При сравнении площадей основных камер саргатских жилищ на Рафайловском городище и селище, поселениях Ингалинка-1, Бочанцево, Дуванское-II (всего 18 жилищ) наблюдается приближенное к единому параметру число. К примеру, на Рафайловском городище площадь основной камеры в жилище 1 была 34,45 кв. м.,

во 2-м – 39,75; в 5-м – 37,72; в 6-м – 33,5; в 7-м – 33,84, т.е. в среднем 35,8 кв. м.

Это означает, что на строительство основной, скорее всего, первой в хронологическом плане, камеры саргатского жилища требовалось 950–1050 чел/час., или труд 6 человек в течение двух недель при 12-часовом рабочем дне. Процесс сооружения жилища практически всегда был вынужденным и срочным действием и поэтому являлся первоочередной задачей для общинников. Возможно, именно в стереотипе сооружения центральной (основной) камеры сохранились архаичные черты, имеющие глубокие корни в истории развития домостроительства саргатской культуры. Кроме этого, средняя площадь центральной камеры позволяет узнать количество членов семьи, которому изначально хватало для житья одной камеры, – это 7–9 человек.

Ю.В. Ширин

Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»

ГОРНАЯ ШОРИЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Слабая археологическая изученность Горной Шории долгое время негативным образом сказывалась на работах, посвященных этногенетическим реконструкциям, истории формирования материальной и духовной культуры обитателей данного региона. Как правило, археологи ограничивались теми или иными прогнозами, которые можно связать с двумя основными гипотезами:

– Горная Шория – периферия одного из соседних культурных центров (Алтай, Верхнее Приобье, Минусинская котловина);

– Горная Шория – территория с явно выраженными эндогенными процессами в развитии древних культур.

С этими предположениями перекликается этнографическая характеристика ХКТ населения Горной Шории, акцентирующая внимание на консервативности уклада пеших охотников и рыболовов с незначительным влиянием со стороны скотоводов на некоторые этнические группы, в районах, граничащих с лесостепью.

Несмотря на низкие темпы, археологические исследования Горной Шории, проведенные за последние 30 лет, постепенно проясняют эти ожидания. К сожалению, до настоящего времени опубликованы только сведения об археологических разведках и краткие обзоры накопленных материалов (Маркина Н.Т., Маркин С.В.,

1985; Ширин Ю.В., 1997б; 2002). Наиболее полная характеристика ряда этапов освоения Горной Шории представлена в работе В.В. Боброва (1994), выполненной по материалам многослойного поселения Печергол-2 в среднем течении Мрассу. В настоящее время можно высказать очередные гипотезы о ряде особенностей протекания историко-культурных процессов на территории Горной Шории. Остановимся на эпохе железа.

Генезис культур раннего железа на юге Кузнецкой котловины и в ее юго-восточных предгорьях связан с дальнейшей трансформацией местных культурных традиций эпохи поздней бронзы (на основе как внутреннего развития, так и в процессе взаимодействия с сопредельными культурами, не без участия миграционных процессов). В становлении культур раннего железа лесостепной зоны юга Западной Сибири исследователи выделяют период перехода от эпохи бронзы к эпохе железа (представленный так называемыми переходными памятниками). Памятники этого периода, найденные в Барабе и Новосибирском Приобье, получили название позднерменские, что отражает содержательную сторону их генезиса (Молодин В.И., 1985). Их развитие было осложнено миграцией носителей крестовой керамики.

В Кондомо-Томских предгорьях на памятниках переходного этапа также сильны позднерменские традиции в орнаментации керамики (Городище Маяк). Но влияние крестового компонента здесь еще меньше, чем в памятниках Верхнего Приобья. Отмечается влияние лугавской культуры. Последнее вызвано как взаимодействием ирменской и лугавской культур в более раннее время, так, возможно, и контактами с раннетагарским населением. Сходная керамика встречена на поселениях Томского Приобья, отнесенных к шеломокской (кижировской) культуре. Определенные аналогии можно указать и в материалах лесостепной тагарской культуры, где такая керамика рассматривается как инокультурный компонент. Находки на территории Горной Шории и в Кузнецкой котловине единичных фрагментов керамики, сходной не только с раннетагарской, но и с ближнеелбанской, показывают, что Кузнецкая котловина не была изолированной территорией. Тем не менее здесь в переходное от бронзы к раннему железу время шел во многом особый процесс культурного развития. Это прослеживается по иному его результату, чем в Верхнем Приобье. С наиболее ранним периодом эпохи железа на территории Горной Шории связаны отдельные

случайные находки бронзовых изделий тагарского облика. Такие находки, видимо, являются свидетельством сохранения традиции поставок бронзы из Минусинской котловины, которая сложилась еще в предшествующее время.

Дальнейшее развитие культуры населения Томь-Кондомских предгорий связано с включением этого региона в сферу влияния культур Верхнего Приобья и Прииртышья. На всех поселениях раннего железа в Томь-Кондомских предгорьях распространяются типы керамики и инвентаря, характерные для культур Верхнего Приобья (староалейская, каменная). Именно она послужила основанием для определения восточного ареала распространения большереченской (по М.П. Грязнову) культуры (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986). Валиковый комплекс, выделяемый в этой группе керамики (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999), видимо, является наиболее поздним и может быть отнесен уже к гунно-сарматскому времени.

Распространение валиковой керамики эпохи раннего железа в бассейне р. Кондомы, низовьях р. Мрассу и на поселениях юга Кузнецкой котловины мы связываем с включением этих территорий в сферу влияния предгорного населения бассейна Верхней Оби (быстрянская культура). В Кондомо-Томских предгорьях появляются не только новые типы поселений, но и погребальные памятники (Кузнецк-1/3; Кузнецк-1/5) с характерными для быстрянской культуры сопроводительными захоронениями коней (Киреев С.М., Вдовина Т.А., 2000). Такую активизацию предгорного населения на рубеже нашей эры можно связать с ослаблением обитателей степей Обь-Иртышского междуречья, что отмечают большинство исследователей.

В начале I тыс. н.э., на территории Горной Шории, как и в прилегающих к ней с северо-запада областях, распространяются памятники фоминской культуры, ряд особенностей которых восходят к традициям северо-таежного населения Западной Сибири (Ширин Ю.В., 2003). Также ярко и, видимо, в последний раз сходные явления перехвата инициативы у степного населения Верхнего Приобья прослежены для конца I тыс. н.э. В это время весь бассейн Томи и Горную Шорию захлестнула миграционная волна населения из красноярской лесостепи. Мигранты принесли не только новые традиции орнаментации керамики (острореберными обмазочными валиками), но и развитую металлургию железа. Эта культурная традиция, являясь привнесенной вероятнее всего из красноярской лесостепи,

степи, имеет свою линию развития в Притомье и в Горной Шории вплоть до конца I тыс. (Ширин Ю.В., 1997а; Окунева И.В., 1997). Миграционная волна, оставившая эти памятники, была весьма значительной, но на юге Западной Сибири западнее Кузнецкой котловины средневековые поселенческие памятники с керамикой, украшенной «обмазочными» валиками, нам не известны. В отличие от фоминского времени, Верхнее и Новосибирское Приобье во 2-й пол. I тыс. осталось вне миграционной активности северного подтаежного населения.

В начале II тыс. в Кузнецкой котловине и Горной Шории вновь происходит заметная смена культурной ситуации. При этом, помимо памятников с культурными компонентами, которые можно выводить из традиций племен кимако-кыпчакского объединения Прииртышья и Верхнего Приобья (Савинов Д.Г., 1994), здесь выделены единичные памятники имеющие иное происхождение (Бунгур-1, Ивановка-1, Казанково-14, Усть-Анзас-1). В орнаментации керамики этих поселений вновь использованы налепные «обмазочные» валики. Тем не менее керамика поселений начала II тыс. не может быть выведена из «валиковой» керамики Среднего Притомья конца I тыс., отличаясь не только стилем орнаментации, но прежде всего формой сосудов. Более вероятно, что на материалах поселений типа Казанково-14 зафиксирована новая миграционная волна из красноярской лесостепи, где можно указать аналогичные комплексы (Комплексное..., 1999). Эта культурная инфильтрация в Притомье и в Горную Шорию проходила по традиционным путям, проложенным их предшественниками в конце I тыс. Судя по особенностям выявляемых памятников, более поздние переселенцы, в отличие от первой миграционной волны, были относительно немногочисленны.

В периоды внутренней «культурной активизации» населения Горной Шории, наблюдаемые в более ранние периоды, становится особенно очевидным, что этот географический район не является изолятом, а органично включается в более обширные культурные ареалы. Наиболее тесно население Горной Шории оказывается связанным с этнографическими группами Кузнецкой котловины и через них, немного в меньшей степени, с населением Верхней Оби. Следует отметить, что этнотерриториальные группы Горной Шории периодически включали в свой состав и выходцев из соседних предгорных районов Минусинской котловины и не только в бассейне р. Мрассу.

Что касается изоляции Горной Шории (причем относительной), то условия для нее могли возникнуть не из-за физико-географических особенностей этого региона, а по социально-экономическим причинам, в основе которых лежит давление со стороны кочевых группировок. Оно прослеживается на протяжении всей эпохи железа, но, видимо, особенно усиливается в 1-й пол. II тыс., когда завершается становление структур социально-этнического подчинения. Одним из последствий этого стал общий упадок уровня материальной культуры попадающих в вынужденную изоляцию этнических групп (их искусственная маргинализация). При этом из-за относительной неустойчивости структур социально-этнического подчинения, в которые периодически оказывались включены обитатели Горной Шории, здесь так и не сложились устойчивые этнические образования большей общности, чем этнические группы.

По нашему мнению, Горную Шорию в эпоху железа следует относить к ландшафтным зонам с неспециализированным ХКТ. Ее население вело так называемое комплексное хозяйство. Но опираясь на письменные и этнографические источники, можно утверждать, что данный тип хозяйства в Горной Шории имел существенное отличие от аналогичного способа жизнеобеспечения тех регионов, где подобная комплексность также может быть отнесена к особому виду специализации. Этнотерриториальные группы Горной Шории были интегрированы своим хозяйственным комплексом в хозяйственный комплекс предгорного лесостепного населения, составляя с ним определенную целостность (Садовой А.Н., 1992). Исторически засвидетельствовано, что без этих традиционных социально-экономических связей устойчивое развитие, стабильное жизнеобеспечение и естественное воспроизводство населения Горной Шории было весьма затруднено или невозможно.

О.Г. Шмидт

Алтайский государственный университет

**ИЗУЧЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
В РАБОТАХ С.И. РУДЕНКО**

С.И. Руденко многие годы своей жизни посвятил изучению культуры древних и современных обществ. Практически во всех своих работах по этнографии и археологии Сергей Иванович уде-

лял внимание вопросам хозяйственной деятельности изучаемых им племен и народностей. С годами у ученого сложился определенный подход к решению данных проблем. Первая работа, в которой С.И. Руденко детально рассматривает хозяйственную деятельность изучаемых им народностей, опубликована в 1914 г. под названием «Инородцы Нижней Оби». Написана она по результатам экспедиции 1909 г., когда Сергей Иванович проводил этнографические исследования среди населения Нижней Оби (остяки, вогулы и самоеды). Это была, по сути, первая самостоятельная серьезная экспедиция Сергея Ивановича. Однако к этому времени имелся опыт проведения этнографических исследований среди башкир и чувашей. В указанной статье в общих чертах излагаются наиболее существенные особенности быта инородцев Северо-Западной Сибири, географическое описание местности, в которой они проживали, а также верования и искусство. Подробное изучение природных условий данного региона и детальное знакомство с самими остяками, вогулами и самоедами позволили ученому охарактеризовать особенности их образа жизни и традиции хозяйственного уклада. За время этой экспедиции молодой ученый смог приобрести необходимый для последующей деятельности опыт проведения археологических и этнографических исследований. Богатый материал, полученный в это время, анализировался также и в других работах С.И. Руденко.

Публикация С.И. Руденко, вышедшая в 1924 г. под названием «Географический и этнографический очерк Сибири», позволяет нам понять, насколько широки были познания ученого по этнографии сибирских этносов. Рассматривая население Сибири (русских, вогулов, самоедов, татар, теленгитов, алтайцев, якутов, бурят и многих других), ученый дает описание жизнедеятельности данных народностей. В 1920-е гг. С.И. Руденко (1926, с. 64) во время Алтайской экспедиции посетил теленгитов, тубаларов и алтайцев. Подробно были изучены жилища, одежда, основные занятия, промыслы, родовой строй, свадебные обычаи и обряды. К сожалению, материал, полученный в ходе данной экспедиции, не получил должного освещения в публикациях С.И. Руденко.

В конце 1920-х гг. С.И. Руденко занимается этнографическими исследованиями среди казахов. В 1930 г. ученый публикует результаты своих исследований в нескольких работах. Хозяйственную деятельность изучаемого им народа он описывает в «Очерке

быта северо-восточных казаков». С.И. Руденко (1930, с. 2) считал, что кочевой быт, характерный для скотоводческих народов, представляется весьма многообразным и зависит от множества факторов: природных условий страны, культурного наследия, породы разводимых животных, характера междуплеменных и внутриродовых взаимоотношений, степени материальной обеспеченности. Рассматривая скотоводство, земледелие, охоту, пищу, жилища, посуду, одежду, обычаи, характеризовал хозяйственный быт приалтайских казахов. В своей работе он проследил эволюцию казахского хозяйства в конце XIX – 1-й пол. XX вв. Изучая быт казахского народа, С.И. Руденко таким образом, смог познакомиться с особенностями хозяйственной деятельности кочевников и полукочевников. В дальнейшем знания, полученные в данной области, помогут ученому в решении многих археологических проблем.

Необходимо также отметить этнографические исследования С.И. Руденко населения Башкирии. Практически в течение всей своей жизни культура этого народа привлекала внимание ученого. Им написаны десятки статей по различным проблемам этнографии башкир. Во многих из них рассматривается хозяйственная деятельность данного этноса. В одной из последних работ С.И. Руденко, посвященной башкирам, подробно рассматривались занятия и образ жизни, рыболовство и птицеводство, звероловство и бортничество, скотоводство и земледелие, пища, домашние производства, одежду и украшения, жилища и постройки и многое другое (Руденко С.И., 1955). В результате ученый пришел к выводу о преимущественно оседлом образе жизни башкир с сохранением кочевого у отдельных групп населения. Многие работы С.И. Руденко по этнографии башкир до сих пор имеют высокую научную значимость и часто используются современными исследователями.

Ученый считал, что для изучения быта какого-либо этноса одних этнографических данных недостаточно. По его мнению, необходимо привлекать письменные источники и использовать палеоэтнологические (археологические) исследования. Последние помогут определить физический тип изучаемой народности, время и условия его формирования, раскрыть эволюцию и генезис бытовых форм (Руденко С.И., 1926. с. 65). Данная позиция была сформирована еще на ранних этапах его научной деятельности и реализовывалась во всех исследованиях. Наиболее ярко это проявилось при изучении археологии Горного Алтая. Пазырыкские курганы

дали совершенно уникальный для того времени материал. На основании тщательного анализа и сопоставления горноалтайских находок с большим кругом степных культур, в основном скифского времени, а также с переднеазиатскими земледельческими культурами, автор сделал ряд важных выводов о хозяйстве, быте, ремеслах, искусстве горноалтайских племен и их культурных связях. В различных работах (Руденко С.И., 1931, 1952, 1953) затрагиваются вопросы хозяйственной деятельности и образа жизни населения, оставившего Пазырыкские курганы. С.И. Руденко (1952, с. 50) считал, что при пастушеском скотоводстве как основе хозяйственной деятельности древние население Горного Алтая было оседлым. При высказывании данного положения ученый основывался на нескольких факторах. Прежде всего учитывались природные условия Горного Алтая, где сезонные передвижения со стадами на значительные расстояния из одной степной долины в другую, отделенную труднопроходимым горным хребтом были крайне затруднительны. Скотоводческое хозяйство, по мнению С.И. Руденко, было основным занятием. Согласно археологическим данным, полученным Сергеем Ивановичем, население Горного Алтая в скифское время разводило лошадей, крупный рогатый и мелкий рогатый скот. При этом лошадь занимала первое место среди домашних животных (Руденко С.И., 1953, с. 71). Рассматривая особенности хозяйственной деятельности и образ жизни пазырыкских племен, ученый прибегает к этнографическим данным из жизни различных пастушеских народов России (восточных казахов, киргизов и алтайцев) (Руденко С.И., 1953, с. 71, 75, 101 и др.). С.И. Руденко считал, что за редким исключением археологические памятники дают слишком мало материала для суждения о хозяйстве различных племен древности. Задача выявления основных занятий народа или племени облегчается, если есть письменные источники и орудия производства. Там же где их нет, для суждения о формах хозяйства остается только путь аналогий по этнографическим данным (Руденко С.И., 1961, с. 2). На одном из докладов заседания отделения этнографии Географического общества СССР в 1958 г. С.И. Руденко был сделан доклад на тему «К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках». В нем ученый высказывал свои соображения о скотоводческом хозяйстве и о формах кочевания применительно к населению зоны евразийских степей, полупустынь и предгорий Советского Союза. Он выделил три варианта кочевого

или полукочевого скотоводства и охарактеризовал их на конкретных примерах из жизни казахов, киргизов и других скотоводческих племен. Кроме того, был рассмотрен вопрос о времени возникновения у племен восточно-европейских и азиатских степей и предгорий массового разведения домашних животных (Руденко С.И., 1961, с. 10). Данная работа вышла, когда у С.И. Руденко имелся многолетний опыт работы в археологии и этнографии. Главной особенностью в изучении хозяйственной деятельности древних и современных обществ было то, что он привлекал к решению данных задач археологию и этнографию в их тесном взаимодействии.

П.И. Шульга

*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАиЭт СО РАН и НИИ ГИ при АГУ*

**ОРЛЫ И ГРИФОНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
В ЮЖНОЙ СИБИРИ
(разграничение и датировка образов)**

Существующие ныне фрагментарность и неопределенность критериев выделения тех или иных типов орлов и грифонов Южной Сибири затрудняют последовательное применение имеющихся названий и схем в работе над вопросами хронологии, культурной принадлежности, искусства и идеологии ранних кочевников VII–III вв. до н.э. Каждый исследователь вкладывает свое содержание в используемые ими понятия. Так, в одной из работ Н.В. Полосьмак (1994, с. 8), ссылаясь на Л.Л. Баркову, пишет об «алтайском орлиноголовом грифоне», под которым понимается как существо с телом орла, так и с телом кошачьего, а далее автор использует понятия «мифологизированный орел», «хищная птица», «мифический орел», «фантастические птицы-грифоны» и «грифы». В некоторых случаях идентичные головки хищной птицы с ухом называются «головки грифона» и «головки ушастого орла» (см.: Полосьмак Н.В., 1994, с. 47, 48, рис. 44, 45; 2001, с. 222). И в этой пестроте названий нет ничего удивительного, поскольку еще в 1948 г. в работе по грифонам Северного Причерноморья Н.Н. Погребова (1948, с. 66) писала: «...то, что обычно принято называть «скифским грифоном», в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы». Показательна позиция К.Ф. Смирнова (1976, с. 75), не видевшего принципиальных различий между орлами и грифонами

Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, то разделявшего их, то применявшего одно название – «орлы-грифоны».

Похожее положение было и в восточной части скифосибирского мира после раскопок мерзлотных курганов пазырыкской культуры. Сторонник идентификации пазырыкцев со «стерегущими золото грифами», С.И. Руденко (1960, с. 285) называл орлами лишь несколько фигурок хищных птиц с ушастыми головками из Первого Туэктинского кургана, а всех остальных (за исключением классических орлиных и львиных грифонов) – «мифическими ушастыми грифами с гребнем и нередко с хохолком». С.С. Черников (1965, с. 58) понимал под грифоном не только льва с орлиной головой, но и орла с ухом и гребнем, а М.П. Грязнов называл последнего «мифическим орлом». Не всегда разграничивала понятия и Н.Л. Членова (1967, с. 113), к примеру, называвшая «головой грифона» одно из ранних изображений хищной птицы без уха, хохолка и гребня. Уделивший значительное внимание образам орлов и грифов В.Д. Кубарев (1991, с. 153–159) также внес существенные коррективы в их изначальную интерпретацию.

Такая ситуация отчасти объясняется трудностями разделения чрезвычайно разнообразных и почти непрерывно изменяющихся во времени и пространстве образов грифонов и орлов, однако вольное использование понятий с неопределенным содержанием делает дальнейшую работу с конкретными изображениями крайне затруднительной и непродуктивной. Сказывается здесь и невнимание к образу предшествовавшего грифону раннескифского орла, а также недооценка существенных различий в генезисе образов орла и «грифона» в западных и восточных областях кочевого мира. Так, если в Предкавказье изображения орлов и греческих грифонов появляются уже в раннескифских комплексах и потом сосуществуют, то в азиатской части процессы шли совершенно по-другому, что вполне соответствует выводу М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского (1992, с. 162) об особых путях формирования скифского звериного стиля.

Среди исследователей нет расхождений лишь в наименовании классических орлиного и львиного грифонов. Они хорошо узнаются, независимо от времени и места бытования их прототипа (рис. 1.-34). Пожалуй, не вызовет возражений использование собирательного понятия «грифон» для обозначения мифических существ с ушами, хохолками и гребнями. Приемлемы и широко

употребляемые общие, предполагающие наличие региональной специфики, понятия «скифский грифон» и «алтайский грифон». Последнее могло бы заменить названия «гриф» или «алтайский гриф», вызывающие явные ассоциации с грифами Геродота, иконография которых скорее соответствовала львиным грифонам. Да и связь их с горами Алтая остается под вопросом. Исходя из анализа стилизованных изображений и других материалов, можно полагать, что хорошо известные в Горном Алтае грифоны раннепазырыкского времени были широко распространены на равнинном Алтае и на территориях к востоку. Позднее сюда включаются и области восточной части Казахстана. Очевидно, у обитавших здесь народов образ грифона был распространен не менее, чем в пазырыкской культуре, поскольку выполненные в металле и кости изображения встречаются здесь даже чаще, чем в Горном Алтае. Поэтому в настоящее время нет оснований рассматривать пазырыкскую культуру Горного Алтая в качестве реально существовавшего в древности центра концентрации особых изображений грифонов, которых, в отличие от соседних территорий, следовало бы называть грифами.

В ряде случаев, когда отсутствует или достоверно не устанавливается наличие на головке уха, хохолка и гребня, вполне оправдано применение нейтрального определения «головка хищной птицы». Последнее определение не вводит в заблуждение упоминанием грифона, под которым в российской и зарубежной научной и справочной литературе, в зависимости от происхождения (в Греции или на Переднем Востоке), понимается крылатое существо с телом кошачьего и головой орла или льва – «полулев, полуорел» (Даль В., Т. 1, 1978, с. 396; см.: Народы нашей страны..., 1982, с. 258 и др.; Мифы народов мира, Т. 1, 1997, с. 336; Словарь античности, 1999, с. 168; Переводчикова Е.В., 1994; и др.).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что тема до сих пор слабо изучена. Несмотря на долгую историю изучения изображений орлов и «грифонов» скифского времени в Южной Сибири С.И. Руденко, Н.Л. Членовой, Л.Л. Барковой, В.Д. Кубаревым, Н.В. Полосьмак и многими другими исследователями, вопросы их происхождения, семантики, датировки, культурной атрибуции и терминология остаются во многом неразработанными, а такие группы изображений, как стилизованные орлы и «грифоны», почти не рассматривались.

Опуская подробный анализ работ занимавшихся данной темой исследователей, укажем лишь, что пока единственный опыт «разработки типологической классификации изображений» алтайских «орлиноголовых грифонов» Л.Л. Барковой (1987), выделившей четыре основных типа «грифонов», не получил должного признания. Одна из причин тому, по справедливому замечанию В.Д. Кубарева (1991, с. 156), заключается в объединении в одну группу разнородных образов. На результатах исследования Л.Л. Барковой, несомненно, сказалась ограниченность источниковой базы только материалами из Больших курганов пазырыкской культуры и исключение имеющихся там многочисленных стилизованных изображений.

В своей работе автор придерживался следующих положений:

1. Образ бытовавшего на Алтае и в Южной Сибири в середине VI–III вв. до н.э. «грифона» должен рассматриваться в динамике развития, во взаимосвязи с предшествующими изображениями орла (хищной птицы) раннескифского времени. При этом особое внимание следует обращать на уточнение датировок комплексов, из которых происходят указанные образы.

2. Особенности стиля и наиболее значимые признаки орлов и грифонов нужно устанавливать с учетом их развития путем сравнения с синхронно существовавшими стилями на смежных территориях, а не выводить умозрительно только из имеющегося на той или иной территории материала.

3. Прделанная на основе этих признаков систематизация материала должна быть действенным инструментом для решения вопросов хронологии, этнокультурной принадлежности, искусства и идеологии.

В результате из имеющихся в Южной Сибири VII–III вв. до н.э. изображений хищных птиц и «грифонов» было выделено одиннадцать основных групп, каждая из которых далеко неоднородна и подразделяется на несколько типов или вариантов.

1. Орел (хищная птица) (рис. 1.-1, 3–6); 2. Стилизованные изображения раннескифского орла (рис. 1.-2, 7–10); 3. Мифический орел с ухом середины VI – начала V вв. до н.э. (рис. 1.-24, 25); 4. Стилизованные изображения грифонов середины VI – 1-й пол. V вв. до н.э. (рис. 1.-17–22, 28, 29, 31, 32); 5. Головки длинноклювых мифических орлов с ухом (рис. 1.-15); 6. Головки грифонов VI–III вв. до н.э., представляющие собой изображения головок хищных птиц со звериным ухом, хохолком и гребнем (последний иногда отсутствует) (рис. 1.-16, 17); 7. Орел-грифон V–III вв. до н.э. –

полное изображение орла с ухом, хохолком и гребнем (рис. 1.-33); 8. Орлиные грифоны (рис. 1.-34); 9. Львиные грифоны (рис. 1.-34); 10. Синкретичные существа, сочетающие черты грифона с волком, лошадью, лосем, тигром, драконом и другими животными; 11. Стилизованные изображения грифона V–III вв. до н.э. (рис. 1.-35-37).

В данной публикации ограничимся только краткой характеристикой образов, ранее не рассматривавшихся или имеющих спорную трактовку: орлов, стилизованных изображений раннескифских орлов, мифических орлов, стилизованных изображений грифонов середины VI – 1-й пол. V вв. до н.э., головок длинноклювых мифических орлов с ухом и стилизованных изображений грифонов V–III вв. до н.э.

1. Орлы – изображение хищной птицы с загнутым или удлиненным клювом без уха, гребня и хохолка (рис. 1.-1, 3–6). На территории к востоку от Урала характерны почти исключительно для раннескифского времени. Такая постановка вопроса находится в противоречии с мнением большинства исследователей, выделяющих группу орлов VI–III вв. до н.э. (в том числе и в пазырыкской культуре), не принимая в расчет наличие или отсутствие у головок хищных птиц звериного уха. Вследствие чего ушастые головки произвольно помещаются в группы орлов, грифов или грифонов. Считаем, что появляющееся в середине VI в. до н.э. у головки хищной птицы ухо – не менее значимый признак, чем хохолок и гребень.

Логично было бы предположить существование традиции почитания орла на Саяно-Алтае еще на стадии сложения раннескифской культуры. Но для этого пока нет веских оснований. В уникальном по территориальному охвату комплексе кургана Аржан нет ни одного реалистичного или стилизованного изображения хищной птицы. Нет их и в других ранних погребениях и на оленных камнях, из чего можно заключить, что на рубеже IX–VIII вв. до н.э. в Туве, на Алтае и в Минусинской котловине не было культа орла, а приостренные «клювовидные» изделия, по всей видимости, ассоциировались только с клыком кабана, который, несомненно, почитался на этой территории. Изображения орлов на чеканах, ножах, кинжалах и деталях конского снаряжения (как правило, в виде головки хищной птицы без уха, хохолка и гребня) здесь появляются не ранее VII вв. до н.э.

Рис. 1. Группы изображений орлов и грифонов Южной Сибири и Казахстана: 1, 3–6 –раннескифские орлы; 2, 7–10 –стилизованные изображения раннескифских орлов; 24, 25 –мифические орлы с ухом; 17–22, 28, 29, 31, 32 – стилизованные изображения грифонов середины VI – 1-й пол. V вв. до н.э.; 15 – головки длинноклювых мифических орлов с ухом; 16, 17 – головки грифонов; 33 – орел-грифон; 34 – орлиный и львиный грифоны; 35–37 – стилизованные изображения грифона V–III вв. до н.э.

Очевидно, образ орла был привнесен в культуры Южной Сибири в VII–начале VI вв. до н. э. из Казахстана (возможно, и с пока слабо изученной пограничной территории Китая), где были широко распространены выполненные в реалистичной и стилизованной манерах характерные изображения орла на наскальных рисунках и предметах из погребений (рис. 1.-1, 3–6; см. Шульга П.И., 1998, с. 36, табл. 1).

2. Стилизованные изображения раннескифского орла (рис. 1.-2, 7–10). В погребальных комплексах они изначально сосуществуют с реалистичными. Часть из них выполнена настолько в условной манере, что может быть достоверно идентифицирована только при условии обнаружения исходных форм, как это удалось сделать благодаря находке поясной бляхи с изображением комбинированного орла из Гилево-10 (рис. 1.-2, 7–10; Шульга П.И., 2002). В эту группу попадают многочисленные «клювовидные» изделия и орнаменты VII – 1-й пол. VI вв. до н.э., среди которых хорошо заметны устоявшиеся формы (рис. 1.-23; и др.). По всей видимости, сюда же будут отнесены и своеобразные наносные подвески конской сбруи (рис. 1.-11–13; Шульга П.И., 1998; Бородаев В.Б., 1998; Алехин Ю.П., Шульга П.И., 2003).

3. Мифические орлы (середина VI – начало V вв. до н.э.). Представляют собой головки или полные изображения хищной птицы без хохолка и гребня, но с округлым ухом, оформляемым, как правило, в виде запятой (рис. 1.-24, 25). Несомненно, появление этих изображений свидетельствует о каких-то кардинальных изменениях в верованиях кочевников. Вместе с тем мы полагаем, что «мифический орел» является результатом видоизменения повсеместно распространившегося в раннескифское время образа орла, приобретшего в середине VI в. до н.э. звериные черты. Вполне естественно сохранить за этими изображениями название «орел», дополнив его словом «мифический», так как появление звериного уха не оставляет сомнений в том, что это существо фантастическое.

Как и менее распространенные длинноклювые мифические орлы, они появляются внезапно в ранних савромато-пазырыкско-саглыньских комплексах середины VI в. до н.э. и на территориях к востоку от Южного Пруаралья (где они также преобладают) полностью заменяют раннескифские изображения. Мифические орлы могут считаться надежным хронологическим индикатором раннепазырыкского этапа, поскольку появление их происходит одновременно с повсеместным изменением погребальной обрядности и

вещевого комплекса. В раннескифское время изображения этих существ в восточной части скифо-сибирского мира отсутствуют. Автору известно всего лишь несколько случаев изображения мифических орлов на изделиях раннескифского времени: это головки хищной птицы с ухом на окончаниях двух трехдырчатых псалиев из Минусинской котловины (Членова Н.Л., 1967, табл. 16.-30) и с Катуня (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 37.-1).

4. Стилизованные изображения грифона середины VI – 1-й пол. V вв. до н.э. (рис. 1.-17–22, 28, 29, 31, 32). Называются стилизованными головками хищных птиц или грифонов, растительным или зооморфным орнаментом, пламевидной фигурой «асимметрический листок». Количественно преобладают над «реалистичными» на примыкающих к Алтаю территориях. Иконография и семантика их лишь на первый взгляд просты и непосредственно связаны с реалистичным прообразом. На наш взгляд, это параллельно существующие с реалистичными, но иные трансформированные образы с изменившимся и переосмысленным содержанием. Автором выделены три основных типа стилизованных изображений. Первый произведен от классической головки грифона (рис. 1.-16–22), а два других представляют собой сложные образования из образов хвостатых орла, мифического орла и грифона, а также головки хищной птицы (рис. 1.-25–29, 30–32) (Шульга П.И., 2002). В эту же группу (тип I) входят бабочковидные бляшки (рис. 1.-22) 2-й пол. VI–V вв. до н.э., наиболее часто встречающиеся на равнинном Алтае, а также в культурах к северу и востоку.

5. Головки длинноклювого мифического орла (рис. 1.-15). Этот образ появляется на стадии формирования ранних савромато-пазырыко-саглыньских комплексов вместе с мифическим орлом со спиралевидным ухом и сильно загнутым клювом. Особенности иконографии этого образа можно было бы объяснить формой обычно узкого вытянутого приостренного изделия типа, выполненного из концевого фрагмента рога псалия или колчанного крюка. Однако он имеет ряд особенностей в расположении на предметах и иконографии. Время бытования таких изображений на псалиях и других предметах снаряжения коня в хорошо датируемых комплексах ограничивается 2-й пол. VI в. до н.э. К этому времени относится и основная масса изображений длинноклювого мифического орла на колчаных крюках и других изделиях. Но, как не связанные со сбруей предметы, они могли использоваться и в 1-й пол. V в. до

н.э. Территория распространения этих изображений – степная полоса от Южного Приуралья до Тувы. За ее пределами встречаются в единичных случаях.

6. Стилизованные изображения «грифона» V–III вв. до н.э. (рис. 1.-35–37). Существенно отличаются от ранних типа «асимметричного листка» (рис. 1.-18–22, 28, 29, 31, 32). Зачастую изображались в виде растительного орнамента. Имеют большое количество вариантов, из которых преобладают два типа головок грифона с телом в виде завитка: с гипертрофированным загнутым вперед ухом без хохолка и гребня (тип I, рис. 1.-35, 37), и находящемся на месте уха и хохолка овальным выступом (тип II, рис. 1.-36). Зачастую они располагаются на концах рогов, хвостов и лопатках мифических существ или ветвей символического древа, а также на чепраках, сумках и других предметах. Представлен в Казахстане и равнинном Алтае в погребениях «золотых людей» кургана Иссык (рис. 1.-35) и в кургане №9 могильника Локоть-4 (рис. 1.-37), а также во Втором и Пятом Пазырыкских курганах, Ак-Алахе-I и на территориях к востоку (см.: Ковалев А.А., 1999; и др.).

Таким образом, в отличие от звериного стиля западной части степного пояса, где образы орлов и грифонов сосуществуют с VII в. до н.э., в Южной Сибири изображения орлов (хищных птиц) без ушей, хохолков и гребня характерны лишь для раннескифского времени, тогда как птичьи головки с ухом, а затем с хохолком и гребнем появляются только в комплексах раннепазырыкского времени (около середины VI в. до н.э.). При этом последние органично замещают орлов в тех же значимых местах конской сбруи, поясов и вооружении. Столь же хорошо прослеживаются различия и преемственность между стилизованными изображениями раннескифского орла и наследующего ему «грифона». В настоящее время есть все основания полагать, что эта смена произошла одновременно с изменениями в погребальной обрядности и инвентаре, произошедшими по всему степному поясу от Южного Приуралья до Тувы около середины VI в. до н.э. Соответственно, изображения орлов и «грифонов» могут считаться надежным хронологическим индикатором при отнесении того или иного комплекса к раннескифскому или последующему времени. Хронологическими и этнокультурными индикаторами являются и другие образы, в том числе ранние (2-й пол. VI – начала V вв. до н.э.) и поздние (V–III вв. до н.э.) стилизованные изображения «грифонов».

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

О.М. Аношко

Тюменский государственный университет

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИТОБОЛЬЕ

Вопросы генезиса и исторической судьбы любой археологической культуры являются наиболее сложными в процессе построения ее историко-культурной модели, что приводит к возникновению многочисленных, иногда противоречивых концепций. Данная ситуация значительно усложняется при исследовании культурных образований переходного времени от бронзового века к железному, когда, по мнению В.А. Могильникова (1992, с. 274–311), происходит трансформация традиционных черт орнаментальной композиции керамических комплексов, вследствие чего критерии определения степени родства тех или иных культур становятся весьма расплывчатыми. Резкие изменения в облике западносибирских культур переходного периода происходили на фоне ухудшения природно-климатической ситуации за незначительный по сравнению с предшествующими и последующими археологическими эпохами промежуток времени.

Памятники позднего бронзового века на территории лесостепного Притобья исследователями относятся к бархатовской культуре, верхняя хронологическая граница существования которой может быть определена в рамках конца IX – начала VIII вв. до н.э. (Матвеев А.В., 1999, с. 112). Совпадение ареалов байтовской культуры раннего железного века и предшествующей ей бархатовской, а также проявления бархатовских орнаментальных керамических и домостроительных традиций в байтовских комплексах позволили Н.П. Матвеевой (1989, с. 97–98) высказать мысль о их генетической связи. Датируются памятники байтовской культуры VII – началом IV вв. до н.э. (Стоянов В.Е., 1970, с. 25; Матвеева Н.П., 1989, с. 99). Если доводить бархатовские комплексы до начала VIII в. до н.э., то оставшаяся лакуна ничем не заполняется. Соглашаясь с точкой зрения о формировании на бархатовской основе байтов-

ской культуры раннего железного века, А.В. Матвеев (1999, с. 113) тем не менее отмечает, что переходные бархатово-баитовские комплексы пока не известны и только их обнаружение будет свидетельствовать о решении поставленной проблемы.

В связи с этой проблематикой встает целый ряд вопросов и среди них – в какой мере на формирование баитовской культуры повлияла историческая обстановка конца позднего бронзового века в лесостепном Притоболье. Красногорский этап развития бархатовской культуры по времени, видимо, совпал с усилившейся миграцией гамаюнских групп населения на рассматриваемой территории (Борзунов В.А., 1987, с. 25; Матвеев А.В., Аношко О.М., 2001, с. 29–31). Прямые археологические свидетельства первых контактов бархатовского с пришлым гамаюнским населением мы находим в керамических комплексах Красногорского, Миасского городищ, поселения Поспелово-I. Именно с этого времени бархатовцы начинают строить оборонительные линии укреплений. Если опираться на радиоуглеродные даты, полученные при исследовании позднейшего из исследованных на Красногорском городище жилища 6, содержавшего развалы не только бархатовских, но и гамаюнских сосудов, то эти контакты должны были начаться не позднее, чем в конце X в. до н.э. (Матвеев А.В., 2000, с. 41).

Результат взаимодействия представителей бархатовских и гамаюнских культур не исследован в связи с отсутствием до настоящего времени соответствующих археологических материалов. Однако археологические исследования В.А. Заха и О.Ю. Зиминой на территории подтаежного Притоболья, в районе слияния рек Тобола и Тапа, привели к открытию комплекса памятников переходного времени, названного ими карагай-аульским (Зах В.А., Зиминая О.Ю., 1999, с. 151–156; 2001, с. 138–149; Зиминая О.Ю., 2002, с. 28–33; 2003, с. 49–53). По мнению исследователей, карагай-аульские материалы поселений Чечкино-2 и 4, Калачик-4, городищ Карагай-Аул-1, 4 представляют собой трансформированный вариант гамаюно-иткульских комплексов нижнего течения р. Туры, отличающийся от них своеобразием фортификационных сооружений, жилищ и керамики (Зах В.А., Зиминая О.Ю., 2001, с. 146–147). На наш взгляд, их своеобразный облик является как раз результатом взаимодействия бархатовских и гамаюнских групп населения. Анализ карагай-аульских керамических материалов свидетельствует о их двухкомпонентности. На опорном памятнике Карагай-Аул-1

можно выделить две группы посуды (Зими́на О.Ю., 2003, с. 51–52, рис. 1 и 2). На одной из них, представленной широкогорлыми приземистыми сосудами с выпуклыми плечиками, доминируют черты, свойственные керамическим комплексам гамаюнской культуры, однако с резким увеличением числа сосудов, орнаментированных гребенчатой техникой, и с отсутствием посуды с крестовым штампом. Улавливаются на посуде этой группы и черты, характерные для бархатовских керамических комплексов, в частности, утолщение в основании отогнутых шеек (Зах В.А., Зими́на О.Ю., 2001, с. 156; Зими́на О.Ю., 2003, с. 49). Вторая группа посуды по сравнению с первой характеризуется наиболее ярким проявлением бархатовских керамических традиций, которые прослеживаются в вытянутых пропорциях и слабой профилировке емкостей, преобладании жемчужин, появлении вертикальных и горизонтальных зигзагов, выполненных оттисками гладкого штампа, а также скобочек. Датируются карагай-аульские материалы по серии дат, полученных при исследовании городища Карагай-Аул-1, в рамках IX–VII вв. до н.э. (Зими́на О.Ю., 2003, с. 52). Сопоставление их калиброванных значений дает возможность предполагать функционирование данного укрепленного поселения в основном в IX, отчасти в X вв. до н.э. Возможно, карагай-аульские комплексы заполняют ту лакуну, которая разделяет памятники позднего бронзового века и начального этапа раннего железного века в пограничной зоне лесостепи и тайги Притоболья. Необходимо отметить, что подобная керамика была обнаружена и в более южных районах левобережья Тобола в окрестностях г. Заводоуковска, на севере лесостепной зоны (Зими́на О.Ю., 2000).

По мнению В.А. Заха и О.Ю. Зиминой (2001, с. 148), с карагай-аульскими материалами преемственно связаны так называемые «лесные байтовские» комплексы, к числу которых указанные исследователи относят городища Вак-Кур-2, Караульный Яр-4, Юртобор-6 и 20, поселение Карагай-Аул-3, находящиеся в подтаежном Притоболье. От лесостепных байтовских памятников их отличает характер жилых сооружений, представлявших собой наземные постройки с ямами и ровиками по периметру; специфический облик керамики: более тонкостенной, чем лесостепная, с меньшей примесью песка и своеобразным волнистым орнаментом. Памятники, сходные с «лесными байтовскими», обнаружены нами и в более южных районах Притоболья, в частности в ходе разведочного обследования Имбиряйского микрорайона Ингальской долины

(Аношко О.М., 2003). На поселениях Большой Имбиряй-5, 9 и 16 зафиксированы наземные конструкции с ровиками по периметру, собрана керамика, очень напоминающая «лесную байтовскую». Результаты наших работ не позволяют однозначно определить относительный и абсолютный возраст названных памятников. Однако важно отметить, что селище Большой Имбиряй-5 находится в непосредственной близости от «классических байтовских» комплексов – городища Большой Имбиряй-3 и поселения Большой Имбиряй-4, а одна из наземных построек селища Большой Имбиряй-16 оказалась частично разрушенной полуземлянкой саргатского поселения Большой Имбиряй-15.

Мы склонны думать, что термин «лесные байтовские» в связи с обнаружением данных комплексов в более южных районах Притоболья требует корректировки. Правда, данное понятие должно уточняться в рамках того обстоятельства, что, судя по имеющимся материалам, «лесные байтовцы» осваивали лишь лесные массивы лесостепного Притоболья. Вместе с тем идентифицировать «лесные байтовские» с «классическими байтовскими» материалами было бы, с нашей точки зрения, также не совсем правильным. Нахождение рассматриваемых памятников в зоне распространения древностей карагай-аульского типа, сходство керамики и жилищ тех и других комплексов позволяют нам считать «лесных байтовцев» особой в культурном и хронологическом отношениях культурной группой. Как нам представляется, она в отличие от сообщества носителей «классической» байтовской культуры была сформирована на карагай-аульской основе.

Имеющийся материал дает нам возможность предположительно наметить некоторые особенности формирования байтовской культуры. На сегодняшний день в Притоболье насчитывается более 100 памятников байтовской культуры, по сравнению с которыми «лесные байтовские» комплексы выглядят довольно малочисленными. На наш взгляд, данное обстоятельство можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, оно является следствием сравнительно недолгого существования рассматриваемого культурного образования, а с другой – отражает, на наш взгляд, подавление карагай-аульских традиций, в частности гамаюнского компонента в процессе его развития. В этом случае пришедшие гамаюнские группы должны были быть небольшими по численности. Их отношения с более многочисленным бархатовским населением, видимо, были

напряженными, что подтверждается появлением укреплений на площади бархатовских поселков. Однако именно во взаимодействии «гамаюнцев» с отдельными группами «бархатовцев» на севере бархатовского ареала формируется карагай-аульский тип памятников. Для карагай-аульских материалов характерно яркое проявление лесных гамаюнских традиций, но постепенно поглощаемых местными традициями, в результате чего сложилась особая группа древностей, называемых «лесными баитовскими». Лишь на северо-западных территориях Притоболья (в нижнем течении р. Туры) гамаюнские традиции были достаточно сильны, что позволило В.А. Борзунову (1982, 1987, с. 25) выделить на данной территории тюменский вариант гамаюнской культуры.

С нашей точки зрения, в это же время в более южных районах в процессе постепенной трансформации бархатовской культуры складывается «классическая баитовская» культура. Наиболее интересен в данном плане керамический материал, полученный при исследовании поселения Заводоуковское-9 и демонстрирующий, на наш взгляд, тесное переплетение гончарных традиций «бархатовцев» и отличительных черт керамического производства «баитовцев» (Матвеев А.В., Аношко О.М., 2002. С. 124–126; Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С., 2003, с. 28–32).

Мы не исключаем возможности того, что в течение какого-то времени на севере лесостепной зоны Притоболья население, оставившее памятники типа Заводоуковское-9, а затем и «классические баитовцы» сосуществовали с так называемыми лесными баитовцами, вступая в тесные контакты. Этому способствовал, вероятно, единый бархатовский компонент в составе данных культурных образований. Плоский срез венчика, круглодонность, высокий удельный вес гребенчатого штампа на баитовской керамике могут рассматриваться как следствие этого процесса. С нашей точки зрения, взаимодействие «классических» и «лесных» «баитовцев» привело к ассимиляции последних на данной территории. Что касается процесса развития «лесных баитовцев» в подтаежном Притоболье, то имеющиеся данные не позволяют интерпретировать его однозначно.

Предложенный вариант реконструкции историко-культурных процессов, имевший место в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Притоболья, гипотетичен и требует апробации на более широком круге археологических источников, но является одним из способов решения данной проблемы.

А.П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН
**К ВОПРОСУ О ГОРОДИЩАХ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ
ОТ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ К РАННЕМУ
ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ**

В настоящее время восприятие археологических комплексов переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Верхнем Приобье отличает широкое разнообразие взглядов исследователей. Например, одни специалисты так называемый большереченский этап (VII–VI вв. до н.э.) интерпретировали как самостоятельную культуру, близкую к завьяловской (Троицкая Т.Н., 1985, с. 54–69). По мнению других исследователей, эта культура располагалась на той же территории, что и большереченский этап (по М.П. Грязнову), и включала те же археологические памятники за исключением тех, где «крестовая» орнаментация керамики отсутствовала (Папин Д.В., 2001, с. 298).

Базовыми археологическими памятниками для выделения завьяловской культуры в Новосибирском Приобье являлись Завьялово-1 (Искитимский район НСО) и Завьялово-5 (Ордынский район НСО), расположенные в устье современного Караканского залива (рис. 1.-1). Это культурное образование рассматривалось Т.Н. Троицкой как синтез местной ирменской традиции и пришлой из глубин таежной Сибири. Однако завьяловское население, по ее предположению, продолжало сосуществовать с местным позднеирменским населением, вступая с ним в экзогамные брачные отношения (Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980, с. 146).

Идея о значительной роли миграционной волны с севера в процессе формирования культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу в верхнеобском регионе активно поддерживается такими известными сибирскими археологами, как М.Ф. Косарев и В.И. Молодин. Согласно этой точке зрения носители керамики с крестовой орнаментацией накладываются на позднеирменский пласт, маркируя тем самым определенный хронологический рубеж (VIII в. до н.э.). Однако наряду с признанием роли миграционной активности северного населения основным историческим содержанием переходного периода является внутреннее развитие ирменской культуры на последнем этапе ее существования.

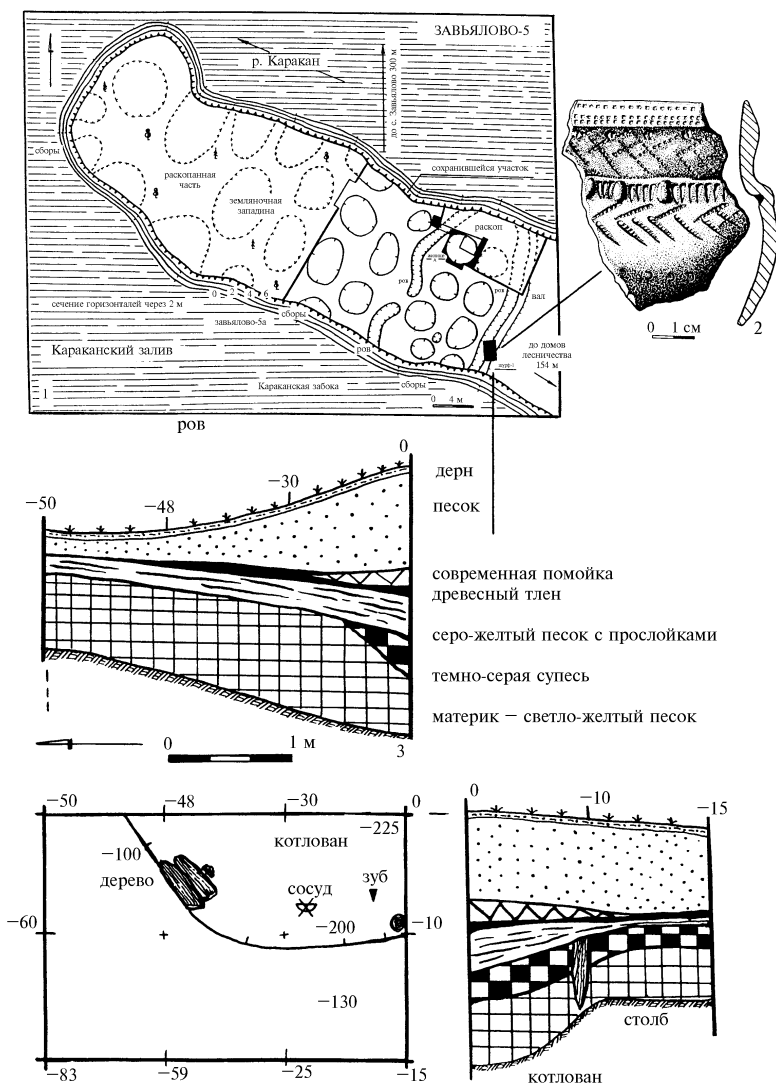

Рис. 1. «Городище» Завьялово-5
и его «оборонительные сооружения»: 1 – план памятника;
2 – фрагмент сосуда из раскопа котлована жилища под «валом и ров»;
3 – раскоп части котлована жилища под «валом и ров» Завьялово-5

По мнению автора настоящей публикации, возможность масштабных миграций северного населения на юг в Верхнее Приобье (включая Новосибирское) вряд ли очевидна. Прежде всего потому, что в ирменскую эпоху эта территория была достаточно плотно заселена, а возможно, и поделена между различными, многолюдными этнотерриториальными группами. Предположение о миграции может быть корректным лишь в том случае, если удастся доказать существенную депопуляцию Верхнего Приобья к середине первой трети I тыс. до н.э., произошедшую из за целого ряда причин. Безусловно, одним из таких факторов вполне могло быть «вторжение» с севера. Еще недавно эта точка зрения вроде бы имела под собой фактические основания. Считалось, что именно в этот период возникают первые укрепленные поселения – городища. Тем не менее исследования последних лет позволяют внести определенные коррективы в такие предположения.

В настоящее время реально существовавшим городищем позднеирменского населения можно считать только Батурино-1 (Колыванский район НСО), расположенное на левобережье Оби у кромки южной тайги (Матвеев А.В., 1979, с. 24–30; Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н., 1996, с. 124–125). Наличие городищ южнее по кромке ленточных боров Новосибирского Приобья сегодня с археологической точки зрения достаточно проблематично. Например, «городище» Завьялово-1 (Искитимский район НСО) известно лишь только из словесных достаточно неточных описаний, реальных археологических фактов существования оборонительных сооружений переходного времени на этом памятнике не сохранилось. Расположенный недалеко от него археологический комплекс Завьялово-5, судя по раскопкам автора 1997 г. (Бородавский А.П., 2002, с. 83), далеко не всегда располагает теми оборонительными сооружениями, которые вошли в хрестоматийные описания этого памятника. Так, юго-восточный край внешнего довольно значительного по размерам рва и вала является более поздним образованием, перекрывающим на довольно значительной глубине (около 1,5 м) котлован позднеирменского жилища (рис. 1.-3). Раскопки на этом участке позволили выявить под мощной песчаной прослойкой, формирующей рельеф этих «оборонительных сооружений», бытовую свалку середины прошлого столетия. Сами верхние песчаные отложения были сформированы, по рассказам местных жителей, при разравнивании вертолетной площадки у лесничества

приблизительно в то же время. Поэтому песчаный балласт видоизменил рельефный вид памятника и перекрыл значительную часть его поселенческой площадки. Жилище, выявленное под «рвом и валом», относилось к полужемляночному, каркасно-столбовому типу. Глубина подпрямоугольного котлована составляла до 60–70 см от материковой поверхности. Деревянные конструкции продольной кровли и опор из тонких бревен сохранились благодаря пожару в жилище. Около стенки котлована зафиксирован развал позднеирменского сосуда (рис. 1.-2). За пределами внутреннего рва Завьялово-5 в межжилищном пространстве выявлена косторезная площадка. Она отличалась повышенной насыщенностью артефактов и наличием крупного фрагмента расчлененной лосиной лопатки с роговым разветвлением, которая могла представлять либо отходы производства, либо являться заготовкой, уложенной на грунт для естественного размягчения.

Исследования внутреннего рва на Завьялово-5 показали его незначительные размеры. Скорее всего, он выполнял роль ограждения, аналогичного тому, что известно на более поздних ранне-средневековых верхнеобских «городищах». Сходная ситуация прослежена на еще более южном памятнике обского правобережья – Ивановка-3. Здесь автором была обнаружена керамика с крестовым орнаментом, а «городище» также имеет ров, относящийся, скорее всего, к другому историческому периоду – эпохе раннего средневековья (Бородовский А.П., 1995, с. 30). Следует подчеркнуть, что и на Завьялово-5 в непосредственной близости с малым внутренним рвом в культурном слое известны находки верхнеобской ранне-средневековой керамики.

Кроме того, безусловное «связывание» появления оборонительных сооружений переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку, с миграцией северного населения требует новых фактов и безусловного расширения своей источниковой базы. Поэтому существование далеко на севере ирменского городища Батурино-1, скорее всего, свидетельствует о стремлении закрепить за собой ирменским населением «новые территории» или «сдерживать» продвижение с севера, если такое в массовом порядке было возможным. На самом деле речь могла идти лишь об эпизодической инфильтрации северного населения в местную среду позднеирменского населения, которая вряд ли существенно могла изменить его облик. Тем не менее, если говорить о явлении экзогамии исключительно на материалах керамического комплекса (Тро-

ицкая Т.Н., Мжельская Т.В., 1994, с. 80–81), то в настоящее время только такой аргументации уже недостаточно. Экзогамия, как интересная гипотеза у населения переходного времени, конечно, заслуживает внимания но, безусловно, требует развернутых доказательств, прежде всего исключительно стратиграфических наблюдений об одновременном существовании разнокультурной керамики в пределах одного археологического комплекса.

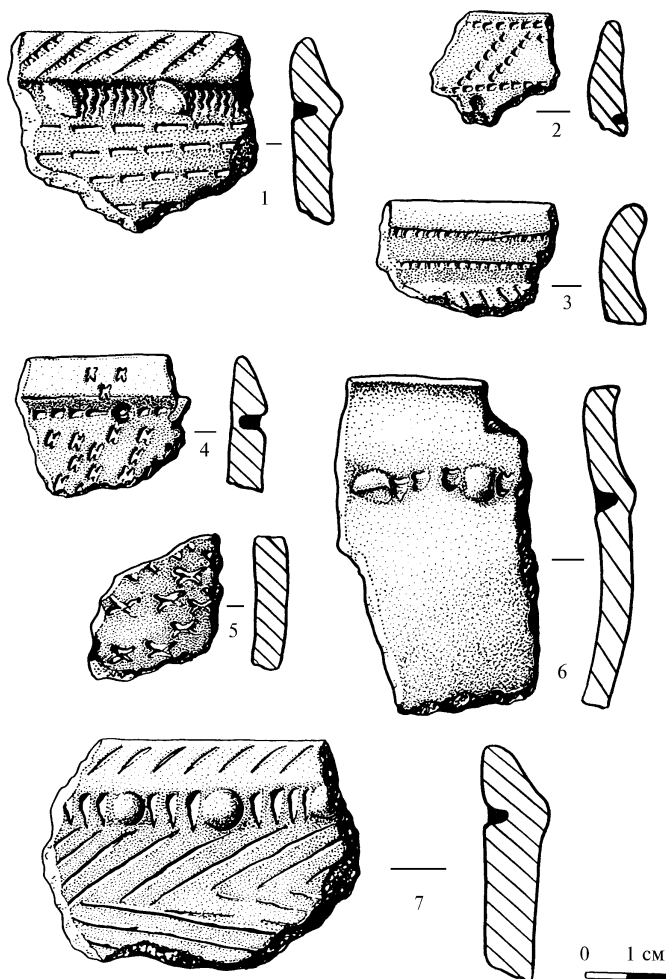

Рис. 2. Керамика из заполнения хозяйственной ямы Завьялово-5

Для Завьялово-1 из-за сильных разрушений этого памятника установить такую последовательность вряд ли уже удастся. Крестовая и позднеирменская керамика до сих пор встречается в сборах. Иногда «крестовый» орнамент бывает почти незаметно «вкраплен» в декор позднеирменской посуды. Проведение исследований автора публикации на Завьялово-5 не позволяет говорить однозначно о сосуществовании позднеирменского и «крестового» керамического материала. Он встречается выборочно на всей площади памятника или массовыми сериями скапливается в хозяйственных ямах, перерезающих позднеирменские жилища (рис. 2.-4, 5). При этом фрагменты керамики с крестовым орнаментом находятся на самом дне (как более поздний материал?!), а позднеирменская керамика (более ранняя?!) встречается значительно выше в выкиде из ямы.

В целом все эти данные заставляют признать, что проблемы появления городищ на территории Новосибирского Приобья, характера миграций и вариантов сосуществования различных групп населения в переходное время от эпохи поздней бронзы к раннему железу все еще продолжают оставаться актуальными и требуют осмысления новых фактов для объективного решения.

В.В. Варфоломеев

Карагандинский государственный университет

им. Е.А. Букетова

КУЛЬТУРА ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ АЛТАЙСКО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Успехи в исследовании памятников степной и лесостепной зоны от Урала до Алтая в последней трети XX в. окончательно определили хронологическую и культурную самостоятельность огромного контингента памятников, характеризующихся прежде всего керамикой валикового облика. Следствием этого стало выделение саргаринской (Зданович С.Я., 1974, с. 317–321; 1979) или алексеевской культуры (Потемкина Т.М., 1979, с. 19–30; Евдокимов В.В., 1984). Поселения бегазы-дандыбаевской культуры (далее – БДК) Центрального Казахстана отнесены к общности культур валиковой керамики (Черных Е.Н., 1983, с. 87). Были объединены в одну культуру поселенческие и погребальные комплексы БДК (Аванесова Н.А., 1979; Варфоломеев В.В., 1991). На востоке Казахстана валиковые древности известны по раскопкам С.С. Черникова (1960) и

А.С. Ермолаевой (1987, с. 64–94). В степной и лесостепной части Алтая также выделен мощный пласт поселений валиковой керамики (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 104–128; Ситников С.М., 2002). Известны памятники с валиковой керамикой в Омском Прииртышье – Большой Лог и Жар-Агач (Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993). Сравнительно недавно были опубликованы материалы раскопок семиреченских поселений с посудой валикового типа (Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 2001, с. 112–122; Григорьев Ф.П., 1998).

Памятники валиковой принадлежности степного и лесостепного Притоболья, Казахстанского Приишимья, Алтая в настоящее время многие исследователи объединяют в рамках саргаринско-алексеевской культуры (далее – САК). В ареал этой культуры следует также включать Центральный, Восточный Казахстан и Семиречье. Базовые поселения САК – Атасу-I, Бугулы-II, Мыржик, Кент, Донгал, Копа-I, Шортанды-Булак, Саргары (Сарыарка), Алексеевка, Камышное-II, Язево-I (Притоболье), Ильинка, Новоникольское-I, Петровка-III, Петровка-IV (Петропавловское Приишимье), Калиновка-II, Новоильинка, Рублево-VI, Бурла-III, Кайгородка-III (Алтай), Малокрасноярка и Трушниково (Восточный Казахстан), Тургень-II (Семиречье). Могильники САК – Айдарлы (Маргулан А.Х. и др. 1966, с. 183–186), Саргары, Жукей, (Зданович Г.Б., 1988, с. 149; Мартынюк О.И., Зданович С.Я., 1985, с. 142–152), Донгал, Дермен, Кштан (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 44–51; Варфоломеев В.В., 1988, с. 82–93), Актопрак (Ткачев А.А., 1989), Картугай (раскопки В.Г. Ломана, И.А. Кукушкина), Тегисжол (раскопки И.В. Рудковского, В.В. Варфоломеева). Названные могильники – типичные памятники большинства социума глубинных территорий САК. Захоронения представителей элитной части носителей САК в Сарыарке – известные мавзолеи могильников Дандыбай, Бегазы, Бугулы-III, Сангру-I, Айбас-Дарасы, Енбек-Суй-гуш (Грязнов М.П., 1952; Маргулан А.Х., 1979; Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 52, 53). В Северном Казахстане известно более 40 поселений и один могильник САК (Зданович Г.Б., 1988, с. 149), в степях Казахского низкогорья – около 50 поселений и 36 могильников (включая эпонимный комплекс Саргары), на западе Алтайского края – 32 поселения и 3 могильника (Ситников С.М., 2002, с. 9). Западные территории и периферия САК исследованы пока еще недостаточно.

Интегрирующей категорией находок в памятниках САК является прежде всего керамика степного валикового типа. Это в основном нелощенные сосуды горшечных форм. Орнаментировано от 18 до 44% сосудов. Валик налепной или формованный, чаще всего он украшался оттисками палочки или ногтя, пальцевыми защипами. До 10% сосудов имеет воротничок под венчиком. Преобладает техника гладкого штампа, резная и гребенчатая применялись реже. Орнамент – наклонные отрезки, вдавления, пересекающиеся отрезки, сетка, оттиски ногтя, защипы пальцами, редко – равнобедренные треугольники, сосцевидные налепы, «лесенка» и др. Такая керамика формирует весь комплекс посуды на небольших поселениях Сарыарки, Притоболья, Приишимья. На алтайских памятниках и поселениях протогородского типа Сарыарки она дополнена «бегазы-дандыбаевской» и станковой. Валиковая посуда найдена во всех погребениях БДК, за исключением мавзолея 1 могильника Бегазы и мавзолея 1 могильника Сангру-I. Другие категории инвентаря САК:

- бронзовые ножи-кинжалы с кольцевым упором, ножи с кольчатыми рукоятями, серпы сосново-мазинского типа, двулопастные втульчатые наконечники стрел, втульчатые желобчатые и плоские тесла, иглы, бляшки со шпеньком;

- роговые трехдырчатые псалии; резная кость;

- разнообразный каменный инструмент.

По размерам поселения делятся на три группы: малые (до 3–5 тыс кв.м), средние (до 20–30 тыс.кв.м), крупные (до 70–300 тыс. кв.м). Жилая архитектура представлена остатками полуземляночных построек прямоугольного плана.

На современном этапе изученности САК погребальные памятники наиболее полно представлены в Центральном Казахстане. Почти все конструкции сооружались с применением камня. Господствует квадратная или близкая к ней планировка. По размерам выделяется минимум две группы погребений: 1 – «рядовые», 2 – погребения знати. В обеих группах имеются погребения на уровне материка и заглубленные. Могильники с материковыми погребениями расположены рядом с поселениями САК. Поселений, расположенных вблизи некрополей с углубленными могилами, не зафиксировано. Видимо, этот факт следует объяснять традицией сезонных погребений в условиях отгонно-яйлажного скотоводства.

Размеры могильных оград сооружений I группы от 1,4х1,2 до 4,7х4,3 м. Ограды образованы из плашмя уложенных плит в один или несколько рядов. Реже – способом вертикальной установки

плит. Преобладает ориентировка углами по сторонам света. Погребальные камеры:

- каменные ящики на уровне материка;
- каменные углубленные ящики с вертикальной облицовкой из плит;
- каменные углубленные ящики с наклонной установкой плит;
- грунтовые могилы с перекрытием из плит.

Способ погребения – ингумация. Поза: скорченно на левом боку – 6 случаев, на правом боку – 6, на спине вытянуто – 3, сидя – 1. Также нестабильна ориентировка погребенных: головой на северо-восток – 7, юго-запад – 2, юг – 2, северо-запад – 1, север – 1. Количество сосудов – 2–3, редко больше. Керамика саргаринская, в крупных сооружениях есть «бегазы-дандыбаевские» сосуды.

Погребения группы 2 всегда совершались в каменных ящиках или цистах размером до 6х6 м. Размеры оград до 15х15м, высота до 2–3,5 м. Иногда имеется вертикальная каменная облицовка. Количество сосудов до 40–50. В обеих группах часть сосудов вкопана во внутриоградном пространстве за пределами могилы. Во второй группе преобладают сосуды «бегазы-дандыбаевского» облика (полностью опубликованы только коллекции из Дандыбая).

Объединяющими признаками двух групп погребений являются общие приемы строительства сооружений, грунтовые ямы вдоль стен оград, наличие углубленных и материковых могил, валиковая керамика, а также отдельные категории инвентаря: бронзовые иглы, кинжалы с кольцевым упором, бляшки со шпеньком; иногда куски медной руды и охры, каменные орудия – мотыги, молот, зернотерка, лопатка. При условии признания суперстратного происхождения «бегазинской» посуды погребения первой и второй групп можно объединить в рамках единой культуры (САК), а различия интерпретировать факторами социокультурного значения.

Территорией формирования САК были степи от Зауралья до Алтая. Она обозначается памятниками с керамикой, близкой черкаскульской. Это широкогорлые горшки плавной профилировки с орнаментом в виде угольковых и полукруглых вдавлений, каннелюр, треугольников, заштрихованной «лесенки», рассеченного или гладкого валика разной ширины, групп и рядов наклонных отрезков и каплевидных вдавлений. Подобная керамика найдена в Зауралье в могильнике Приплодный Лог-I (Малютина Т.С., 1984, с. 58–79, рис. 6.-1, 2, 4, 5, 7; 7.-2, 3, 5, 6), в Сарыарке на поселениях Кент и

Мыржик и на Алтае в слое поселения Калиновка-II (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 108, рис. 2). В отличие от черкакульской эта посуда не имеет отошителя в виде талька. Она сохраняет высокое сходство с федоровско-бишкульской керамикой и в то же время близка саргаринской. Но классическая валиковая керамика сконструирована в традициях алакульского гончарства (Ломан В.Г., 1993, с. 29–30).

Антропологический тип «саргаринцев» повторял физический облик «алакульцев» (мнение В.А. Дремова). Вероятно, формирование САК происходило в условиях взаимодействия «федоровцев» и «алакульцев» с последующей ассимиляцией первых алакульским населением.

В истории САК прослеживается три этапа развития, укладываемых в рамки третьего периода позднего бронзового века – XIV, XIII–X, IX вв. до н.э. (Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В., 1990, с. 34–37).

Ранний этап представлен памятниками с керамикой «черкакульского» облика: погребения III группы могильника Приплодный Лог-I, поселения Алексеевка, Калиновка-II, Кент, Мыржик.

Средний этап (в Сарыарке – кентский) – поселения Алексеевка, Камышное-II, Язев-И, Атасу-I, Кент, Мыржик, Шортанды-Булак, Ильинка, Петровка-III, Новоникольское, Калиновка-II, Новоильинка, Рублево-VI, Жар-Агач, Малокрасноярка; могильники Бегазы, Дандыбай, Бугулы-III, Айбас-Дарасы, Донгал, Саргары, Тегисжол, Айдарлы и др.

Поздний этап (в Сарыарке – донгальский) представлен поселениями с керамикой донгальского типа: Донгал, Тагибай-Булак, Горелый Кордон, Трушниково. В Пришимье – поселение Петровка-IV.

Экономической основой саргаринских обществ Казахстана и Сибири было комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство с преобладанием скотоводства, которое в Сарыарке и Кулундинской степи было представлено отгонно-яйлажным типом. Огромные возможности для экономического и социального прогресса племен Сарыарки предоставляло обилие металла.

Выделение в восточной зоне ОКВК одной – саргаринско-алексеевской культуры, видимо, является отражением реальной этнокультурной общности, которое требует дальнейшей проработки исторических, стадийных, экономических, социальных и локаль-

ных аспектов. Объединение в одну культуру памятников САК и БДК вновь поднимает проблему терминологии. В Казахстане название БДК закрепилось в науке, образовательной и культурной сферах. Поэтому я отказываюсь от предложенного в 1991 г. наименования «дандыбай-саргаринская культура» (Варфоломеев В.В., 1991, с. 17). Считаю названия БДК и САК синонимичными. Учитывая определенное неудобство употребления в русском языке композитных терминов, предлагаю использовать в качестве третьего синонима название «дандыбаевская культура». Тем более, что могильник Дандыбай, исследованный в 1933 г. М.П. Грязновым, был первым открытым памятником БДК – САК.

С.К. Васильев, Н. Бенеке, В.И. Молодин, Г. Парцингер
Институт археологии и этнографии СО РАН;

Германский археологический институт

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПАМЯТНИКА
ЧИЧА-1 (2000–2002 гг.)**

Предварительный анализ остеологического материала первых трех лет раскопок городища Чича-1 (Васильев С.К. и др., 2000, 2002) позволил выявить ряд специфических особенностей хозяйственной деятельности древнего населения Барабинской лесостепи в переходное от бронзы к железу время. Исходя из данных этого анализа можно говорить о том, что на территории поселения существовало две группы жилых комплексов, принадлежащих носителям различных культурно-хозяйственных укладов. Первая группа (раскопы 2, 3, 6, 7, 8, 11 и 13) приурочена к краю озерной террасы, вторая (раскопы 1, 5, 10, 12, 14 и 15) располагается в центральной части поселения.

Анализ количественного соотношения основных домашних и охотничье-промысловых видов по различным раскопам показал, что в жилищах, находящихся у края озерной террасы, резко возрастает количество охотничье-промысловых зверей, в первую очередь лося. Так, если в жилищах центральной части поселения доля костей лося составляет в среднем лишь 1,3%, от числа определяемых костных остатков (от 0,4% в 1 раскопе, до 2,4% в 5-м), то в группе жилищ по краю террасы эта цифра в среднем достигает 20,4% (от 9,8% в 6 раскопе до 29,7% в 13-м). Интенсивная охотничья дея-

тельность сопровождалась увеличением поголовья лошадей при одновременном резком сокращении количества коров. По числу костных остатков лошадь здесь в среднем в 3,5 раза (от 2,4 раза в 6 раскопе, до 15 раз в 13-м) превосходит остатки коровы, тогда как в центральной части поселения кости коров преобладают над костями лошадей в среднем в 1,3–1,4 раза. Доля костей собак у прибрежных жителей почти втрое (5,2 и 1,8%) превышает аналогичный показатель в центральной части памятника. Более существенное значение в первой группе жилищ имела также рыбная ловля и охота на водоплавающую птицу.

Остеологические материалы показывают таким образом, что основой хозяйственного уклада обитателей центральной части поселения было разведение коров и лошадей (с преобладанием первых), охота же не имела у них сколько-нибудь существенного значения. Напротив, обитатели жилищ у края озерной террасы существенное внимание уделяли охоте на лося (и возможно, на дикую лошадь), разведению лошадей и рыбной ловле. Коровы здесь отмечены в количестве в 3,5 раза меньшем, чем лошадь, собаки – почти в 3, а овцы и козы – в 2 раза большем, чем в центральной группе жилищ. На всей территории городища присутствует незначительное количество остатков свиньи, часть из которых несомненно относится к домашней форме; в прибрежной части поселения они встречаются в 7 раз чаще, чем в центральной.

Весьма различаются выделенные комплексы и по своим тафономическим особенностям. Для центральной части поселения характерна сильная фрагментарность материала и его плохая сохранность, особенно на уровне пола жилищ, где обломки костей сильно разрушены воздействием органических кислот и имеют известковистую, рыхлую структуру. Возможно, это связано с достаточно сильной унавоженностью пола помещения, что могло происходить при домашнем содержании молодых животных в зимнее время. Подобное положение вещей было зафиксировано при раскопках жилищ ирменской культуры в соседнем с Барабой Приобье (Матвеев А.В., Сидоров Е.А., 1985). Целиком здесь сохранились, как правило, лишь изолированные зубы и мелкие кости дистальных отделов конечностей. Часть остатков из 12, 15, и, особенно 14 раскопов, имеет вид жженого костного щебня. Кроме того, кости из верхних горизонтов центральной части поселения дополнительно пострадали из-за переотложения в результате многолетней вспашки.

Сводная таблица

Видовой состав и количество костных остатков
на поселении Чича-1 (2000–2002 гг.)

Вид	Раскоп 1, 5, 10, 12, 14, 15	Раскоп 2, 3, 6, 7, 8, 11, 13
Собака	88/13	351/44
Свинья	4/3	27/7
Лошадь	1829/45	2771/63
Корова	2457/59	794/26
Овца-коза	180/17	338/29
Заяц-беляк	3/2	27/5
Бобр	2/2	10/5
Хомяк		7/3
Цокор	10/4	3/2
Водяная полевка	9/3	12/7
Лисица	14/3	28/7
Волк		1/1
Медведь		22/6
Куница	11/5	171/16
Росомаха	1/1	7/3
Хорь степной		11/2
Барсук	9/4	7/4
Косуля	2/1	14/5
Лось	66/9	1238/38
Тур (?)	1/1	1/1
Сайгак		1/1
Рыбы	78	789
Птицы	16	95
Неопределимые обломки	34241	24668
Всего костных остатков	39070	31484

Напротив, приозерная группа жилищ отличается значительно лучшей полнотой и сохранностью костных остатков. Доля определимых костей здесь почти вдвое (21,7% против 12,4%) превышает аналогичный показатель для первой группы. Отмечены находки целых трубчатых костей, в особенности метаподий. Наилучшие условия для захоронения костей наблюдаются в раскопах 8 и 13, на откосе озерной террасы, использовавшейся, по-видимому, в качестве свалки. Большинство костей здесь имеют следы многочислен-

ных погрызов собаками, встречаются также копролиты и характерные фрагменты костей со следами кислотной коррозии под воздействием желудочного сока.

Выявленные модели различной хозяйственной направленности коррелируются с двумя выделяемыми культурными типами, представленными на памятнике и определяемые спецификой керамических комплексов, существовавших вместе с тем в одно и то же время, о чем свидетельствуют узко датирующие предметы, обнаруженные в разных местах памятника. Культурная автохтонность, составляющая основу комплекса, зафиксированного при раскопках прибрежной части (цитадели), свидетельствует о продолжении ирменской традиции в ее завершающей (позднеирменской (Молодин В.И., 1985)) стадии.

Совсем иные (пока еще не вполне понятные, и поэтому культурно не диагностированные) традиции выявляются на остальной части памятника. О взаимодействии носителей этих традиций неопровержимо свидетельствует взаимовстречаемость доминирующих на разных участках керамических комплексов; при этом объем их на участках соседей резко нивелируется, но тем не менее обязательно присутствует.

Детальное морфометрическое исследование остеологического материала отложено до полного завершения раскопок. Предварительно можно отметить, что древними обитателями городища разводилась очень мелкая порода *Bos taurus* (с преобладанием в стаде коров, что, возможно, свидетельствует о его молочной направленности), и сравнительно не крупная домашняя лошадь. Наряду с остатками этой лошади в приозерной части поселения около половины костей принадлежит лошади гораздо более крупной, по размерам мало отличающейся от позднеплейстоценовой *Equus ex.gr. gallicus* юга Западной Сибири. Не исключено, что какая-то часть остатков лошадей может относиться к дикой форме – тарпану, обитавшему в Барабе вплоть до конца XVIII в. (Гептнер В.Г. и др., 1961).

Не подтвердились находки костей мелкой лошади, определявшиеся ранее как принадлежащие кулану или домашнему ослу (Васильев С.К. и др., 2000, 2002). Указанные остатки чрезвычайно сильно обожжены, трещиноваты и кальцинированы, что повлекло за собой существенную усадку кости в размерах. По мнению П.А. Косинцева (устное сообщение), все они несомненно относятся к той же форме домашней лошади, разводившейся на поселении.

Значительное количество остатков лесной куницы, добывавшейся исключительно ради пушнины, объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что на поселение доставлялись замороженные тушки пойманных в ловушки зверей. Как известно, мяса куньих избегают даже собаки, и поэтому большинство из элементов скелета куниц сохранилось целиком, но часть хрупких трубчатых костей оказалась раздавленной при постепенном втаптывании их в культурный слой.

Остеологические материалы по диким млекопитающим позволяют реконструировать палеогеографическую обстановку VIII–VII в. до н.э. в районе городища. Здесь, несомненно, господствовали лесостепные ландшафты, но, очевидно, более остепненные, чем в настоящее время. Указанием на это служит присутствие в слоях остатков цокора, сайгака и степного хоря, и еденичность костей козули, весьма многочисленной в современной лесостепи. Одновременно отмечено проникновение с севера типично таежного вида – росомахи. Впрочем, находки костей росомахи и сайгака все же единичны в слоях городища и отражают лишь их случайные дальние проникновения к югу (северу) от основной части ареала. Такие виды, как бобр, медведь, куница и лось, в свете новых терио- и палеотериологических исследований могут рассматриваться как исконные обитатели лесостепной зоны Западной Сибири, окончательно исчезнувшие здесь в XVIII–XIX в. под влиянием антропогенного фактора.

В.П. Костюков, А.В. Епимахов

Челябинский государственный педагогический университет;

Южно-Уральский государственный университет

**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ
ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ**

Конец бронзового века остается одним из наименее обеспеченных археологическими источниками периодов древней истории Южного Зауралья. Хотя первые материалы по нему получены еще в начале XX в., количество находящихся в научном обороте памятников вряд ли может удовлетворить специалистов. Острый дефицит информации в первую очередь ощущают те из них, кого инте-

ресуют локальные и общие проблемы смены оседлых культур эпохи бронзы кочевыми культурами раннего железного века.

В фонде источников финальной бронзы Южного Зауралья ныне абсолютно преобладают поселения. Правда, известны они почти исключительно по разведочным отчетам и потому ни типологически, ни хронологически не выстроены. Предварительный анализ данных разведок и единичных стационарных исследований позволяет сделать следующие выводы: наиболее крупные поселения располагаются в долинах больших рек; топография ряда поселков указывает на маловодность рек сравнительно с их современным режимом; разведочные шурфы нередко фиксируют кратковременность заселения; коллекции костей домашних животных демонстрируют повышение доли лошади в стаде; верхняя дата заходит в VII в. до н.э. (Vinogradov N.B., Yepimachov A.V., 2000).

Погребения крайне немногочисленны. Составленный нами свод погребальных комплексов включает одиночные курганы Соколок (3 погребения), Белоключевка-7 (2 погребения), Дружный-XIV (1 погребение), Черняки (1 погребение), Ильяский-II (1 погребение), у с. Смеловское (2 погребения), Макан-1 (1 погребение), могильники Верблюжьи Горки (2 кургана, 2 погребения), Шатрово-1 (2 кургана, 3 погребения), «У поворота...» (2 кургана, 3 погребения), отдельные курганы в составе разновременных некрополей Сарбулат-2 (1 курган, 2 погребения), Сукраковский-II (1 курган, 1 погребение), Кизильский (1 курган, 1 погребение), грунтовые погребения на поселениях Журумбай-2 (1 погребение), Синташта (1 погребение). В итоге мы располагаем сведениями, весьма неравноценными по степени полноты, всего о 25 погребениях (16 курганов и 2 грунтовых захоронения). Возможно, этот список может быть несколько расширен за счет плохо документированных раскопок начала XX в. близ Челябинска.

В имеющейся выборке погребальных материалов намечаются контуры двух групп, различие между которыми, вероятно, хронологическое. Большинство памятников относится к последним векам эпохи бронзы, а собственно временем перехода к РЖВ должны датироваться Макан-1 и Верблюжьи Горки. Своеобразие «поздней» группе придают такие черты, как западная ориентировка и слабая степень скорченности покойных, находки железных ножей, втульчатых наконечников стрел из кости и др. За мизерностью

данных обсуждение культурной составляющей этой группы пока бесперспективно.

«Раннюю» группу памятников объединяет довольно длинный ряд общих параметров. Курганы в большинстве случаев локализованы в ситуации, не типичной для могильников эпохи бронзы – на удалении от русла, с большим превышением высотных отметок площадки памятника над уровнем водоема. Не известны могильники, включающие более двух надмогильных сооружений. Подавляющее большинство насыпей земляные. Использование камня достоверно зафиксировано в пяти курганах (каменная насыпь, обкладка основания земляной насыпи, стела у края земляной насыпи, перекрытие плитами могильных ям). Конфигурация каменных конструкций может быть как округлой, так и подпрямоугольной. Независимо от вида используемого материала размеры насыпей очень небольшие. Наряду с одномогильными комплексами есть курганы со сдвоенными ямами, судя по всему, соорудившимися одновременно; лишь в одном случае на подкурганной площадке были устроены 3 могилы. Могильные ямы очень мелкие и тесные, едва достаточные для размещения покойных даже в тех случаях, когда они предназначались для погребения двух человек. Почти все захоронения совершены по обряду труположения. Единственное исключение – курган из могильника Сарбулат-2 с двумя парциальными захоронениями. Следы огня встречаются редко. Стандартная поза погребенных – скорченно на правом (редко левом) боку с кистями рук, зафиксированными у лица. Степень скорченности, как правило, очень сильная. Сочетание право- и левобочного положения в пределах одной могилы встречено лишь однажды. Ориентировка покойных чрезвычайно устойчивая – головой к югу (иногда с отклонением к западу).

Инвентарь чаще всего представлен керамическим сосудом, установленным близ головы покойного в пределах могильной ямы или за ее границами. Небрежная по исполнению лепная посуда характеризуется плавной профилировкой, плоским дном, сильно раздутым туловом, короткой, слабо отогнутой шейкой, округлым или приостренным венчиком. Орнаментация (прочерченные горизонтальная и вертикальная «елочка», косая «сетка», а также ряды горизонтальных вдавлений) размещена исключительно в верхней части сосуда или отсутствует вовсе. В придонной части изредка наблюдаются пальцевые вдавления. Особо следует подчеркнуть

полное отсутствие рельефных элементов украшения посуды – «валиков», давших название культурно-хронологическому горизонту (Черных Е.Н., 1983). Металлический инвентарь ограничивается минимальным числом украшений, из коих наиболее значимой категорией являются полусферические бляшки с петлей на обороте; оружия и орудий труда среди вещей нет. Не менее трех погребений не имели инвентаря.

Таким образом, выборка демонстрирует в целом высокую степень внутреннего сходства по таким признакам, как топография памятников, материал и размеры надмогильных сооружений, количество могильных ям на подкурганной площадке, размеры и форма могил, поза и ориентировка погребенных, локализация сосудов в могиле, форма и орнаментация сосудов, количество и разнообразие инвентаря.

В литературе памятники финальной бронзы Зауралья обычно определяются как саргаринские (Зданович Г.Б., 1988), алексеевские (Потемкина Т.М., 1985; 1995), либо саргаринско-алексеевские (Ткачев А.А., 2002). Ранее нам уже приходилось высказываться по данному вопросу (Костюков В.П. и др., 1996; Костюков В.П., 1999; Vinogradov N.B., Yepimakhov A.V., 2000). Мы полагаем, что развернутого обоснования такой атрибуции нет: при явном недостатке источников она покоится по существу лишь на общей культурной основе предшествующего периода. И только сейчас, когда круг погребальных источников расширился до минимально приемлемого уровня, становится возможным аргументированное обсуждение культурного содержания периода финальной бронзы в Южном Зауралье.

Сопоставление вышеописанной серии с «классическими» саргаринскими погребениями (Зданович С.Я., Малютина Т.С., 1976) обнаруживает их разнородность. В частности, она совершенно очевидна в конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, ориентировке покойных и облике керамики. Не больше сходства можно найти и при сравнении рассматриваемой группы с межовскими погребальными памятниками. Обособленность от синхронных, территориально смежных культур финальной бронзы дополняется своеобразием в диахронном плане. Как известно, ряд фактов позволяет предполагать, что в Зауралье культурам финальной бронзы предшествовала федоровская культура. Однако какие-либо явные черты преемственности между федоровскими погребе-

ниями (с абсолютным доминированием в них кремации, развитыми традициями каменной погребальной архитектуры, специфическим обликом керамики и пр.) и погребальной обрядностью финальной бронзы не фиксируются. Впрочем, о наличии или отсутствии генетической связи рассматриваемых погребений с местными культурами эпохи поздней бронзы можно высказываться с равной долей неопределенности, уже замечено, что в культурах финальной бронзы «...иногда с трудом улавливаются элементы культур, им предшествующих и участвующих в их формировании» (Потемкина Т.М., 1995, с. 15).

Вместе с тем для нас очевиден ряд несомненных параллелей с погребальной обрядностью ирменской культуры, которые просматриваются как по основным, так и по частным признакам. В этой связи гипотеза о зависимости культуругенеза населения Урала и более западных областей от «выброса» ирменской культуры из Прииртышья, базировавшаяся, преимущественно, на анализе керамики и случайных находках карасукских кинжалов (Членова Н.Л., 1981; 1994), приобретает дополнительную аргументацию.

Сейчас трудно судить, какие процессы стали причиной появления многолинейного пучка ирменских соответствий в погребальном обряде, одном из самых консервативных компонентов культуры. В целом мы не склонны заранее сводить историческое содержание периода финальной бронзы Южного Зауралья исключительно к миграции ирменского населения. С другой стороны, нужно признать, что в этот период для дальних миграций имелись и достаточно веские побудительные причины, и условия успешного осуществления (Уманский А.П., 1994). Вполне вероятно, что ситуация, фиксируемая в Южном Зауралье, – часть глобальных процессов, охвативших зону Евразийских степей в связи со становлением и распространением подвижных форм скотоводства.

Модели культуругенеза, а равно и механизмы перехода к номуадизму различались для каждой из локальных территорий. Как представляется, для Южного Зауралья перспективы решения этих проблем сейчас связаны прежде всего с раскопками поселенческих памятников. Помимо прочего, они, следует надеяться, дадут материал для построения системы относительной и абсолютной хронологии периода, что в свою очередь позволит более предметно обращаться к ближним и дальним аналогиям.

Н.А. Кулик, В.И. Молодин, Г. Парцингер, О.И. Новикова,
А.Е. Гришин, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, Й. Шнеевайсс

Институт археологии и этнографии СО РАН;

Германский археологический институт

ПЕТРОГРАФИЯ КАМЕННОГО МАТЕРИАЛА ГОРОДИЩА ЧИЧА-1

При раскопках городища Чича-1 обнаружен довольно значительный комплекс каменного материала как орудий, так и камней, не имеющих следов обработки. В публикациях были представлены некоторые наиболее выразительные предметы: отбойник и абразив (Молодин В.И., 1985, с. 165, рис. 84.-1, 2), скребок, оселки (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001а, с. 174, рис. 15, с. 190, рис. 32; 2001б, с. 120, рис. 17.-1–4). Важность данного вида артефактов и необходимость их специального изучения очевидны. Во-первых, анализ каменного сырья имеет первостепенное значение для выявления его источников, поскольку Барабинская лесостепь крайне бедна собственными ресурсами камня. Определение сырьевой базы может демонстрировать одно из направлений хозяйственно-культурных связей обитателей городища. Во-вторых, трасологический анализ каменных орудий дает существенную информацию для реконструкции хозяйственной деятельности.

Обнаруженные на площади городища камни найдены во всех без исключения жилищах, на межжилищных пространствах и, несомненно, связаны с археологическими комплексами переходного от бронзы к железу времени. Некоторые каменные изделия, такие как оселки в виде брусков со сквозными отверстиями для подвешивания, являются характерными предметами для эпохи в целом (см.: Савинов Д.Г., 1994, с. 95; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 56.-1–3).

Каменный материал (281 экз.) определялся под бинокулярной лупой с уточнением в сомнительных случаях в петрографических шлифах. 62% каменных артефактов составляют осадочные и метаморфизованные осадочные породы (табл. 1). Это песчаники, алевролитопесчаники, алевролиты, гравелиты и кварциты (~50%), сланцы и гнейсы (~10%); карбонаты (~2%). Магматические породы составляют около 30% с примерно равным представительством гранитоидов, вулканических (эффузивных) и дайковых пород (диабазы, диориты, сиениты, андезитовые порфириты). Почти 4% приходится на яшмоиды и переходные к ним разновидности. Остальные породы и неопределимые очень мелкие обломки составляют в сумме около 4%.

Таблица 1
Петрографический состав каменного материала памятника Чича-1

№	Породы	Кол-во		Зернистость			Галечная поверхность, окатанность					Следы работы		% от имеющих следы работы		
		экз.	%	мелк.	ср.	кр.	Г.П.		ок. 1	ок. 2	ок.3	экз.	%			
							экз.	%								
1	Алевролиты песчанистые и алевролитно-песчаники	7	2,5						2	0,7	1	1		5	1,8	3,5
2	Песчаники; Σ	114	40,6	47	38	29	30	10,7	3	13	6	77	27,4			
	кварцевые	48	17,1	14	18	16	8	2,9	2	2		31	11			53,9
	олигомиктовые	23	8,2	10	7	6	8	2,9		5	3	18	6,4			21,7
	аркозовые	40	14,2	23	12	5	11	3,9		6	3	26	9,3			32,2
	полимиктовые	3	1,1		1	2	3	1,1	1			2	0,7			
3	Гравелиты	5	1,8	3	2		1	0,4				1	0,3			0,7
4	Кварциты и слюдяистые кварциты	12	4,3	9		3	5	1,8	1		2	6	2,1			4,2
5	Роговики	3	1,1	2	1							3	1,1			2,1
6	Сланцы серицит-хлоритовые	13	4,6				1	0,4		1		8	2,8			5,6
7	Гнейсы и крист. сланцы	13	4,6									10	3,6			7,0

Продолжение таблицы 1

8	Карбонаты	7	2,5						1	0,4		1		3	1,1	2,1
9	Гранитоиды	26	9,2	9	12	5			10	3,6	1	3		7	2,5	4,9
10	Эффузивы; Σ	30	10,7						12	4,3	3	2		10	3,6	7,0
	порфировые	23	8,2						7	2,5	1	2		6	2,2	4,2
	афировые	7	2,5						5	1,8	2			4	1,4	2,8
11	Дайковые породы; Σ	30	10,7						5	1,8	3	1	1	5	1,8	3,5
	диабазы, диабаз. порфириты	13	4,6	13					2	0,8	2			1	0,3	0,7
	прочие	17	6,1	17					3	1,1	1	1	1	4	1,4	2,8
12	Яшмоиды	10	3,6						8	2,9	1	2	2	7	2,5	4,9
13	Грейзен	1	0,3													
14	Кварц жильный, халцедон	4	1,4						2	0,8	1		1	1	0,3	0,7
15	Гетит-гидрогетит натечный	1	0,3													
	Неопределимые	5	1,8													
	Всего Σ	281	100						77	27,4				143	50,9	100,0

Самыми распространенными (40%) породами для Чичи-1 являются песчаники, среди них преобладают и являются специфичными для данного памятника кварцевые кварцитовидные разновидности. Это светло-серые, желтоватые, красноватые и бурые породы со слабо выраженной слоистостью, преимущественно средне- и крупнозернистые (табл. 1), нацело состоящие из кварца или с небольшой примесью полевого шпата и обломочков алевролитов. Обломочный материал хорошо сортирован и окатан, зерна кварца бесцветны или белые, цемент кремнистый, иногда халцедоновый, поровый или пленочный, бесцветный или окрашенный гидроксидами железа. Чрезвычайно характерны регенерация и огранка окатанных зерен кварца уже в самой осадочной породе, за счет чего возникает специфический «искристый» блеск таких песчаников, а сочленения обломочных зерен становятся очень прочными, и при раскалывании породы скол проходит как по границе, так и через зерна кварца, что дает основание называть такие песчаники кварцитовидными. Им свойственны высокая твердость ($H = 7$ по шкале Мооса) и мелкая пористость, не снижающая прочность породы. Лишь в обломках бурого и красно-бурого цвета, когда на месте примеси алевролитовых обломочков наблюдаются пористые комочки гидроксидов железа, а пленочный цемент также интенсивно красный или бурый, при значительном количестве пор прочность соединения зерен снижается, и они сравнительно легко выкрашиваются – создается впечатление, что эти обломки песчаника подвергались обжигу. В некоторых из них к тому же в порах и на поверхности зерен наблюдается несмываемая черная пленка. К кварцитовидным кварцевым песчаникам очень близки кварциты, которые отличаются лишь большей монолитностью из-за отсутствия пористости в породе и нерезкости границы между обломочными зернами кварца и кварцевым же цементом.

От кварцевых кварцитовидных песчаников резко отличаются олигомиктовые, аркозовые и более редкие полимиктовые, они близки по петрофизическим свойствам и вряд ли дифференцировались при отборе. Это слабо слоистые серые, зеленовато-серые до темно-серых породы, преимущественно мелкозернистые, иногда с переходом к песчанистым алевролитам. Их твердость колеблется от 5 до 6,5 по шкале Мооса, преобладание базального гидрослюдистого и хлорит-гидрослюдистого цемента над обломочным материалом приводит к снижению твердости до 4 и меньшей «жестко-

сти» породы. Особенностью является сильная измененность – полевые шпаты замещены эпидотом, а темноцветные минералы хлоритизированы. Немногочисленные песчанистые алевролиты и гравелиты по существу примыкают к песчаникам, отличаясь лишь характером зернистости.

Метаморфические породы представлены полосчатыми гнейсами, кристаллическими сланцами с переменным количеством породообразующих минералов, вследствие чего твердость варьирует от 6,5 у типичных кварц-полевошпатовых разностей до 5,5 и 4 у преимущественно слюдистых. Отмечено присутствие ставролита. В очень мелких обломках присутствуют также серицит-хлоритовые и кварц-хлоритовые сланцы, переходные к песчаникам. Они отличаются низкой твердостью (3–4,5), отчетливой сланцеватостью, зеленовато-серой, серой, красно-бурой окраской.

Из магматических пород следует отметить вулканические, среди которых преобладают порфировые разности среднего и основного состава, и дайковые, преимущественно диабазовые порфиристы. Их общей особенностью является сильнейший катаклаз и изменение, соответствующее зеленокаменному. Гранитоиды объединяют биотитовый и роговообманковый гранит, гранитные пегматиты, аплит и мелкозернистые краевые фации гранитных массивов, также катаклазированные и измененные.

Остатки галечной поверхности почти на трети образцов (табл. 1) свидетельствуют, что каменный материал брался из речного аллювия. Преобладание плохо окатанных галек, в том числе и кварцевых кварцитовидных песчаников, означает, что их коренные породы размывались достаточно близко от места отбора, а одновременное присутствие довольно крупной и хорошо окатанной гальки прочных пород (гнейсов, песчаников) выявляет соответствие аллювия протяженной реке. Доставка такого галечного материала местными реками Каргат и Чулым, впадающими в оз. Чаны, невозможна, поскольку обе реки берут начало в неогеновых аллювиально-озерных песчано-глинистых отложениях и нигде не размывают древние галечные горизонты. Очевидно, что источником каменного материала Чичи-1 могли быть почти равно удаленные от нее Иртыш и Обь. Специально проведенное сравнение каменного материала Чичи-1 и синхронных памятников, расположенных непосредственно на Оби, показало их существенное различие, в частности, отсутствие в последних кварцевых кварцитовидных песча-

ников. Напротив, сравнение петрографического состава каменного материала Чичи-1 и пород, формировавших четвертичные аллювиальные образования Иртыша на участке от Семипалатинска до Омска, обнаруживает их большое сходство. Так, в геологическом строении восточного склона казахского Прииртышья находят место почти все породы, отмеченные в каменном материале Чичи-1. В частности, севернее Семипалатинска, в обрывах левого берега самого Иртыша, вскрываются эоценовые кварцитовидные песчаники, по описанию в геологической документации (Борукаев Р.А., Малышев Е.Г. и др., 1962; Ерофеев В.С., Ржанникова Л.Н., Цеховский Ю.Г., 1966, с. 42–43; Никифорова К.В., 1953, с. 3–33) весьма похожие на кварцевые кварцитовидные песчаники Чичи-1. Необычность генезиса этих «сливных» (кварцитовидных) эоценовых песчаников с кремнистым кварцевым и халцедоновым цементом (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1983, с. 3–19) соответствует генетическим особенностям кварцитовидного песчаника Чичи-1. Очень важно также, что для большинства пород в этой части Прииртышья характерны следы катаклаза, милонитизации и рассланцевания, эффузивы и дайковые породы очень сильно изменены, что объясняется влиянием крупной тектонической структуры – Иртышской зоны смятия. Те же особенности отмечены для каменного материала Чичи-1.

Обобщая наблюдения над каменным материалом, можно отметить, что преобладают породы повышенной твердости: $H = 6–7$ наблюдается в 165 (62,5%) случаях, $H = 5–5,5$ – в 66 (25%), а твердость ниже 5 – в 33 (12,5%) случаях. Учитывая петрофизические свойства пород и количественную представленность петрографических разностей, можно сделать вывод, что в первую очередь камень интересовал обитателей городища как абразивный материал. Из 143 образцов (более 50% от всего каменного материала, табл. 1), несущих следы работы, 102 имеют следы применения их в качестве абразива, 13 использовались в иной функции (скребки?), 2 представляют собой изделия – каменные бусины. Из материалов с редкими следами работы отметим гранитоиды (7 случаев из 26 артефактов), остальные их обломочки имеют размер мелкого гравия – возможно, они употреблялись после дробления в качестве отощителя при изготовлении керамики (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001а, рис. 15.-2–4). Также лишь 5 из 30 обломков дайковых пород обнаруживают следы использования, назначение остальных мелких угловатых обломков неясно.

В качестве абразивного материала предпочитались осадочные и метаморфические породы. При этом среди абразивов можно выделить две группы: жесткие, высокотвердые (сюда относятся в первую очередь кварцитовидные кварцевые песчаники и именно в этой группе находятся все крупнозернистые разности), и абразивные камни с «мягким» шлифующим действием, обычно более мелкозернистые. Первые имеют вид грубых, иногда дугообразных, выточенных брусков или их обломков, вторые – выточенных оселков, или не имеют специальной формы, но видно, что для работы использовалась более тонко пришлифованная поверхность. Два камня, несущие следы работы, по форме и употреблению напоминают пестики для растирания, форма одного из них частично искусственная. Следы абразивного использования имеют вид забоин, царапин-штрихов, сплошной «зашорканности» и более тонкой шлифовки, в единичных случаях полировки, либо представляют их комбинацию – поверх зашорканной и даже зашлифованной поверхности располагаются отдельные или множественные забоины, иногда выделяются «пропилы» от заточки длинных и тонких предметов. Крайне редко наблюдаются следы металла, в том числе бронзы. Две хорошо окатанные гальки без дополнительной обработки (одна – гранита, другая – кварцевого песчаника с базальным цементом) на обоих торцовых концах имеют множественные забоины и даже выщербины, т.е. употреблялись, скорее всего, в качестве ударного инструмента. Кроме просверленных отверстий на оселках и точилах, некоторые абразивные изделия несут следы обработки в виде бороздок, симметричных ямок и обколотых углов. Их интерпретация требует специального трасологического анализа. Присутствие обожженных грубых абразивов из кварцевых кварцитовидных песчаников может быть объяснено использованием при обработке кости или грубых лошадиных шкур с последующим выжиганием забивавшихся в поры абразива мездры или костяной пыли.

Обращает на себя внимание отсутствие в собранной коллекции крупных камней – лишь два из них приближаются к 10–15 см по наибольшему измерению. Каменные ударные инструменты имеют малые размеры и вес, пестики вообще миниатюрны. Отсутствуют и следы исходной медной руды, которые обычно остаются на абразивах при дроблении и особенно растирании ее при подготовке к плавке. Это может означать, что не было необходимости в

орудиях для дробления руды при выплавке из нее бронзы – больших молотках, пестях, наковальнях, и ее изготовление велось уже из полуфабрикатов (вероятно, с утилизацией бронзового лома). Либо – настоящее место производства бронзы из руды на Чиче еще не обнаружено. Присутствие пластинки черновой меди (раскоп 2) и мелкие сплески бронзы в разных раскопах скорее свидетельствуют в пользу первого предположения.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о поступлении каменного сырья на городище из источников, расположенных в среднем Прииртышье (территория современного Северного Казахстана). В эпоху поздней бронзы здесь обитали носители саргаринско-алексеевской культуры (Зданович Г.Б., 1988, с. 171), традиции которой продолжали бытовать и в переходное от бронзы к железу время (Хабдулина М.К., 1994, с. 28). Данное обстоятельство позволяет наметить один из векторов направления историко-культурных связей населения Чичи-1 и требует дальнейшей обстоятельной проработки.

В.Г. Ломан

Карагандинский государственный университет

им. Е.А. Букетова

К ДАТИРОВКЕ ДОНГАЛЬСКОГО ТИПА КЕРАМИКИ

После выделения в 1987 г. керамики донгальского типа (Ломан В.Г., 1987) она была выявлена в материалах многих памятников Казахстана и Алтая. Таким образом, подтверждено, что этот тип представляет собой не локальную разновидность саргаринско-алексеевской керамики, а является ее дальнейшим развитием.

Время бытования донгальской посуды было определено VIII в. до н.э. (Ломан В.Г., 1987, с. 128). К этому первоначально присоединились В.В. Варфоломеев (1987, с. 66) и В.В. Евдокимов (1987, с. 102).

Барнаульские археологи, рассматривая материалы поздней бронзы степного Алтая, пришли к выводу о том, что донгальская керамика существовала не позже IX в. до н.э. (Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, с. 123), хотя и не исключили полностью возможность ее более поздней датировки. В настоящее время В.В. Варфоломеев (1991, с. 18), пересмотрев свое мнение, также определил время донгальского этапа позднебронзовой куль-

туры Казахстана, которую он назвал дандыбаевско-саргаринской, только одним IX в. до н.э.. Эту точку зрения разделяет и Е.Е. Кузьмина (1994, с. 125).

Другая группа исследователей, в которую ныне входит В.В. Евдокимов (2000, с. 44), датирует донгальский тип керамики IX–VIII вв. до н.э. (Хабдулина М.К., 1994, с. 7, 76; Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е., 1998, с. 273; Ситников С.М., 2002, с. 13).

На мой взгляд, пока еще нет убедительных причин для того, чтобы начинать дату донгальской керамики с IX в. до н.э. Единственный довод, на который здесь опираются (Варфоломеев В.В., 1991, с. 18; Хабдулина М.К., 1994, с. 7) – это отнесение к VIII – 1-й пол. VII вв. до н.э. ранней фазы скифо-сибирских культур, что не оставляет места для донгальских памятников.

В основе датировки этим временем начала эпохи раннего железа лежат материалы кургана Аржан. Однако известно, что находки из самого кургана противоречивы. Наряду с архаичными, среди них имеются и уже вполне развитые образцы «скифской триады». Учитывая, что в кургане были собраны приношения «царю» от различных племенных групп (Боковенко Н.А., 1986), это лишь подтверждает неравномерность и своеобразие исторического развития в различных регионах. К тому же удревание начала раннего железного века не бесспорно. С этим не соглашались, например, Л.Р. Кызласов (1977, с. 78), М.А. Итина, О.А. Вишневская, Н.Л. Членова (Археология СССР, 1992, с. 7), и др., а А.А. Ковалев (1987, с. 94, 97), изучив изображение кинжала на обломке оленного камня, найденном в кургане, сопоставил его с кинжалами средне-сарматского типа III в. до н.э..

Хотелось бы привести здесь некоторые аргументы в пользу первоначальной датировки донгальской керамики.

1. Напомню, что на поселении Донгал была найдена посуда, украшенная «жемчужинами» с пальцевыми вдавлениями арочной формы между ними (Ломан В.Г., 1987, рис. 8.-4). Такие вдавления Б.Н. Граков (1954, с. 77) относил к самому началу скифской культуры.

2. Для керамики донгальского типа характерно украшение сосудов наклонными отрезками наlepных валиков. Подобным образом украшались сосуды предскифского и предсавроматского времени. Например, сосуд из кургана №1 у хутора Солёный, который был датирован К.Ф. Смирновым (1964, рис. 60.-4) VIII–VI вв.

до н.э., а А.И. Тереножкин (1976, с. 169) позднее отнес его к новочеркасскому времени, т.е. к середине VIII – середине VII вв. до н.э. К этому можно добавить сосуд того же периода из кургана №11 могильника Аккермень-1 в Нижнем Поднепровье (Тереножкин А.И., 1976, рис. 2.-5).

3. На поселении Кент в донгальском жилище был найден сосуд (Варфоломеев В.В., 1987, рис. 4.-2), аналогии которому имеются не только в амирабадской посуде, но и в 4-м типе керамики поселения Якке-Парсан VII в. до н.э. (Итина М.А., 1977, рис. 84.-12).

4. В целом особенности донгальской керамики имеют практически полные аналоги в приазовской керамике так называемого обиточненского типа, которую О.А. Кривцова-Гракова (1955, рис. 37, с. 151) датировала VII в. до н.э., учитывая, в свою очередь ее большое сходство с раннескифской керамикой VI в. до н.э.

5. Помимо вышеперечисленного, аналогии донгальской керамике имеются в комплексах, уверенно датируемых исследователями VIII–VII вв. до н.э. Это поселения Кеноткель-Х в степном Приишимье (Хабдулина М.К., 1994, табл. 62, 63), Новошульбинское на Иртыше (Ермолаева А.С. и др., 1998, рис. 2), Горелый Кордон-1 в Алтайском крае (Фролов Я.В. и др., 2002, рис. 1). В это время появляются сосуды с носиком (Фролов Я.В. и др., 2002, рис. 1.-3; Хабдулина М.К., 1994, табл. 59.-1, 63.-1; Маргулан А.Х., 1979, рис. 174.-1; Смирнов К.Ф., 1964, рис. 4.-29). Фрагмент именно такого сосуда (Евдокимов В.В., Ломан В.Г., 1982, рис. 7.-2) был обнаружен вместе с донгальской керамикой (там же, рис. 6.-7) в верхнем слое поселения Копя-1 в Карагандинской области.

6. В этой связи следует упомянуть находку на поселении Ерзовка-1 в Волгоградской области вместе с нурской керамикой (одновременной донгальской) бронзовой трубчатой пронизи VIII–VII вв. до н.э. (Дьяченко А.И., 1992, рис. 4.-17). Справедливости ради нужно сказать, что принадлежность ее к нурскому слою была подвергнута сомнению (Потапов В.В., 2001, с. 101–103) на основании многослойности памятника. Однако в публикации ясно сказано, что эта трубка была найдена в жилище №2 (Дьяченко А.И., 1992, с. 123), глубина котлована которого не превышала 20 см (Дьяченко А.И., 1992, с. 116). При отсутствии следов поздних перекопов нельзя говорить о нескольких культурных слоях в этом жилище и, следовательно, пронизь все же соотносится с самым поздним, нурским, этапом функционирования поселения и датирует его.

В.В. Потапов (2002, с. 102) к тому же считает, что «население, оставившее донгальскую керамику, могло сосуществовать в Центральном Казахстане одновременно с алексеевско-саргаринским», о чем свидетельствуют «находки на поселении Донгал алексеевско-саргаринской посуды». Однако в статье (Ломан В.Г., 1987, с. 120) речь шла не о присутствии на Донгале самой саргаринско-алексеевской керамики, а лишь о сходстве орнаментальных композиций, что объясняется происхождением от нее донгальского типа.

Кстати, собственно саргаринско-алексеевские и донгальские памятники располагаются не в разных климатических зонах, как утверждает В.В. Потапов, а в одних и тех же местах, что также говорит в пользу происхождения вторых от первых.

7. Более позднее время донгальской керамики по сравнению с собственно саргаринско-алексеевской обосновано стратиграфией на поселениях Трушниково (Черников С.С., 1960, с. 53) и Кент (Варфоломеев В.В., 1987, с. 57). Если учесть при этом, что верхняя дата саргаринско-алексеевского слоя на последнем поселении документируется находками бронзовых пулевидных наконечников стрел, относимых к IX–VIII вв. до н.э. (Арсланова Ф.Х., 1983, рис. 1.-11, 13, 15, 16, 18, 28, с. 124; Ермолаева А.С., 1986, рис. 3.-2, с. 161), то вряд ли оправдано занижение даты донгальской керамики до IX в. до н.э.

Л.С. Марсадилов
Государственный Эрмитаж
РИТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
В УРОЧИЩЕ ТУРУ-АЛТЫ НА АЛТАЕ*

Юго-Восточный Алтай известен большим числом разнообразных памятников многих эпох, культур и этносов. Наиболее обширные исследования в этом районе были проведены В.Д. Кубаревым в 1970–1980-е гг., первым обнаружившим, исследовавшим и описавшим комплекс объектов в межгорном урочище Туру-Алты. Святилище Туру-Алты находится в 15 км к северо-западу от Юстыдского комплекса, на правом берегу р. Бар-Бургазы. Здесь расположены разнообразные курганы и выкладки, вертикально стоящие стелы в оградках, обо на вершине горы, наскальные изображения и другие объекты (Кубарев В.Д., 1979). В 1990-е гг. он продол-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00468 а).

жил работы на святилище совместно с Э. Якобсон, Я.А. Шером, А.П. Франкфором и Т. Масумото (Якобсон Э., 1993; Jacobson E., Kubarev V., 1994; Кубарев В.Д., 1997 и др.).

Во время новых исследований Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1995 г. была предпринята попытка решить вопросы о планиметрических связях курганов, выкладок, стел, наскальных изображений между собой и с окружающим ландшафтом (Марсадолов Л.С., 1996, 2000).

В разных частях межгорного урочища Туру-Алты расположены три группы курганов (рис. 1.-1). Первая группа находится на невысоком горном увале в северо-западной части урочища, ориентирована по линии север-юг и состоит из пяти объектов: четырех округлых курганов диаметром по 9–11 м, высотой до 0,8 м, а также одного более крупного округлого кургана в прямоугольной ограде. Вторая группа расположена в юго-западном углу урочища и состоит из небольшого квадратного кургана и округлого кургана с подпрямоугольной оградой. Третья группа курганов находится в северо-восточной части урочища и состоит из не менее чем пяти курганов округлой и прямоугольной формы, размерами от 7 до 11 м, высотой до 0,9 м. В центре одного из курганов прослеживается прямоугольный ящик из вертикальных плит.

Центральная подовальная насыпь кургана №24 имеет размеры 9х12 м, а стороны подпрямоугольной ограды равны 13 и 16 м (рис. 2). Ограда не боковыми сторонами, а углами ориентирована по сторонам света. К западному углу кургана примыкают две или три выкладки из камней. На камнях центральной насыпи кургана зафиксированы наскальные рисунки в виде фигур стоящих горных козлов и оленей. Изображения животных выбиты на разных плоскостях камней и обращены головами в разные стороны. Возможно, рисунки относятся к разным хронологическим периодам. Не исключено, что фигурки оленей с высоко поднятыми вверх рогами, короткой мордой, небольшим ухом, вытянутым туловищем, с двумя прямыми ногами, относятся к X–IX вв. до н.э. (рис. 2.-1). Рисунок козла с двумя высоко поднятыми вверх рогами, удлинённым туловом с подтянутым животом, с хорошо проработанными прямыми ногами, вероятно, датируется IX–VIII вв. до н.э. (рис. 2.-3). Другое небольшое по размерам изображение козла с довольно схематичным туловом и длинным рогом напоминает древнетюркскую тамгу (рис. 2.-1).

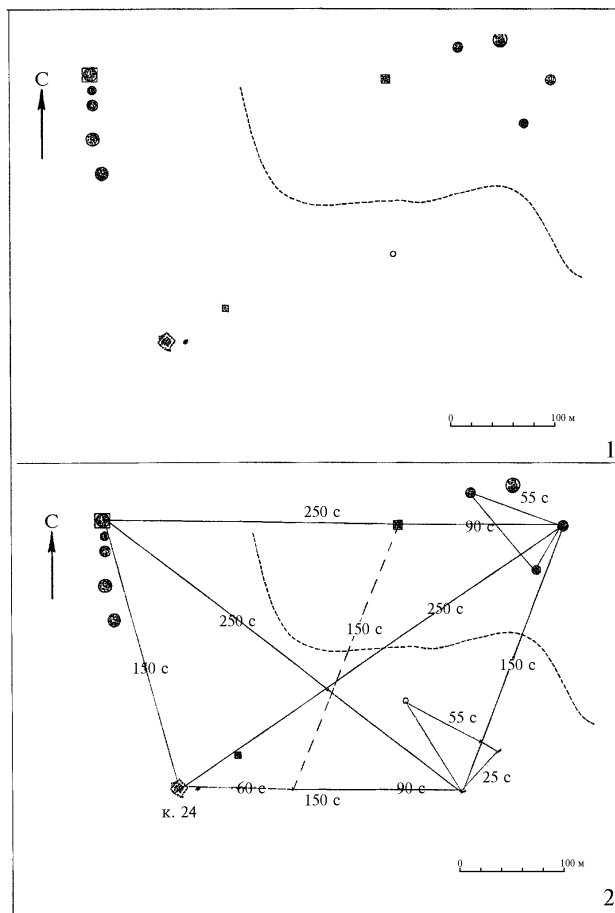

Рис. 1. Туру-Алты: 1 – общий план расположения объектов в урочище; 2 – предполагаемые линии разметки (указано расстояние между объектами в прямых саженях = 1,8 м)

Большое число взаимосвязанных объектов в Туру-Алты позволяет судить о наличии здесь общей планиграфической системы. Как и на р. Юстыд, в Туру-Алты обычно три-четыре объекта взаимосвязаны между собой по принципу равностороннего и равнобедренного треугольников, параллелограмма и трапеции (Марсадолов Л.С., 2002). Размеры одной или двух разных сторон треугольника служили основой для дальнейшей разметки.

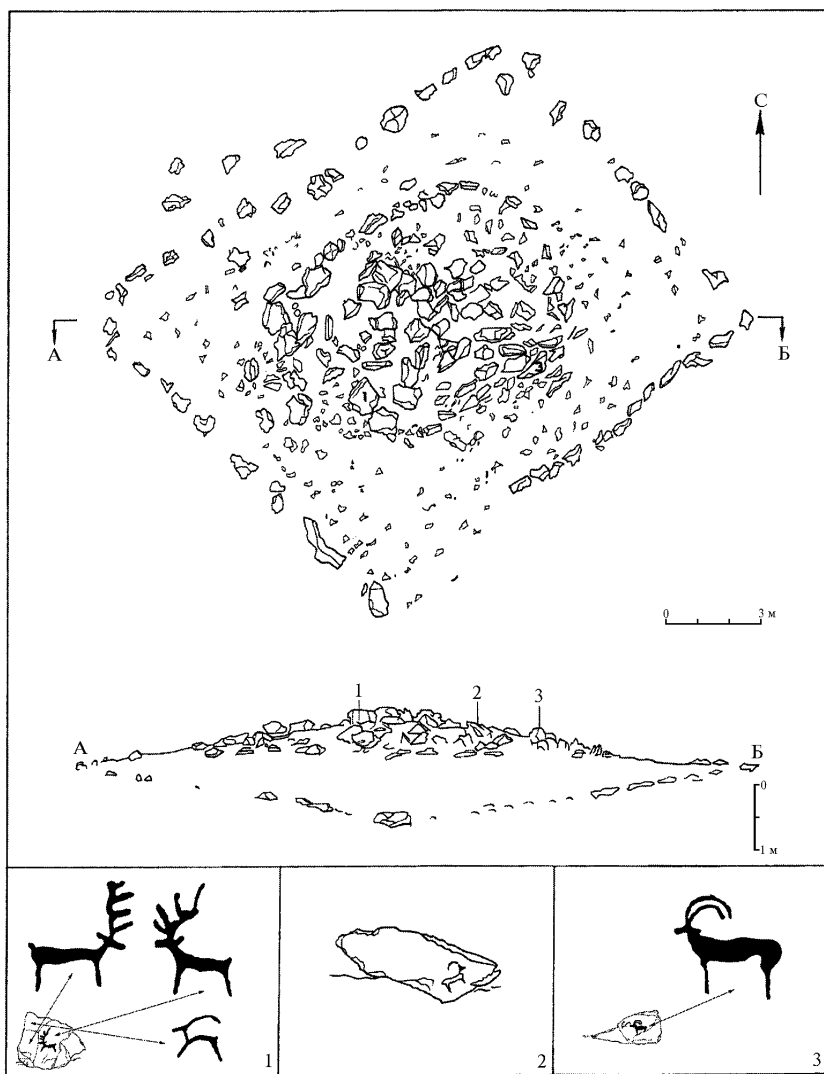

Рис. 2. Туру-Алты. План «подпрямоугольного» кургана №24:
1–3 – петроглифы на отдельных камнях кургана

Прослежены следующие примеры связей между объектами на святилище:

а) большой курган округлой формы на склоне горы (символ неба) – небольшой квадратный курган в долине (земля) – четыре вертикальные стелы в подпрямоугольной оградке у подножия горы;

б) три взаимосвязанных между собой кургана – круглый, квадратный, круглый в прямоугольной оградке и т.д.

При разметке расстояний между объектами использовался модуль равный $1,8 \text{ м} = 1$ прямой сажени. Для больших расстояний использовались размеры кратные 100, 50 или 25 сажени, а для малых – от 5 до 20 сажени. Ряд объектов размечен под прямым углом, со сторонами в 200 или 100 сажени. Особенно много взаимосвязанных объектов с использованием принципа равнобедренного треугольника, со сторонами 100, 130 и 150 сажени. Например, по принципу трапеции построена фигура с одним основанием и двумя диагоналями по 250 сажени, с двумя боковыми сторонами и другим основанием по 150 сажени (рис. 1.-2). В каждом из четырех углов трапеции находятся разные объекты: круглый курган, круглый курган с квадратной оградой, квадратный курган и стела. На месте пересечения диагоналей была установлена стела. Использование части «старых» и новых объектов позволяет получить параллелограмм со сторонами по 90 и 150 сажени или равнобедренные треугольники (рис. 1.-2).

В святилище Туру-Алты зафиксировано 28 стел, стоящих в подпрямоугольных оградках из небольших каменных плит. Внутри большинства оградок стояло по одной вертикальной каменной стеле-плите, в 4-х оградках по две стелы и в трех оградках по четыре стелы. Большинство стел обломано в верхней части. Сохранившиеся стелы имели высоту около 0,9 или 1,8–2,1 м, что по размерам близко к модулям или их половинам, используемым при разметке между объектами.

Не менее 4–5 линий размещения стел, находящихся у подножия горы, «веерообразно» сходились в одной точке – у самой большой стелы на склоне горы. На некоторых стелах ранее были зафиксированы выбитые знаки в виде двух колец, соединенных одной или двумя линиями, и другие знаки. Центральная линия из стел указывала на вершину горы, где находились изображения, устремленных в небо огромных оленей раннескифского облика (Кубарев В.Д., 1979, с. 31–33, 109–113). На большой вертикальной плите выбито несколько десятков изображений в основном копытных животных – оленей и козлов, а также лучников со стрелами.

Вероятно, эта скала с изображениями оленей на южной грани камня, расположенная в самой высокой точке урочища Туру-Алты, являлась центром ритуального комплекса. Каменные стелы, установленные далеко от подножия горы, постепенно из нижней точки подводили участников ритуалов к высшей точке с изображениями животных на горе. Образ оленя часто ассоциировался с солнцем и нахождение фигур оленей на вершине горы позволяет предполагать связь этого святилища с небом и солнцем.

На этом святилище прослежена такая же закономерность в размещении объектов, как и на Чуйском ритуальном комплексе, в Семисарте и на р. Юстыд: один конец линии обращен на вершину горы или горный снежник, а другой конец линии – на межгорную западину или относительно ровное место.

В 1992 г. Э. Якобсон и В.Д. Кубарев в урочище Туру-Алты отметили «акустический» эффект, когда из центра одного из курганов «даже тихо произнесенное слово было слышно за многие сотни метров» (Кубарев В.Д., Якобсон Э., Масумото Т., 1993, с. 64). В Семисарте в 1995 г. был зафиксирован такой же «акустический» эффект. Урочища Семисарт и Туру-Алты объединяют не только близкие топографические условия (небольшие пространства с трех сторон, кроме южной, окруженные горами), но и сакральные аспекты (наличие разнородных культовых объектов – курганов-храмов, выкладок, стел, разметочных камней, наскальных рисунков и т.д.). Эти святилища функционировали в близкое время, но в разных районах Алтая (Марсадолов Л.С., 2001б, с. 16). В Семисарте голосом или условными знаками «наблюдатели» могли предупреждать друг друга о моменте восхода или захода солнца в астрономически важные дни, когда, например, фиксация места первого или последнего солнечного луча над горизонтом решается в течение нескольких мгновений или секунд.

Если на р. Юстыд керексуры в основном были сложены из речных валунов, то в Туру-Алты – из «грубых» камней и плитняка, взятого на горных склонах. Курганы-керексуры у подножия и на склонах горы в Туру-Алты значительно меньше по размерам, чем керексуры в долине р. Юстыд (Кубарев В.Д., 1979; Марсадолов Л.С., 2002). В Туру-Алты объекты своим обликом и конструкцией больше напоминают объекты монгун-тайгинского типа из Тувы, чем керексуры раннескифского типа. Не исключено, что комплекс в Туру-Алты был сооружен раньше, чем керексуры на

р. Юстыд. Но в Туру-Алты, вероятно, есть и объекты более позднего времени, так как святилище функционировало длительное время, возможно, и с перерывами. Керексуры, выкладки и «оленные» камни из юго-восточных районов Алтая конструктивно очень близки к таким же объектам из южной части Тувы и северо-западных районов Монголии. Хронологическое соотношение объектов в Туру-Алты и на Юстыде очень близко напоминает сложный комплекс сооружений около кургана Улуг-Хорум в Туве (Грач А.Д., 1980; Марсадолов Л.С., 1993; 2001а). Если в IX–VII вв. до н.э. южные районы Алтая, Тувы и Северо-Западной Монголии составляли единый культурно-политический регион, то в пазырыкское время, с 1-й пол. VI в. до н.э., после сильных политико-социально-культурно-демографических изменений, юго-восточные алтайские области были объединены с центральными, западными и северо-восточными районами Алтая, и стали более изолированными от Тувы и Монголии, чем в предшествующее время, хотя местное население продолжало контактировать между собой.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, Г. Парцингер, Й. Шнеевайсс
Институт археологии и этнографии СО РАН;
Германский археологический институт
КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ЧИЧА-1
(технологические аспекты)*

Керамика, как самый массовый материал, является одним из основных источников изучения и реконструкции историко-культурных и этнических процессов древних обществ. Представляется в этой связи, что технологический анализ может выявить новые аспекты гончарного производства, которые в свою очередь могут стать культурно-диагностирующими показателями.

Материалы, полученные в течение последних трех лет на городище Чича-1, свидетельствуют о достаточно тесных контактах носителей древних культур, населявших обширные территории лесостепи и таежной зоны Западной Сибири в заключительный период эпохи бронзы и в переходное время от бронзового к железному веку. Прежде всего это проявилось в керамическом комплексе городища.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №02-01-00335а); гранта «Интеграция СО РАН» (проект №97).

В настоящее время керамическая коллекция памятника Чича-1 насчитывает около 90 тыс. фрагментов, при этом реставрированы десятки сосудов. Основная масса находок происходит из котлованов построек, но много ее и в межжилищном пространстве и в заполнении рвов.

Керамика из раскопов 2000–2002 гг. частично опубликована (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., 2000, с. 350–357; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., Рыбина Е.В., 2001а, с. 382–390; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., 2001б; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., 2002, с. 386–395). Практически весь комплекс был исследован при помощи бинокулярной микроскопии. Петрографическому анализу подвергнуто 63 шлифа, результаты частично опубликованы (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001б, с. 146–148, 199–203; Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002, с. 100–103).

Бинокулярный и петрографический анализы керамики позволили сделать следующие выводы.

Прежде всего керамический комплекс различается по составу формовочных масс. Можно говорить о сосуществовании в рамках одного памятника двух традиций составления формовочных масс: шамотной – преобладающей, и гранитоидной. Помимо этого, есть образцы, несущие признаки обеих традиций.

Шамотная традиция представляется довольно сложной для изучения. Это связано с тем, что, очевидно, в поясе лесостепи довольно продолжительное время существовала единая традиция составления формовочных масс с применением битых черепков – шамота, что фиксируется в разных археологических культурах. Данное обстоятельство обеспечено спецификой сырьевой базы района: гидрослюдистое глинистое сырье + отсутствие выходов каменного сырья + неограниченные возможности использования сырья органического происхождения породили технологическую целесообразность употребления формовочных масс в основном шамотного и органогенного состава.

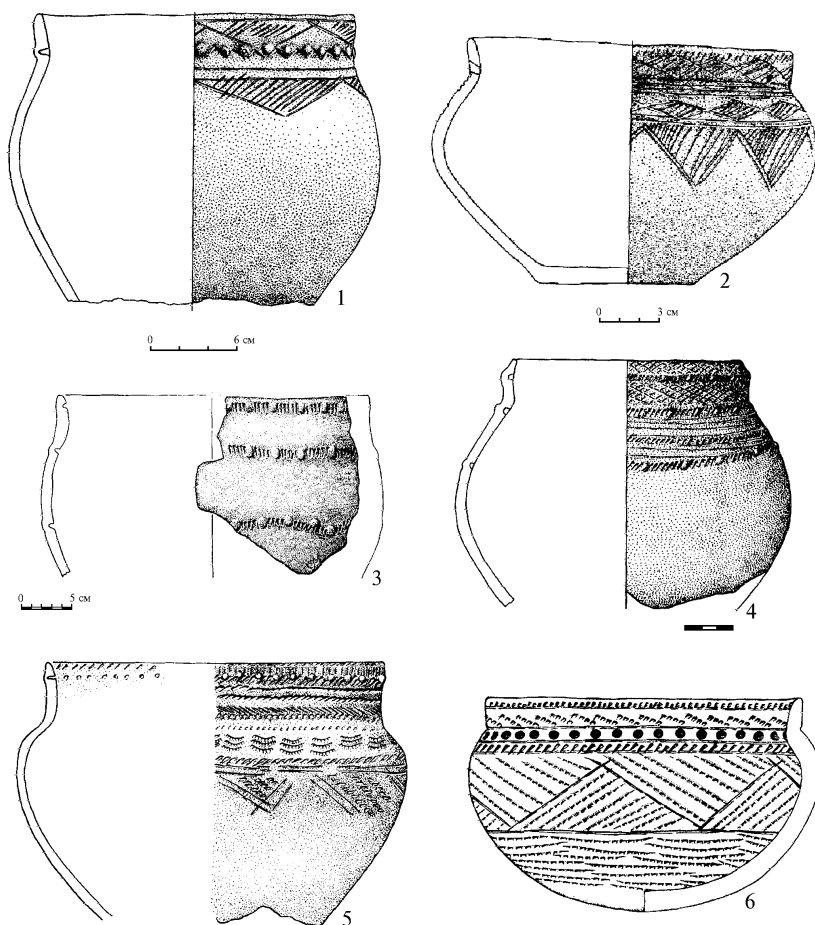

Рис. 1. Городище Чича-1. Керамика

В рамках единой шамотной традиции на Чиче-1 можно выделить керамику местную, связанную с позднеирменской культурой, и керамику, по-видимому, западного облика.

Керамические комплексы *позднеирменской культуры* (рис. 1.-1-4) демонстрируют преемственность и эволюцию развития ирменской культуры, о чем уже говорилось в специальной литературе (Моло-

дин В.И., 1985, с. 156–164; Молодин В.И., Колонцов С.В., 1984, с. 69–86; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001).

Источником сырья для данной керамики в условиях Барабы служили, очевидно, озерные отложения. Глины и суглинки содержали в естественном состоянии большое количество песка различной степени окатанности, что затрудняет определение в шлифах его природы. Присутствие песка фиксируется во всех образцах. В том случае, когда распределение фракции по шлифу не отличается равномерностью, а размеры песчинок превышают 0,5 мм, мы делали заключение об искусственном подмешивании в формовочные массы дополнительной порции песка. Кроме песка в глинистом сырье отмечается большое количество органики фосфатного состава в виде беловатых комочков, встречаются разложившиеся кости и позвонки рыб. Это обстоятельство создает дополнительные трудности при изучении состава формовочных масс керамической коллекции. В большом количестве образцов при бинокулярном исследовании свежих изломов хорошо «читаются» пустоты, что является серьезным основанием для констатации использования органической примеси, что отмечалось и ранее в специальной литературе (Софейков О.В., Савинкина М.А., Ламихов Л.К., Кокаулина Э.В., 1988, с. 155–173), однако присутствие какого-то количества детрита, растительных остатков водного или околородного характера, глинистых округлых комочков, обломков раковин и рыбьих позвонков может свидетельствовать об использовании в керамическом тесте «илистых глин», по терминологии И.Н. Васильевой (2001). Поэтому идентификация органики как составной части формовочных масс всегда вызывает затруднения.

Глины и суглинки, применявшиеся для изготовления посуды данной группы, преимущественно гидрослюда-монтмориллонитового, реже – монтмориллонит-гидрослюдистого состава с примесью пылеватого обломочного материала и органики. Глинистая часть составляет 47–55% площади шлифа.

Выделено несколько рецептов формовочных масс: глина; глина + шамот; глина + шамот + песок + органика, характерные для составной части комплекса, наиболее близкого по форме и орнаменту классической ирменской посуде; и глина + шамот + песок + органика; глина + шамот + породные обломки + органика – для остальной части позднеирменского комплекса.

Шамот (1–45%) представлен обломками от светло-бурого до черного цвета, близкими по составу основному черепку. Форма обломков неправильная, округлая, удлинённая, угловатая, размер – от 0,15 до 3 мм. Однако следует подчеркнуть, что для керамики с преобладанием ирменских традиций характерна примесь шамота в концентрации более 15–20%, а для остальной части позднейирменской – 10–15%. Песок составляет 23–45%, входит в естественном и искусственном виде, в последнем случае распределен в отдельных образцах слабо гнездовидно, неравномерно. Размер его 0,03–1,2 мм.

Небольшой процент составляют породные обломки в виде дробленых гранитов. На этом рецепте мы остановимся ниже.

Вопрос об идентификации органических примесей в керамике отмеченных групп позднейирменской культуры довольно сложен. В данной работе ограничимся лишь констатацией, что они связаны с органическими растворами.

Формовка изделий характеризуемой культурной группы совершалась на основе донного начина. Дно – лепешка. Четко прослеживаются швы соединения дна и тулова. Выделены два способа их соединения:

- верхняя лента ставилась на лепешку. Примазывание снаружи осуществлялось движением пальцев от дна к ленте. Изнутри сосуда шов притирался пальцем или уплотнялся концом округлой палочки, в результате чего линия оказывалась плавной, без угла или образовывалась канавка;

- верхняя лента приставлялась к лепешке. В этом случае создавался эффект загибания нижней ленты. В зависимости от того, на какой подставке осуществлялась формовка – плоской или мягкой, дно сосуда приобретало четкие или овальные очертания.

Формовка тулова осуществлялась ленточным налепом. Ленты соединялись друг с другом встык, путем последовательного наращивания. Особенно четко это «читается» при соединении тулова и горловины. Верхняя лента ставилась на нижележащие, которые успевали уже подсохнуть, поэтому у большинства сосудов горловины отделялись в первую очередь.

В случае изготовления сосуда с округлым дном (это сосуды средних и малых размеров) использовался емкостный начин, т.е. сначала из лент формировался резервуар, заделывалось дно, после чего насаживалась горловина. Уже в процессе формовки происходило придание изделию формы. Поверхность сформованного сосу-

да подвергалась обработке с обеих сторон. У позднейнеирменцев в арсенале было несколько способов обработки изделий: а) при помощи твердого орудия (щепа ?, деревянный нож), которое оставляло на поверхности горизонтальные узкие, длинные, сгруппированные канавки; б) один из самых широко применявшихся «инструментов» – руки гончара: на обеих поверхностях сосудов фиксируются отпечатки папиллярных линий; в) ложило. Следы лощения фиксируются в виде длинных однонаправленных, чаще всего горизонтальных, канавок, шириной 0,2–0,4 см с неглубоким ложом. В качестве доводки наружная поверхность сосуда полировалась руками (кожей?). В большинстве случаев лощен срез венчика, наружная поверхность, есть образцы с лощением дна, во многих случаях ему подвергнута и внутренняя поверхность изделий.

Можно говорить о том, что орнамент наносился на сосуд до лощения: на некоторых образцах фиксируется «сдвинутость» элементов орнамента. В случае, когда лощеными оказывались обе поверхности, выявляется одинаковый для всего сосуда прием лощения.

Обжиг позднейнеирменских сосудов можно определить как кратковременный при температуре выше 650 °С. О том, что обжиг велся при температуре каления глины (начиная от 650–700 °С и выше), говорят отсутствие остаточной пластичности (при замачивании керамических образцов на несколько суток не происходит их растворения) и окрашенные в теплые тона поверхности. О кратковременности свидетельствует трех-, четырехцветность изломов с резкими границами между разными цветовыми слоями.

Пятнистость внешних поверхностей, различная степень прокалиненности позволяют предположить, что сосуды обжигались на костре. Причем отработаны были как окислительный режим (открытый костер), так и восстановительный (углубленный или закрытый костер).

Позднейнеирменская керамика составляет значительную часть от общего количества. Ее типология формы и орнаментации, разработанная ранее В.И. Молодиным (Молодин В.И., Колонцов С.В., 1984, с. 69–86), и сегодня не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Преобладают хорошо профилированные горшки, а также круглодонные, небольшие емкости с невысокой резко профилированной горловиной.

Орнаментация сосудов позднейнеирменской керамики традиционна и выдержана типологически. Если говорить предельно просто,

то ее можно охарактеризовать следующим образом. По горловине – горизонтальные прочерченные линии, ряды жемчужин с разрядкой и без нее, заштрихованные треугольники и ромбы. Встречаются также ряды наклонных насечек, вдавлений, наклонной и горизонтальной гребенки, елочка, сетка. По шейке – горизонтальные линии и ряды жемчужин с разрядкой, реже – ребро и насечки. Плечики украшались заштрихованными треугольниками, елочкой, жемчужинами, «лесенкой». Характерными элементами орнаментации сосудов поздней ирменской группы являются двойные ряды жемчужин (с разрядкой и без нее), идущие по горловине, шейке и плечикам, сетчатые пояса на горловине. При этом отмечается большое разнообразие других элементов (насечки, ряды вдавлений, ямок, елочка, ряды гребенки), сочетающихся друг с другом. В целом схема орнаментации поздней ирменских сосудов, по сравнению с классическими ирменскими, выглядит несколько упрощенной. Заканчивая характеристику керамики поздней ирменской культуры следует особо подчеркнуть, что ее основное сосредоточение связано с цитаделью памятника, где она составляет «лицо» комплекса. На оставшейся части памятника ее доля не велика.

Керамический комплекс *сузгунской культуры* (рис. 1.-5) на городище Чича-1 хотя и не многочисленен, но довольно выдержан. Сырьем служили суглинки монтмориллонит-гидрофлюидного состава. Отмечен один рецепт формовочных масс: глина + песок + шамот + органика. Песок преимущественно кварц-полевошпатового состава, распределен по площади шлифа равномерно, участками слабогнездовидно. Зерна полуугловатые, полуокатанные, размеры 0,1–0,2–0,5 мм, концентрация – 25–35%. Шамот представлен обломками рыжевато-темно-бурого цвета, неправильной, угловатой, таблитчатой формы. Размер их 0,2–2,0 мм, концентрация 3–7%. 2–3% площади шлифа составляют трещины и пустоты неправильной формы, тонкие, короткие и длинные, различно ориентированные, но преимущественно вдоль стенок черепка. Это обстоятельство дает право говорить о включении в формовочные массы *сузгунской* керамики органики.

Как видно, по составу формовочных масс керамика *сузгунской культуры* не отличается от поздней ирменской. Однако подчеркнем, что наблюдаются различия в размерности и концентрации шамота – на *сузгунской* он крупнее и не составляет более 10%. Есть отличия и в качественных характеристиках органики. В *сузгунской* посуде эту примесь можно обозначить как навоз.

К сожалению, фрагментарность материала не позволила сделать заключения об изготовлении начинов. Можно лишь отметить факт применения приемов скульптурной лепки и использования, скорее всего, жгута, расформованного в неширокие – до 2–2,5 см высотой – ленты и толщиной не более 0,5 см. Один из сосудов (р. 7, кв. 31с, я. 3) позволяет предположить формовку из трех частей, соединенных встык: горловина – из двух жгутов-лент по 1 см высотой, тулово – из четырех жгутов. Отсутствие доньев делает невозможным определение способов изготовления нижних частей сосудов.

Сузгунская посуда имеет тщательно обработанную поверхность: зачастую изнутри и снаружи она не только заглаживалась, но и лошилась твердым орудием, имеющим рабочую поверхность около 1,5 см.

Об особенностях формы сосудов судить трудно: в основном это хорошо профилированные горшки с прямой или слегка отогнутой горловиной. Основными орнаментальными мотивами и элементами являются: один – три ряда скобы, ряды вертикальных отпечатков гребенки и гладкого штампа, мотивы, сочетающие различного рода вертикальные и наклонные ряды гладких и гребенчатых оттисков, насечки в канавке. Свободна от орнамента придонная часть.

Подобную посуду исследователи склонны относить к поздне-сузгунской группе (Полеводов А.В., 2003, с. 13–15). Сузгунская посуда на городище не вычленяется ни стратиграфически, ни планиграфически. Следует отметить наличие смешанной ирменско-сузгунской керамики как особого комплекса на севере Барабы, выделенного ранее В.И. Молодиным на материалах поселения Ново-чекино-3 (Молодин В.И., 1985, с. 143–150; Молодин В.И., Чемякина М.А., 1984, с. 40 – 62), сочетающей как ирменские, так и сузгунские черты. Общим для этой посуды на городище является невысокая степень орнаментированности, преобладание рядов наклонных оттисков гладкого (реже – гребенчатого) штампа, жемчужины, ямки. Названные обстоятельства дают основания полагать, что позднеирменская, сузгунская и смешанная керамика составляет в целом единый временной комплекс. Аналогии сузгунским и смешанным материалам, кроме памятников северной Барабы, представляют материалы поселений Прорва (Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995), Сибсаргатка-1, Черноозерье-8 (Труфанов А.Я., 1990, рис. 25–26).

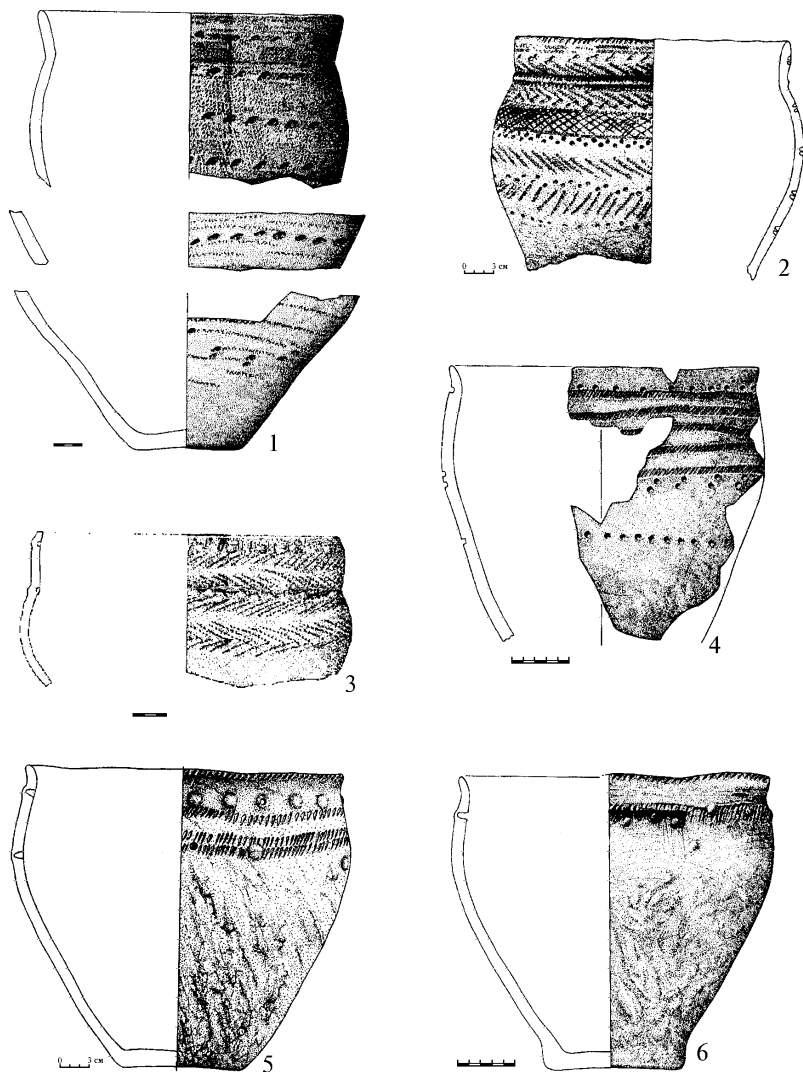

Рис. 2. Городище Чича-1. Керамика

Комплекс керамики, имеющей черты *красноозерской культуры* позднего облика (рис. 2.-1, 2), довольно выразителен. Это горшковидные сосуды с горловиной низких и средних пропорций,

реже – закрытые банки. Изготовлены из тяжелых суглинков монтмориллонит-гидрослюдистого состава. Выделен один рецепт формовочных масс: глина + шамот + песок + органика.

В черепках фиксируется довольно большой процент песка – 20–25, с размерами зерен 0,05–0,2 мм. Обломки полуугловатые, угловатые, окатанные, распределен слабогнездовидно.

Шамот представлен обломками удлиненной, неправильной, таблитчатой формы размером 0,25–3,5 мм; занимал объем 3–8%.

В изготовлении форм наблюдается техника скульптурной лепки на основе жгута и ленты.

Сосуды орнаментированы узорами в виде многорядных горизонтальных линий, выполненных гладким штампом, вертикальных рядов гребенчатой качалки. Есть сосуды с формованными валиками, обрамленными сверху и снизу рядами гладкоштампованных коротких оттисков. Все эти орнаменты в большинстве случаев сопровождаются ямочными вдавлениями. Однако если для красноозерской керамики Прииртышья ямочная орнаментация исполняет роль разделителя орнаментальных зон (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 108–109, рис. 3–4), на посуде с городища Чича-1 сдвоенные или строенные ямки выполнены зачастую по основному орнаментальному полю. Орнамент в большинстве случаев покрывает горловину и тулово, не украшалась лишь узкая полоска придонной части, при этом композиции на горловине соответствуют основному рисунку на тулове.

С городища происходят сосуды, орнаментированные наклонными оттисками гребенки или гладкого штампа, разделенные неорнаментированными полосами. Подобная керамика зафиксирована на городище Инберень-VI. Исследователи относят ее к красноозерской культуре (Труфанов А.Я., 1990), однако следует отметить наличие керамики с подобной орнаментальной схемой и в сузгунских материалах, что отмечено и А.Я. Труфановым. С инберенскими формами можно связать и горшки открытых форм с сильно отогнутой низкой горловиной, переходящей в слабовыпуклое тулово.

Среди керамических материалов городища найден сосуд, имеющий аналогии в памятниках гамаюнской культуры (рис. 1.-б). Однако единичность находки, а также наличие подобной посуды на красноозерских памятниках (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1981, с. 93), где она фиксируется в чистом виде – с примесью в формовочных массах талька (что и является характерной чертой гамаюн-

ских материалов), делает возможным вывод о красноозерском происхождении этой керамики.

Говоря о керамических комплексах городища Чича-1, основанных на шамотной традиции составления формовочных масс, следует подчеркнуть, что данный технологический показатель не может выступать культурным маркером.

Отметим, что керамика всех культур переходной эпохи – позднеирменская, сузгунская, красноозерская – на городище имеет сходные петрографические характеристики (применение сильно запесоченных глин, введение шамота в малых количествах – преимущественно до 15%). Является ли это эпохальной традицией или явление одного памятника – вопрос дальнейших исследований.

Другая зафиксированная традиция составления формовочных масс – с применением дробленых гранитоидов, относится к небольшой коллекции керамики *завьяловской культуры* (рис. 2.-3), происхождение которой связывается с северным таежным населением (Троицкая Т.Н., 1968, 1970, 1972). Эта посуда изготовлена из суглинков гидрослюдистого состава. Характерный рецепт данной группы – глина + породные обломки + органика. Обломки размером 0,1–2,2 мм, составляют 27–30% площади шлифа.

Напомним, что А.А. Бобринский (1978) считает приемы составления формовочных масс приспособительными признаками. А это значит, что гончары могли за очень короткое время в каких-то конкретных ситуациях переходить на другие источники сырья и рецепты. Иными словами, на памятнике Чича-1 нами зафиксирован момент прихода носителей традиции составления формовочных масс с примесью дробленой гранитоидной породы и сосуществования ее с местной шамотной – позднеирменской. Керамика с примесью дробленой гранитной породы четко отличается и формой, и орнаментом. Это горшки с высокой выпуклой или прямой горловиной и хорошо профилированным туловом. Орнамент нанесен гребенчатым и крестовым штампами. В композиционном построении преобладают ряды «елочки» в сочетании с рядами жемчужин или отпечатки «креста» различно организованные. Сосуды с похожей композицией орнамента известны в материалах городища Завьялово-5 (Троицкая Т.Н., 1968; 1970; 1972). Подчеркнем, что завьяловские материалы также не однородны. Еще в 1988 г. А.В. Новиков разделил их на две группы – местную, генетически связанную с позднеирменской культурой, и северную – лесную. Для северной

группы исследователь констатировал наличие горшков с «выпуклым венчиком, преобладание гребенчатых и фигурных штампов в орнаментации, почти полное отсутствие резных линий и отпечатков гладкой палочки» (Новиков А.В., 1988, с. 149). В рецепте формовочных масс зафиксирована примесь дресвы (Там же, с. 150).

Породные обломки в тесте обнаружены также на керамике, имеющей позднеирменский и красноозерский орнаменты. Причем сопутствующим неорганическим наполнителем в таких образцах всегда выступает шамот, а это значит, что возможен вывод не о эпизодическом характере присутствия носителей данной группы на городище, а об их сосуществовании.

И все же своеобразие керамического комплекса городища составляет группа керамики, зафиксированная В.И. Молодиным (1985, с. 163, рис. 83) на памятнике еще в первых раскопах. Это горшковидные сосуды средней высоты, с очень низкой высотой горловины, отогнутым венчиком, высоким плечиком (Указатели форм (Генинг В.Ф., 1973, с. 114–125): ФА – 0,06; ФБ – 0,03; ФВ – 0,32; ФГ – 0,03; ФД – 0,94; ФЕ – 0,68; ФЖ – 0,03; ФИ – 0,45) (рис. 2.-4-6). Изготовлены из глин и суглинков с примесью песка преимущественно монтмориллонит-гидрослюдистого состава. Выявлено несколько рецептов формовочных масс: глина + шамот + песок; глина + шамот + песок + органика; глина + шамот + породные обломки + органика.

Шамот представлен обломками размером 0,3–2,0 мм, составляет 3–7% площади шлифа.

Зерна песка кварц-полевошпатового состава полуугловатой, полуокатанной, окатанной формы, размерами 0,1–0,4 мм, составляли примерно 25–28%.

Породные обломки – дробленые зерна гранита – размерами 0,1–0,2 мм, введены в тесто в 25–35% количестве.

Сосуды формировались на основе донного начина с применением двух способов соединения дна и тулова: 1) нижняя лента ставилась на лепешку; 2) нижняя лента приставлялась к лепешке. Сама лепешка изготавливалась или из одного комка глины, или путем лоскутного налепа, или навивалась из жгута. Тулово собиралось из жгутов с последующей их расформовкой или из лент (шириной 4–7 см). Есть основания говорить и о применении лоскута. В обработке поверхности прослежена тенденция небрежного отношения к оформлению. Много черепков и целых форм имеют задиры и на-

плывы глины по внешней поверхности. Отсутствует лощение. Керамика толстостенная (до 1,7 см). Есть причины заявлять и о неотработанной технологии сушки и обжига: на поверхности присутствует большое количество трещин, горшки «мажутся» – в мокром состоянии очень легко отходят поверхностные слои.

Специфична орнаментация сосудов данной группы: орнамент прост и однообразен, ограниченное применение элементов сопровождается и предельно простыми композиционными построениями. Сосуды имеют орнаментированный рядом наклонных насечек верхний край горловины; по шейке – ряды жемчужин, ямок, реже – ряд наклонных насечек; на плечиках – один – два ряда наклонных насечек или оттисков гребенки, иногда в сочетании с ямками или жемчужинами, нанесенными поверх основного орнамента. Есть несколько изделий с «веревочным» орнаментом.

Вопрос о культурной атрибутике данного типа на сегодняшний день решить довольно сложно. Однако отметим, что тезис, высказанный еще в 1985 г. В.И. Молодиным (1985, с. 163): «...перед нами одна из форм внутренней эволюции ирменской культуры», имеет право на сосуществование, хотя мы отдаем себе отчет о его уязвимости. С точки зрения технологических особенностей, содержания орнаментальных мотивов и их расположения на сосуде, ирменские традиции можно признать доминирующими.

Вместе с тем такой выраженный керамический комплекс обнаружен пока только на памятнике Чича-1. Для самого памятника фиксируется весьма показательная ситуация: в наиболее укрепленной части доминирует позднеирменская посуда, представленная разными типами. В качестве сопутствующей имеет место керамика сузгунского и красноозерского облика, редко – завьяловская и неатрибутированная керамика. Последняя доминирует на периферийной части городища, где позднеирменская и другие комплексы представлены в малом количестве. Все это свидетельствует о сложном этнокультурном составе населения, одновременно проживающего в одном поселке.

Дальнейшее изучение городища, равно как и углубленное исследование керамического комплекса, позволит вскрыть ряд обозначенных проблем, чрезвычайно важных для реконструкции историко-культурных процессов, протекавших в Евразии в переходное от бронзы к железу время.

В.И. Молодин, О.И. Новикова, Г. Парцингер, Й. Шнеевайсс,
А.Е. Гришин, Н.С. Ефремова, М.А. Чемякина
*Институт археологии и этнографии СО РАН;
Германский археологический институт*

ПОГРЕБЕНИЯ ЛЮДЕЙ НА ЖИЛОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1

Комплексные исследования городища Чича-1, ведущиеся на протяжении последних трех лет (см.: Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001а; 2001б; 2002) существенно увеличили фонд археологических источников по переходному от бронзы к железу времени лесостепной зоны Западной Сибири. Одним из интересных фактов, зафиксированных на памятнике, являются человеческие погребения, совершенные на территории городища, в том числе в жилищах. Предварительные сообщения, касающиеся этих находок, были представлены ранее (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001а, с. 385, 387; 2001б, с. 114–115; Новикова О.И., 2002; Новикова О.И., Шнеевайсс Й., 2002). В полевом сезоне 2002 г. получены новые данные (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2002, с. 388, 390) что позволяет вновь обратиться к этому сюжету.

При разборке культурного слоя на различных участках городища (на межжилищном пространстве, в заполнении жилищ и рва) были обнаружены разрозненные человеческие кости, фрагменты черепов и зубы. Данные находки мы склонны интерпретировать как разрушенные погребения, хотя возможно и другое объяснение: например, как проявление каннибализма, поскольку фрагмент лицевой части одного из черепов был разрублен и обожжен.

В непосредственной близости от конструкции №5 (раскоп 3) было исследовано погребение взрослой женщины, находившееся в неглубокой, но обширной по площади могильной яме. Погребенная лежала на спине, с подогнутыми вверх коленями, головой на юг. Сопроводительный инвентарь представлен тремя позднеирменскими сосудами. В заполнении могилы обнаружен фрагмент черепа еще одной взрослой особи (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001б, с. 114–115).

Остальные исследованные захоронения находились внутри жилищ. Обнаружено семь погребений младенцев: одно в жилище №8 (раскоп 5), два в жилище №3а (раскоп 6), одно в жилище №9

(раскоп 7), два в жилище №10 (раскоп 10) и одно в жилище №11 (раскоп 12). Погребения совершены в небольших и неглубоких ямах, параметры которых соответствуют размеру тела младенца в скорченном положении, то есть умершие были буквально втиснуты в ямы. В трех случаях погребенные находились на правом боку, в скорченном положении, головой на юг, восток, и юго-восток, сопроводительный инвентарь отсутствовал. Все погребенные, по определению антропологов к.б.н. Т.А. Чикишевой и Д.В. Позднякова, являлись новорожденными. Расположение ям-могил явно не случайно: они примыкают к стенам котлованов (восточная или западная), либо находятся в непосредственной близости от одного из углов жилища (северо-западный, юго-западный, северо-восточный) и, как правило, вписаны в ряд столбовых ям. Кроме этого, в жилище №11 (раскоп 12) обнаружено вторичное погребение подростка. В яме, примыкающей к восточной стенке жилища, находились несколько разрозненных костей. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовым кольцом-пронизкой.

Важно отметить тот факт, что погребения совершены как в центральной части городища, так и на его периферии, что еще раз свидетельствует об одновременности функционирования всего поселенческого комплекса. Захоронения, совершенные на территории городища, и погребения из некрополя, расположенного рядом с памятником, но уже за пределами внешней линии оборонительных сооружений (Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А. и др., 2001, с. 395–397), сближают общие черты погребального обряда: размещение умерших в скорченном положении на правом боку, преобладание южной ориентации, наличие вторичных погребений, совершенных в неглубоких могилах. Данные черты корнями уходят в эпоху поздней бронзы, являясь характерными для ирменской культуры (Молодин В.И., 1985, с. 134–135). Наряду с этим появляются и новации: захоронение на спине с подогнутыми вверх коленями, помещение вторичных погребенных в более глубокие ямы. Уместно отметить присутствие таких черт на могильнике переходного от бронзы к железу времени Старый Сад (Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992).

Захоронение умерших на территории поселений, в том числе в жилищах – явление достаточно распространенное во времени и пространстве (Алкин С.В., 1998, с. 77), но наиболее характерен данный обряд для обществ с производящей системой экономики, ведущих оседло-земледельческий образ жизни (Бибиков С.Н., 1953,

с. 194–199; Алексин В.А., 1986, с. 151–153; Антонова Е.В., 1990). «Сознание постоянной связи коллективов родственников, живших и умерших, с определенным местом обитания приводило к совмещению жилого пространства и мест захоронений» (Антонова Е.В., 1990, с. 38). В земледельческих культурах Востока погребения детей часто совершались под полом, стенами и порогом жилищ (Ghirshman R., 1954, p. 30). В Средней Азии подобная традиция распространяется с IV тыс. до н.э. (Pumpelly R., 1908, p. 39; 491; Литвинский Б.А., 1952, с. 49–50) и бытует вплоть до этнографической современности (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 99). Блестящая этнографическая подборка проявления этой традиции в виде закапывания послета в доме или рядом с ним приведена Б.А. Литвинским (1958, с. 31–33).

Среди материалов археологических культур Западной Сибири и сопредельных территорий известны отдельные случаи человеческих погребений, или находки разрозненных костей на поселениях (см.: Евдокимов В.В., Корочкова О.Н., 1991, с. 54; Матвеев А.В., 1993, с. 73; Мокрушин В.П., 1989, с. 83). Е.Е. Кузьмина упоминает о жертвенных погребениях маленьких детей под полом андроновских жилищ (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 97). Чаше встречаются находки, интерпретируемые как человеческие жертвоприношения на святилищах, культовых местах, жертвенных комплексах, связанных с поселениями (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с. 76–78; Черных Е.М., 2001, с. 70–72).

Скорее всего, обряд погребения на поселениях и в жилищах не был традиционным для древнего автохтонного населения Западной Сибири, и его истоки следует искать на других территориях.

Погребение младенцев в жилищах является характерной чертой петровских поселений Северного Казахстана. Захоронения совершались в полу жилищ в небольших овальных ямах, вытянутых по линии З–В, у головы погребенного, как правило, находился сосуд (Зданович Г.Б., 1988, с. 133). Территориально и хронологически близкими петровским комплексам являются памятники нуртайского типа Центрального Казахстана. На поселениях нуртайского типа также известны погребения младенцев. Погребенные вне жилищ находились в неглубоких ямах, в скорченном положении на левом боку, преобладающая ориентация – западная. Ребенок, погребенный в центре одного из жилищ, лежал на животе (Ткачев А.А., 1999, с. 22–24). Как уже отмечалось, широко распространены погребения детей в жилищах в древнеземледельческих культурах Передней и Средней Азии (Алексин В.А., 1986; Антонова Е.В., 1990).

Таким образом, интересующий нас обряд тяготеет к юго-западным (по отношению к Барабинской лесостепи) территориям. Наиболее ранним его проявлением в западносибирских материалах можно считать наличие детских погребений на поселении, зафиксированное В.И. Соболевым и А.Н. Панфиловым при раскопках памятника кротовской культуры Абрамово-11 в Барабе (Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И., 1989). Аналогичные факты отмечены на поселении Березовая Лука (Лесостепной Алтай), исследования которого ведутся под руководством Ю.Ф. Кирюшина. На площади поселения обнаружены шесть погребений младенцев, а также разрозненные кости, принадлежащие разновозрастным особям (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, с. 391).

О контактах «кротовцев» с носителями среднеазиатских культур эпохи бронзы уже говорилось ранее (Молодин В.И., 1988). Вероятно, интересующая нас традиция была транспортирована населением, проникшим в Западную Сибирь в 1-й пол. II тыс. до н.э. из Средней Азии. Присутствие у «кротовцев» европеоидных черт, зафиксированное Т.А. Чикишевой, свидетельствует в пользу этого предположения.

О наличии связей населения городища Чича-1 с южными регионами косвенно свидетельствуют немногочисленные находки на памятнике фрагментов крашеной и расписной керамики.

Какова причина погребения младенцев в жилищах? Мы уже выдвигали две возможные версии объяснения (Новикова О.И., 2002, с. 192; Новикова О.И., Шнеевайсс Й., 2002, с. 199–200). Первая основана на широко известных как по археологическим, так и по этнографическим источникам фактах особого отношения к детям младенческого возраста (и при жизни, и после смерти). В данном случае слабым местом этой версии является одинаковый возраст погребенных и относительно малое количество погребений. По материалам могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад (Центральная Бараба) Т.А. Чикишева приводит следующие показатели смертности для основных возрастных групп: мужчины – 41,7%, женщины – 31,2%, дети – 27,1%. При этом 38,5% от общего числа умерших детей составляли новорожденные и дети до года (Чикишева Т.А., 2000, с. 132). Сомнительно, что при предполагаемом высоком уровне детской смертности количество детей, умерших в возрасте до года, на городище Чича-1 было столь незначительным и что все они были новорожденными.

Второе объяснение построено на жертвенном характере младенческих погребений. В пользу этой версии можно привести раз-

личные этнографические свидетельства, но подтвердить ее археологически очень сложно. Следы насильственного умерщвления (либо каких-то последующих действий с телом) по нашим материалам не зафиксированы. Какие-либо предметы, которые можно было интерпретировать как жертвенные, в погребениях отсутствуют. Еще сложнее обстоит дело с интерпретацией возможного характера жертвы. В литературе приводятся следующие варианты: строительная жертва (Байбурин А.К., 1983, с. 61–62; Формозов А.А., 1984, с. 240; Кузьмина Е.Е., 1994, с. 97), предотвращение болезни и смерти будущих детей (Антонова Е.В., 1990, с. 105), идея возрождения умершего (Антонова Е.В., 1990, с. 105; Алексин В.А., 1986, с. 152), культ плодородия (Бибииков С.Н., 1953, с. 197–198; Антонова Е.В., 1990, с. 106–107).

Нам представляется, что погребение младенцев, даже умерших естественной смертью, в любом случае носило культовый характер символической жертвы. Ребенок, не достигший определенного возраста, у многих народов в большей степени принадлежал не миру людей, а миру духов и наделялся соответствующими качествами, позволяющими выступать в роли медиатора.

Тот факт, что, помимо младенцев, на жилом пространстве городища хоронили в определенных случаях подростков и взрослых, свидетельствует о проявлении более сложных представлений и связанных с ними обрядовых действий, понять и реконструировать которые еще предстоит.

В.И. Молодин, Г. Парцингер, А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко,
Й. Шнеевайсс, О.И. Новикова, Н.С. Ефремова
*Институт археологии и этнографии СО РАН;
Германский археологический институт*

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ГОРОДИЩА ЧИЧА-1: АНАЛИЗ СТРАТИГРАФИИ И ПЛАНИГРАФИИ

Четыре года интенсивных исследований на памятнике позволяют по-новому осветить некоторые проблемы пространственно-временной динамики городища. В данной статье мы опираемся на стратиграфические и планиграфические наблюдения. Основная цель – проанализировать полученные результаты, создать рабочие гипотезы для понимания процесса формирования городища и определить принципиально важные с этой точки зрения участки для дальнейших исследований.

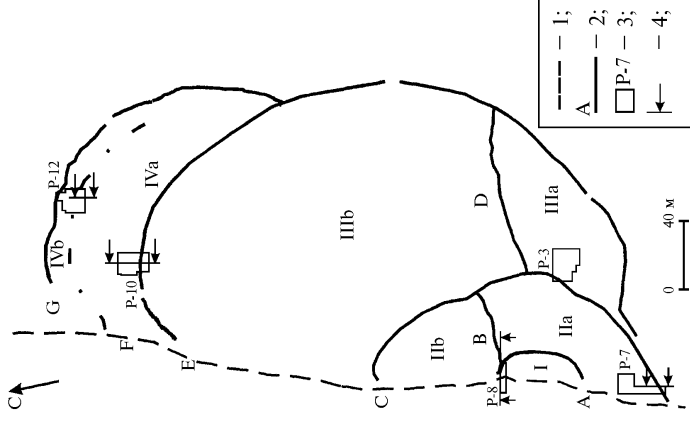
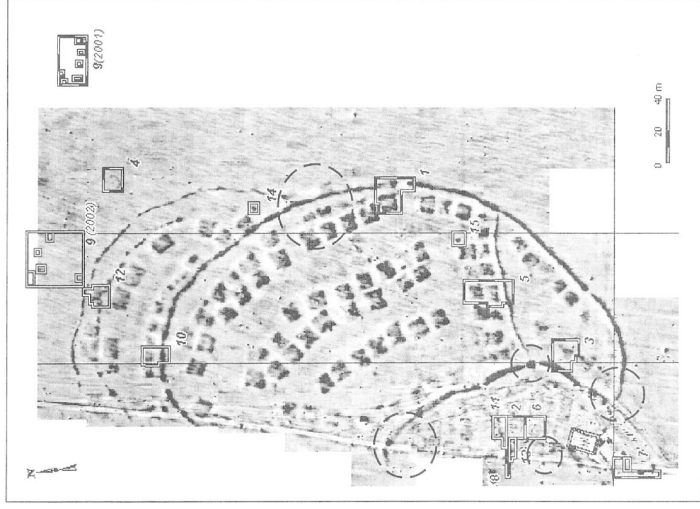

Рис. 1. а – магнитограмма городища и местоположение раскопов 1979, 2000–2002 гг. Пунктир – перспективная область; б – схема условного членения городища и номенклатура жилых площадок и рвов. Условные обозначения: 1 – край террасы; 2 – линия и обозначение рва; 3 – границы и обозначение раскопов; 4 – линия разреза

Для удобства изложения и анализа в данной работе и в дальнейшем предлагается условная система членения городища и номенклатура основных линий рвов и жилых площадок (рис. 1б). Данная схема опирается на магнитограмму памятника (рис. 1а). Наиболее важные для нас стратиграфические колонки исследованы на раскопах 3, 7, 8, 10, 12. Планиграфия городища анализировалась на основе исследованных участков и магнитограммы.

На раскопе 8 были исследованы часть зольника и участки рвов А и В (рис. 1б, 2а.-1). Ров А имел ширину по верхней границе 6,5 м, по дну – 4,2–4,6 м, глубину – 0,8–1,30 (здесь и далее глубины даны относительно уровня материка) и трапецевидный профиль. Вероятно, время его сооружения и использования как фортификационной системы относится к моменту функционирования зоны I (исследования в этой зоне пока не проводились). Затем в ходе расширения площади городища за счет застройки пространства за пределами рва А, формируется зона II, ограниченная рвом С. Возможно, именно на этом этапе ров А утрачивает первоначальную роль и используется, судя по разрезу, в качестве зольника.

На одном из этапов существования зоны II, когда ров А был на 1/2 заполнен отходами, она была разделена на две части рвом В – зоны II а и II б (рис. 1б; 2а.-1). Строительство рва В велось с учетом существовавших тогда построек в зоне II. Он проходил от рва С ко рву А и далее пролегал по его линии к краю террасы. При этом ров В в месте слияния не выходил за границы рва А: он был гораздо уже и не доходил до дна рва А. Ширина рва В по верхнему краю составляла 1,7–2 м, по дну – 0,15–0,6 м, глубина – 1,15–1,3 м, в профиле он имел форму конуса. Функцию рва В однозначно определить сложно. Следует отметить, что на дне его отложились водные наносы (дренажная канава?). Когда ров В был заполнен на 1/4, то вместе с остатками рва А он был полностью засыпан. Доминирующей керамикой на всех вышеперечисленных этапах являлась позднейрменская (с небольшой долей посуды более северных культур переходного времени, а также керамикой, господствующей на участках городища III и IV).

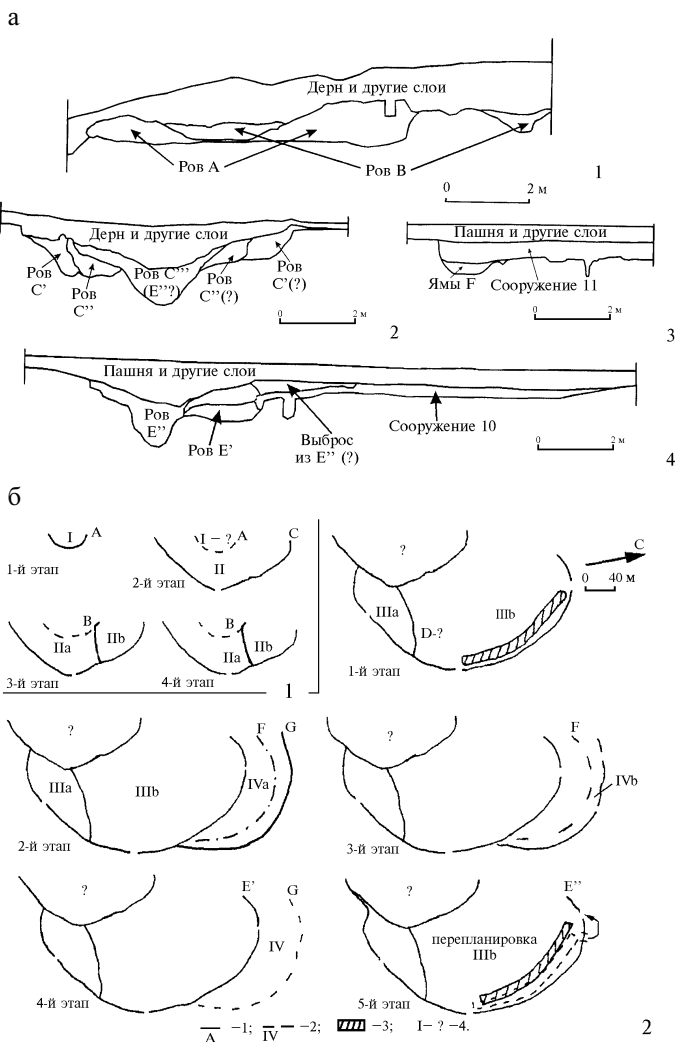

Рис. 2: а – схемы стратиграфических разрезов раскопов 8 (1), 7 (2), 10 (3), 12 (4); б – возможные этапы развития зон I и II (1), III и IV (2).
Условные обозначения: 1 – контуры и номенклатура возникших рвов и площадок; 2 – контуры и номенклатура заброшенных рвов и площадок; 3 – местоположение «северной» улицы зоны III b; 4 – неизвестно время возникновения или запустения

Строительство рва С и рва А шло по схожим архитектурным канонам. Аналогичны конструкционные особенности рвов: пропорция ширины и глубины смещена в сторону первой – 6:1, трапециевидный профиль. Правда, последнее обстоятельство для рва С не бесспорно, так как позднее он дважды подвергался обновлению, в ходе которого его глубина увеличивалась, а ширина сокращалась (раскоп 3 – Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001, рис. 94, 95). Оба обстоятельства указывают на то, что следование этим традициям было обусловлено сходством функций рвов А и С.

Отметим также, что ров С''' на участке, изученном в раскопе 7 (рис. 2а.-2), наиболее напоминает размерами и профилем ров Е'' (см. ниже). В месте пересечения рвов Е и С на магнитограмме зафиксирован участок, где рвы идут практически параллельно, а затем, по всей видимости, совмещаются (рис. 1а, 1б). Можно предположить, что ров С на данном участке был перерезан при последней реконструкции рва Е''. По сути, это пока единственная стратиграфическая возможная, но неподтвержденная привязка, синхронизирующая развитие зон I и II («цитадель») и зон III и IV (периферия городища), о которых речь пойдет ниже.

Анализ стратиграфии позволил выделить два этапа существования рва Е – фазы Е' и Е'' (рис. 2а-3) на раскопе 10. Ров Е' имел ширину до 2,5 м и глубину 2–1,3 м. В эту фазу ров имел уплощенное дно и трапециевидный профиль. Достоверно зафиксированы два прохода во рву. В рамках раскопа 10 рвы Е' и Е'' явственно разделились, но ров Е' почти никак не отразился при геомагнитном мониторинге, произведенном на данном участке различными методами (рис. 1а; Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А. и др., 2001, с. 394–396, рис. 2). По всей видимости, это результат специфического заполнения рва. Ров Е' перекрыт жилищными котлованами 10 и 12 (раскоп 10) (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2002, с. 386–388). К этому моменту он был заполнен более чем на 2/3 специально или в процессе естественного разрушения.

Ров Е'' имеет другой, конусовидный профиль, ширину до 5,8 м по верху и глубину 1,8–2,5 м. Зафиксировано три разрыва рва (раскопан один) – проходы на жилую территорию городища. По всей видимости, магнитограмма наиболее ярко отразила именно ров Е''.

Таким образом, ров Е'' был сооружен практически по линии предыдущего рва Е', но изменилась система проходов (рис. 2б.-2). В ряде случаев зафиксировано смещение оси рва во внешнюю или внутреннюю сторону. Возможно, восстановительные работы проводились по углублению, оставшемуся от рва Е', которое не всегда совпадало с первоначальной осью рва. Один из вариантов интерпретации стратиграфии, озвучиваемый в данной статье, указывает на то, что в котлован жилища 10 был помещен выброс, образовавшийся при сооружении рва Е''. В таком случае можно предполагать, что жилище уже не функционировало, а котлован его был использован для помещения выброса из рва. Отсюда вытекает следующая последовательность сооружения – ров Е', его разрушение или засыпание, возведение жилищ зоны IVa, запустение зоны IVa, реконструкция рва Е (фаза Е'').

В связи с фазами рва Е интересно проанализировать характеристики крайней «северо-восточной» улицы зоны IIIb (рис. 2б.-2). Судя по магнитограмме (других данных у нас пока нет), на этой улице возможно частичное или полное наложение двух разновременных улиц. Возможно, более северный ряд домов является более ранним. На это косвенно указывает западное окончание «ранней» улицы, которое соответствует проходу в более раннем рве Е' (раскоп 10). В то же время западное окончание более поздней улицы ориентировано на проход в более позднем рве Е», который фиксируется на магнитограмме. Причина перенесения части построек «северо-восточной» улицы зоны IIIb пока не ясна, так как ни одна конструкция здесь еще не исследовалась.

Информация об относительном положении жилищ зоны IVb и линии ям F (ямы №1, 31, 32) представлена в разрезе раскопа 12 (рис. 2а.-3). Заполнение ям указывает на их функцию в качестве мусоросборников. Возможно, ямы могли дополнительно играть и другую роль. Часть ям была перерезана при сооружении конструкции 11. Приведенные наблюдения напрямую доказывают, что в рамках зон III и IV происходила неоднократная перепланировка.

Анализ керамики городища показал, что комплекс не един, а соответствует как минимум двум основным культурным традициям: местной (позднеирменской) и пришлой, многокомпонентной (пока культурно не атрибутированной) (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001, с. 394). Первая локализуется в зоне I (?), II, рвах А, В, С, а вторая – в зонах III, IV, рвах D, Е, G. Хотя эпохаль-

ная близость традиций налицо и подтверждается находками, о прямой синхронизации существования разнокультурных частей городища в определенные периоды говорить сложно.

Ниже мы предлагаем вариант возможной последовательности расширения площади памятника. При этом мы учитываем те факты, которые позволяют относить его к одной эпохе – наличие во всех его зонах довольно узко датирующих вещей, сочетание в разных пропорциях разнокультурной, но синхронной по времени керамики.

Для зон I и II (рис. 26.-1):

1. Строительство зоны I и рва А.
2. Сооружение зоны II и рва С; запустение (?) зоны I и использование рва А в качестве свалки (зольник).
3. Строительство рва В и разделение зоны II на IIa и IIb.
4. Засыпка рвов А и В.

Для зон III и IV (рис 26.-2):

1. Появление зон III a и IIIb и рвов Е' и D (?);
2. Пристройка зоны IVa и линии ям F и рва G (?);
3. Заполнение ям линии F. Появление построек зоны IVb;
4. Полное или частичное запустение площадки IV;
5. Сооружение рва Е'' и внутренняя перепланировка зоны IIIb (перенос части построек «северо-восточной» улицы внутрь перенос городища).

Следует иметь в виду, что предлагаемая динамика происходила в пределах переходного от бронзы к железу времени, т.е. с конца IX по VII вв. до н.э. и, вероятно, занимала сравнительно небольшой промежуток времени.

Таким образом, выделенные этапы указывают на постепенный территориальный рост городища, значительную внутреннюю перепланировку, а затем и постепенное запустение. Вычленение этапов важно для понимания как причин появления и исчезновения столь крупного укрепленного поселения, так и для анализа демографических процессов.

Чтобы уточнить и дополнить представленные предположения, необходимы дальнейшие исследования и стратиграфические наблюдения. На наш взгляд, наиболее перспективными для этой цели являются участки, на которых можно ожидать сложную стратиграфическую ситуацию – наложение рвов друг на друга, совмещение их с котлованами жилищ и т.п. (пунктир на рис. 1а).

В.И. Молодин, Г. Парцингер, Н.С. Ефремова,
А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина
*Институт археологии и этнографии СО РАН;
Германский археологический институт*

КОЛЛЕКЦИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1

Большой интерес представляет серия бронзовых изделий, обнаруженных на поселении переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени Чича-1. Часть бронзовых предметов была опубликована в ранее изданных статьях и монографиях (Молодин В.И., 1985; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001, с. 154–155).

Изделия из металла присутствовали практически на всех исследованных объектах памятника. На настоящий момент получена коллекция, состоящая из 66 предметов, условно названных бронзовыми. Серию представляют шилья (21 экз.), ножи (13 экз.), наконечники стрел (5 экз.), элементы конской упряжи (1 экз.), украшения (17 экз.), а также различные орудия (3 экз.) и неопределимые фрагменты изделий (6 экз.). В находках имели место также всплески бронзы (11 экз.) и фрагменты бронзолитейного шлака (15 экз.). Бронзовые артефакты встречались как в верхних слоях памятника, потревоженных распашкой, так и в «закрытых» комплексах. В настоящей статье мы предлагаем краткую характеристику этого материала.

Шилья (рис. 1.-6–24). Найдено 15 целых экземпляров и шесть фрагментов. В некоторых случаях шилья были найдены в ямках на полу жилищ. Целые предметы отличаются по размерам, большинство шилев имеют четырехгранное сечение. Отдельные экземпляры являются обоюдоострыми, у части орудий нерабочий конец уплощен и закруглен. В XI–VI вв. до н.э. четырехгранные шилья без наверший хорошо известны в карасукской, ирменской, тагарской (Членова Н.Л., 1994, с. 71) а также других культурах Сибири.

Один экземпляр (рис. 1.-15) отличался массивностью формы и наличием плоской округлой шляпки. Шило в сечении четырехгранное. Подобные образцы хорошо известны в памятниках переходного от бронзы к железу времени Евразии. Аналоги гвоздевидным шильям обнаружены на равнинном Алтае (поселение переходного времени Ближние Елбаны-I) (Косарев М.Ф., 1991, с. 269, рис. 53.-19), в Горном Алтае (святилище Кучерла-1, выработки олова Чебунды, конец II – начало I тыс. до н.э.) (Черников С.С., 1949, табл. X, рис. 3), в материалах тагарской культуры (могильник Самохвал), где шилья с округлой шейкой и четырехгранным сечением имеют место в VII–VI вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1992, с. 213; табл. 86.-32; 1994, с. 71).

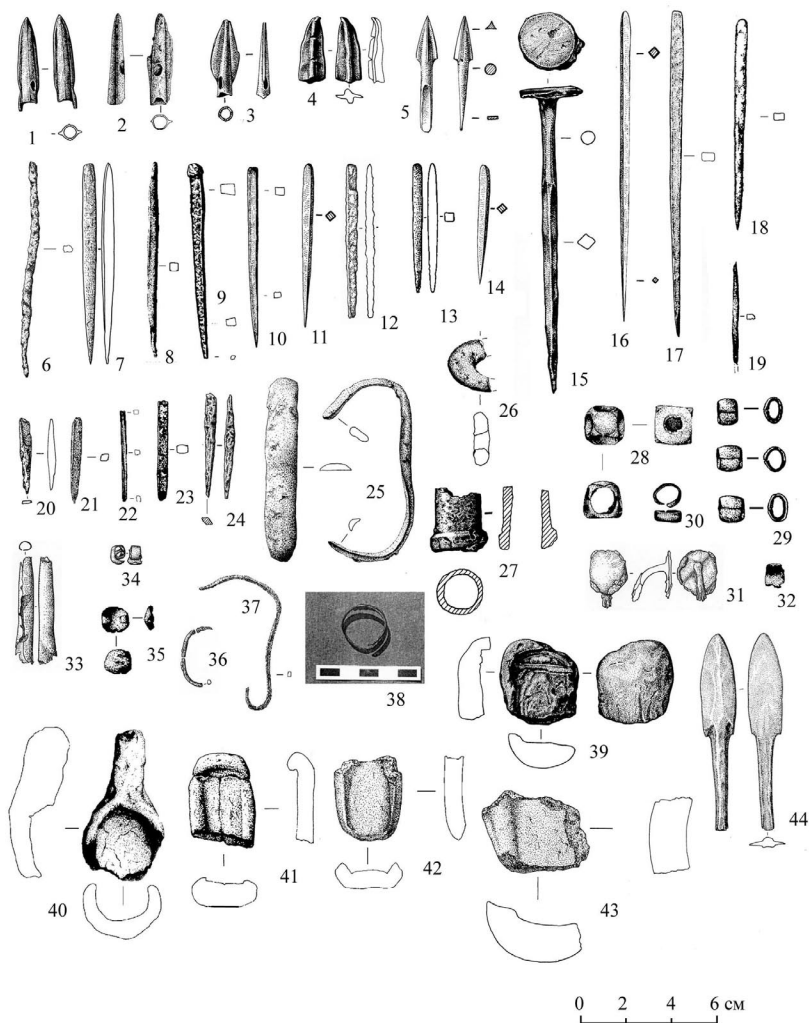

Рис. 1. Бронзовые изделия городища Чича-1: 1 – раскоп 10; 2, 25, 26 – подъемный материал; 3, 5, 10, 11, 14, 20 – раскоп 5; 4, 39 – раскоп 6; 6, 22, 28, 37, 40 – раскоп 3; 7 – раскоп 13; 8, 18, 21, 32, 35 – раскоп 2; 9, 19, 23, 29, 41-43 – раскоп 1; 12 – раскоп 11; 15, 24, 30 – раскоп 12; 16 – раскоп 7; 17 – раскоп 14; 27 – раскоп 15; 31, 34, 36, 38 – раскоп 9; 33 – раскоп 8 (6-12 – железо, 39-43 – глина, остальное – бронза)

Ножи (рис. 2). Коллекция насчитывает шесть целых форм и семь обломков. По оформлению навершия рукояти выделяются ножи «с аркой на кронштейне» (3 экз.) (рис. 2.-1, 2), с валиковым навершием, под которым пробито отверстие (рис. 2.-11) и с монетовидным навершием (рис. 2.-3). Аналоги данным формам ножей распространены достаточно широко.

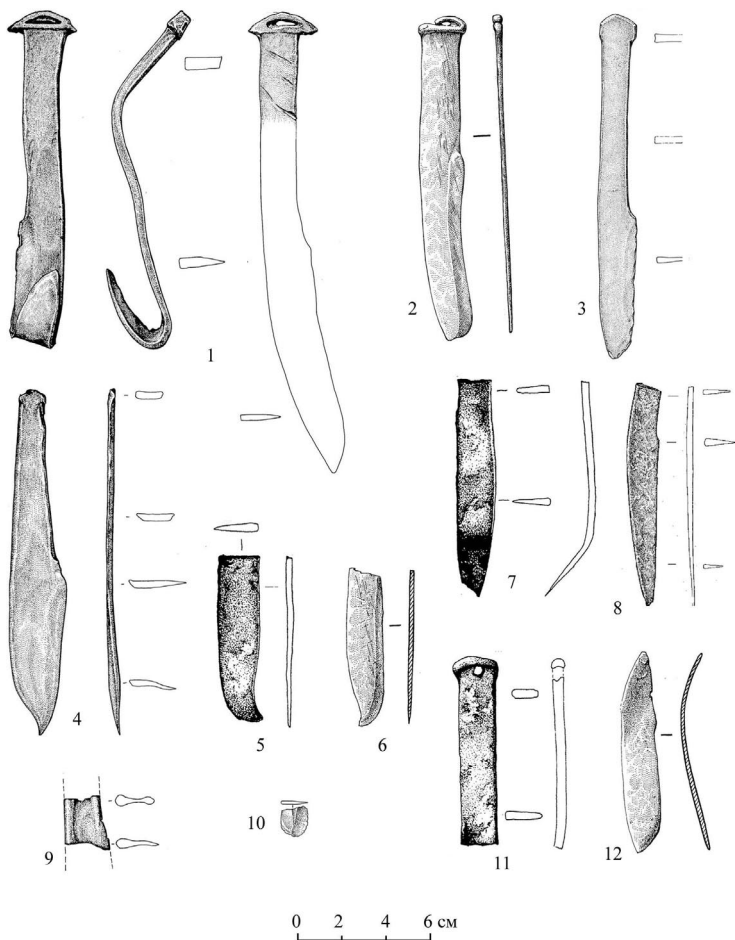

Рис. 2. Бронзовые ножи городища Чича-1: 1, 2, 4, 9 – раскоп 5; 3 – раскоп 10; 5, 7, 11 – раскоп 1; 6, 10, 12 – раскоп 6; 8 – раскоп 3

Нож «с аркой на кронштейне» отмечен в материалах могильника Преображенка-3 в Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, рис. 2.-6), поселений Мыльниково VIII–VII вв. до н.э. (Шамшин А.Б., 1989, с. 118, рис. 1.-2), Крестьянское-2 (Иванов Г.Е., Исаев Н.Н., 1996, с. 108, рис. 1.-8), у оз. Новенькое (Лесостепной Алтай) (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, с. 109, рис. 22; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 58.-3). В Горном Алтае нож подобной формы найден в Денисовой пещере и относится к начальной стадии эпохи раннего железа (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, рис. 48.-1). Аналоги бронзовым ножам Чичи-1 известны также в материалах VII–VI вв. до н.э. могильников Ближние Елбаны-VII и XIV (Грязнов М.П., 1992, с. 177; табл. 69.-30, 43).

Ножи с монетовидным навершием (VIII–VII вв. до н.э.) встречены в ирменских погребениях Кузнецкой котловины (Бобров В.В., Васютин А.С. и др., 1998, рис. 1.-3) и Приобья (Матющенко В.И., 1974, с. 49). Нож с валиковым навершием, датирующийся VIII–VII вв. до н.э., обнаружен в кургане №2 могильника Бийке (Тишкин А.А., 1996, с. 51; рис. 4.-1). Ножи с валиковым навершием и навершием в виде «арки на кронштейне» в VIII–VI вв. до н.э. были распространены также в Восточном и Центральном Казахстане (Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А., 1992, с. 145; табл. 56.-2-4; Пересветов Г.Ю., 2001, с. 282; рис. 1.-1).

Три ножа серии имели своеобразный отогнутый вверх и закругленный кончик лезвия (рис. 2.-4-6). Орудия подобных форм известны с эпохи бронзы. Так, уже в материалах майкопской культуры Северного Кавказа отмечен *нож-бритва*, имеющий аналогичное оформление режущего края (Мунчаев Р.М., 1994, с. 203; табл. 50.-7). Ножи сходного облика (так называемые ковровые) отмечены в эпоху бронзы на памятниках Средней Азии (Виноградова Н.М., 2000, с. 97, рис. 9.-1, 2). В Восточной Сибири ножи с приподнятым кончиком были распространены в карасукскую эпоху (см., например: Хлобыстин Л.П., 1987, с. 341; рис. 134.-8; Членова Н.Л., 1972, табл. 7.-38, 10.-52, 37.-52; 57.-36 и др.). Вогнуто-обушковые (хвостатые) ножи отмечены также в Монголии, Южной Сибири и Китае, причем у забайкальских и южносибирских ножей отогнутость клинка является атавизмом и выражена слабо. Происхождение же ножей такого рода связывается исследователями со степными районами Центральной Азии (Новгородова Э.А., 1970, с. 92).

На завершающем этапе ирменской культуры (позднеирменская культура переходного времени (Молодин В.И., 1979; 1985, с. 174)) ножи всех описанных форм датируются VIII–VII вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1994, с. 15–18; рис. 1.-1, 7, 9, 12, 14, 20, 24; 2.-1, 9; 3.-6, 10, 17, 19; 5.-2; 8.-2; 28.-1).

Особо следует отметить находки фрагментов глиняных литейных форм для отливки ножей, в том числе для ножа с навершием в виде «арки на кронштейне» (рис. 1.-39) и изделия с брусковидным навершием (рис. 1.-41).

Наконечники стрел (рис. 1.-1–5). На настоящий момент коллекция насчитывает пять наконечников стрел, среди них четыре втульчатых и один черешковый.

В Западной Сибири бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники встречаются с позднебронзового времени (Худяков Ю.С., 1989, с. 31). Полная аналогия, включающая отверстие на втулке, известна в материалах Степного Алтая (поселение Глубокое, Завьяловский район) (Иванов Г.Е, 1993, с. 60, рис. 1.-11). Наконечник с шипом имеет аналоги в Барнаульском Приобье (поселение переходного от бронзы к железу времени Мыльниково) (Шамшин А.Б., 1989, с. 118, рис. 1.-8), в Среднем Прииртышье (городище переходного времени Инберень-VI) (Косарев М.Ф., 1991, с. 271, рис. 55.-15). Подобные наконечники распространены в раннескифское время в Туве и в Минусинской котловине (Худяков Ю.С., 1989, с. 33, рис. 4.-9, 21), а также в Горном Алтае (Кочеев В.А., 1998, с. 272, рис. 1.-1, 2). В VIII–VII вв. до н.э. втульчатые наконечники листовидной формы встречаются на памятниках Новосибирского Приобья (Троицкая Т.Н., 1970, рис. 4.-м), Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии (Грушин С.П., Дашковский П.К., 2002, с. 13, рис. 1.-2, 4, с. 14). В Казахстане и Средней Азии подобные наконечники – со скрытой втулкой и очень узким пером – датируются IX–VIII вв. до н.э. (Итина М.А., 1992, с. 35; табл. 2.-7).

Черешковые трехлопастные наконечники с уплощенным насадом появляются в период поздней бронзы Среднего Приобья, в раннескифский период они отмечены также в Туве (Косарев М.Ф., 1991, с. 266, рис. 50.-6; Худяков Ю.С., 1989, с. 31, рис. 3.-4, с. 33, рис. 4.-8). Наконечники такого типа встречаются также в Монголии, Южной Сибири, Южном Приуралье, Казахстане, на Памире и Алтае и существуют до III в. до н.э. (Грязнов М.П., 1992, табл. 70.-38, 39; Итина М.А., 1992, с. 41, табл. 4.-1; Заднепровский Ю.А.,

1992, с. 96; табл. 36.-12; Иванов Г.Е., 1993, с. 60, рис. 1.-22; Грушин С.П., Дашковский П.К., 2002, с. 12–14, рис. 1.-3).

Украшения. Фрагмент *гвоздевидной подвески* (серьги ?) с округлой шляпкой (рис. 1.-31). Этот тип украшений широко распространен в ирменских могильниках Приобья и является культурно диагностирующим. Существует мнение, что гвоздевидные серьги (височные кольца) могли не только поддерживать прическу, но и надеваться на раковины ушей. Аналоги находке известны в ирменских погребениях Барабы (Молодин В.И., 1985, рис. 63.-11–16) и Верхнего Приобья (Матющенко В.И., 1974, с. 56; Матвеев А.В., 1993, табл. 24.-14), на территории Алтайского края (погребение 2 курган №4 могильника Ближние Елбаны-9 (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. и др., 1996, с. 19, 20; рис. 4.-4, 6); погр. 10 Могильника 5 памятника Малый Гоньбинский Кордон-1 (Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001, с. 59, рис. 3; с. 67), курган №23, погребение 2 могильника Камышенка (Членова Н.Л., 1974, с. 113, рис. 1.-3)), в материалах ирменских погребений у с. Шипуново на Оби (Ширин Ю.В., 1999, с. 136, рис. 1.-12, 31, 32), могильника Танай-7 Тогучинского района Новосибирской области (Мыльникова Л.Н., Бобров В.В., 1996, с. 200, рис. 6) и многих других памятниках ирменской культуры. Данные предметы продолжали бытовать и в позднеирменской культуре, о чем свидетельствует уникальный комплекс таких подвесок, обнаруженных на памятнике Омь-1 в Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Чемякина М.А., Октябрьская И.В., 2000).

Пронизки (рис. 1.-29, 30, 32–34). Представляют собой трубочки, свернутые из гладких пластинок различной ширины. Подобные изделия имели широкое распространение в эпоху бронзы и раннего железа и служили главным образом для украшения одежды и прически. Ближайшие аналоги предметам с Чичи имели место в позднебронзовых погребениях памятников Ближние Елбаны-9 (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. и др., 1996, рис. 4.-15–17, 20, 21; с. 20), МГК-1 (погр. 12, 14) (Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001, с. 61, рис. 4.-2, 6; с. 62, рис. 5.-4), ирменских погребениях Приобья (Матющенко В.И., 1974, с. 53; Молодин В.И., 1985, рис. 63.-17–19; Ширин Ю.В., 1999, с. 136, рис. 1.-14–16), на поселении эпохи поздней бронзы Крестьянское-IV (Иванов Г.Е, Исаев Н.Н., 1999, с. 84, рис. 1.-3). Украшения такого типа были широко распространены в пространстве и во времени.

Браслет (рис. 1.-25). Изготовлен из гладкой пластины, имеет линзовидное сечение и закругленные концы. Наиболее близкие

аналоги отмечены в материалах ирменской (Матющенко В.И., 1974, с. 56; Матвеев А.В., 1993, табл. 13.-6; Бобров В.И., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, рис. 4, 11, 14, 21 и др.; Ширин Ю.В., 1999, с. 136, рис. 1.-33; Членова Н.Л., 1974, с. 113, рис. 1.-5; Мыльников Л.Н., Бобров В.В., 1996, с. 200, рис. 5, 9) культуры эпохи поздней бронзы и завьяловской культуры переходного от бронзы и железа времени (Косарев, 1991, с. 272, рис. 56.-7).

Мелкие украшения – *кольцо, серьга* (?), *чешуйки* и пр. (рис. 1.-36, 38) имели бытование в обширном хронологическом и территориальном диапазоне, представлены подобные находки и в культурах переходного периода рассматриваемого региона (Матвеев А.В., 1993, табл. 25.-6, 8, 9).

Единичные находки. *Обойма-распределитель* для перекрестья ремней конской упряжи (рис. 1.-28) – кубической формы с отверстиями по бокам и в основании, сужается к верхней грани, последняя оформлена в виде округлой заклепки. Аналогичные предметы хорошо известны в памятниках Приобья (городище Каменный Мыс) (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 40, 41, рис. 2.-7), в Лесостепном Алтае (Вакулихинский клад, VII в. до н.э.) (Бородаев В.Б., 1998, с. 57, 68; рис. 6.-7, 8, 10, 11; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 41.-7); в Горном Алтае, где подобные обоймы датируются в пределах VII–VI вв. до н.э. и встречаются в курганах раннескифского времени (Грязнов М.П., 1992, с. 165; табл. 61.-20, 22; Степанова Н.Ф., 1996, с. 67; рис. 2.-11–16; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, рис. 51.-1; Кочеев В.А., 2000, с. 26, рис. 5.-23–26, с. 29), в Рудном Алтае (Алехин Ю.П., 1999, с. 14, рис. 1.-13). Аналогичные находки отмечены в Туве, где они также датируются VII–VI вв. до н.э. (Мандельштам А.М., 1992, с. 183; табл. 72.-52, 53).

Ланцетовидное оружие (рис. 1.-44). Имеет округлый в сечении черешок и плоское режущее перо. Наличие выраженных жалец может говорить об использовании этого предмета в качестве наконечника стрелы. Аналогов ему нам не известно. В качестве возможной параллели можно, пожалуй, привести ланцетовидное оружие из могильника Преображенка-3 (Молодин В.И., 1988, рис. 2.-9), однако это сходство очень отдаленное.

Рыболовный крючок миниатюрной формы, подобный современным, весьма миниатюрных размеров. Аналогий ему в комплексах эпохи бронзы и раннего железа неизвестно. Обилие остатков ихтиофауны в заполнении котлованов жилищ, а также находки

глиняных грузил свидетельствуют о значимости рыболовства в хозяйственной деятельности обитателей городища. Присутствие подобной находки говорит о существовании различных способов рыбной ловли как коллективных, так и индивидуальных.

Фрагменты *проволаки* четырехгранного сечения (рис. 1.-36, 37). Диаметр сечения второго артефакта не позволяет отнести данную находку к серьгам. Вероятно, здесь мы имеем дело с фрагментом орудия, возможно, крючка.

Своеобразным явился и обломок *бронзовой втулки* с выраженным валиком на оконечности (рис. 1.-27), который является, по-видимому, литейным браком при изготовлении бронзового копья. Изделия с аналогичным оформлением втулки хорошо известны в памятниках эпохи бронзы и раннего железа. К единичным находкам относятся бронзовая *пронизка* (1.-33), изготовленная из бронзового листа, небольшая *обойма*, изготовленная аналогичным способом (рис. 1.-34) и сферическая *бляшка* с двумя скобочками для крепления (рис. 1.-35). Все эти предметы имеют аналоги в памятниках ирменской культуры (Молодин В.И., 1985, рис. 63.-9, 10).

Исследования городища позволяют говорить о местном производстве бронзовых изделий. В жилищах, помимо фрагментов литейного шлака и всплесков бронзы, обнаружены также обломки многочисленных глиняных литейных форм (рис. 1.-39, 41–43) и льячки (рис. 1.-40). В ряде случаев удалось установить вид орудий, отливавшихся в формах. Следы бронзолитейного производства обнаружены практически в каждом из исследованных жилищ. Это говорит о том, что металлургическая технология была доступна широкому кругу населения городища.

В восточной группе распространения памятников ирменской культуры исследователями отмечается возможное существование крупных центров бронзолитейного производства, порой не связанных с поселениями. Не исключается также возможность существования определенной социальной группы, специализирующейся на обработке металла (Бобров В.В., 1997, с. 74). Учитывая местоположение городища, значительную площадь памятника и повсеместное распространение следов бронзолитейного производства, представляется правомочным предположить наличие и здесь подобного центра, хотя эта идея может пока рассматриваться не более чем рабочая гипотеза.

Таблица 1
Результаты определения химического состава изделий горюдища Чича-1 (% мас.)

№ п/п	Предмет	объект	Cu	Pb	As	Zn	Ni	Fe	Sn	Sb	Bi
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1.	Браслет	подъемный материал	99,98	0,02							
2.	Фрагмент ножа	раскоп 1	99,97	0,02	0,01						
3.	Пронизка	раскоп 1, яма 163	99,409	0,05	0,07			0,05	0,32	0,08	0,021
4.	Пронизка	раскоп 1, яма 163	99,93	0,05	0,05				0,5	0,1	
5.	Пронизка	раскоп 1, яма 163	99,692	0,11	0,09	0,05		0,05			0,008
6.	Фрагмент ножа	жил. 2	99,86	0,03					0,11		
7.	Шило	жил. 3	99,95	0,05							
8.	Шило	жил. 3	99,85	0,07	0,03			0,05			
9.	Шило	жил. 3	99,591	0,08	0,06			0,05	0,16	0,05	0,009
10.	Обойма	раскоп 3	99,25	0,75							

Произведен первичный химический анализ сплавов бронзовых изделий памятника (исследовано 26 изделий из коллекции). В качестве основных примесей к меди использовались свинец и мышьяк. В меньшей степени для этой цели использовали олово и сурьму, в незначительных количествах отмечено присутствие железа, висмута, цинка и в одном случае никеля (исследования выполнены в Проблемной лаборатории спектроскопии твердого тела КемГУ)*.

Состав сплавов исследованных изделий неоднороден, в каждом из анализируемых предметов выявленные элементы обнаруживают значительную вариабельность (до десятых долей процента). В целом доля примесей в сплавах незначительна (табл. 1). Исключением из общей серии является наконечник стрелы из раскопа 6 (рис. 1.-4), содержащий в составе примесей более 3% олова и сурьмы и более 0,1% висмута.

Пополнение коллекции бронзовых изделий не только позволит существенно расширить серию химических исследований образцов, но и сделает возможным определение сырьевых источников цветных металлов, которыми пользовались обитатели городища.

В.И. Молодин, М.А. Чемякина, Г. Парцингер,
О.И. Новикова, Н.С. Ефремова, А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко

Институт археологии и этнографии СО РАН;

Германский археологический институт

ГЛИНЯНЫЕ СКУЛЬПТУРКИ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1

Миновало полвека с тех пор, как М.П. Грязновым в слое поселения Ирмень-1 было обнаружено уникальное зооморфное скульптурное изображение из глины (Матвеев А.В., 1993, с. 167, табл. 13, рис. 11), однако интерес исследователей к этой категории находок не иссякает. Напротив, каждая новая фигурка позволяет расширить диапазон наших представлений о пространственном и временном распространении подобной глиняной пластики, приблизиться к интерпретации назначения таких изделий.

В настоящее время нам известно около 50 керамических скульптурок, происходящих из археологических памятников эпохи

---

* Благодарим В.В.Боброва за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

поздней бронзы – раннего железного века Западной Сибири. Более половины всех фигурок обнаружены при раскопках городища Чича-1. Уже первые исследования памятника дали великолепный набор мелкой пластики. Это изображения антропоморфных и зооморфных существ, выполненных в достаточно четкой иконографической манере (Молодин В.И., 1992, с. 78–80). Широкомасштабные раскопки последних лет в Чиче позволили существенно пополнить коллекцию. В нашем распоряжении на сегодняшний день имеется 18 практически целых скульптурок и более 25 фрагментов. Самое представительное собрание керамических фигурок, происходящих из одного памятника, позволило выявить их типологические и стилистические особенности, сделать определенные заключения в контексте расположения этих изделий в раскопах.

Все фигурки, за исключением одного фрагмента (рис. 2.-9), обнаружены на территории «цитадели». Эта часть памятника культурно диагностирована как позднеирменская (после завершения существования городища, в эпоху раннего железа данный участок был заселен носителями саргатской культуры). Принадлежность фигурок к позднеирменскому хронологическому пласту бытования памятника не вызывает сомнений. Основная масса глиняной пластики относится к нижним слоям заполнения котлованов жилищ, пять экземпляров отмечены в донном заполнении внутреннего рва, примыкающего к берегу озера, две – в позднеирменском зольном заполнении того же рва. Несколько фрагментов обнаружено при раскопках на склоне к озеру. Необходимо отметить, что половина всех скульптурок Чичи-1 выявлена в ямах внутри жилищных котлованов. В большинстве случаев фигурки, либо их фрагменты помещались в ямы, заполнение которых можно охарактеризовать как хозяйственное (фрагменты керамики, кости животных, рыб, фрагменты глиняных шаров). Наблюдения в раскопе 6 показали, что в трех ямах, содержащих фрагменты пластики, фиксируется уголь, рядом с одной из них обнаружен развал сосуда.

Все произведения изготавливались из одного куска глины с естественной примесью песка и органики. Дополнительной обработки поверхности не производилось, о чем свидетельствуют частые шероховатости, наплывы, следы ногтевых вдавлений и папиллярных линий пальцев рук, оставленные при формовке. Судя по плотной структуре и отсутствию трещиноватости, обжиг изделий производился в сушке. Цвет варьирует от светло-коричневого до коричне-

вого. Фрагменты оранжевого оттенка единичны, обжиг равномерный. По имеющимся местам сколов на фрагментах видно, что внутренняя часть изделий черная, что свидетельствует о восстановительном режиме обжига. Вероятно, фигурки обжигались в костре в закрытом резервуаре без доступа кислорода, затем горячими быстро извлекались, при этом окислительный процесс способствовал осветлению поверхности.

Все скульптурки можно условно разделить на две группы: антропоморфные и зооморфные.

Зафиксировано семь фигурок с антропоморфными чертами (рис. 1.-1–4, 6–8), из них три мужские (рис. 1.-1, 7, 8), одна женская (рис. 1.-6) и еще три с отсутствием половых признаков (рис. 1.-2, 3, 4). Аналогии мужским фигуркам представлены статуэтками из очага ирменского жилища памятника Омь-1 (Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А., 2000, рис. 5; Чемякина М.А. 2001, с. 19–20; Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. 2002, рис. 13, с. 71–3). Скульптурка из раскопа №13 пока единственная, сочетающая в себе оба женских признака. Ранее были известны изображения с выделенным лоном (Омь-1) (Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А., 2000, рис. 5) и рельефно оформленной грудью (Розановское городище) (Корякова Л.Н., 1988, рис. 23.-15). Антропоморфные изделия без полового диморфизма с Чичи-1 имеют близкое сходство с фигурками из Оми-1 и поселения на Еловом Мысу (Борзунов В.А., 1992. с. 187, рис. 24.-28).

Особый интерес представляет скопление вещей из ямы №108 жилища №3. Наряду со значительным количеством глиняных шаров, керамики поздней ирменского облика, костей животных и рыб в заполнении ямы найдены четыре антропоморфные скульптурки (рис. 1.-1, 2, 3, 4) и изделие из глины (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2002, с. 389, 390, рис. 3). Все имеющиеся в яме фигурки своеобразно сформованы. Голова и верхние конечности вытягивались, как обычно, из кусочка глины, а для оформления ног производилось рассечение острым предметом нижней части заготовки. Такой прием фиксируется нами впервые. Кроме того, привлекает внимание и поза фигурок. В отличие от обычной статичной трактовки образа, мастер придал всем произведениям эффект движения, они застыли в своеобразном «танце» с поднятой вверх левой рукой.

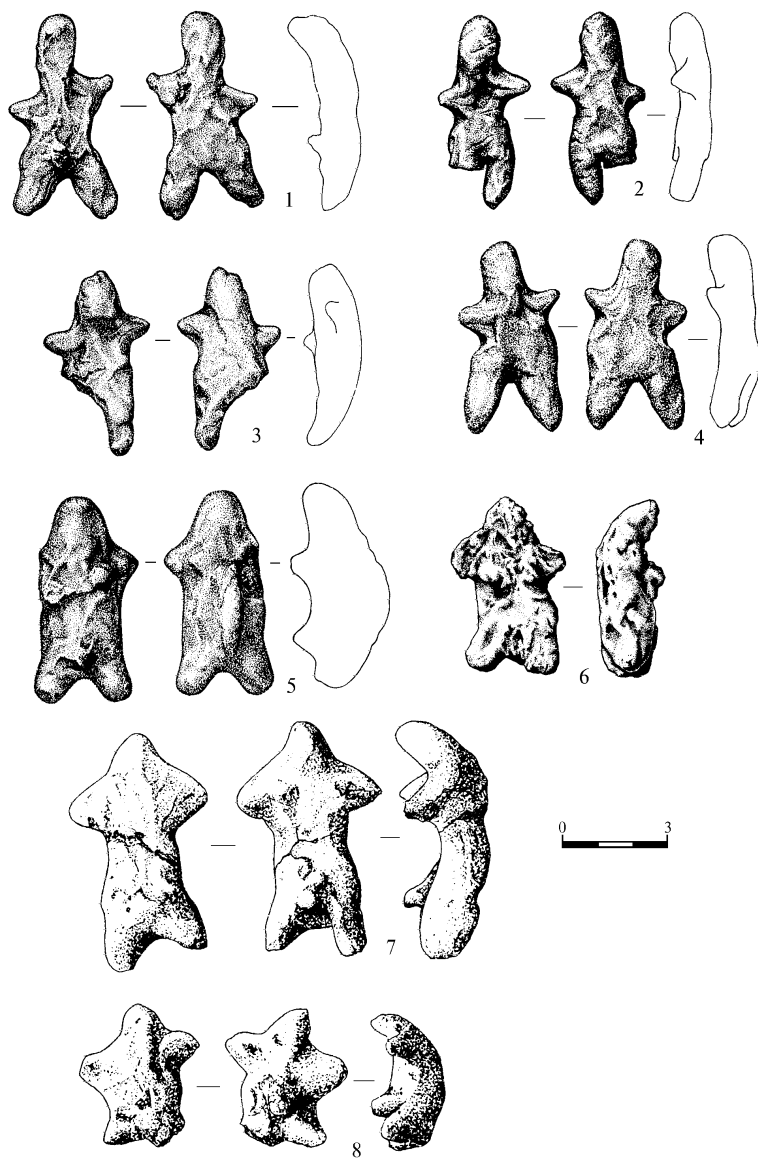

Рис. 1. Чича-1. Антропоморфные скульптурки из глины

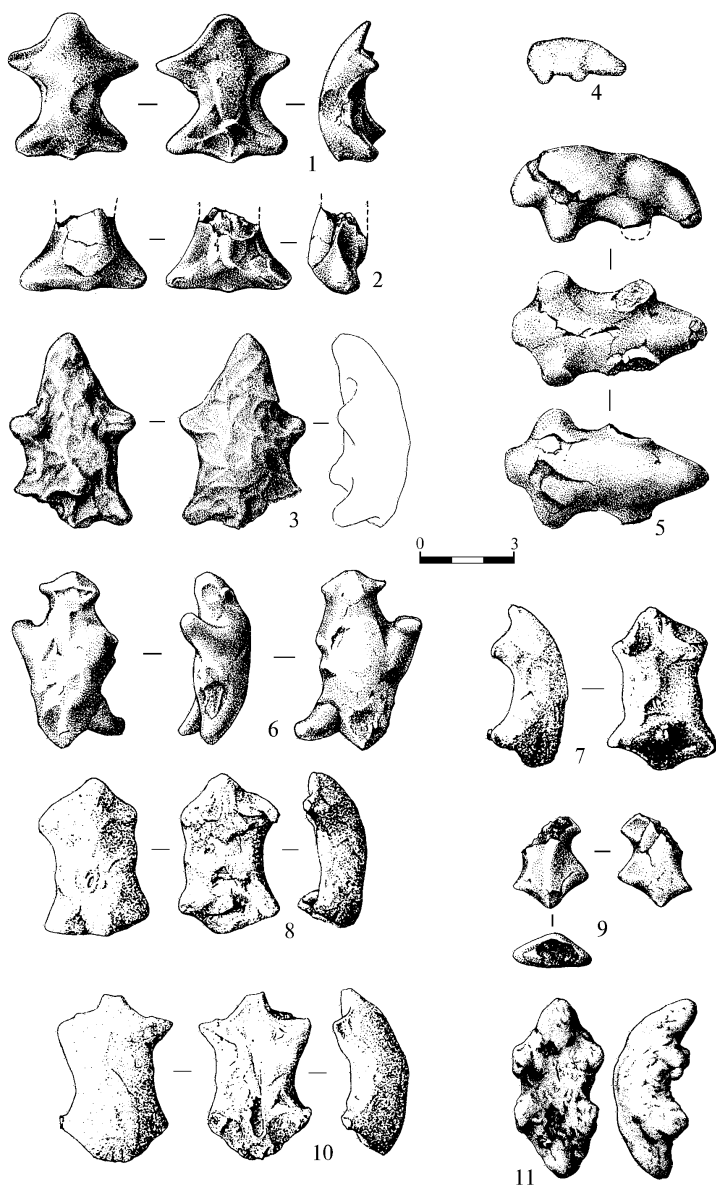

Рис. 2. Чича-1. Зооморфные скульптурки из глины

К категории антропоморфных, по-видимому, можно отнести и оригинальную скульптурку миксантропического существа, сочетающего в себе черты человека с выделенными признаками обоих полов (грудь и фаллос) и животного с рельефным гребнем через всю спину (рис. 1.-5) (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001). Почти абсолютную аналогию данному произведению мы находим на поселении Шпиль кизил-кобинской культуры эпохи раннего железа Крыма (Хрипунов И.Н., Власов В.П., 1998, с. 183, рис. 8.-9) с той лишь разницей, что европейская статуэтка лишена гребня на спине. Несмотря на удаленность этой аналогии, она выглядит вполне уместной, поскольку демонстрирует близкие идеологические представления у населения лесостепной зоны Евразии в переходное от бронзы к железу время.

Зооморфная пластика представлена на памятнике 11 скульптурками. В изображении животных доминирует образ медведя, воплощенный в различных стилистических трактовках. Первое направление представлено миниатюрной фигуркой (рис. 2.-4). «Животное показано в статичной позе, стоящим на четырех лапах. Хотя изображение достаточно схематично, однако мастерски переданные черты зверя – массивное туловище, крупная голова, короткие ноги – не позволяют ошибиться в правильном определении персонажа» (Молодин В.И., 1985, с. 170). Практически полная аналогия данной фигурке известна в Оми-1. Интересно, что там подобное изделие соседствовало в одном очаге с антропоморфными изображениями (Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. 2002, рис. 12, 13, с. 21, 71–73). К этому стилистическому канону можно отнести и статуэтку обычного размера из жилища №3Б, также изображающую медведя, стоящего на четырех лапах (рис. 2.-6).

Самыми распространенными на городище являются фигурки медведей, стилизация образа которых доведена до схемы, выделяющей основные признаки животного в виде небольших конусовидных отростков: голова, четыре конечности, короткий хвост. В отличие от предыдущей трактовки, детализация образа концентрируется в нанесении признаков пола (рис. 2.-1, 3, 7, 8, 10), в одном случае видовой признак подчеркивается дополнительно сформованными защипами – маленькими ушками. В Чиче отмечена лишь одна скульптурка медведицы, обнаруженная в хозяйственной яме вместе с изображением медведя (Молодин В.И., 1985,

с. 170). Этот аспект объединяет териоморфную пластику с антропоморфной, где также преобладают мужские фигурки. Выделяемые нами типологически два образа человека и медведя настолько близки в контексте исполнения, что позволяют видеть в них некий синкретичный образ «человека-зверя» «человека-медведя» (Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А., 2000, с. 23–36). В этой связи любопытно заметить, что кости медведя на городище Чича-1 фиксируются преимущественно на цитадели и представлены, в основном, дистальными отделами конечностей (Васильев С.К., Бенекс Н. и др, 2002, с. 281). Та же картина наблюдается и в ирменском слое памятника Омь-1 (Васильев С.К., Мартынович Н.В., Чемякина М.А., 1999, с. 324). В этнографии сибирских народов захоронение медвежьих костей на стороне после медвежьего праздника, когда в поселке хранилась шкура, а часто и череп животного, неоднократно наблюдалось исследователями в рамках проявления медвежьего культа (см., например: Кулемзин В.М., 1984, с. 82–84; Новикова Н.И., 1996, с. 108–111).

Фигурка из жилища №9 (рис. 2.-11) пока единственная в Чиче. Стилистически она не выходит за рамки канона, но воссоздает иной вид животного, возможно, бобра. Сходные предметы обнаружены на поселениях Ирмень-1 (Матвеев А.В., 1993, с. 167, табл. 13, рис. 11) и Малый Гоньбинский Кордон-1/3 (Папин Д.В., 2000, с. 381–382). Наиболее близка этим находкам пластика Абрашинского городища (Молодин В.И., Соболев В.И., 1983, с. 105–108, рис. 1).

Таким образом, анализ глиняных скульптур городища Чича-1 допускает существование различных по стилю и реализуемому образу керамических фигурок в рамках одной традиции. Ранее эти отличия гипотетически интерпретировались на основе пространственных, либо временных грааций.

Необходимо отметить, что данная традиция изготовления западносибирской глиняной пластики зарождается в ирменской культуре и получает свое дальнейшее развитие в переходное время от бронзы к раннему железу. Это вполне объяснимо, поскольку носители этой культуры (позднеирменской) являются прямыми потомками ирменцев. Важно подчеркнуть, что настоящий обычай сохраняется даже в саргатской культуре эпохи раннего железа

(Корякова Л.Н., 1988, рис. 23.-15; Матвеева Н.П., 1990, с. 114–117).

С другой стороны, изготовление на поселениях Западной Сибири культовой глиняной пластики следует рассматривать в контексте единых эпохальных поселенческих традиций, свойственных для населения лесостепной зоны Евразии. Зооморфные и антропоморфные скульптурки из глины получили широкое распространение в поселенческих комплексах Поднестровья и Прикарпатья. Причем зооморфные фигурки появляются в XI–IX вв. до н.э., антропоморфные позже – в VIII–VII вв. до н.э., а в Поднепровье – в V в до н.э. Эта традиция затухает в означенном регионе одновременно с окончанием скифской эпохи (Великая Скифия, 2002, с. 130–131). Б.А. Шрамко (1985, с. 3–39) выделено пять групп глиняной скульптуры: антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, изображения фантастических существ, изображения различных предметов. Антропоморфные статуэтки там также представлены мужскими, женскими и не имеющими признаков пола. Среди зооморфных чаще изображали домашних животных (Шрамко Б.А. 1996, с. 81–83, рис. VII–IX; Светличная Е.В., 1996, с. 155, рис. 2). Реже встречаются статуэтки диких зверей (рыси, медведя, лося, бобра), птиц и фантастических существ. Все эти фигурки делались довольно небрежно, что также сближает их с западносибирской пластикой. Отмечено расположение находок в специальных ямах на поселениях, в непосредственной близости от святилищ (Шрамко Б.А., 1999, с. 36). Традиция изготовления глиняных фигурок трактуется как проявление земледельческих культов плодородия и, следовательно, связывается с очень древними верованиями и мифами ираноязычных племен (Шрамко Б.А., 1996, с. 67–87).

Что касается западносибирской пластики, то ее сакральное значение также связано с культом плодородия, по-видимому, применительно к скотоводческому хозяйству. Имеет место проявление почитания отдельных животных (медведя), что наводит на мысль о тотемических проявлениях в обрядовой практике. Наличие означенной традиции в культурах переходного времени Западной Сибири несомненно требует особого анализа семантики этого феномена.

Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**ПРОБЛЕМА СЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ***

В (IX)VIII вв. до н.э. в лесостепной зоне Западной Сибири, складываются культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа: гамаюнская, красноозерская, завьяловская, поздне-ирменная, молчановская, большереченская. В этих комплексах обнаружены вещи раннескифского облика, прежде всего бронзовые наконечники стрел и детали конского снаряжения. Наибольшее их количество найдено в ареале распространения большереченской культуры в лесостепном Алтайском Приобье (Шамшин А.Б., 1989). Несмотря на наличие здесь таких важных элементов скифской триады, как типы оружия и конской упряжи, вряд ли эти культуры можно отнести к раннескифскому кругу. Во-первых, не известны происходящие из археологических комплексов предметы искусства в раннескифском зверином стиле, во-вторых в погребальном обряде не выделяется роль лошади, как, например, в это же время в сопредельном Горном Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997), в-третьих, керамические комплексы являются продолжением местной орнаментальной традиции эпохи поздней бронзы (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998). Таким образом, позднебронзовая культурная традиция в трансформированном виде существует в лесостепном Алтайском Приобье вплоть до VI в. до н.э., когда этот регион окончательно вовлекается в круг скифских культур.

Как уже отмечалось выше, для южной части Верхнего Приобья (Лесостепной Алтай) известно 19 поселений этого периода, относимых нами к большереченской культуре переходного времени (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998). На основе анализа орнаментальных традиций поселенческих керамических комплексов этой культуры для данного региона выделяются памятники с ярко выраженной ирменной (геометризм – ряды ромбов, треугольников): Крестьянское-IX, МГК-1/3 и корчажкинской доминантой (зональность – ряды сеточки, елочки) (Мыльниково, Усть-Чумышская Пристань, Бобровка, Долгая Грива, Аллак). Переходная традиция в орнаментальной схеме поселений Ближние Елбаны-I, Елбанка и

---

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект №03-01-00475а).

Елунинское культовое место синтезирована в окончательной форме. Именно в этой группе проявляется инокультурное влияние: северная традиция крестовой фигурно-штампованной керамики и западная, связанная с «валиковцами». В целом процесс изменения орнаментальной схемы большереченской культуры можно охарактеризовать как синтез традиций ирменской и корчажкинской культур ПБ (Крестьянское-IX, МГК 1/3 – Мыльниково, Аллак) и начало формирования декора РЖВ (Ближние Елбаны-I). Его сущностью является преобладание зональной схемы построения орнамента, снижение числа строк на сосуд (орнаментация верхней трети сосуда), переход от слабопрофилированных к господству баночных форм сосудов, оформление среза венчика наружу.

Это подтверждается данными, полученными на основе фаунистического анализа остеологических комплексов поселений. В хозяйственно-культурном типе большереченской культуры переходного времени, по сравнению с предшествующим типом ирменской культуры, возрастает доля охоты, а по сравнению с корчажкинским – скотоводство. Происходит нивелировка двух типов хозяйствования: многоотраслевого корчажкинского и скотоводческого ирменского (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2000).

Погребальный обряд населения переходного времени прежде всего известен по материалам наиболее изученных грунтовых могильников Ближние Елбаны-VII, XII, XIV и Бобровского, кроме этого, небольшие серии происходят с других памятников (Тур С.С., Фролов Я.В., 2001; Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001). Основными его признаками являются: труположение головой на юго-восток, юго-запад, наличие следов огня в могиле и отсутствие инвентаря. Из предметов в могилу чаще всего помещались сосуды, в большинстве случаев это небольшие полусферические чаши (Грязнов М.П., 1956; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996; Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001).

Как было сказано выше, в основе большереченской керамической традиции лежат две культуры поздней бронзы, что подтверждается и материалами Бобровского могильника, в котором выделяются две «модели» погребального обряда – ирменская и андроновидно-корчажгинская (Тур С.С., Фролов Я.В., 2001). Сложнее дело обстоит с инокультурным влиянием, хотя в могильниках присутствует крестово-штампованная керамика, но по антропологическим данным этот компонент не прослеживается (Тур С.С., 2001). Особое место занимает группа мужских погребений Бобров-

ского могильника с северо-западной ориентацией и краниологическими параметрами, характерными для «ранних скифов» степной зоны Алтая (Тур С.С., 2001). Несмотря на то, что в могилах отсутствует керамика, орнаментированная валиком, по всей видимости, эту группу логичнее связать с влиянием «валиковцев», так как западные территории от Верхней Оби являются очагом распространения этой традиции.

Если обратиться к картографированию большереченских поселений, то они в основном расположены на высоких речных террасах, останцах и зачастую имеют фортификационные сооружения. По всей видимости подобное расположение памятников можно объяснить повышенной военной активностью в регионе в переходное время, и обращены они против раннескифского населения степного Алтая, что в свою очередь связано с движением населения в степных районах Северной Азии.

Кроме большереченской культурной традиции, мы можем говорить о существовании не ранее чем с VII в. до н.э. еще двух своеобразных традиций. Первая связана с группой памятников типа Бийск-Скотобойня, и в основном это поселения, локализующиеся в основном в южной части Алтайского Приобья – более подробно этот вопрос рассматривался в работах М.Т. Абдулганеева (1992, 1993). Вторая представлена погребальным комплексом МГК-I, характеризующимся как ранний этап раннего железного века, причем эта традиция является пришлой для Верхней Оби (Кунгуров А.Л., 1999, с. 97).

Таким образом, можно подвести итог, что, несмотря на проникновение отдельных раннескифских элементов, на территории южной части Верхнего Приобья продолжает существовать позднебронзовая линия развития вплоть до VI в. до н.э., когда местные племена окончательно были втянуты в орбиту скифского мира.

Л.И. Погодин, А.В. Полеводов

*Дирекция национального археологического
и природного парка «Батаково»*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Еще в конце 1980-х гг. многие исследователи поддержали предложение М.Ф. Косарева (1981) о существовании особого переходного периода, с комплексом только ему присущих черт (Пого-

дин Л.И., 1987; Могильников В.А., 1989; Шамшин А.Б., 1989). Тем не менее выделение переходного периода на практике зачастую сопряжено с определенными трудностями, так как многие памятники или группы памятников этого времени демонстрируют устойчивую связь с комплексами эпохи поздней бронзы, да и сама «переходность» на разных территориях проявляется с различной степенью отчетливости. В одних случаях она выражается в формировании ярких и своеобразных «культур переходного времени» (молчановской, красноозерской, завьяловской), в других – процесс протекает менее выразительно, будучи обусловлен внутренними тенденциями трансформации позднебронзовых культур (памятники позднерменского этапа). Иногда оба варианта имеют место на одной территории, что позволяет исследователям говорить о различных «линиях развития».

Именно такая ситуация характеризовала переходное время от бронзы к железному веку в Среднем Прииртышье. С появлением здесь в канун эпохи раннего железа оригинальной красноозерской культуры, местные культуры эпохи поздней бронзы не прекратили существования. Более того, отмечены факты сосуществования и взаимодействия носителей красноозерской культуры с населением поздних этапов сузгунского и среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры (Труфанов А.Я., 1983; Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993; Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 2001). Следуя логике, позднесузгунские, а также смешанные поздние ирменско-сузгунские памятники Среднего Прииртышья также должны быть отнесены к переходному периоду.

Неопределенность в хронологии позднебронзового и переходного периодов обусловила и неопределенность датировки начального этапа раннего железного века в лесостепном Прииртышье, и соответственно нижней даты саргатской культуры. Традиционно ее относят к V в. до н.э., основываясь на датировке наиболее ранних (из опубликованных) погребальных памятников, где саргатская культура предстает в уже сложившемся виде (Могильников В.А., 1992, с. 291–292; Корякова Л.Н., 1993, с. 23, 36). Между тем открытие в Барабе и Прииртышье поселенческих памятников переходного времени, содержащих одновременно и «раннесаргатскую» керамику (Туруновка-4; Новотроицкое-1), позволило еще в 1980-х гг. поставить вопрос об удревнении нижней даты саргатской культуры до VII–VI вв. до н.э. (Молодин В.И., Колонцов С.В., 1984; Труфанов А.Я., 1986; Полосьмак Н.В., 1987). В настоящее время список позд-

небронзовых поселений с керамикой раннежелезного облика пополнился (Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 2001) и факт сложения саргатской керамической традиции в недрах позднебронзовых культур признается практически всеми исследователями.

Таким образом, с момента появления «раннесаргатской» керамики (VII в. до н.э.) и наиболее ранними опубликованными саргатскими памятниками (V в. до н.э.) возникает хронологический разрыв, продолжительностью более века. Этот интервал, заполненный в Тоболо-Ишимье балтовской культурой, в южнотаежном Прииртышье – журавлевским этапом богочановской культуры, в лесостепном Прииртышье, по логике, должен быть занят либо теми же культурами поздней бронзы – переходного времени (поздней ирменской (розановской), позднесузгунской; красноозерской), либо новой, самобытной переходной «предсаргатской» культурой, сформировавшейся на основе позднебронзовых.

Однако ни позднебронзовая, ни красноозерская культуры в Прииртышье не выходят за рубеж VII–VI вв до н.э. Материалы красноозерской культуры надежно «привязывают» ее к VIII–VII вв. до н.э. (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985; Труфанов А.Я., 1990). Сложнее обстоят дела с абсолютной датировкой памятников поздних этапов сузгунской и среднеиртышского варианта ирменской культур, представленных главным образом поселениями. Уточнить их хронологические рамки позволяет ряд изученных в последнее время погребальных комплексов эпохи поздней бронзы. Один из них – хорошо известный специалистам могильник Калачевка-II, исследовавшийся В.А. Могильниковым и А.Я. Труфановым. Материалы А.Я. Труфанова (1991) не позволяют сомневаться в принадлежности позднему этапу среднеиртышского варианта ирменской культуры.

В кургане, исследованном В.А. Могильниковым (1968а), в центральной могиле был обнаружен сузгунский сосуд и ирменский бронзовый однолезвийный нож с монетовидным навершием, а в одной из боковых могил – бронзовый двухлопастной раннескифский наконечник стрелы. Автор раскопок допускал наличие «небольшого хронологического разрыва между погребениями, в целом относя курган к «эпохе перехода от бронзы к железу». Возможное отсутствие хронологического разрыва между погребениями этого кургана, о чем писал А.Я. Труфанов (1991, с. 77), подтверждают материалы позднебронзовых комплексов некрополя Боровянка-XVII (раскопки Л.И. Погодина). Здесь исследованы так называемые погребально-

поминальные сооружения, представляющие собой подквадратные площадки 6–7х8–9 м, окруженные четырехугольными рвами с перемычками (Полеводов А.В., Погодин Л.И., 2002). Следы насыпей и погребений не зафиксированы (уничтожены распашкой?), однако во рвах обнаружены жертвенные комплексы, состоящие из развалов сосудов, черепов и костей животных, а на площади самих сооружений, в слое обнаружено большое количество бронзовых изделий. Керамика представлена сосудами ирменской и сузгунской культур, а также трансформированной, смешанной ирменско-сузгунской посудой. Датировку боровянских сооружений – конец VIII–VII вв до н.э. определяет комплекс бронзовых изделий – пластинчатый нож без выделенной рукояти, круглая бляшка-зеркало с гнутой петлей на обороте, бронзовые вотивные кинжалы с перекрестиями в виде приостренных шипов, опущенных вниз, бронзовый нож с выделенной рукоятью и монетовидным навершием, а также серия двухлопастных, втульчатых наконечников раннескифских образцов. В то же время ни в одном из позднебронзовых памятников не встречены трехлопастные втульчатые наконечники стрел, которые в степной зоне распространяются уже в конце VII в. до н.э.

Таким образом, эти смешанные ирменско-сузгунские памятники, датируемые VIII–VII или VIII – самым началом VI вв. до н.э., синхронные красноозерским комплексам, в которых также «существуют ирменско-карасукские и раннескифские бронзолитейные традиции» (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985), формируют так называемый предсаргатский этап.

Начиная с VI в. до н.э. в лесостепном Прииртышье распространяется железный инвентарь, и появляются «раннесаргатские» погребальные комплексы, надежно датируемые VI и началом V вв. до н.э. К последним относятся курганные могильники Стрижево-I, Боровянка-IX (раскопки Л.И. Погодина) и Окунево-I (Могильников В.А., 1968а, б). Их датировка определяется бронзовыми предметами: крупные зеркала с петелькой на обороте, с вертикальным бортиком и без, а также с боковой ручкой (с петелькой), ножами с кольцевым навершием, колесовидным амулетом, втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел. Вместе с этими вещами встречены железные изделия – двусоставные кольчатые удила и ножи с выделенной рукоятью. Погребальный обряд своеобразен и заметно отличается от «классического» саргатского. Большинство захоронений совершены в неглубоких материковых ямах, реже на материке, ориентация неустойчива, преобладает западная с тенденцией к смеще-

нию на север. Наряду с положением вытянуто фиксируются с подогнутыми ногами и скорченные. Встречаются ярусные и коллективные погребения. Характерны ритуалы, связанные с огнем, в том числе трупосожжение. Немногочисленные сосуды размещались вне могил.

Анализируя «раннесаргатский» погребальный обряд в диархонии, нетрудно заметить параллели с погребальной практикой позднебронзовых культур Прииртышья, в том числе сузгунской (Полеводов А.В., Труфанов А.Я., 1997; Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А., 1997; Полеводов А.В., 2003). Среди них – широкое применение огня в ритуале, погребения выше материка, коллективные и ярусные захоронения, отсутствие посуды в захоронениях и ряд других. С другой стороны, очевидно оформление и собственно саргатских погребальных традиций – северо-западная ориентация, снабжение умерших мясной пищей в сопровождении ножа и т.д.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в керамике. Часть сосудов из раннесаргатских памятников вполне соответствует саргатским стереотипам, в то время как другие демонстрируют сходство, с одной стороны, с посудой «раннежелезного» облика лесостепных позднебронзовых памятников (Калугино-I), с другой стороны, с керамикой журавлевского типа начала раннего железного века лесного Прииртышья, характеризующейся наличием пережиточных позднебронзовых традиций (Данченко Е.М., 1996).

Этот момент представляется существенным, поскольку свидетельствует о синхронности и в целом сходном характере процессов формирования лесных и лесостепных культур начала раннего железного века, обусловленных, скорее всего, общей генетической базой, представленной сузгунскими, красноозерскими, ирменско-сузгунскими комплексами. В этой связи еще более гипотетичным представляется участие, по крайней мере, на этом этапе формирования саргатской культуры неких «степных» компонентов. С другой стороны, своеобразный переходный облик погребальных памятников начала раннего железного века в лесостепном Прииртышье вряд ли свидетельствует о принадлежности их какой-либо самостоятельной «переходной» культуре, а, скорее, отражает постепенную эволюционную трансформацию местных позднебронзовых традиций в культурный комплекс раннего железного века, как это наблюдается и в лесном Прииртышье. Однако в силу различного баланса перечисленных компонентов и разной хозяйственной направленности в лесном и лесостепном Прииртышье уже в начале раннего железного века формируются две самостоятельные культуры.

М.В. Титова

Новосибирский государственный краеведческий музей

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ РЯДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ
И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

Для анализа нами были отобраны 12 групп керамики (по 9–10 образцов) эпохи бронзы с девяти памятников: андроновская и еловская группы с Еловского-II могильника (ЕК-II), еловская и ирменская – с Еловского поселения (ЕП), еловская и ирменская – с поселения Крохалевка-7А (Кр-7А) и по одной группе андронидной керамики эпохи поздней бронзы с поселений Десятовское (ДП), Черное Озеро-1 (ЧО-1), Ордынское-12 (Ор-12), Танай-4 (Т-4) и могильников Еловский-I (ЕК-I), Крохалевка-13 (Кр-13). Технологический анализ проводился В.А. Борисовым. Благодарим В.И. Матющенко за предоставленные материалы.

В ходе проведенного исследования получены следующие результаты. Для изготовления керамики всех групп использовалось схожее глинистое сырье – естественно запесоченные (естественная примесь песка с окатанными зернами кварц-кварцита) средне- и хорошо ожелезненные суглинки эолового и аллювиального происхождения, дополненные гидрослюдами. В тесте большинства сосудов всех групп, кроме керамики с Т-4, встречается незначительное количество слюды в виде отдельных мелких чешуек. В некоторых образцах керамики ЕП, обеих групп ЕК-II, ДП и Кр-13 присутствуют следы органики (травы, навоза).

Практически в большинстве образцов в качестве искусственных примесей присутствуют грубообломочный крупнозернистый песок и аналогичная дресва, происходящие из кварцитовых аллювиальных отложений, только во всех фрагментах с Т-4 единственной искусственной примесью является красноцветный грубообломочный шамот. Таким образом, в целом песок и дресва доминируют в роли наполнителей. Песчано-дресвяная традиция является основной, которую в ряде случаев в той или иной мере дополняют элементы шамотной традиции.

Для всех групп посуды характерно сочетание окислительной и восстановительной среды обжига, в последнем случае с частым незначительным окислением поверхностей сосудов, в результате такого режима обжига внешняя поверхность большинства сосудов

приобрела красно-коричневые оттенки. Чаще всего, преобладал длительный (свыше 40 мин) низкотемпературный обжиг (450–700 °С). Только для еловской группы ЕК-II и образцов с Ор-12 в целом характерен короткий (менее 40 мин) низкотемпературный обжиг (400–600 °С), что наряду с другими факторами привело к невысокому качеству керамики. Керамика с Т-4 обжигалась в течение 60–70 мин при более высоких температурах (650–750 °С), оптимальный режим обжига для глинистого сырья, отличающегося высокими гончарными свойствами, способствовал высоким технологическим качествам посуды.

Средние показатели физико-механических свойств керамики всех исследованных групп варьируют в следующих пределах: плотность – (1,69–1,81 г/см куб.), пористость – (18,2–26,3%), водонасыщение – (10,4–14,5%), твердость – (71,7–98,6 НВ) и большинство образцов керамики характеризуются как плотные, обладающие средней или низкой пористостью, средней или низкой степенью водонасыщения, мягкие или приближающиеся к твердым (по методу Бринелля).

По составу керамических масс группы керамики можно разделить на два типа:

Тип 1. Это относительно «чистые» технологические традиции. **Подтип 1.** *Песчано-дресвяная традиция.* К этому подтипу относятся андроновская и еловская группы ЕК-II, группа с ЧО-1, образцы керамики которых содержат в качестве искусственной примеси только (или преимущественно) грубообломочный крупнозернистый (0,5–1 мм) кварцевый песок (концентрация в образце от 1 до 32% от объема) и аналогичную дресву (от 2 до 30%). Прослеживается преемственность в технологии изготовления посуды обеих групп ЕК-II и сходство по физико-механическим параметрам (только еловская керамика – 75,8 НВ, относительно более твердая, чем андроновская – 71,7 НВ). В технологии керамического производства на ЧО-1 практически абсолютное преобладание песчано-дресвяной традиции (количество всей псаммитовой примеси составляет от 2,2 до 41%, дресвы – от 2 до 20%, черный шамот с хорошо окатанными зернами встречен в трех случаях и в очень малых количествах – 1–3%) и устоявшаяся технология обжига сосудов (500–700 °С более 40 мин, волнообразные типы графиков твердости стенок всех сосудов группы демонстрирует равномерную и полную прокаленность стенок), возможно, свидетельствуют об однокомпонентном составе населения данного памятника.

Подтип 2. Шамотная традиция. Этот подтип представлен группой керамики с Т-4 (подъемный материал на памятнике). Содержащиеся во всех образцах песок всех размерных рангов и дресва представляют собой естественную примесь, искусственной добавкой является исключительно красноцветный грубообломочный шамот размером 1–3 мм (предварительно просеянный). Причем количество шамота в образцах невелико – всего от 1–3 до 8–10%. Учитывая, что в данном керамическом производстве использовалось достаточно отощенное пластичное глинистое сырье, практически не требующее непластического материала, а режим обжига по своим параметрам приближался к высокотемпературному, то умышленное внесение небольшого количества шамота было обусловлено увеличением термостойкости сосудов. Иначе введение шамота в керамическое тесто в столь малых количествах технологически неоправданно и, возможно, является лишь пережитком традиции, когда шамот являлся основной примесью.

Тип 2. Это смешанные технологические традиции. В этот тип вошли группы керамики, в которых прослеживается сочетание песчано-дресвяной и шамотной традиций, и имеются образцы с различным соотношением искусственных примесей: грубообломочного крупнозернистого песка, дресвы и шамота. Этот тип подразделяется на два подтипа по характеру шамота.

Подтип 1. Для данного подтипа характерно превалирование дресвяных добавок и наличие черного шамота с сильно окатанными зернами в сочетании с красноцветным грубообломочным шамотом (причем встречаемость последнего в образцах значительно меньше). Это свидетельствует о том, что основным компонентом населения, оставившим эти керамические комплексы, изначально являлись носители местной приобской песчано-дресвяной традиции, которые в большей или меньшей степени испытывали влияние носителей таежной шамотной традиции (с окатанными зернами) (Глушков И.Г., 1996, с. 94). Сюда относятся еловские группы с ЕП и Кр-7А, керамика с ДП, Ор-12, Кр-13, ЕК-І. Причем наибольшее морфологическое и декоративное сходство, а также близость технологических показателей обнаружили еловские группы поселенческой керамики с Кр-7А, ЕП и ДП (плотность – 1,81; 1,78; 1,74 г/см куб., соответственно; пористость – 23,2; 26,3; 23,1%; степень водонасыщения – 12,9; 14,5; 13,2%, твердость – 96; 98,6; 95,1 НВ). Глиняная посуда этих групп отличается высокими технологическими качест-

вами. Роль тасажной шамотной традиции в технологии керамического производства Кр-7А была несколько более значительной, чем на ЕП и ДП. Также смешение принципиально разных технологических традиций наблюдается в ордынской керамике (2 сосуда изготовлены в рамках песчано-дресвяной стратегии, 3 – шамотной, 5 – шамотно-дресвяной), что наверняка свидетельствует о смешанном составе населения, оставившего данный памятник. По составу, количеству и соотношению примесей наиболее схожи еловская группа ЕП и посуда с могильника Кр-13, но основные отличия прослеживаются в физико-механических показателях, особенно показатель твердости (82,6 НВ) демонстрирует мягкость и непрочность керамики Кр-13 по сравнению с посудой ЕП, ДП и Кр-7А. Группа керамики ЕК-I включена в подтип 1 как содержащая просеянный черный шамот с хорошо окатанными зернами (в 2 образцах – 4–6%), в то же время образцы данной группы содержат гораздо больше красноцветного и черного грубообломочного шамота (в 6 сосудах от 3–5 до 10–15%), что наряду с показателем твердости (76,8 НВ) сближает их с ирменской керамикой. В целом по своим характеристикам керамика ЕК-I занимает промежуточное положение между 1 и 2 подтипами.

Подтип 2. Для данного подтипа свойственно наряду с дресвой преобладание в качестве искусственных добавок красноцветного и черного грубообломочного шамота (размер зерен от 1 до 5 мм). В этот подтип вошли ирменские группы керамики с ЕП и Кр-7А. Обе ирменские группы наиболее близки друг другу не только по характеру примесей, но и по физико-механическим показателям. Только ирменская керамика ЕП более мягкая (78,8 НВ против 88 НВ) и все фрагменты содержат дресву, а количество шамота несколько меньше, в ирменских же образцах Кр-7А шамотная добавка доминирует над дресвяной. Смешанная шамотно-дресвяная традиция, возможно, свидетельствует о двухкомпонентном составе населения.

В целом по средним показателям в категорию относительно высокой твердости попала исключительно керамика поселенческих комплексов ЕП, Т-4 (95,4 НВ), Кр-7 и ДП, которая по своим технологическим характеристикам отличается высоким качеством. Относительно среднюю твердость (88,8 НВ) и удовлетворительное качество имеет посуда поселения ЧО-1. А в категорию с относительно низкой твердостью вошла вся могильная керамика ЕК-II, ЕК-I, Кр-13, а также ирменская посуда ЕП и Кр-7А и ордынская керамика (Ор-12 – 72,3 НВ).

Таблица 1

Состав керамических масс

№	Пыль, %	Мелкозернистый песок, %	Средне-зернистый песок, %	Крупно-зернистый песок, %	Древа, %	Шамот, %	Слюда, %	Навоз, %	С.глина, %	Всего примесей, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Еловское поселение (еловская группа)										
1	+	0,5-1	0,5-1	6-8	2-5	1-2	+	-	-	10-17
2	+	0,5-1	0,5	3-5	6-9	8-10	+	+	-	18-25
3	+	0,5	0,5	1-3	8-11	7-11	+	-	+	17-26
4	+	0,1-0,2	0,5	2-3	3-6	5-10	+	-	-	11-20
5	+	1-2	1-2	1-3	10-15	2-3	+	-	-	15-25
6	+	0,5	0,5-1	1-2	8-12	-	+	-	-	10-16
7	+	0,2-0,3	1-1,5	1-2	2-3	-	+	+	-	4-7
8	+	0,1	0,5	0,5	1	-	-	-	-	2
9	+	0,1-0,2	1-3	1-2	3-5	-	+	-	-	5-10
10	+	0,1-0,3	0,5	0,5-1	2-4	-	+	-	-	3-6
Еловское поселение (ирменская группа)										
1	+	0,1-0,2	0,1-0,3	3-5	2-5	12-17	+			17-27
2	+	0,1-0,2	0,5	0,5	3-5	-	+			4-6
3	+	0,3-0,5	0,5-1	1-2	5-8	10-15	+			17-26
4	+	0,5	1-2	6-8	18-22	-	+			25-32
5	+	0,1-0,2	0,5	1-3	5-7	4-9	+		+	10-20

Продолжение таблицы 1

6	+	1	1	4-6	8-10	6-9				20-27
7	+	0,5	0,5	1-3	2-3	8-12				12-19
8	+	0,5-1	0,5-1	2-5	20-26	6-8	+			29-41
9	+	0,1	0,1-0,5	-	1-2	10-15				11-18
10	+	0,5-1	1-2	3-5	8-12	5-7	+			18-27
Еловский I могильник										
1	+	0,1	0,5	2-5	6-10	6-8				15-24
2	+	0,5	1-2	1-2	6-8	10-12				19-25
3	+	0,2-0,3	0,5-1	2-4	7-10	6-9				16-24
4	+	0,1-0,2	1	1-3	2-3	3-5				7-12
5	+	0,5	0,5-1	8-10	1-2	5-6	+			15-20
6	+	0,1-0,5	0,5-1	5-7	0,5-1	4-6	+			10-16
7	+	0,5	0,5-1,5	5-8	2-3	-	+			8-13
8	+	0,1-0,2	0,5	3-4	4-6	8-10				16-21
9	+	0,5	1-2	3-5	10-14	-	+			15-22
10	+	0,5	1-2	1-2	8-10	10-15				20-30
Еловский II могильник (андроновская группа)										
1	+	0,1-0,2	0,5	1-2	2-3	20-22				24-28
2	+	0,5	1-2	8-10	25-30	-	+			35-43
3	+	0,5	0,5-1	3-5	15-18	-	+			19-25
4	-	разрушился	-	-	-	-	-	-	-	-
5	+	0,1-0,2	0,5	1-2	5-8	-	+	+		7-11

Продолжение таблицы 1

6	+	0,1	0,2-0,5	0,5-1	2-3	5-7	+		8-12
7	+	0,5	1	1-3	5-6	-	+		8-11
8	+	0,5-1	2-3	5-6	6-9	-			14-19
9	+	0,5-1	1-2	10-15	-	-	+		12-18
10	+	0,5-1	2-3	15-18	3-5	-			21-27
Еловский II могильник (словеская группа)									
1	+	0,1-0,5	1-1,5	3-6	4-6	-	+		8-14
2	+	0,5	1-3	8-10	6-10	-	+		15-23
3	+	0,1-0,5	0,5	3-4	10-12	-			14-17
4	+	0,5-1	2-3	5-9	10-15	-	+		17-27
5	+	0,1-0,3	0,5-1	1-2	4-6	-	+		7-9
6	+	0,5	1	2-4	8-11	-	+		11-16
7	+	1-1,5	1-2	3-5	3-4	-			8-12
8	+	1	2-3	5-7	4-5	-	+		12-17
9	+	0,5-1	2-3	5-6	8-10	-	+		15-20
10	-	разрушился	-	-	-	-	-	-	-
Танай-4									
1	+	0,5	1-2	1-2	2-4	4-6			8,5-14,5
2	+	0,5-1	2-3	2-3	1-2	1-3			6-12
3	+	0,2-0,5	1-1,5	1-2	3-5	1-2			6-11
4	+	0,5	1-2	2-4	4-6	1-3			8-15
5	+	0,5-1	0,5-1	1-2	1-2	2-3			5-9

Продолжение таблицы 1

6	+	0,5	1-2	0,5	2-3	8-10				12-17
7	+	0,5	1-3	1-2	2-4	5-7				9-16
8	+	0,5	0,5-1	0,5-1	2-4	2-4				5,5-10
9	+	0,1-0,2	1	2-4	2	4-5				9-12
Десятовское поселение										
1	+	0,2-0,5	1	2-3	5-6	-	+	+		8-10
2	+	0,2	1-2	2-4	7-9	-		+	+	10-15
3	+	0,5	1-3	-	2-3	2-3				5,5-10
4	+	0,5-1	1-2	3-4	7-10	-				12-17
5	+	0,1-0,2	0,5	0,5	3-5	3-6				7-12
6	+	0,1-0,2	0,5-1	1	5-8	4-6	+			11-16
7	+	0,1-0,2	1-2	-	-	4-6				5-8
8	+	0,5	0,5	2-3	3-5	-	+			6-9
9	+	0,1-0,3	0,5	0,5	6-8	-	+			7-9
10	+	0,5-1	1-2	2-4	8-10	-	+			11,5-17
Черное Озеро-1										
1	+	0,5	0,5-1	3-4	10-16	-	+			14-21
2	+	0,2	1	1	3-5	2-3	+			5-7
3	+	0,5	0,5-1	2-3	10-12	-	+			13-16
4	+	0,1-0,2	1-1,5	2-4	15-20	-	+		+	18-26
5	+	0,5-1	5-8	28-32	-	-	+			-
6	+	0,5	1-2	6-9	2-3	-	+			9-14

Продолжение таблицы 1

7	+	0,1-0,5	1-3	18-22	-	-	+			19-25
8	+	0,2-0,5	0,5-1	2-3	8-10	-	+	+	+	11-15
9	+	0,5	0,5	0,5	2-3	2-3	+			5,5-8
10	+	0,1-0,3	1	3-4	10-12	1-2	+			
Ордынское-12										
1	+	0,5	1-2	4-5	5-7	2-3	+			12-17
2	+	0,1	0,5	1-2	1-2	2-3	+			5-8
3	+	0,2	0,5	0,5	1-1,5	1-3	+			3-6
4	+	0,5	0,5-1	1-2	-	3-4	+			5-8
5	+	0,1	0,5	0,5	-	5-7	+			6-8
6	+	0,1-0,3	1	1-3	10-15	2-3	+			14-22
7	+	0,5	1-2	3-4	12-16	-	+			16-22
8	+	0,2	1-3	6-7	-	8-10	+			15-20
9	+	0,1-0,2	0,5	1-2	4-6	-	+			6-9
10	+	0,5	1	1-3	6-10	2-4	+			11-19
Крохалевка-13										
1	+	0,1-0,2	0,5	0,5-1	4-6	3-4				8-11
2	+	0,1-0,2	0,2	0,5-1	4-5	-		+	+	5-7
3	+	0,5	1	3-5	8-12	-	+			13-19
4	+	0,1	0,5	-	1-2	1-2	+			3-5
5	+	0,2-0,5	0,5-1	1	6-8	-				8-11
6	+	0,1-0,2	0,2-0,5	0,5	2-3	-	+	+		3-4

Окончание таблицы 1

7	+	0,2	0,5	1-2	6-7	5-6	+			13-16
8	+	0,2-0,4	0,5-1	1-3	3-5	-		+		5-10
9	+	0,5	1	1-2	3-4	4-6				10-14
10	+	0,1-0,2	0,5	0,5	1-3	1-2	+	+		3-6
Крохалева –7А (словесная группа)										
1	+	1-1,5	1-2	5-7	-	5-6	-	-		12-16,5
2	+	0,5	0,5	2-3	0,5-1	3-4	-	-		6-8,5
3	+	0,5	1-1,5	2-3	10-15	-	-	-		13,5-20
4	+	0,5	2-2,5	2-3	8-10	5-7	-	-		17,5-23
5	+	0,5	1-2	1-2	1-3	13-16	-	-		16,5-23,5
6	+	0,5	0,5-1	1	4-6	4-5	-	-		10-12
7	+	0,5	1	1-3	-	6-10	-	-		8,5-14,5
8	+	0,5-1	1-2	3-4	6-8	6-7	-	-		18,5-22
9	+	0,5-1	1-2	2-3	3-5	-	+	-		7,5-11
Крохалева –7А (ирменская группа)										
1	+	0,5-1	0,5	2-3	-	8-11	-	-		11-15,5
2	+	0,5-1	0,5	1-2	-	7-11	-	-		9-14,5
3	+	1-1,5	1-2	3-5	8-10	-	-	-		13-18,5
4	+	0,5-1	0,5	2-3	2-3	5-7	-	-		13-14,5
5	+	0,5-1	0,5	1-2	5-7	3-5	-	-		11-15,5
6	+	0,5	0,5-1	0,5-1	-	10-12	-	-		11,5-14,5
7	+	0,5	0,5-1	0,5-1	-	1-2	-	-		2,5-4,5

Керамику исследованных памятников, кроме Т-4, объединяет преобладание песчано-древяной традиции (особенно на более ранних памятниках ЕК-II, ЧО-1) и влияние в той или иной степени таежной шамотной традиции, а в более поздних материалах ЕК-1 и ирменской керамике резко усиливается доля красноцветного и черного грубообломочного шамота – элемента иной технологии. Дальнейшие исследования особенностей технологии керамического производства позволят получить дополнительные критерии оценки и сравнения керамических комплексов андроновидных культур Приобья.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН*

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Если не учитывать первые раскопки Мессершмита в 1722 г., то ученые изучают археологию Западной Сибири около полутора сотен лет. Особенно интенсивно они начинали проводить исследования со 2-й пол. XX в. Разведками и раскопками изучено несколько тысяч памятников, выявлены и выделены десятки археологических культур, их локальных вариантов, типов керамики и изделий из металла, археологических микрорайонов и т.д. Предварительные сведения о количестве археологических комплексов и их хронологии приведены в таблице 1.

Реальное количество археологических памятников, конечно, намного больше. Во-первых, многие районы изучены предварительно или вообще не изучены, во-вторых, при стационарных раскопках исследователи постоянно обнаруживают новые поселения, стоянки, могильники и т.д.

К сожалению, в справочных изданиях не всегда указана точная датировка и культурная принадлежность известных памятников археологии, поэтому сведения о памятниках Новосибирской области приведены по «Материалам "Свода памятников истории и культуры народов России"», издаваемых ИАЭ СО РАН. Данные об археологи-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-01-00841а).

гических памятниках Омской области и Алтайского края пока не обобщены. Естественно, что таблица несовершенна, поскольку ранний железный век не разбит на периоды, не выделены переходные эпохи и т.д. Это связано с несовершенством разработки вопросов хронологии и периодизации: более трети всех объектов археологии не датировано (табл. 1).

Из таблицы видно, что абсолютно и относительно преобладают памятники раннего железного века, на втором месте – комплексы позднебронзового времени. Вероятно, это не только результат пристального внимания специалистов к памятникам этого времени; может быть, эта ситуация – отражение, по крайней мере, демографического и экономического развития аборигенов Западной Сибири и связанной с ними социальной дифференциации.

Сказанное не означает, что эти проблемы нельзя изучать на материалах других эпох. Мне представляется, что существовало не менее трех вершин в развитии социальной структуры аборигенов Сибири: бронзовый и ранний железный век (прервано во время Великого переселения народов), конец I – начало II тысячелетия (в монгольское время социальное развитие приостановлено) и XV–XVII в. (приход русских изменил ход социального развития аборигенов).

Направлений исследования археологических комплексов множество: часть из них классические археологические работы, во многом дискуссионные и неоднозначные, связаны с определением культурной принадлежности, типологией и классификацией материалов, их датированием и т.п. Территория Западной Сибири настолько велика, а материалы этих эпох так разнообразны, что решение указанных проблем – дело будущего. Однако теоретически рассуждая, когда-то они будут решены.

Другие направления связаны с анализом становления, развития и функционирования социальных структур древних обществ. Здесь также много спорных проблем, начиная от теоретических проблем, связанных с содержанием социальных понятий и категорий и заканчивая анализом материалов конкретных археологических памятников, определением критериев социальной дифференциации и выделением социально стратифицированных групп населения.

Таблица 1

Количество археологических комплексов*

	Кемеровская область	Курганская область	Новосибирская область	Томская область	Тюменская область
Неолит	42/9,40 ²	59/4,77	22/4,65	74/5,34	90/6,77
Энеолит-ранний бронзовый век	21/4,75	51/4,13	26/5,5	33/2,38	157/11,80
Развитый бронзовый век	9/2,4	110/8,90	14/2,96	6/0,43	57/4,29
Поздний бронзовый век	36/8,14	63/5,10	50/10,67	66/4,73	79/5,94
Бронзовый век	16/3,61	78/6,31	6/1,27	81/5,85	94/7,07
Ранний железный век	122/27,5	260/21,10	46/9,72	296/21,35	270/20,30
Раннее средневековье	24/5,43	6/0,48	74/15,64	75/5,43	14/1,05
Развитое средневековье	12/2,7	9/0,72	16/3,38	57/4,13	6/0,45
Позднее средневековье	12/2,7	6/0,48	19/4,02	170/12,28	24/1,80
Средневековье	8/1,7	11/0,89	14/2,96	93/6,73	49/3,69
Недатируемые комплексы	140/31,6 ⁷	582/47,12	186/39,23	433/31,31	490/36,84
Итого	442/100	1235/100	473/100	1384/100	1330/100

* Исчислено по: Археологическая карта Курганской области / Сост. А.В. Виноградов. Курган, 1993. 340 с.; Археологические памятники города Новосибирска. Новосибирск, 1993; Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной зоны. Новосибирск, 1995; Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002;

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–316; Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989; Молодин В.И., Бородинский А.П. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996; Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск, 1998; Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993; Троицкая Т.Н. Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980; Ураев Р.А. Дополнения к «Археологическим памятникам Томской области» // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 317–328; Чиндина Л.А. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990.

*** Цифра в числителе – количество комплексов; цифра в знаменателе – процент от общего числа комплексов.

Социальные исследования на территории Сибири ведут, как правило, по материалам могильников. Критериями социальной дифференциации служат:

- размеры погребальной камеры и надмогильного сооружения, что связано с количеством труда, затраченного на их сооружение;
- факты, указывающие на размеры погребальной тризны или на количество ее участников;
- количество и качество погребального инвентаря (материал из которого они изготовлены, количество предметов, число разных типов инвентаря, наличие редких вещей и т.д.);
- предметы, прямо указывающие на профессиональное (мастер-литейщик, стрелодел, торговец) положение умершего или его социальный статус (служитель культа, воин высокого ранга);
- детали, которые помогают интерпретировать имеющиеся данные (татуировка, неестественное положение костей, физические недостатки, особенности патологии костей скелета).

Строго говоря, корреляция всех признаков позволяет выделить группы могил, но их интерпретация может быть неоднозначной. Особого внимания требует изучение положения женщин. Чаще всего, женский комплекс погребений распределяют по возрасту и коррелируют с социальными критериями, выделяя, в лучшем случае, незамужних, женщин, пользующихся особым уважением,

иногда служительниц какого-либо культа. Но практически никто не придает женщинам особого социального статуса, связанного с отправлением властных или других функций. Письменные и этнографические источники свидетельствуют, что такое иногда встречалось.

Поселенческие материалы используются чаще всего для анализа экономической ситуации. Однако известно, что татарские и хантыйские городки XVI–XVIII вв. были расположены особым образом. Существовали места летнего и зимнего обитания одной группы населения, а также укрепленные (центральные?) комплексы. Аналогом этой системы может служить распространение городищ кулайской или саргатской культуры, неолитических комплексов в Юго-Западной Азии, поселений культуры маундов в США и т.д. Возможно, в Западной Сибири эта система формируется в эпоху поздней бронзы, когда появляются огромные поселения, например Еловское в Томской области. Оно характеризуется большой площадью и мощным, насыщенным находками культурным слоем. Сопоставимо с ним поселение Алексеевка-I в Омской области, протянувшееся вдоль склона останца Темеряк почти на 1 км, культурный слой имеет мощность 0,8–1,2 м, что в Прииртышье превышает средние значения.

Комплексы подобного типа говорят не столько о конкретных социальных структурах, сколько о территориях, где социальное развитие шло более быстрыми темпами. Обычно это берега крупных рек и системы озер в лесостепи. Интересно, что культовые комплексы, изучаемые археологами, находятся на этих же территориях. После прихода русских и проведения политики русификации и христианизации культовые места остались (или были перенесены) на притоки крупных рек, где их и фиксируют этнографы. Известны примеры, когда время для жителей некоторых районов как бы останавливается, и они живут, по нашим меркам, в прошлом. Это относится к затундринским крестьянам, семейским Забайкалья, некрасовцам, сохранившим в быту элементы культуры XVIII в. Черты культуры, исчезнувшие у российских старообрядцев, сохраняются у их единоверцев на Аляске, в Бразилии, Австралии. Правда, ситуация там несколько иная, они живут в инокультурном окружении, но все-таки не в центральных районах.

Особыми процедурами являются изучение палеодемографии, палеоэкономики и палеоэкологии, которые также являются

элементами социальной структуры в широком понимании этого термина.

Негативно влияют на изучение социальных структур:

- отсутствие большого количества крупных, полностью раскопанных комплексов разных эпох. Поэтому зачастую применяется суммарный анализ всех известных комплексов, что может повлиять на достоверность результатов;
- редко встречаемые поселенческий и погребальный комплекс, оставленный одной группой населения. Это заставляет исследователей сравнивать материалы разных групп населения. Методологически это не всегда правильно.
- наличие региональных программ и специализированных коллективов, занимающихся этими вопросами.

А.А. Тишкин, И.Ю. Леонова

Алтайский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ БИЙКЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ СЕМАНТИКА*

В настоящее время исследователи все чаще обращаются к проблемам, связанным с реконструкцией мировоззрения древних обществ на основе археологических данных. В этом плане важно не только зафиксировать и объяснить частные моменты реализованной погребально-поминальной и другой практики, но и представлять идеологический фон эпохи, закрепленный в целом ряде источников. Основная цель нашей работы – на основе изучения памятников бийкенской археологической культуры Алтая, а также при анализе текстов Ригведы, Атхарваведы, Упанишад, Илиады, И-Цзин, Авесты, с привлечением результатов лингвистических и религиоведческих исследований, попытаться решить задачи определения семантики комплекса показателей, выявленных при раскопках курганов раннескифского времени. Использование указанных письменных произведений, данных лингвистики и сравнительного религиоведения обусловлено следующими моментами:

1. Привлекаемые литературные памятники близки по времени периоду сооружения объектов бийкенской культуры.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №01-01-00062а).

2. Современные исследования мифологии, религии, обряда древних и этнографических культур доказывают наличие сходства между ними. Это обусловлено особым мифологическим (мифопоэтическим) типом мышления, характерным для первобытной стадии развития человечества (Подосинов А.В., 1999, с. 457; Мелетинский Е.М., 1976, с. 163; Топоров В.Н., 1988; Елизаренкова Т.Я., 1999, с. 452). Общие черты не связанных между собой культур получили название мифологических универсалий (Антонова Е.В., Раевский Д.С., 2002, с. 14–18). Мифологический тип мышления фиксируют Ригведа, Атхарваведа, Илиада, И-Цзин, отчасти Авеста и Упанишады. Поэтому в ходе сопоставления археологических и письменных данных реализуется реконструкция сначала мифологических универсалий, а затем на их основе выявляются особенности мифологического мышления.

Не останавливаясь на характеристике привлекаемых источников, обозначим ряд предварительных заключений, касающихся особенностей погребальных конструкций изученных курганов раннескифского времени, которые исследованы на территории Горного Алтая. Определенные интерпретационные идеи в этом плане одним из авторов статьи уже были высказаны (Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997). Данная работа является продолжением проводимых ранее исследований.

Памятники бийкенской культуры обнаружены в основном в Центральном и Юго-Восточном Алтае, а также на сопредельных с ними территориях. Они датируются концом IX – 1-й третью VI вв. до н.э. Планиграфия могильников фиксирует расположение курганов группами по площади речных террас, которые почти со всех сторон закрыты горами. Порядок расположения погребальных объектов отражает хронологические различия и родственные отношения между умершими людьми. На памятниках зафиксированы сооружения из камней ритуального или поминального характера, находящиеся в определенных местах (отдельно, пристроенные к кургану, в межкурганном пространстве). Погребальные сооружения представляют собой выкладки из камней в виде холмообразной или плоской невысокой насыпи, в центре которой находится каменный ящик. Среди камней наброски обнаружены следы огня, части зернотерок, кости, немногочисленные фрагменты керамики. На территории могильного поля курганы расположены микроцепочками в

два-три объекта, ориентированными по линии ЮЗ–СВ, и небольшими (до пяти объектов) группами.

Следует указать, что для архаических обществ большое значение имела организация сакрального пространства. Например, в Китае существовала идеальная модель реализации погребения: к югу от могилы должна находиться небольшая неровность, валун, холм; с востока – река (причем она не должна быть видна с центрального места); с запада – дорога, холм (символами данной части света считались ветер и круг); с севера – вода. Могила располагалась в центре, символами которого были круг и земля (Шейнина Е.Я., 2001, с. 218–220, рис. 2). Описания более благоприятного расположения покойного содержат Авеста, индийские тексты, Илиада и другие памятники. Например, согласно зороастрийскому погребальному обряду, тело следовало положить на «высочайшие места, где будет наверняка признано, [что есть] пожирающие трупы собаки и птицы» (Авеста, 6.45). Кости помещались в хранилища «выше собаки, ...не заливаемые водой дождевой» (Авеста, 6.50). Особым сакральным значением наделялись горы. Гора во многих религиях являлась священной, осуществляя связь земли и неба (Элиаде М., 1999, с. 196). В Ригведе отражено представление о горах как о месте обитания богов (IV, 54, 5), гора являлась элементом основных космогонических мифов (Елизаренкова Т.Я., 1999, с. 474), наделялась особым сакральным смыслом. В источниках путь мертвых ассоциируется с отлогими склонами: «Того, кто удалился по великим отлогим склонам, / Разглядел путь для многих, / Сына Вивасвата, собирателя людей, / Яму-царя почти жертвой!» (РВ, X, 10, 1).

При организации пространства при жертвоприношениях определенный смысл имели линии расположения алтарей. В Индии, в частности, священной считалась линия запад–восток (линия пра-чи). Квадратный огненный алтарь располагался на ее восточном конце, круглый – на западном. К югу от них помещался полукруглый алтарь – символ воздушного пространства, в центре – трапезио-видный алтарь. Планиграфия могильников бийкенской культуры отражает зависимость их расположения от рельефа и нахождения других священных мест (курганов предшествующих культур, писаниц, святилищ и др.). Ряд элементов находит аналогии в представленных выше описаниях, другие же фиксируют самостоятельные представления об организации сакрального пространства (расположение курганов цепочками, ориентация по сторонам света и т.д.).

Под каменной наброской курганов бийкенской культуры фиксируются кольца-стенки (высотой до 0,7 м) и кольца-крепиды. В центре находилось захоронение, как правило, в каменном ящике. Таким образом, конструкция курганов в плане представляет собой круг с вписанным в него «квадратом». Такая схема, по свидетельству письменных источников, лингвистических и религиоведческих исследований, являлась символом вселенной и времени, универсальным для многих культур. Квадрат и круг – первичные геометрические фигуры, воплощающие древние представления о времени и пространстве. Круг – четырехугольная конструкция, ориентированная по странам света и соединенная вертикальной осью, – являлся принципом, организующим любое пространство и любую ритуальную конструкцию (Подосинов А.В., 1999, с. 481). Круг – это движение, динамика, незавершенность. В то же время – бесконечность, законченность и высшее совершенство (Там же, с. 479). Он является проекцией шара, во многих традициях символизирующего космос (опредмеченные его варианты – яйцо, диск, черепаха и т.д.). Круг – воплощение домашнего алтаря. Время имеет циклическую природу и соотносится с кругом (Топоров В.Н., Мейлах М.Б., 1997, с. 18–19). Во многих традициях идея единства пространства и времени соотносится с этим образом как символом целостности. Космологические представления о круге как о символе мира (пространства-времени) подтверждаются языковыми фактами из индоевропейских и других языков (Топорова Т.В., 1994, с. 22–23, Маковский М.М., 1996, с. 89, 91). Соотнесенность круга со временем объясняется наблюдениями за круглой линией горизонта, годичным циклом, движением солнца по небу. В китайской традиции небо представлялось круглым, а земля – квадратной (Кравцова М., 1999, с. 107). Индуистские погребально-храмовые сооружения – ступы – и зороастрийские похоронные конструкции – астроданы («башни молчания») имели в плане форму круга. В центре «башни молчания» находился колодец, куда сбрасывали кости умерших. В древних Индии и Китае сооружали круглые и квадратные алтари неба и земли. Синташтинские комплексы и святилища эпохи раннего железного века Казахстана также соответствовали данной форме (Генинг В.Ф. и др., 1992, Ольховский В.С., 2001, с. 219–232). Приведенные выше положения, согласно которым круг служил воплощением вселенной, находят отражение в литературных памятниках, таких как Авеста, Ригведа, Упанишады.

Космос в Авесте представлен в виде яйца (13.2). Небо со всех сторон окружает землю, «подобно птице – яйцу». Земля имеет форму круга (19.4): «...эту землю, широкую, круглую...». Следует добавить, что крепость-убежище героя Йимы (в Ведах ему соответствует Яма – царь мертвых) представляла собой три концентрических круга (2.30-2.33). В Ригведе находит отражение символика круга: колесница Ашвинов объезжает вокруг вселенной: «...Быстроходную колесницу, объезжающую вокруг (вселенной)...», «...Во время (вашего) кругового странствия...» (I, 20, 3), (I, 117, 6); Агни за день обегает вокруг земного пространства: «В быстром движении в один день он обегает вокруг земного (пространства)...» (I, 128, 3); божество охватывает вселенную как «обод – спицы колеса» (I, 141, 9); реки движутся по кругу: «Быстро, как птицы, летят они по кругу» (II, 28, 4); ветер совершает круговое странствие: «Даже этот ветер успокаивается в (своем) круговом странствии» (II, 38, 2). Во время жертвоприношения огонь – Агни – торжественно несут вокруг алтаря: «Этого поэта ведут для обряда кругом...», «Для юного Агни, совершающего круговой обход...», «Его обводят вокруг сиденья / Веселого хотара на жертвенных праздниках», «Агни, хотар на нашем обряде, / Обводится вокруг (алтаря)...», «Агни отправился вокруг жертвенных возлияний...» (III, 2, 7), (III, 2, 9), (IV, 9, 3), (IV, 15, 1), (IV, 15, 3). Небо и земля представляются в виде двух простертых чаш: «Небо – отец мой, родитель. Там (мой) пуп. / Родня моя, мать – эта великая земля. / Внутри (этих) двух простертых чаш...» (I, 164, 33), обращенных друг к другу: «Он заполнил два обращенных друг к другу (мира)...» (I, 69, 1-2). В результате анализа гимнов Ригведы исследователи (Ф.Б.Я. Кейпнер) сделали вывод о том, что время представлялось в виде цикла (Елизаренкова Т.Я., 1999, с. 471). Символом времени в Ригведе является колесо (и солнце) (Там же, с. 472). В Упанишадах вселенная представляется в виде яйца: «Как лезвие бритвы..., пространство между половинками мирового яйца» (Яджнявалкья упанишада, 3.3), «Из двух половин яйца одна – золото, другая – серебро. / Серебро – земля, золото – небо, внешняя оболочка – горы» (Чхандогья упанишада, III, 29, 1-2).

Квадрат, как и круг, имел свою символику в религиозных воззрениях. Квадрат ассоциировался с порядком, стабильностью, упорядоченностью космоса в его пространственном аспекте, это мужское формообразующее государственное начало (Подосинов А.В., 1999, с. 480). Образ земли как квадрата встречается во многих кос-

мологиях народов мира – у индийцев, египтян, жителей Месопотамии, тюрков (Там же). Он образовывал во многих представлениях пространственную плоскость схемы мирового дерева. Шаманские карты или четырехчастные бубны служат примером моделирования мира. В Упанишадах мир сравнивается с ларцом, углы которого – стороны света, внутренность – воздушное пространство: «Не истощается ларец, внутренность которого – воздушное пространство, а дно – земля. Ибо страны света – его углы, небо – его верхнее отверстие. Он, этот ларец, содержит в себе богатство, все сущее покоится в нем» (Чхандогья упанишада, III, 15.1). В связи с этим следует отметить ориентацию каменных ящиков в погребальном обряде бийкенской культуры, которые углами соотнесены с севером, югом, западом и востоком, а также наличие у многих из них земляного дна. В Древней Индии знали, что человеческое тело при вытянутых горизонтально в разные стороны руках образует фигуру, заключаемую в квадрат, т.е. оно служило биологической основой восприятия мира (Подосинов А.В., 1999, с. 480). Квадрат использовался для описания вселенной и определения временных координат. Он часто противопоставлялся кругу (Топоров В.Н., 1997, с. 630). В китайской традиции земля представляет собой квадрат, небо – круг (Кравцова М., 1999, с. 107). В ведийском ритуале, напротив, квадратный огненный алтарь символизировал небесный мир, круглый – земной. Противопоставление круг – квадрат является противопоставлением природного (небесного (либо земного)) и человеческого (земного (либо небесного)) начал. Так, по мнению К.Г. Юнга и М. Аргуэлес, «...круг неизбежно символизирует процессы природы и космоса как целого, в то время как квадрат отражает вселенную, связанную с человеком и организованную им» (Подосинов А.В., 1999, с. 481).

Вероятнее всего, в силу синкретизма мышления древнего человека (отождествление микро- и макрокосма) конструкция кольцевая выкладка-ящик была прообразом жилища с очагом-жертвенником в центре него. Представление о могиле как о жилище покойного широко распространено в архаических мифологиях. Могила в Ригведе названа «земляным домом» умершего: «Пусть широкая, вздымаясь, прочно стоит, / Пусть поддержит ее тысяча подпорок! / Пусть они будут ему домами...» (РВ, X, 18, 12). Очаг находился в центре жилища индоариев: «Он (Агни) усажен посередине, радость в доме» (РВ, I, 69, 3-4; Елизаренкова Т.Я., То-

поров В.Н., 1999, с. 514). Он был центром дома, местом, где проходили домашние жертвоприношения (Там же). Отсюда конструкция в виде ящика в центре каменной выкладки рассматривается нами как «алтарь», на котором было совершено жертвоприношение умершего, так как в текстах Ригведы, Атхарваведы, Упанишад погребальный обряд прямо назван жертвоприношением погребальному огню: «О отцы, пришедшиеся Агни по вкусу, идите сюда...», «Снова отпусти, о Агни, к отцам (того), / Кто, пожертвованный тебе, бродит по своему усмотрению!» (РВ, X, 15, 11; X 16, 1-5), предкам (РВ, X, 16, 4), «Готовя его здесь для Праджапати и для жертвы, / Да не отринут они ничего прочь! / .../ Да наслаждаются огни им, пожертвованным целиком!», «Эта принесенная, законченная жертва идет (туда), / Где прежний путь пожертвованных», «Подымись на нее, о человек, предназначенный для жертвы! / Да узнают отцы, что ты ушел!» (Атхарваведа, XVIII, 10-13, 15, 51); «То его несут к [погребальному] огню. ...На этом огне боги совершают подношение человека. Из этого подношения возникает человек, покрытый сиянием», «Поистине, человек – жертвоприношение» (Упанишад, Раздел доп., VI, 14, Чхандогья упанишад, III, 16, 1). Это подтверждается сходством конструкций алтарей-поминальников и погребальных камер бийкенской культуры (Марсадилов Л.С., 2001, с. 19–20; рис. 91–92). Рассматриваемые показатели погребального обряда имеют ряд аналогий в сведениях Ригведы о жертвоприношениях. К примеру, оба фиксируют погребение с человеком коз (РВ, X, 16, 4), лошадей (РВ, X, 56). Особое значение имело расположение человека в центре кургана, где проходила дорога между различными мирами. Выше констатировалось, что в Китае центр соотносился с квадратом и землей. В Ригведе центр наделялся огромной священной силой, ассоциировался с мировой осью и являлся местом, где проходит дорога между небом и землей. Слово «центр» в первоначальном смысле имело значение «отверстие», «углубление», а также «втулка» (колеса) (Елизаренкова Т.Я., 1999, с. 472–474). Это, возможно, связано с фиксируемым обрядом погребения в ямах в центре кургана или с «углублением» каменного ящика, стоявшего на поверхности. Рассматривая семантику «углубления», следует отметить, что в Упанишадах упоминается о прохождении души после смерти нескольких «ворот» – отверстий в ветре («словно отверстие колеса»), солнце и т.д. (Брихадараньяка упанишад, V, 11.14).

Захоронение лошади имело относительно самостоятельное значение, так как конь располагался в отдельной от человека конструкции, но в такой же, как у погребенного. Это свидетельствует о невыделенности человека из мира природы, тесной связи его с данным животным и огромном значении лошади в жизни древних племен. Например, в И-Цзин смысл пентаграммы №38 «Куй» (разлад) ассоциируется с потерей коня (И-Цзин, 2001, с. 291). В мифологическом мышлении образ лошади наделялся определенными сакральными функциями. Важнейшей из них была коммуникативная – конь был «средством связи» с иными мирами. Функция имела ряд аспектов: жертвенный, психопомпный, иерофантный, экстатический, инкарнационный. Захоронение коня также имело несколько значений, т.е. несло полисемантическую нагрузку. Это было жертвенное животное, так как располагалось в конструкции, интерпретируемой нами как «алтарь». Жертва имела цель обеспечить уход души покойного из этого мира и благоприятную судьбу в ином. Лошадь была психопомпом, уводящим душу умершего в иной мир, так как конь и человек были направлены в одну сторону. Конь нес иерофантную функцию, т.е. способствовал воскрешению. Данное животное играло огромную роль в жизни людей, в идеологическом плане имея значение, близкое к человеку. Помимо захоронений целых туш лошадей, встречаются отдельные погребения их черепов, в частности, в каменных ящиках под курганами. Древние тексты фиксируют особое почитание головы данного животного. Ригведа несет следы мифа о голове коня, которая была спрятана в горах и найдена Индрой (I, 84, 14), приставлена человеку Ашвинами, узнавшими с ее помощью тайну меда (I, 116, 12; I, 117, 22). В гимне, посвященном жертвоприношению коня, упоминается его голова, парящая в небе (RV, I, 163, 6). Все это свидетельствует о существовании сакральных представлений и обрядов, связанных с этой частью лошади.

Кроме захоронения лошадей, отдельные памятники бийкенской культуры содержат кости овец и коз (в отдельной погребальной камере, вместе с конем и рядом с частью конской туши, между камнями насыпи). Следует подчеркнуть, что мелкий рогатый скот захоронен в отдельных случаях в такой же погребальной камере (каменный ящик), что и человек. Это свидетельствует о большом значении, придаваемом данному элементу погребального обряда. Такие свидетельства можно рассматривать как жертвоприношения

божествам. Животное брало на себя негативное влияние, связанное с фактом смерти. В источниках упоминаются обряды, где отражено совместное принесение в жертву коз и коня (РВ, I, 162, 2; I, 163, 12).

В конструкцию курганов входили стелы, они могли располагаться в центре или у погребальных сооружений. У некоторых обелисков отмечены антропоморфные черты. По свидетельству этнографических источников, у индийских племен существовал обычай ставить у могилы камень с целью «закрепить» душу покойника и обеспечить ей временное жилище. Это позволяло сделать дух безвредным. Отдельные племена ставили такие камни только вождям, воинам и колдунам (Элиаде М., 1999, с. 209–210). В погребальном обряде Ригведы на могиле устанавливается камень, перекрывающий путь между живыми и мертвыми: «Я воздвигаю эту ограду для живых: / Теперь пусть никто из тех не перейдут за этот рубеж! / Да проживут эти сто долгих осеней, / Да погребут они смерть в этой горе!» (X, 18, 4). Таким образом, обелиск в погребальном обряде играл роль защиты живых от мертвых и являлся вместилищем души покойного.

Таким образом, могильники бийкенской культуры представляли собой сложные ритуальные комплексы с функциями захоронения умерших и поминовения предков, защиты от злых сил покойных и связи с «отцами». Курганы расположены цепочками, в частности, по священной линии ЮЗ–СВ. Их расположение связано с представлениями о наилучшем устройстве сакрального пространства. Курганы представляли собой модель вселенной и времени, жилище с «алтарями» человека и лошади и защитными камнями-обелисками. Многие черты погребального обряда находят параллели в указанных литературных памятниках. Представленные выше материалы носят предварительный характер и требуют дополнительных исследований, основанных на системном анализе имеющихся данных.

А.А. Ткачев

Тюменский государственный нефтегазовый университет

ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАТИРОВКИ

Открытие и изучение своеобразного погребального комплекса в общей массе захоронений могильника Дандыбай позволили выделить в степях Центрального Казахстана самобытный пласт культуры. Первоначально в дандыбаевский этап, а позднее в круг

памятников бегазы-дандыбаевской культуры включались поселения и могильники, содержащие разнородные материалы. Несмотря на активное исследование памятников бронзового века, «чистые» дандыбаевские поселения так и не были обнаружены, а накопление материалов привело к разработке гипотезы о сосуществовании в период поздней бронзы двух культурных линий развития: алексеевско-саргаринской и бегазы-дандыбаевской (Варфоломеев В.В., 1987, с. 56). Чтобы сгладить противоречия между «присутствием» в одном регионе резко отличающихся между собой алексеевско-саргаринских и дандыбаевских одновременных комплексов, обосновывалась и гипотеза о том, что памятники типа Дандыбай и Бегазы принадлежат родоплеменной верхушке общества (Грязнов М.П., 1952, с. 160; Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 163–154; Кадырбаев М.К., 1968, с. 32–34; Коренько В.А., 1990, с. 33).

С дандыбаевским типом посуды связаны погребальные конструкции, не образующие самостоятельных поминальных комплексов. Выделяясь внешне, они в то же время единичны и обычно входят в состав могильников, функционировавших на разных этапах бронзового века, причем общее количество погребальных объектов незначительно. Так, А.Х. Маргулан (1966; 1979) рассмотрел 23 поминальных объекта дандыбаевской культуры. По мнению В.В. Варфоломеева (1991, с. 14), к дандыбаевскому комплексу относятся 17 сооружений, среди которых исследователь выделил 11 типов погребальных конструкций. В.А. Коренько (1990, с. 28–32) к собственно дандыбаевским отнес 13 погребальных объектов (тип I–V), остальные конструкции были включены в особую группу (тип VI–VIII), которую предложено рассматривать вне дандыбаевской культурной традиции.

Реконструировать дандыбаевскую погребальную обрядность довольно трудно из-за ограбления могил, значительной вариативности и отсутствия унификации погребальных конструкций. Это вызывает разночтения в понимании данных материалов. Дандыбаевские поминальные комплексы характеризуют следующие показатели: преобладание групповых захоронений по обряду трупоположения; единичность трупосожжения и как исключение сочетание кремации и ингумации; неустойчивость ориентировки умерших по сторонам света; жертвоприношения мясной пищи домашних и диких животных.

Вещевой инвентарь в дандыбаевских памятниках представлен разнообразными, но единичными вещами (копье, наконечники стрел, пинцет, иглы, зеркало, мотыга, молот, игольник, пуговица, булавка, бляшки, бусы, браслет). Характерной особенностью всех исследованных дандыбаевских комплексов является, несмотря на ограбление, значительное количество целых, не потревоженных сосудов. Грабители, целенаправленно уничтожая останки погребенных (во всех гробницах кости сильно фрагментированы), забывая или ломая вещи, старались не трогать поминальные сосуды: значительная их часть найдена в хорошем состоянии.

Характерная черта дандыбаевской посуды – ее разнообразие по формам, размерам и принципам орнаментики. При общем внешнем сходстве отдельных керамических комплексов наблюдается яркая индивидуальность как в выполнении, так и в орнаментации каждого сосуда. Посуда плоскодонная, с преобладанием шаровидных форм. Керамические серии дандыбаевских комплексов включают две группы посуды: тонкостенную, нарядно орнаментированную и толстостенную, более грубую.

Основная группа дандыбаевской керамики близка серии позднебронзовых комплексов, распространенных от Обь-Иртышской лесостепи на северо-востоке до пустынь Приаралья на юго-западе (Старый Сад, Крохалевка-ХІІІ, Чекановский Лог-VІІ, Измайловка, Тагискен, Бурла-ІІІ, Кайгородок-ІІІ, Новоильинка, Рублево-VІ, Курейка-ІІІ, Шауке-ІІ). Во всем ареале данных комплексов, от Приаралья до Алтая (исключение составляет могильник Старый Сад), своеобразно и нарядно орнаментированная посуда всегда сопровождается небольшим количеством емкостей, близких алексеевско-саргаринским материалам. Близость основных комплексов свидетельствует об их общей подоснове, а разнообразие – о регулярных контактах с разнوکультурным окружением. Отсутствие долговременных поселений, единичность и разнообразие погребальных конструкций говорят о постоянных перемещениях населения, оставивших памятники со своеобразным керамическим набором.

Вопрос о соотношении алексеевско-саргаринских и дандыбаевских памятников является сложнейшим в центрально-казахстанской археологии. Стратиграфическое положение дандыбаевских комплексов в системе заключительной фазы бронзового века не ясно. Только на многослойных поселениях Кент и Мыржик

алексеевско-саргаринские и дандыбаевские материалы находятся в нерасчленном положении, что свидетельствует об их единовременности. Специфической особенностью этих памятников является присутствие станковой посуды. В материалах большинства позднебронзовых поселений Центрального Казахстана дандыбаевская и станковая посуда отсутствуют. Это свидетельствует о том, что алексеевско-саргаринские коллективы не участвовали в их производстве, появление данной посуды на отдельных алексеевско-саргаринских памятниках является результатом кратковременных контактов между алексеевскими и дандыбаевскими группами.

Исследование поселений и могильников в разных районах Сары-Арки показало, что в рамках дандыбаевской культуры объединены памятники, имеющие существенные различия по основным показателям материальной культуры, погребального обряда, элементам архитектуры и погребальных объектов. Эти противоречия объяснялись социальной неоднородностью дандыбаевских коллективов: на поселениях представлена бытовая посуда, использовавшаяся рядовыми членами общества, в дандыбаевских захоронениях погребены представители родовой знати. В.В. Варфоломеев (1988, с. 82; 1991, с. 17), аргументировано обосновавший сосуществование в регионе двух культурных традиций, неожиданно объединил разнородные комплексы в дандыбаевско-саргаринскую культуру, распространенную, по его мнению, на огромной территории Урало-Алтайских степей. В рамках синкретического образования были объединены памятники, имеющие между собой принципиальные отличия. С таким объединением нельзя согласиться, тем более, что принципы не получили своего объяснения. По нашему мнению, выделяя данное транскультурное образование, исследователь предпринял попытку снять противоречие между количественным и качественным накоплением источников, связанных с изучением поздней бронзы Сары-Арки. С одной стороны, изучены многочисленные алексеевско-саргаринские поселения и могильники; с другой – почти полностью отсутствуют новые данные о дандыбаевских погребальных объектах. Таким образом, проблемы, связанные с формированием и развитием дандыбаевского культурного феномена, сохраняются.

Своеобразие, значительные трудовые затраты и отсутствие четких критериев сравнения заставили исследователей связывать появление дандыбаевских комплексов с процессами социальной дифференциации позднебронзового общества. Так, по мнению

В.А. Коренько (1990, с. 38), памятники дандыбаевского типа следует соотносить с высшим слоем общества – культурной элитой, создавшей свою собственную и своеобразную субкультуру. Эта гипотеза не вызывает возражений, но и не объясняет характер взаимоотношений носителей алексеевско-саргаринских и дандыбаевских традиций. В то же время открытие захоронений алексеевско-саргаринской знати (Актопрак, Уйтас-Айдос, Енбек-Суйгуш) и погребальных сооружений рядовых членов дандыбаевского коллектива (Карагаш) позволяет говорить о сосуществовании в степях Центрального Казахстана двух разнотипных групп, взаимодействующих и влияющих друг на друга на протяжении определенного периода поздней бронзы.

Наиболее сложной проблемой является определение хронологического положения дандыбаевских памятников. Первоначально комплексы типа Дандыбай и Бегазы датировались раннескифским временем в пределах VII–VI вв. до н.э. (Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х., 1950, с. 136). Это вызвало возражение М.П. Грязнова (1952, с. 157–159), обосновавшего предскифское бытование комплексов Дандыбай и Бегазы, возникших как результат взаимодействия местных и пришлых инокультурных групп. С.В. Киселев (1949, с. 93; 1951, с. 158, прим. 4) считал, что появление дандыбаевских комплексов в степях Центрального Казахстана связано с проникновением сюда носителей карасукских культурных традиций в XIII–X вв. до н.э.. Е.Е. Кузьмина (1970, с. 46–47) синхронизировала памятники семиреченского варианта позднебронзовой культуры Казахстана с дандыбаевскими и датировала их концом II – началом I тыс. до н.э.. В.В. Варфоломеев (1987, с. 66; 1991, с. 18), синхронизировав бытование алексеевско-саргаринских и дандыбаевских комплексов, первоначально датировал их X–IX вв. до н.э., а несколько позднее удревнил до XII–X вв. до н.э. Соглашаясь с синхронизацией алексеевско-саргаринских и дандыбаевских памятников, мы считаем, что сосуществование разнотипных комплексов охватывает XII–XI вв. до н.э. (Ткачев А.А., 1989, с. 101–102).

Большинство исследователей единодушны в том, что сложение дандыбаевской культуры произошло в результате взаимодействия носителей федоровских (или познефедоровских) и карасукских традиций (Грязнов М.П., 1952, с. 159; Киселев С.В., 1949, с. 93; Потемкина Т.М., 1985, с. 273; Зданович Г.Б., 1988, с. 148; Кузьмина Е.Е., 1994, карта 9). По нашему мнению, исходной тер-

риторией формирования дандыбаевских комплексов являются Барабинская лесостепь и северная часть Кулундинской степной зоны Обь-Иртышского междуречья. Дандыбаевская культурная традиция зарождается здесь в процессе взаимодействия двух подвижных групп населения: позднеканайского (кызылтасского), мигрировавшего из Казахстанского Прииртышья, и карасукского, проникающего из Енисейских степей.

Наиболее близкие дандыбаевским, за пределами Центрального и Восточного Казахстана, получены материалы при исследовании могильника Старый Сад (Обь-Иртышское междуречье) (Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992, с. 93–97). Основные черты погребальной обрядности этого памятника более всего соответствуют канонам карасукской культуры, но посуда имеет сходство с андроновской, карасукской и ирменской. Вместе с тем в керамической коллекции могильника Старый Сад отсутствуют элементы степных позднебронзовых валиковых комплексов, всегда сопровождающих поминальные дандыбаевские памятники от Приаралья до Алтая. Это не позволяет согласиться с датой, предложенной исследователями для могильника Старый Сад – в пределах VIII–VII вв. до н.э. В основу датировки положен раннекочевнический комплекс – бляшки со шпеньком и стремечковидные удила. Не ясно, где они найдены и с какой посудой сочетаются, имеется лишь сопоставление с материалами могильника Измайловка (Восточный Казахстан), где основная часть раннекочевнического комплекса происходит из дернового слоя, другая найдена в «сложенном виде» и помещена в неглубокую ямку, обнаруженную за пределами одной из дандыбаевских оград (Ермолаева А.С., 1987, с. 69, 72, рис. 31), т.е. свидетельств синхронности раннекочевнического и дандыбаевского комплексов нет. Исходя из имеющихся фактов можно констатировать, что поминальные комплексы могильника Старый Сад относятся к значительно более раннему времени. Керамику могильника Старый Сад, по нашему мнению, можно рассматривать как раннедандыбаевскую, в ней отражен процесс взаимодействия носителей андроновско-канайских и карасукских культурных традиций. Особое значение имеет открытие в непосредственной близости от могильника двух поселений, содержащих посуду, идентичную погребальной (Молодин В.И., Нескоров А.В., 1992, с. 94). Это свидетельствует о том, что на данной территории существуют «чистые» поселенческие и погребальные комплексы, позволяющие считать лесостепную зону Обь-Иртышья территорией формирования наи-

более ранних дандыбаевских комплексов. Именно здесь, в результате взаимодействия двух культурных групп, формируется новое этнокультурное образование, являющееся одним из первых кочевых объединений в восточной части степной Евразии (Исмагилов Р., 1998, с. 6). Подтверждает это предположение и близость раннедандыбаевских и ордынско-быстровских комплексов ирменской культуры, сложение которых происходило на близкой основе. Это позволяет согласиться с гипотезой В.В. Боброва о том, что данные группы памятников входят в особую карасукско-дандыбаевскую культурную общность (Бобров В.В., 1988, с. 68–71; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 92).

Территориальное распространение памятников дандыбаевского типа говорит о том, что основным направлением кочевания были перемещения с северо-востока (лесостепь-степь Обь-Иртышья) на юго-запад (Северо-Восточное Приаралье) через степи Восточного и Центрального Казахстана. В процессе перемещений дандыбаевские группы, вступая в контакт со степным алексеевско-саргаринским населением, устраивали свои поминальные сооружения на существующих некрополях. Это характерно для степной зоны Алтая (Чекановский Лог-VII), Восточного (Измайловка, Кызылтас) и Центрального (Дандыбай, Бегазы и др.) Казахстана. На сегодня крайним южным памятником дандыбаевского облика является могильник Тагискен в Приаралье (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001).

Памятники лесостепного Обь-Иртышья, Казахстанского Прииртышья, Центрального Казахстана и Приаралья расположены в разных природно-климатических зонах, отличающихся сырьевыми ресурсами. Отсюда и различия в сооружении надмогильных конструкций. Всех их объединяет монументальность погребальных сооружений: крупные земляные курганы (Старый Сад), каменные ограды из массивных гранитных плит (Измайловка, Кызылтас), каменные мавзолеи и ограды (Дандыбай, Бегазы), глинобитные мавзолеи (Тагискен).

В процессе перемещения по территории, занятой оседлыми алексеевско-саргаринскими общинами, дандыбаевские группы активно контактировали с ними. Перемещения дандыбаевских общин вряд ли носили регулярный характер. В процессе передвижения дандыбаевцы, воспринимая инокультурные достижения, способствовали распространению новых культурных веяний. Мирному сосуществованию местного и пришлого населения способствовала эксплуатация разных экологических ниш, а нерегулярность контак-

тов отразилась в специфике погребальных дандыбаевских комплексов. Временной интервал между сооружением отдельных надмогильных конструкций мог достигать и нескольких десятков лет. Подвижные группы дандыбаевского населения в процессе длительных перемещений вступали во взаимодействие с носителями разных культурных традиций. Это приводило к быстрой трансформации культурных стереотипов, что и выразилось в эклектичности всех сохранившихся элементов дандыбаевской культуры. Результатом взаимных контактов стало появление дандыбаевской посуды в алексеевско-саргаринских захоронениях, а небольшие дандыбаевские коллективы довольно быстро растворились среди оседлого степного населения.

Н.А. Ткачева

Тюменский государственный нефтегазовый университет

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ В ВЕРХНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Широкие полевые исследования, проведенные на территории Верхнего Прииртышья в последнее десятилетие прошлого века, позволили заполнить многие лакуны в культурно-историческом развитии региона (Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1999). В то же время одним из слабо изученных периодов остается переходный этап от эпохи бронзы к раннему железному веку. В контексте данной проблемы особый интерес представляет могильник Меновное-VIII.

Памятник расположен на коренной террасе левого берега Иртыша в 2,5 км к востоку от пос. Меновное Таврического района Восточно-Казахстанской области, между руслом реки и новыми левобережными микрорайонами г. Усть-Каменогорска. Исследование показало, что могильник содержит разновременные захоронения: от эпохи бронзы до позднего средневековья. Среди изученных объектов выделяется курган №5, содержащий материалы заключительной фазы бронзового века, имеющий исключительно важное значение для воссоздания культурно-хронологической ситуации в регионе. Полученные материалы позволяют не только наметить пути трансформации культурных стереотипов автохтонного населения, но и высказать гипотезу об участии в этом процессе отдельных групп населения, проникших из Верхнего Приобья.

Курган №5 овальной формы, размером 8х6 м, высотой до 0,2 м. Верхняя часть насыпи разрушена проходящей через него проселочной дорогой. Особенности конструкции и стратиграфии насыпи свидетельствуют о том, что погребальный объект сооружался в два приема. Первоначально, на уровне древней поверхности, построена ограда округлой формы диаметром 4,8 м; позднее западная часть ограды была частично разобрана и к ней сделана дополнительная пристройка подпрямоугольной формы, размером 5х2,5 м, вытянутая в меридиональном направлении. Ограда и пристройка сооружены из камней, уложенных на погребенную почву. Некоторые вертикально установленные камни впущены в индивидуальные канавки (ширина 10–15 см), прорезавшие только погребенную почву. Для удержания камней и плит в вертикальном положении они обкладывались мелким щебнем. Центральная ограда перекрыта насыпью, сложенной светло-коричневым суглинком, пристройка – темно-коричневым суглинком.

В огражденном пространстве исследовано три могилы. Могилы 1–2 расположены в центре основной ограды. Они впущены в крупную грунтовую яму, размером 2,0х1,7х0,5 м, ориентированную по линии 3–В. Вдоль западной и восточной стенок ямы расположены каменные ящики; пространство между их внутренними стенками забутовано ломаным камнем и обломками гранитных плит (рис. 1.-1).

Могила 1 – западный ящик – сооружен из цельных гранитных плит и только западная составлена из двух небольших обломков. Пространство между стенкой ямы и северной плитой ящика укреплено дополнительно двумя гранитными плитами. Ящик размером 1,6 х 0,8 х 0,6 м, ориентирован по линии Ю–С. В придонной части могилы встречены отдельные раздробленные кости скелета человека.

Могила 2 – восточный ящик – перекрыт крупной гранитной плитой, размером 1,6 х 1,0 м. Плита перекрытия обложена по периметру мелкими гранитными и сланцевыми плитками. Ящик неправильно-прямоугольной формы, размером 1,7х0,95х0,55 м, ориентирован по линии Ю–С (рис. 1.-2). Продольные стенки составные: западная составлена из плит гранита и угольного сланца, остальные сооружены из гранитных плит. На дне обнаружен не потревоженный костяк человека, лежащий на правом боку в скорченном положении, головой на юг. На безымянный палец правой руки погребенного надето бронзовое кольцо (рис. 2.-2). В ногах, возле костей стоп, на боку лежал сосуд (рис. 2.-3). За головой погребен-

ного обнаружен тлен от овального деревянного блюда размером 25 х 15 см, на котором лежал бронзовый нож (рис. 2.-1) и три ребра, принадлежавшие лошади или крупному рогатому скоту.

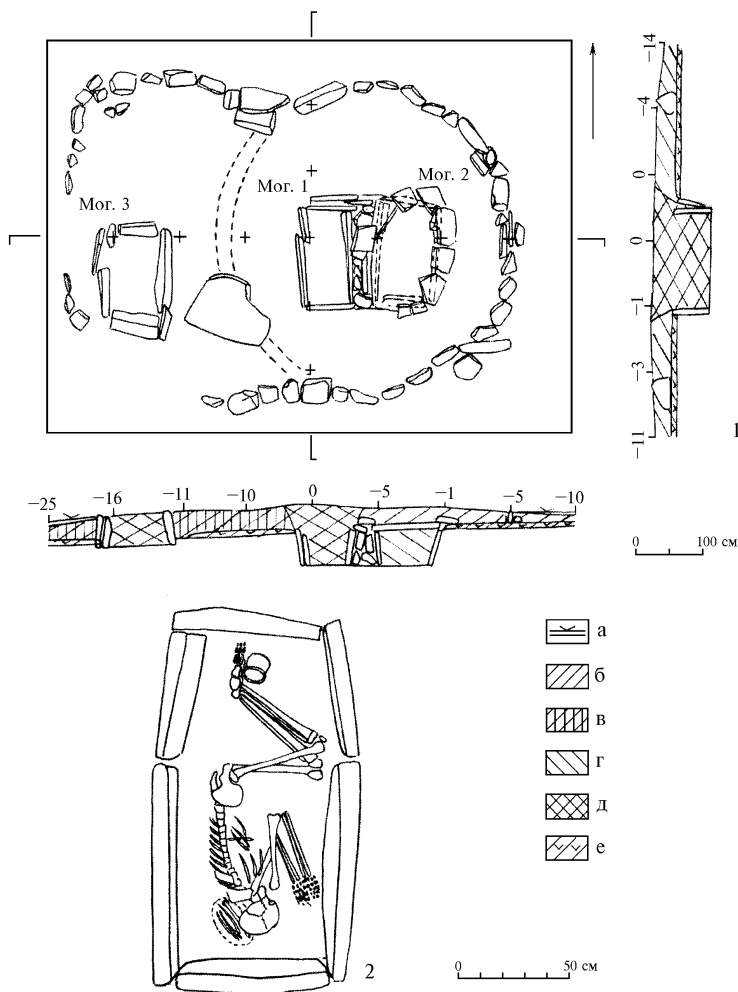

Рис. 1. Могильник Меновное-VIII. Курган №5: 1 – план и разрез кургана; 2 – план могилы 2; а – дерн; б – коричневый суглинок; в – темно-коричневый суглинок; г – серая супесь; д – мешаная земля (черный гумусированный суглинок); е – погребенная почва

Могила 3 – ящик расположен в пристройке и представляет собой конструкцию наземного типа размером 1,7х1,0 х 0,55 м, ориентирован по линии Ю–С. Стенки сооружены из плит гранита и угольного сланца. Продольные стенки составные: восточная сооружена из двух, западная – из трех плит. Могила сильно деформирована, большинство стенок запало вовнутрь. Дно углублено в материковый грунт всего на 10 см. Каменная крышка ящика сдвинута при ограблении и обнаружена в верхней части насыпи, юго-восточнее могилы. В придонной части могилы встречены отдельные раздробленные кости человеческого скелета.

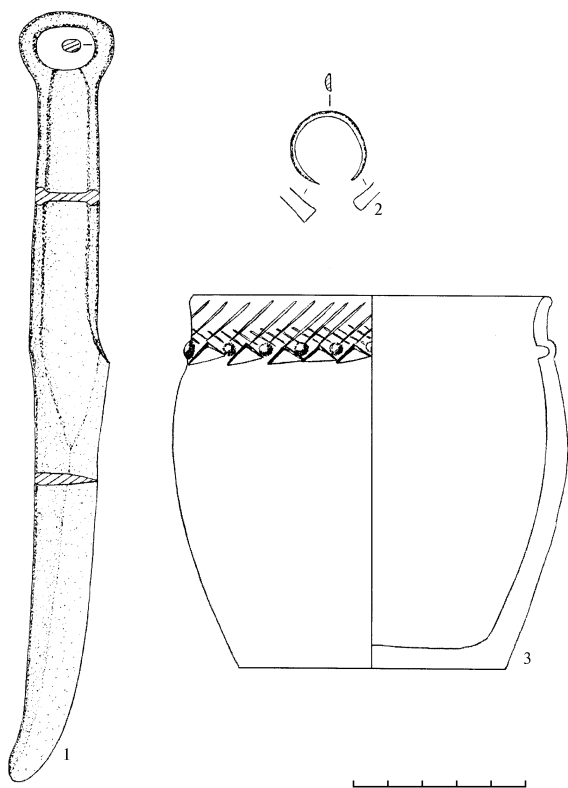

Рис. 2. Могильник Меновное-VIII. Курган №5. Могила 2.
Вещевой инвентарь: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовое кольцо;
3 – глиняный сосуд

Несмотря на ограбление, сохранность погребения в могиле 2 позволяет наметить пути решения некоторых проблем, связанных с развитием культур поздней бронзы. Остановимся на более полном описании материала, полученного в этом захоронении.

Бронзовый однолезвийный нож с выделенной выемчатой рукоятью с кольцевым навершием. Изделие отлито в двусторонней литейной форме с дополнительной проковкой лезвия. Рукоять с одной стороны резко переходит в лезвие, с другой – в слабо изогнутую спинку, заканчивающуюся изгибом конца клинка, что позволяет отнести данное изделие к типу «хвостатых» ножей. Общая длина 21,8 см, длина клинка 12,1 см, ширина лезвия до 2 см, глубина выемок на рукояти до 2 мм. Навершие овальной формы размером 2,7х1,7 см, внутренние размеры 1,6х1,2 см (рис. 2.-1).

По мнению Н.А. Аванесовой (1991, с. 28), желобчаторукояточные ножи, появляясь одновременно с валиковой посудой в XIII в. до н.э., доживают до эпохи раннего железного века. Особенностью этой группы ножей является наличие отверстия в верхней части рукояти, пробиваемого после отливки и служащего для крепления на одежде. По нашему мнению, ножи с отлитым навершием являются наиболее поздними, а их бытование должно соотноситься с позднекарасукским временем. С этими комплексами меновновский нож сближает не только наличие кольцевого навершия, но и «хвостатость» лезвия (Членова Н.Л., 1972, табл. 62). Появление ножей с литым навершием происходит не ранее начала I тыс. до н.э. В пределах Восточного Казахстана данная форма синхронизируется со временем бытования ножей с «аркой на кронштейне» (Арсланова Ф.Х., 1974, с. 52–53, табл. II.-1–5).

Кольцо, диаметром 1,8–1,9 мм, изготовлено из бронзовой пластины уплощенно-овального сечения (ширина 3–5 мм, толщина до 2 мм). Приостренные и раскованные концы не сходятся на 7–8 мм. Это связано, вероятно, с необходимостью регулирования диаметра кольца (рис. 2.-2). Несмотря на простоту изготовления, аналогии данных изделий автору не известны.

Керамический комплекс представлен слабопрофилированным сосудом, сделанным вручную (рис. 2.-3). Поверхность темно-коричневого цвета, заглажена, венчик округлый. Диаметр по венчику 10 см, наибольший диаметр тулова 11,2 см, днища – 7,5 см, высота 10,5 см. Орнаментирована только шейка сосуда, причем удалось проследить последовательность нанесения узора. Перво-

начально по основанию шейки нанесены короткие наклонные резные линии, затем от среза венчика нанесены более длинные наклонные линии, направленные в противоположную сторону, так что в месте пересечения образовалась косоугольная решетка. Позднее по основанию шейки выдавили изнутри округлые «жемчужины», заглаживание которых «смазало» нарезку. Завершающим элементом узора были треугольные оттиски, нанесенные концом прямоугольной палочки. В Казахстанском Прииртышье близкий по форме сосуд происходит из огады 45 Зевакинского могильника (Арсланова Ф.Х., 1974, с. 51, рис. 1). По орнаментике найденный сосуд имеет определенное сходство с ирменской (Косарев М.Ф., 1981, рис. 68; Матвеев А.В., 1993, рис. 21) и корчажкинской (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, рис. 7.-3,5 и др.; 1992, с. 212, рис. 4) посудой. Треугольные оттиски можно рассматривать как местный элемент орнаментации, не характерный для вышеуказанных культур.

Материалы кургана №5 могильника Меновное-VIII имеют сходство с позднетрушниковскими комплексами, для которых характерны банки и слабопрофилированные формы, оригинальность им придает декор из выдавленных или наlepных жемчужин (Ткачева Н.А., 1997, с. 14–15). Перекрещивающиеся линии, образующие сетку по шейке, более характерны для памятников иткульского этапа корчажкинской культуры. Устройство могил, поза и ориентировка умершего имеют сходство с древностями заключительной фазы бронзового века степных районов Казахстана (Ткачев А.А., 2002, с. 201).

В процессе сложения древностей заключительной фазы бронзового века и переходного времени принимало участие и приобское население. Вероятно, в Верхнем Прииртышье в этом процессе участвовали носители корчажкинских традиций, в то время как в Павлодарское Прииртышье периодически проникали ирменские группы (Пересветов Г.Ю., 2000, с. 79–80). Наличие деревянного блюда с жертвенным мясом и ритуальным ножом станет характерной деталью погребального обряда у племен раннего железного века. Все это позволяет говорить о том, что курган №5 могильника Меновное-VIII был сооружен в переходное время – в конце IX–VIII вв. до н.э.

А.Я. Труфанов

МУ ИКНПЦ «Барсова гора»

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ»

Несмотря на неоднократно отмеченную в литературе условность и относительность археологической (технологической) периодизации древней истории, археологи продолжают ей пользоваться. Вместе с тем степень ее условности, во многом определяемая неравномерностью исторических процессов в разных регионах, резко возрастает, когда речь заходит о характеристике переходных периодов. В полной мере это относится к содержанию понятия «переходное время (период) от бронзового века к железному». Сам по себе данный термин достаточно громоздок и весьма вариативен (ср. «энеолит»). Столь же вариативно и содержание, вкладываемое в понятие переходного периода к железному веку, применительно к Западной Сибири. Ключевыми здесь являются вопросы принципиального определения нижней и верхней границы (не дат!) переходного периода.

С этими вопросами напрямую связана проблема определения начала железного века. В этом отношении существуют два основных подхода. Первый подход акцентирует внимание на изменениях области материальной культуры и прежде всего облика керамики. Подразумевается, что как только керамический материал утрачивает характерный «позднебронзовый» облик и приобретает черты, которые будут определять специфику керамических традиций эпохи железа, можно говорить о начале раннего железного века. Сторонники второго подхода полагают, что железный век начинается с распространением железных орудий труда и оружия. Заметим, что если для степной зоны Срединного региона интервал между этими событиями невелик, то для лесостепной и лесной полосы он составляет минимум три века.

Эти два подхода отнюдь не исчерпывают всю сложность проблемы. Так, изредка можно встретить мнение, что начало железного века маркируется *появлением* изделий из железа. Чтобы не возвращаться в дальнейшем к этой точке зрения, отметим, что в таком случае нам бы пришлось отнести еловские древности севера лесостепи к железному веку (в ЕК-II изделия из железа най-

дены в трех *еловских* могилах). Добавим к этому, что, по мнению ряда исследователей, возможность отнесения культуры к эпохе железа определяется наличием местного железоделательного производства.

Возвратимся к первым двум подходам. В западносибирской археологии начиная с начала 70-х гг. XX в. утвердилось мнение, что практически для всей территории региона переходными к железному веку являются культуры гамаюно-молчановской общности. Данную позицию в полной мере разделял и автор настоящих тезисов. Современный анализ показывает, что большинство культур этой общности (?), за исключением гамаюнской и, возможно, большереченской (Верхней Оби), можно считать вполне позднебронзовыми. Их материальная культура, включая облик керамики, принципиально не отличается от «классических» позднебронзовых культур Западной Сибири.

В лесостепной и южнотаежной зоне Западной Сибири гамаюно-молчановский слой долгое время воспринимался как последний перед известными раннежелезными материалами V–IV вв. до н.э., за что и обрел свою «переходную принадлежность». Выделение в лесостепи материалов предсаргатского этапа, а в южнотаежной и таежной зонах журавлевского, новочекинского, белоярского и других типов поставило вопрос об их эпохальной принадлежности. Первоначально он решался в основном в пользу отнесения этих материалов к начальным периодам железного века. По всей видимости, основанием этому послужил раннежелезный облик керамики данных типов. Однако в начале 90-х гг. XX в. начинает происходить определенное переосмысление эпохальной принадлежности указанных древностей, включая васюганские. Объединенные Ю.П. Чемякиным (1993) в васюганско-белоярский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья, они стали рассматриваться как относящиеся к переходному времени (Зыков А.П., Федорова Н.В., 1993, Чемякин Ю.П., 1994). Однако, по этому поводу существуют и другие точки зрения (Л.А. Чиндина).

В целом отметим, что обозначенная проблематика находится в стадии становления. Тем не менее можно констатировать явную тенденцию расширения хронологических и культурных рамок переходного периода и его сдвига в сторону омоложения. Начало перехода определяется появлением «типично раннежелезной» керамики, а

конец – появлением серий железных изделий. При этом такие культуры, как красноозерская, атлымская, молчановская, завьяловская, тургайская, оказываются за пределами переходного периода и остаются в рамках эпохи бронзы.

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж

СЕРЬГИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

САЯНО-АЛТАЯ

(происхождение традиции и типологическое развитие)*

В культуре любого народа личным украшениям придается особое значение. В древних обществах они играли не только декоративную роль, но и несли глубокую смысловую нагрузку, отражавшуюся на специфике формы изделия, способе его ношения и т.п. По наличию или отсутствию украшений особого типа можно было определить социальное положение индивидуума, его этнос и принадлежность внутри него к конкретной родоплеменной группе. Для эпохи ранних кочевников одним из таких предметов-«индикаторов» могли являться серьги. В раннескифское время они носились как мужчинами, так и женщинами. В мужских могилах на территории Саяно-Алтая и Казахстана обычно находят одну серьгу слева от черепа, в непотревоженных женских – две. Та же закономерность иногда фиксируется и в западных регионах. В связи с этим интересно сопоставление с обычаем калмыков, отмеченным в публикации комплексов из пос. Комсомольский: «...мужчины носили серьги в левом ухе, незамужние девушки – в правом. И только замужние женщины имели право носить серьги в обоих ушах как символ принадлежности двум родам – мужа и своего отца» (Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А., 1997, с. 138). Этот обычай, несомненно имеющий корни в глубокой древности, подтверждает значимость этой категории украшений и правомерность ее использования для культурно-исторических реконструкций.

Цель предлагаемой работы – попытка проследить происхождение традиции изготовления серег в раннескифское время в кон-

---

* Исследование выполнено при поддержке NWO (грант №047.009.005) и РГНФ (проект №03-01-00099а).

тексте типологического развития этой категории украшений на территории восточного ареала степных культур.

Золотые серьги специфической формы найдены в кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980, с. 21, 25, рис. 11.-10, 11). Два однотипных изделия происходят из разных комплексов внутри кургана, что позволяет предположить характерность именно этого типа серег для населения Тувы (или его верхушки) аржанского времени. Рассмотрим эти предметы (рис. 1.-11, 12). Они состоят из плоской загнутой назад дужки, переходящей в щиток с отогнутыми наружу краинами и отходящей от него вниз проволоки, на которую надета бирюзовая бусина цилиндрической формы. Нижний конец проволоки загнут в кольцо для удержания бусины и, возможно, для дополнительной подвески. К щитку серьги из могилы 4 припаяны пять плоских колечек – кастов для бирюзовых вставок, расположенных крестообразно. Между краин другой серьги также могли вставляться пластинки из бирюзы или иного камня. Точные аналогии таким украшениям ни в Туве, ни за ее пределами неизвестны.

Однако, если обратиться к основным типобразующим признакам, приведенным выше, то соответствующие им предметы есть в памятниках эпохи поздней бронзы Хакасии, Новосибирской области и Южного Приаралья. Это серьги, найденные в карасукском погребении могильника Чазы (рис. 1.-5) (Паульс Е.Д., 2000, с. 109, рис. 6.-1), из поселения ирменской культуры Ельцовское (рис. 1.-7) (Новикова О.И., 1997, с. 131, рис. 1.-3) и из сооружения 7-а Северного Тагискена (рис. 1.-4) (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, рис. 124.-16). Эти предметы, хотя и более крупные, но также имеют щиток (в данном случае треугольной формы), единую с ним загнутую назад дужку и отходящие от щитка выступы для надевания продолговатых привесок. Привески (в Северном Тагискене – золотой с нарезкой и серебряные конусы, в Чазах – бронзовые трубочки) крепились к выступам за счет деревянной основы. Щиток серьги из пос. Ельцовское украшен орнаментом в виде креста. Наблюдения, сделанные П.Г. Павловым на карасукском могильнике Сабинка-2, позволили ему выявить наборные украшения такого же типа (рис. 1.-6), деревянная основа которых не сохранилась (Павлов П.Г., 1995, с. 53, рис. 1.-5).

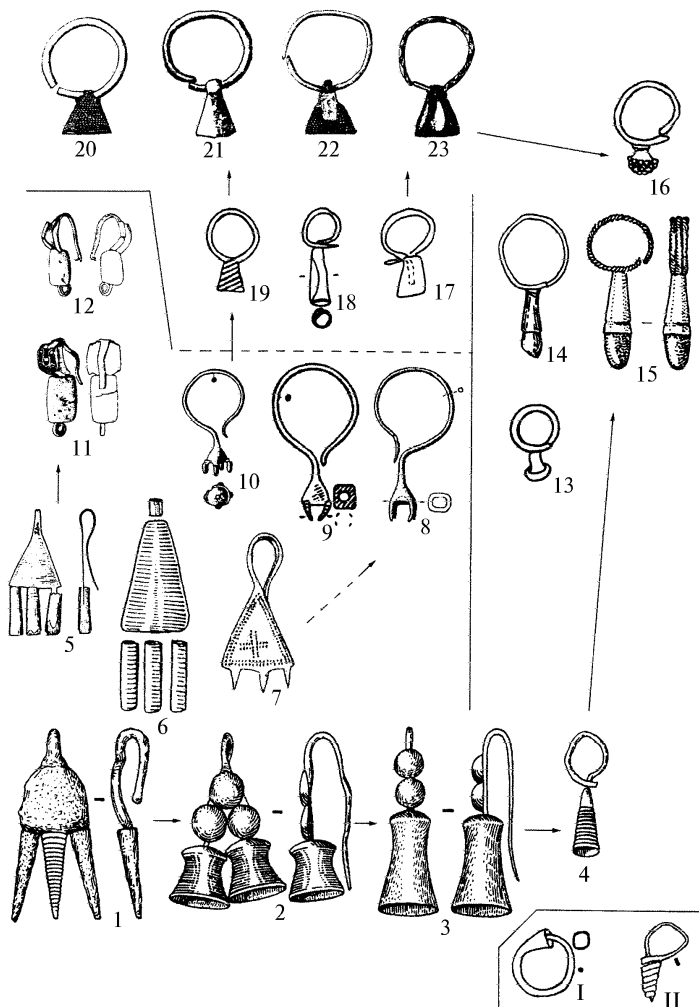

Рис. 1. Схема типологического развития серег предскифского и раннескифского времени. I–II – андроновские серьги (по Н.В. Аванесовой); 1–4 – Северный Тагискен (по М.А. Итиной и Л.Т. Яблонскому); 5 – Чазы (по Е.Д. Паульсу); 6 – Сабинка-2 (по П.Г. Павлову); 7 – Ельцовское-2 (по О.И. Новиковой); 8 – Еловский-1 курганный могильник (по В.И. Матющенко); 9 – Ярки (по Н.Л. Членовой); 10 – Тува (по Л.Р. Кызласову); 11–12 – Аржан (по М.П. Грязнову); 13, 14, 16 – Уйгарак (по О.А. Вишневской); 15 – Сакар-Чага-4 (по Л.Т. Яблонскому); 17 – Черновая-II (по отчету Г.А. Максимова); 18 – Есино-I (по отчету Д.Г. Савинова); 19 – Тунчух (по Н.Л. Членовой); 20 – Аржан-2; 21 – Коо-1 (по А.С. Васютину); 22, 23 – Бойтыгем-II (по Ю.Ф. Кирышину и А.А. Тишкину)

Несмотря на значительные расстояния между пунктами находок, сходство украшений поразительно и не может быть случайным. Совпадение всех элементов этих изделий – дужка-крючек, щиток и надеваемая на выступ привеска – с серьгами из Аржана позволяет связывать появление однотипных предметов в Туве с участием в формировании аржанского комплекса носителей определенных традиций, сложившихся в эпоху поздней бронзы за пределами Саяно-Алтая. Места находок щитковых серег с привесками, возможно, маркируют путь их распространения.

Однако на территории Тувы и Горного Алтая уже в памятниках раннескифского времени распространяются украшения другого типа – серьги с припаянным конусом (рис. 1.-20–23). Большинство из них изготовлено с использованием техники сложной пайки и грануляции (зернения). Эти украшения не раз становились предметом исследований. Они привлекались для анализа древних технологий (Тишкин А.А., 1999, с. 187–190) или синхронизации комплексов на широкой территории степей Евразии (Семенов Вл.А., 1999, с. 165–169). Выяснено, что западные памятники с такими серьгами датируются несколько более поздним временем по сравнению с восточными. Вл.А. Семеновым учтено 14 комплексов с изделиями такого типа, большинство из которых расположено в Саяно-Алтайском нагорье. Сейчас известны еще пара серег с конусом из ограды 23 могильника Тар Асу в Восточном Казахстане (Самашев З.С., Франкфорт А.П. и др., 1998, с. 174, рис. 13) и серьга из кургана №1 могильника Казанково-Х на территории Кузнецкой котловины (Ширин Ю.В., 1999, с. 238, рис. 1.-2). Кроме того, в погребениях кургана Аржан-2 в Туве найдены еще десять изделий такого типа (Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2002, с. 120; 2003, с. 127).

Таким образом, на территории Тувы, с учетом найденных ранее, всего известно 18 экземпляров серег с конусом из 7 комплексов. С Алтая и сопредельных ему территорий происходит еще 9 таких украшений. За пределами Саяно-Алтая найдено всего три экземпляра. Такое количественное соотношение позволяет считать серьги с припаянным конусом украшениями, характерными для алдыбельской культуры Тувы и племен Алтая раннескифского времени. Исследователи, которые специально рассматривали эти изделия, связывают их распространение с продвижением носителей традиции с востока на запад (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 90; Семенов Вл.А., 1999, с. 168; Тишкин А.А., 1999, с. 190) или – более узко –

с расселением на территории Горного Алтая носителей алдыбельской культуры Тувы (Васютин А.С., Садовой А.Н., 1999, с. 36).

Для определения истоков происхождения такой формы украшений необходимо вновь обратиться к материалам могильника Северный Тагискен, в мавзолеях которого найдены серьги трех типов (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с. 98–99, рис. 124-12, 14–16). Один из них уже рассмотрен выше в связи с серьгами из кургана Аржан. Второй тип представлен двумя золотыми экземплярами в виде одного или двух колоколовидных привесов с отходящим от них вверх крючком – дужкой, на внешней стороне которой расположены две (одна над другой) или три («треугольником») полушаровидные бляшки, образующие щиток (рис. 1.-2, 3). К третьему типу относится золотая серьга из сооружения 4-д, состоящая из конуса с горизонтальным рифлением и проволоочной дужки – кольца, отходящего из его вершины (рис. 1.-4). В нижней части конуса крепилась не сохранившаяся вставка.

При сравнении характерных признаков всех трех типов серег из Северного Тагискена видно, что изделия второго типа объединяют в себе черты первого и третьего. Они имеют щиток (причем в одном случае – треугольных очертаний) и дужку в виде крючка – как у серьги первого типа. В то же время подвесы этих украшений оформлены в виде расширяющегося к низу «колокольчика», что напоминает конус серьги третьего типа.

Авторы монографического исследования памятника, рассматривая серьгу с конусом из сооружения 4-д, считают, что «этот тип украшений имеет андроновское происхождение и продолжал бытовать на территории распространения андроновской культуры и в раннем железном веке» (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с. 99). На основании анализа керамического комплекса констатируется относительная одновременность всего могильника (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 2001, с. 95). Следовательно, можно предположить, что типологическая взаимосвязь украшений, найденных в его погребениях, отражает процесс выработки традиционных форм, которые распространялись вместе с носителями этих традиций на восток, в лесостепную зону Западной Сибири и далее, в бассейн Енисея. Происходить это могло не позже времени существования карасукской культуры.

Тагискенский экземпляр серьги с конусом является, по мнению М.А. Итиной и Л.Т. Яблонского (2001, с. 99), прототипом для

форм раннего железного века. Учитывая то, что в нижней части конуса крепилась вставка, это утверждение справедливо для украшений, происходящих именно из приаральских памятников – могильников Южный Тагискен (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 40.-9), Уйгарак (Вишневская О.И., 1973, табл. I.-13, XIX.-9) и Сакар-чага (Яблонский Л.Т., 1996, рис. 7.-7, 19.-11). Конусовидная или цилиндроконическая подвеска с бирюзовой вставкой в нижней части у этих изделий припаяна к кольцевидной дужке (рис. 1.-14, 15). Производство серег такого типа фиксируется в материалах поселения Куясай-2 (Вайнберг Б.И., 1979, с. 19, табл. IXa). Сакарчагинские экземпляры отличаются от прочих приаральских тем, что дужка их состоит из разомкнутого кольца, образованного спаянными витыми золотыми проволочками (рис. 1.-15).

Помимо серег этого типа, на могильнике Уйгарак найдены изделия еще двух типов. Серьгу с припаянным подвесом, украшенным ложной зернью, из кургана №22 рассмотрим позже. Украшения другого типа, происходящие из курганов №21 и 26, выполнены, по описанию О.А. Вишневской, в виде согнутой в кольцо булавки с грибовидным, отогнутым вниз навершием (рис. 1.-13) (Вишневская О.И., 1973, с. 82, табл. VI.-6, VIII.-1). Автор раскопок сопоставляет их с гвоздевидными серьгами из памятников бассейна Верхней Оби, но по недоразумению называет их украшениями большебереченской культуры. Такой тип украшений характерен для ирменской культуры эпохи поздней бронзы и восходит, очевидно, к андроновским традициям (Аванесова Н.А., 1991, с. 53). Существенным отличием ирменских изделий от серег из Уйгарака является то, что гвоздевидное навершие у них не отогнуто вниз (Грязнов М.П., 1956, рис. 7.-6, 7; 8–9; табл. V.-21). Большебереченская серьга, найденная в пункте БЕ-VII могильника 22 (там же, табл. XIX.-11), выглядит иначе – это медное изделие в виде кольца, свернутого в 1,5 оборота с раскованным окончанием, свернутым раструбом и отогнутым вниз. Такие же серьги найдены и в раннетагарских комплексах (например, рис. 1.-18). Изделия такого типа, как в Западной Сибири, так и на Среднем Енисее могут восходить к андроновским прототипам. Однако для карасукской культуры, сменившей андроновскую на этой территории, характерны серьги в виде колец, свернутых из проволоки в 1,5–2,5 оборота. Соответственно, традиция изготовления украшений рассматриваемого типа не имеет здесь непрерывной линии развития. Возможно, время появления

этой инновации на Енисее фиксируется находками серег специфической формы, встреченных в позднекарасукских комплексах.

В карасукском могильнике Малые Копены-3 в одном из погребений найдены четыре бронзовые серьги с отогнутым вниз конусом и отходящими от него четырьмя «лапками» (Зяблин Л.П., 1977, рис. 11.-5). Еще одна такая серьга происходит из сборов С.А. Теплоухова на пос. Ярки (рис. 1.-9) (Членова Н.Л., 1963, рис. 1.-30). За пределами ареала карасукской культуры украшения такого типа найдены в Первом Еловском могильнике (рис. 1.-8) (Матющенко В.И., 2001, рис. 19.-8) и в Туве при случайных раскопках погребения (рис. 1.-10) (Кызласов Л.Р., 1979, рис. 14.-5). Представляется весьма показательным, что пункты находок этих предметов практически совпадают с местами обнаружения щитковых серег (за исключением Приаралья). Происхождение такой формы конуса с опущенными вниз «лапками» гипотетически может объясняться технологией изготовления не дошедшего до нас прототипа – изделия с треугольным щитком и выступами для подвесов, который был свернут в конус. Не исключено, что «лапками» могла быть закреплена какая-то вставка или подвес. Если наша реконструкция верна, то эти серьги могут быть синхронны аржанским украшениям или несколько предшествовать им и происходить от одного прототипа. Одновременно эта форма может являться исходной для серег с конусом раннескифского времени, распространившихся на территории Саяно-Алтая несколько позднее.

В то же время тагарские серьги с опущенным вниз раструбом также могут являться исходным типом для украшений Саяно-Алтая раннескифского времени. За исключением вставки в раструб, по технике изготовления они совершенно идентичны третьему типу серег из Северного Тагискена (ср.: рис. 1.-4 и 1.-18). Возможно, развитие этой категории украшений в тагарской среде отражает серьга из кургана №14 могильника Черновая-II, где на опущенный конец дужки надет колпачек в виде усеченного конуса (рис. 1.-17). Может быть, окончательное оформление традиции демонстрирует комплекс кургана №41 могильника Тунчух, в котором найдена золотая серьга с конусом (рис. 1.-19) (Членова Н.Л., 1997, рис. 25.-8). По находке в могиле кинжала предтагарского типа этот памятник относится к самому началу тагарской культуры. К сожалению, по приведенному рисунку неясна технология изготовления серьги – припаян конус к дужке или согнут из той же проволоки. Если – по-

следнее, то значит, что это изделие изготовлено еще в традициях предскифского времени.

Однако ни серьги тагарской культуры, ни материалы из могильников Приаралья не объясняют появление техники грануляции на серьгах с конусом из памятников Саяно-Алтая. Поэтому не может быть исключена и другая модель проникновения традиции на Алтай и в Туву – с территории Центрального и Восточного Казахстана. Косвенно она подтверждается тем, что именно таким путем проникли в Туву инновации, приведшие к формированию алды-бельского культурного комплекса. Это фиксируется изменением типов бронзовых наконечников стрел в постаржанское время (Чугунов К.В., 2000а, с. 227–229; 2000б, с. 165–168). Именно из этих регионов происходят находки ювелирных украшений, аналогичных по стилю и технике изготовления материалам «царского» комплекса Аржан-2 (Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2003, с. 128). Но такая модель остается гипотетичной, так как в памятниках тасмолинской культуры серег не найдено, а украшения такого типа из памятников Восточного Казахстана нет основания датировать раньше алды-бельских.

Таким образом, при формировании культурного комплекса эпохи ранних кочевников на территории от Приаралья до Тувы прослеживается линия типологического развития специфической формы серег. Восходит она в целом к андроновскому прототипу – серьгам с раструбом (рис. 1.-I). Возможно, другой тип андроновских украшений – серьги с опущенной вниз спиралью (рис. 1.-II) – также могут считаться исходной формой. Тем более, что и те, и другие доживают в постандроновской среде до периода поздней бронзы (Аванесова Н.А., 1991, с. 50–58, рис. 43 – типы А1, Д2). Судя по разнообразию вариантов такой категории украшений в этот период в памятниках Приаралья и отмечаемое исследователями сходство некоторых их элементов с типично андроновскими (конусы с нарезкой на щитковой серьге из Северного Тагискена), центр формирования традиции раннескифского времени располагался, вероятно, здесь. Первый импульс распространения традиции на восток, связанный, скорее всего, с перемещением ее носителей, произошел еще в конце эпохи бронзы. Он отмечен находками щитковых серег на ирменском поселении в Верхнем Приобье и карасукских памятниках на Енисее. В комплекс кургана Аржан они попадают уже в модифицированном виде, что может объясняться самостоятельным развитием этого типа украшений в позднекарасук-

ской или лугавской среде. В то же время в Приаралье получает дальнейшее развитие форма серьги с опущенным вниз конусом и вставкой из бирюзы. Можно предположить, что именно здесь, в условиях постоянных контактов с южными земледельческими центрами (Итина М.А., 1992, с. 32), при изготовлении ювелирных украшений стала впервые применяться техника пайки. Во всяком случае, в памятниках Южного Приаралья фиксируется производство серег с вставками на поселении Куюсай-2 и найдены экземпляры этих изделий с дужками, спаянными из проволоки, на могильниках Сакар-Чага. Наличие в материалах Уйгарака архаического типа украшений в виде гвоздя с отогнутой вниз шляпкой может иметь как хронологические, так и иные причины – в частности, объясняться контактами с населением западносибирской лесостепи. Серьга из кургана №22 этого могильника с имитацией зерни (рис. 1.-16), возможно, также демонстрирует обратное направление трансляции традиций – из Саяно-Алтая. Датировка этого комплекса V в. до н.э. (Вишневская О.И., 1973, с. 96) сильно завышена. Набор черешковых наконечников стрел, найденный здесь, может быть датирован не позже начала VI, а скорее, концом VII в. до н.э. Присутствие на серьге псевдозерни говорит о знакомстве кочевников с украшениями, выполненными с использованием этой технологии уже в это время. Материалы кургана Аржан-2 убедительно свидетельствуют об этом (Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2003, с. 127). Вероятно, контакты между племенами, населявшими степи Казахстана и Приаралья и межгорные долины Саяно-Алтая в начале 1 тыс. до н.э. были постоянными.

Попытка установить направление культурных трансляций на основании типологического развития одной категории предметов, сознательно была предпринята без специального рассмотрения вопросов хронологии комплексов с серьгами. Проблема хронологии восточного ареала степных культур продолжает оставаться остро дискуссионной. Между тем исследование типологического развития артефактов способно привести к решению некоторых задач по синхронизации культур достаточно удаленных территорий. В данном случае проведенный анализ распространения серег некоторых специфических типов позволяет несколько удревнить датировку могильника Северный Тагискен (рубеж IX–VIII вв. до н.э. по М.А. Итиной и Л.Т. Яблонскому, 2001, с. 101) в соответствии с хронологией карасукской культуры. Тем более, что датировка VIII в. до н.э. ряда

комплексов в могильниках саков Приаралья у исследователей уже не вызывает возражений, а предсакский характер памятника очевиден. Также обоснованным выглядит углубление нижней даты раннетагарских комплексов, которые синхронизируются с Аржаном, а некоторые из них, может быть, и предшествуют ему. Проведенные работы по радиоуглеродному датированию ряда памятников (Бокоренко Н.А., Зайцева Г.И. и др., 2002, с. 19–21) указывают на это, снимая таким образом противоречия между тагарскими и аржанскими материалами. Однако эти выводы должны быть подкреплены типологическими разработками других категорий артефактов.

П.И. Шульга

*Лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири
ИАиЭт СО РАН и НИИ ГИ при АГУ*

СНАРЯЖЕНИЕ ЛОШАДИ ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕСКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА ГИЛЕВО-10

В ходе раскопок в 2000–2003 гг. могильника Гилево-10, расположенного у с. Гилево Локтевского района Алтайского края на берегу Гилевского водохранилища, было исследовано 14 раннескифских погребений конца VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. В трех из них обнаружены остатки сбруи. Все погребения ограблены в древности, но в могиле №16 сбруйный набор остался неповрежденным. Сохранность крупных изделий бронзовой фурнитуры сбруйного набора удовлетворительна, тогда как пронизки и распределители сильно разложились. Интенсивный процесс окисления бронзовых изделий явился основной причиной консервации всех ремней узды, фрагментов нагрудника и подпруги.

Удовлетворительная сохранность ремней и наличие тлена позволили реконструировать сбрую из Гилево-10 (рис. 1.-2), уточнить выводы по устройству и способам соединения ремней, креплению и функционированию деталей снаряжения. Интересные наблюдения сделаны по сбруйным ремням из кургана Кондратьевка-XXI (Восточный Казахстан, в 40 км к югу от могильника Гилево-10; Алехин Ю.П., Шульга П.И., 2003). В результате удалось проверить достоверность имеющихся реконструкций раннескифских узд и нагрудников, а также впервые изучить крупные фрагменты подпругных ремней. К эталонному сбруйному набору из Машенки-1 теперь можно добавить и представляющий несомненный интерес набор с со-

хранившимися ремнями из Гилево-10. Ниже приводится краткое описание снаряжения лошади из могилы №16 могильника Гилево-10.

Узда. По основным параметрам соответствовала найденной в 1993 г. на могильнике Машенка-1 (Шульга П.И., 1998а). Полностью прослежены унизанные бронзовыми кольцами-пронизками ремни оголовья: крепящиеся в псалиях нащечные, суголовные – почти до места их завязывания на затылке, наносный и основные участки подбородного (рис. 1.-2, 3). Налобный ремень изначально отсутствовал. На затылке суголовные ремни, вероятно, завязывались, поскольку ворворки или застежки здесь не было. Ремни узды из Гилево-10, как и в Кондратьевке-XXI, изготавливались путем загибания наружных концов ремня к середине и продольного сшивания их краев сухожильными нитками. Они не скручивались (как это было в Машенке-1), но имели округлое сечение диаметром около 7–8 мм, что примерно соответствовало внутреннему диаметру бронзовых колец-пронизок. Округлая форма ремней узды достигалась благодаря значительной толщине сложенного и прошитого ремня, а также вкладывания в середину этого ремня (в ряде случаев) подквадратного в сечении тонкого ремешка (см. Алехин Ю.П., Шульга П.И., 2003). Фурнитура узды состояла из следующих деталей: двух расположенных развилкой вниз У-образных псалиев; двух звеньев стремечковидных удил длиной по 9,5 см с изношенными внутренними кольцами; четырех малых распределителей (по два справа и слева) в местах пересечения суголовных ремней с наносным и подбородочным; застежки подбородного ремня с сердцевидным щитком на кольце пронизке; расположенной по центру наносного ремня стилизованной подвески и 82 стандартных колец-пронизок внешним диаметром 11–12 мм. Последние группировались на ремнях по три, а у распределителей и подвески – по одной (рис. 1.-3).

Судя по остаткам ремешков на внешних окончаниях удил и устройству пазырыкской узды, в Гилево-10 были повод и, вероятно, чумбур. Сохранился лишь небольшой фрагмент ремня с тремя пронизками от повода с правой стороны. Обычно же повод и чумбур в раннескифской и пазырыкской узде не украшались пронизками, а потому известны лишь в мерзлотных курганах. Единственная находка, являющаяся, по-видимому, левым концом скользящего по чумбуру повода, происходит из Кондратьевки-XXI (Алехин Ю.П., Шульга П.И., 2003, рис. 3.-2).

Нагрудник. Состоял из двух уплощенных ремней с центральными стилизованными подвесками и расположенными по краям уплощенными пронизками (рис. 1.-2). Концы ремней нагрудника фиксировались на подпружных ремнях. В отличие от основной массы хорошо известных нам по Машенке-1 раннескифских нагрудников, крепившихся к подпруге при помощи двух застежек, двойной нагрудник из Гилево-10 был значительно сложнее и состоял из восьми разъемных частей, включавших 10 ремней (рис. 1.-2): 1) двух центральных самых длинных ремней с подвесками, охватывающих грудь лошади; 2) четырех крайних ремней длиной около 30–40 см, прикрепляемых одним концом к подпружному ремню, а другим пристегивавшимся к переходному ремню правого или левого блока; 3) самыми короткими, длиной около 10 см, были четыре перекрещивающихся с надхолочными ремнями переходных ремешка левого и правого блоков (рис. 1.-1,4). Крайние ремни имели по одной пуговицевидной застежке-пронизке для пристегивания к переходным ремешкам. В свою очередь оба переходных ремешка левого блока также имели по одной пуговицевидной застежке-пронизке для пристегивания к центральной части нагрудника (рис. 1.-1). На переходных ремешках правостороннего блока таких застежек не было (рис. 1.-4). Возможно, они были утрачены. Нельзя полностью исключить наличие здесь цельного ремня, поскольку концы ремней осыпались. В этом случае переходные отрезки являлись непосредственным продолжением центральных ремней.

На левостороннем блоке соединения нагрудных и холочного ремней имелись два больших подквадратных в плане распределителя со сторонами по 1,5 см. По устройству они аналогичны малым распределителям, но несколько уплощены. Как и на узде, крестообразно от них располагалось по 4 плоских пронизки. В 2–3 см от каждого распределителя находилось по две застежки-пронизки с круглыми пуговицевидными щитками диаметром по 1,5 см. При помощи этих застежек блок крепился к центральной части нагрудных ремней и к подпруге (рис. 1.-1). Правосторонний блок отличался от левостороннего лишь отсутствием застежек со стороны центральной части нагрудных ремней (рис. 1.-2, 4). Надхолочные ремни фиксировались только в местах их перекрещивания с нагрудными ремнями. В нижней части каждый ремень был обрезан, и в 13–17 мм от края был вставлен кожаный штифтик для предотвращения сползания с него обоймы и распределителей (рис. 1.-1,4).

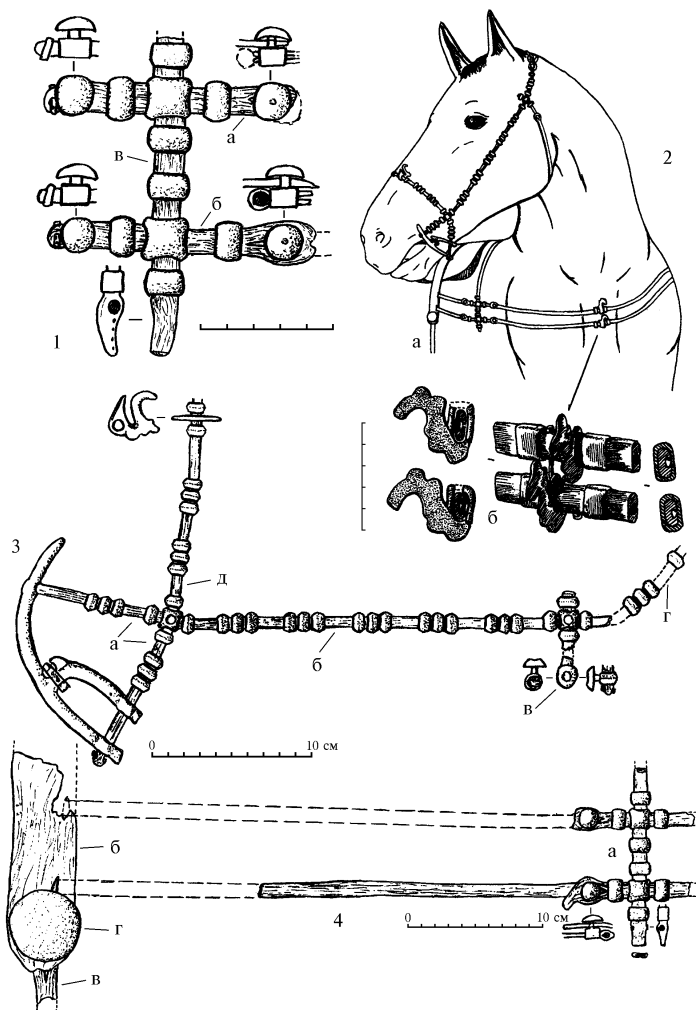

Рис. 1. Сбруя из раннескифского могильника Гилево-10:
 1 – левый блок соединения верхнего (а) и нижнего (б) нагрудных
 и холочного (в) ремней; 2 – реконструкция сбруи (а) и нагрудные под-
 вески (б); 3 – ремни левой стороны узды: нащечные (а),
 суголовный (б), подбородный (в); затылочный (г), наносный
 с подвеской (д); 4 – правый блок (а), верхний (б) и нижний (в)
 подпружные ремни, бляха-застежка (г)

Находка двойного нагрудника имеет важное значение как при решении вопроса о появлении таких конструкций, так и для интерпретации многочисленных сбруйных наборов, находимых от Забайкалья до Южного Приаралья, где они представлены скоплениями бронзовой фурнитуры.

Подпруга. Хорошо сохранился почти 20-сантиметровый фрагмент кожного верхнего подпругного ремня шириной 5–6 см и отходящего от него тонкого узкого ремня (ширина 1,5–2 см) нижней подпруги, крепившегося к верхнему при помощи крупной бляхи диаметром 5,5 см с уплощенной застежкой в нижней части (рис. 1.-4). Подпругные пряжки с широкими приемными петлями имели одинаковые пропорции и размеры 7,5х7,5 см. На одной из них располагался шпенек-застежка. Несмотря на значительную ширину приемных петель, есть основания полагать, что, как и в Кондратьевке-XXI, подпругные ремни были узкими на всем протяжении и не расширялись под брюхом лошади. Судя по отпечаткам ремня из кургана №2 могильника Чесноково-1 на р. Чарыш (Шульга П.И., 1998б, рис. 7.-1), через нее также пропускался узкий ремень. В связи с этим назначение столь широкой приемной части у многих подпругных пряжек не ясно. Подпругные пряжки-застежки в обоих случаях не пришивалась к широкому ремню у седельной подушки (как в пазырыкских курганах), а крепилась на тонком ремне, опускавшемся ниже седельной подушки примерно на 15–20 см, что подтверждается частым нахождением парных пряжек на значительном расстоянии от хребта лошади.

Сохранившиеся остатки седла из слоеных кожи и войлока и, по-видимому, набитых травой седельных подушек из-за фрагментарности и плохой сохранности пока не реконструируются. Возможно, уже в раннескифское время появляются дужки седельных луков. Обнаружение дуговидного заполированного изделия с отверстиями из ветви челюсти животного в раннескифском погребении из могильника Чесноково-1 и еще две подобные находки в Горном Алтае позволяют предположить их использование в этом качестве (Шульга П.И., 1998), но в сбруйных наборах они не встречены.

Исследованные сбруйные наборы показывают, что основные элементы хорошо известной пазырыкской сбруи были разработаны уже в раннескифское время. Действительно, несмотря на революционное внедрение двудырчатых псалиев, появившихся, кстати, также в раннескифских комплексах (Грач А.Д., 1980, рис. 83.-1,2; Боковен-

ко Н.А., 1998), пазырыкская узда почти до времени сооружения Больших Пазырыкских курганов продолжает сохранять аналогичную конструкцию, а иногда и фурнитуру с распределителями (Шульга П.И., 1998в). Вместе с тем фурнитура нагрудных, холочных и подпругных ремней меняется полностью. Другие формы приобретают и встречающиеся в VI в. до н.э. похожие на раннескифские малые бронзовые подпругные пряжки. Сбруя пазырыкского времени предельно упрощается, становится преимущественно ременной, заменяя сложные разъемные конструкции VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. Уже в таких раннепазырыкских комплексах, как Башадар-2 и Туэкта-1, 2, ремни перекрещиваются без использования распределителей, а места соединений просто прикрываются не имеющими функционального значения деревянными или бронзовыми бляхами. Исчезают и застежки, посредством которых соединялись нагрудные, холочные и верхние подпругные ремни. Длительное время сохраняется только роговые застежки подбородного ремня. Бронзовая фурнитура уже в V в. до н.э. является редкостью и используется только в узде.

А.Я. Щетенко

Институт истории материальной культуры

О КОЛЕБАНИЯХ КЛИМАТА И КСЕРОТЕРМИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ В ГОЛОЦЕНЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

Проблема влияния климата на развитие человеческого общества в условиях пустынных ландшафтов впервые 100 лет назад была поставлена при работах экспедиции американского геолога Рафаэля Пампелли на юге России в Туркестанском крае в 1903–1904 гг. (Pumpelly R., 1908). Это стало возможным благодаря участию в работах экспедиции, кроме археологов, ботаника, географа, зоолога, почвовед, химика. Такой междисциплинарный комплексный подход Пампелли к исследованию определенного района был по

---

* В статье употребляются два понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Первое – связано с Российской академической традицией (воспринятой учеными СССР), в которой эти названия различаются, несмотря на их тесную связь. Второе понятие отражает англосаксонскую традицию (которой придерживались Р. Пампелли и его коллеги), где оба региона относились к общему термину «Центральная Азия» (Куравлев В.П., 2002, с. 11).

достоинству оценен лишь 90 лет спустя (Lamberg-Karlovsky C.C., 1994, p. XXIX; Щетенко А.Я., 2003).

Этот же подход позволил Р. Пампелли и Е. Хантингтону, анализируя руины китайского Туркестана и флуктуации Каспийского моря, впервые для Центральной Азии выявить «серию климатических пульсаций» для исторического периода начиная с первых веков Христианской эры (Pumpelly R., 1908, p. 5-13). Ретроспективно, по их мнению, история подъема и упадка последовательных фаз цивилизации в Мерве, начиная с древних курганов, также соответствует теории климатических колебаний (Huntington E., 1907; 1908, p. 231–232). Критическим проявлением этих колебаний является ксеротермический максимум, который, по мнению Р. Пампелли, был главной причиной прекращения жизни на поселении Анау около 2200 г. до н.э (Pumpelly R., 1908, pl. 5).

Эта идея была воспринята Б.А. Куфтиным, объяснявшим прекращение жизни на поселении эпохи поздней бронзы (ЭПБ) – «вышке» Намазга-депе (Намазга), наступлением в конце II тыс. до н.э. ксеротермического максимума (Куфтин, Б.А., 1956, с. 286-287). В.И. Сарианиди расширил территорию этого явления: «Сейчас можно считать доказанным факт запустения многих поселений Внешнего Ирана в начале 2-го тыс. до н.э. ... в основе этого процесса лежало наступление ксеротермического периода, который, по мнению специалистов, имел глобальный характер» (Сарианиди В.И., 1988, с. 99–100). «Применительно к южно-туркменистанским памятникам этот факт соответствует финальной фазе комплекса Намазга V» (Сарианиди В.И., 1990, с. 94).

Очевидно, что датировки ксеротерма обоих ученых отличны как от даты Р. Пампелли, так и разнятся между собой: у Б.А. Куфтина – конец, у В.И. Сарианиди – начало II тыс. до н.э. Объясняется это тем, что в 40–50-х гг. XX в. выделение ксеротермического периода базировалось на материалах европейской части России, где, по археологическим данным, он помещался в определенный период суббореальной эпохи (Берг Л.С., 1950, с. 57).

Наши исследования на Намазга велись в двух местах: в 1968–1971 гг. на юго-западном склоне, в 30 м от раскопа И.Н. Хлопина (Щетенко А.Я. 1972), и в 1975 г. – на северо-западном склоне (Щетенко А.Я., Долуханов П.М., 1976), в 70 м к северо-западу от угла раскопа Б.А. Куфтина – основного репера, к которому были привязаны все раскопы (рис. 1). Траншея 1975 г. прошла культур-

ные слои на глубину 13,6 м, а скважина 1 ($D = 0,8$ м) – еще 6 м. Скважина 2, заложенная у основания раскопа 1970 г., прошла 11 м. Мощность слоев «вышки», с учетом раскопов Б.А. Куфтина и И.Н. Хлопина составила 22,5 м. Они охватили три культуры – НМЗ II–IV, подтвердив тем самым археологические наблюдения пяти шурфов 1952 г. (Куфтин Б.А., 1956, рис. 42).

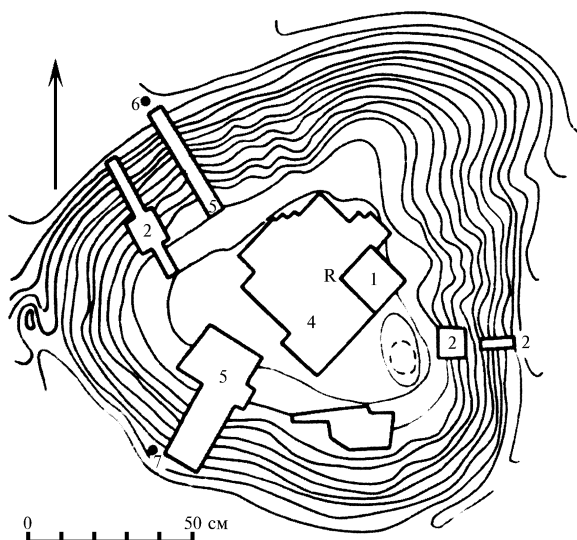

Рис. 1. Намазга-депе. План «Вышки». Раскопы: 1 – Б.А. Куфтина, 2 – А.А. Марушенко, 3 – А.Ф. Ганялина, 4 – И.Н. Хлопина, 5–7 – А.Я. Щетенко (6 – скважина 1, 7 – скважина 2)

В процессе работ из различных слоев производился отбор образцов на палинологический и радиоуглеродный анализы (Долуханов П.М., Този М., Щетенко А.Я., 1985). Палинологические анализы выполнены в лаборатории Института озераведения АН СССР, по их результатам построены ведомости и спорово-пыльцевые диаграммы. Подсчет процентных соотношений разных видов флоры производился от общей суммы микрофоссимий (100%), определенных в образце.

В скважине 1 изучено 7 образцов (рис. 2). По флористическому составу и количественным соотношениям можно выделить

два спорово-пыльцевых комплекса. Первый – отражен в спектрах нижних образцов. Он демонстрирует абсолютное господство травянистых растений, с доминированием пыльцы маревых (*Chenopodiaceae*) – 98%. Определенную роль имеет пыльца семейства сложноцветных (*Compositae*) – 8% и полыни (*Artemisia*) – 5%. Единично отмечена пыльца разнотравья (*Leguminosae*, *Labiatae*, *Umbelliferae*) и следы зеленых водорослей (*Pediastrum boryanum*); характерно единичное присутствие пыльцы древесных пород: ель, сосна, ольха. В образце №6 (гл. 3,0–3,5 м) отмечены *Fungi* и зеленые водоросли. Второй комплекс отличается от предыдущего отсутствием пыльцы древесных пород и наличием пыльцы злаковых (*Gramineae*) – 8% и эфедры (*Ephedra*) – 3%. Общим для обоих комплексов является преимущественное присутствие пыльцы травянистых и разнотравья.

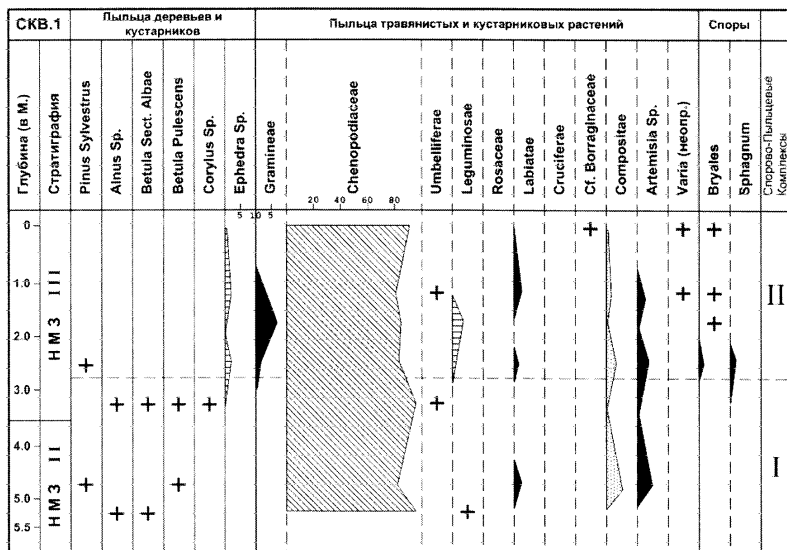

Рис. 2. Намазга-депе. «Вышка». Скважина 1.
 Диаграмма спорово-пыльцевых анализов

Скважина 2 дала 10 образцов (рис. 3), по которым выделяют-ся три комплекса.

Первый – демонстрирует господство пыльцы травянистых растений: наибольший процент составляют маревые – 40–60%, за-

тем идут злаковые – 10–18%, сложноцветные – 5–12%, полынь – 10–20%. Характерно наличие осоковых – 2–7%. Единично присутствует пыльца гречишных, крестоцветных, губоцветных, зонтичных, а также заносная пыльца ели, сосны, ольхи, березы. Определены споры зеленых мхов (до 10%) и единичные – папоротников. Второй комплекс характеризуется резкими сменами доминант в составе пыльцы травянистых растений. В отличие от первого комплекса здесь значительно увеличивается количество пыльцы маревых (40–80%) и полыни (5–70%). В спектре (гл. 4, 5 м) доминирует пыльца злаковых (34%). Состав пыльцы разнотравья несколько богаче и представительнее, чем в первом комплексе. Третий комплекс (2,5–1 м) – абсолютное господство маревых.

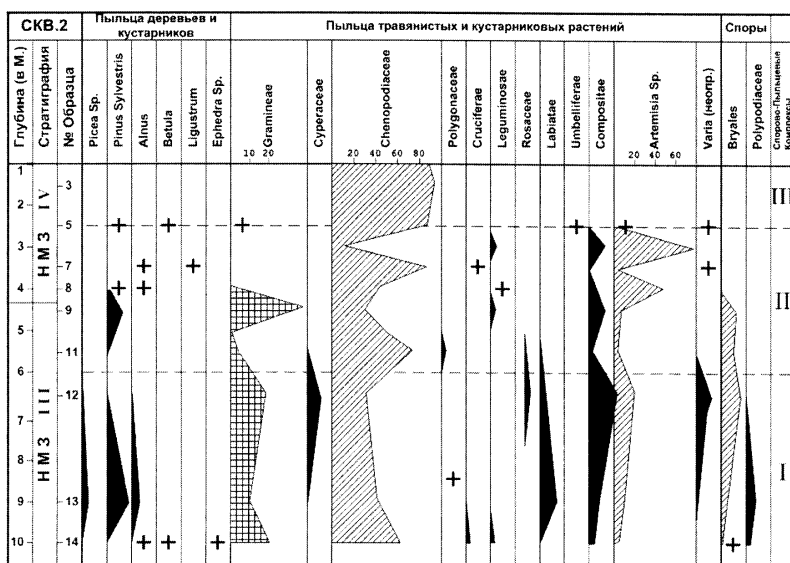

Рис. 3. Намазга-депе. «Вышка». Скважина 2.
 Диаграмма спорово-пыльцевых анализов

Материалы обеих скважин дают общую картину смены растительности в эпоху энеолита и ранней бронзы, обусловленную, вероятно, изменением климата. Данные палинологического анализа позволяют предполагать повышение влагообеспеченности исследуемого района в период накопления осадков с глубины 10–6 м,

поскольку в спектрах отражено некоторое увеличение содержания пыльцы осоковых злаков, зеленых мхов, при общем сокращении роли маревых. Изменение климата происходит на рубеже отметки 6 м. Для всего периода накопления осадков с 6 до 2,5 м характерна смена климатических условий, возможно, связанная с таяниями ледников в горах – то большее, то меньшее иссушение района исследования. Можно констатировать общее повышение аридности климата, особенно усиливающееся в эпоху накопления отложений с глубины 3-х до 0 м в скважине №1. Наиболее обеспеченный влагой период совпадает с расцветом жизни на поселении Намазга именно в эпоху Намазга III, когда его территория достигает своего максимума – 46 га.

По заключению В.М. Трибухина, это совпадает с каспийской трансгрессией (7000–5000 лн), вызвавшей плювиальный тип осадконакопления, который затем, на рубеже 4000 лет назад, сменился на пустынно-такырный тип, доминирующий до наших дней, с вазами увлажненности (3500, 2500, 2000 и т.д. лн), согласующимися с мировыми данными (Сарианиди, В.И., 1990, с. 95).

Колебания климата прослеживаются на широком пространстве от Сахары и Аравийского полуострова на западе (Butzer, 1961) до пустыни Тар и озера Пушкар в Северо-Западном Индостане (Щетенко А.Я., 1979, с. 53–57) на востоке. И эта цикличность климата аридных областей соотносится с последовательностью смены климата в северных районах (Хотинский Н.А., 1977, с. 163–165).

Для территории Туркменистана исследования палеографической обстановки в Северном Прикаспии установили, что цикличность смен влажных и сухих фаз в этом регионе для последнего тысячелетия составляет 200 лет (Абрамова Т.А., Турманина В.И., 1983, с. 67–68). Эти циклы, выявляемые и в более древние эпохи (III–II и на рубеже II–I тыс. до н.э.), увязываются с колебаниями уровня Каспийского (Рычагов Г.И., 1983, с. 19) и Аральского (Кесь А.С., 1983, с. 99) морей. Интересно, что аналогичные циклы в 200 лет, связанные с изменением уровня паводков Нила, обусловленные также колебаниями уровней воды в озерах, фиксируются в египетских документах с 3000 г. до н.э. (Bell V., 1971, p. 11).

Похожие процессы отмечены и на сопредельных с Туркменистаном территориях. Уже В.С. Сорокин приводил достаточно веские археологические и палеоботанические факты в пользу ксеротермического периода II тыс. до н.э. в Западном Казахстане и

Южном Приуралье. Там ландшафтные зоны в эпоху бронзы были сдвинуты на север не менее чем на 500 км, и в районе древнего поселения на р. Тасты-бутаке был не степной, а полупустынный ландшафт (Сорокин В.С., 1962, с. 59).

Это подтверждают и современные комплексные исследования ландшафтно-климатических колебаний голоцена в Северном Казахстане, где федоровская эпоха была временем становления ксеротерма (Хабдулина М. К., Зданович Г.Б., 1984, с. 151–154). В Петровке-II и Павловке отмечено вынесение жилищ на низкие береговые участки – свидетельство «...изменения климата в сторону повышения сухости. Это повлекло отток федоровского населения в различных направлениях, в том числе и в восточные районы Средней Азии» (Малютина Т.С., 1991, с. 160).

Находки керамики степного типа в стратиграфических колонках Намазга и Теккем-депе (Щетенко А.Я., 1999, с. 326–328), и современная датировка финальной фазы Намазга V и начального этапа ЭПБ НМЗ VI (Hiebert F.T., 1994, fig.10. 1, 6; Salvatori S., 1995, p. 46; Щетенко А.Я., 2002 с. 219), позволяют уточнить время ксеротермического периода на юге Средней Азии. Это рубеж III–II тыс. до н.э.

Таким образом, установление климатических колебаний и ксеротермического периода в Средней Азии и их датировка, предложенные геологом Р. Пампелли, географом Е. Хантингтоном и археологом Г. Шмидтом, выдержали испытание временем и проверку современной наукой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК^{*}

Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. М., 1985. С. 189–190.

Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117–129.

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 128–130.

Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-I – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67–80.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 11–20.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века их могильника Тузовские Бугры-I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4–6.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–36.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и маймирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–36.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 103–130.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье) // ВАУ. Свердловск, 1981. С. 92–97.

Абрамова Т.А., Турманина В.И. Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии // ПКМК. М., 1983. Ч. I. С. 62–69.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 26 с.

Авеста. Избранные гимны. М., 1992. 207 с.

Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998. 480 с.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

---

^{*} Составлен на основе списков литературы, подготовленных авторами статей.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996. 96 с.

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Советская археология. 1967. №1. С. 22–26.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. М., 1961. С. 107–206. (ТИЭ, т. 71).

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Алёкшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 1986. 192 с.

Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на Юго-Западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 62–75.

Алехин Ю.П. К вопросу об этнополитической ситуации на Рудном Алтае в IX–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 8–13.

Алехин Ю.П. Уйгуры на Рудном Алтае // История и культура народов Евразии: Древность, средневековье и современность. Уфа, 1992. С. 96–98.

Алехин Ю.П. Памятники археологии Курьинского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 58–88.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам из Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1.

Алехин Ю.П. Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 201–203.

Алехин Ю.П. Лесостепной и рудный Алтай в скифскую эпоху // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 13–16.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и в средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 17–65.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 62–70.

Алкин С.В. Ранненеолитическая культура Синлунва в Северо-Восточном Китае и ее погребальный обряд // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. №3. С. 72–81.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. №3.

Аношко О.М. Разведочные исследования в Ялutorовском районе Тюменской области // Отчет о полевых исследованиях в 2002 г. Тюмень, 2003.

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.

Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1. 342 с.

Антонова О.В., Худяков Ю.С. Погребения воинов в памятниках пазырыкской культуры на Средней Катуни (по материалам раскопок Южно-Сибирского отряда САКЭ ИАЭ СО РАН) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 17–20.

Ануфриев Д.В. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 108–111.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119–125.

Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.

Атхарваведа. Избранное. М., 1976. 405 с.

Атхарваведа. Избранное: Пер., коммен. и вступит. ст. Т.Я. Елизаренковой. М., 1995.

Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифионов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. 279 с.

Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 303–327.

Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1973. № 4. С. 135–142.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 192 с.

Балонов Ф.Р. Колесничные ристания как форма погребального жертвоприношения / Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., 2000. 536 с.

Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 5–29.

Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 60–76.

Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 59–85.

Бауло А.Л. Обские угры: атрибутика и миф (металл в религиозно-обрядовой практике XVIII–XX вв.); Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2002.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 271–275.

Беликова О.Б. Средние Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. С. 289.

Беликова О.Б. Беляйская находка из Причулымья // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 26–35.

Берг Л.С. Некоторые соображения о послеледниковых изменениях климата и лесостепи. М., 1950.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куям // Бронзовый век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. 139 с.

Бехаим В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995.

Бибииков С.Н. Поселение Лука-Врублевцевская // МИА. М.; Л., 1953. №38. 460 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. 380 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. Алматы, 1998. Ч. 1. 390 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы исследования. М., 1978. 272 с.

Бобров В.В. Основные этапы освоения Обь-Чулымского междуречья // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 6–15.

Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 72–75.

Бобров В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 68–71.

Бобров В.В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 164–176.

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 32–43.

Бобров В.В., Васютин А.С., Горяев В.С., Михайлов Ю.И. Новый ирменский погребальный памятник в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 5. С. 178–181.

Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52–54.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 156 с.

Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат. 40-й регион. археолого-этнографической студ. конф. Новосибирск, 2000а. Т. II.

Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат. 40-й регион. археолого-этнографической студ. конф. Новосибирск, 2000б. Т. III.

Бобров С.В., Пурдик Л.Н. Рельеф // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1997. Т.1. С. 12–16.

Богданов С.В. Парные погребения древнеямной культуры с расчлененными костяками // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 48–60.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.

Боковенко Н.А. Один из вариантов конской узды скифской эпохи в Центральной Азии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 50–55.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 140–148.

Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., Семенцов А.А. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье: Сб. мат. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. 2. С.19–22.

Большая Советская Энциклопедия. Т. 5. С. 282.

Борзунов В.А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 78–112.

Борзунов В.А. Сравнительный анализ зауральской и западносибирских культур крестовой керамики // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 47–63.

Борзунов В.А. Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамикой // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 23–27.

Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. 1991. №1. С. 15–33.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992. 188 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 129–134.

Борисенко А.Ю., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрков // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 7–26.

Борисов В.А. Физико-механические свойства еловской керамики // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 16–18.

Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 56–73.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Боровских Елбанов // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 153–160.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области: Мат. «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2002. Вып. 6. С. 81–83.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П. Обследование археологического комплекса Иванова-3 в Новосибирском Приобье // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г.. Новосибирск, 1995. С. 29–33.

Борукаев Р.А., Мальшев Е.Г., Мухамеджаев С.М., Недовидин А.А. Объяснительная записка к геологической карте листа М-43-IV. М 1:200.000. Сер. Карагандинская. Москва, 1962.

Брагинский И.С. Авеста // Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998. 480 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Вадецкая Э.Б. Изображение зверя-божества из Хакасии // Новое в советской археологии. М., 1965.

Вадецкая Э.Б. Мумии и куклы в погребальной обрядности народов Западной и Южной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вадецкая Э.Б. К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Труды ХАЭЭ, XI. М., 1979. С. 7–52.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.

Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 80–99.

Варфоломеев В.В. Сары-Арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. 21 с.

Василевский Р.С., Бурилов В.В. Археологические исследования в 1968 году в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 202–284.

Васильевский Р.С., Окладников А.П. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии // Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 230–238.

Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 243 с.

Васильев Е.А. Северо-таежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.

Васильев С.А. Комплекс поминальных сооружений в Саянском каньоне Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 120–121.

Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображений. СПб., 2000. 78 с.

Васильев С.А. Поздние комплексы многослойной стоянки Уй-II и проблемы развития каменного века в голоцене на Верхнем Енисее // Археологические вести. 2001. №10. С. 61–76.

Васильев С.К., Бенеке Н., Парцингер Н., Молодин В.И. К реконструкции хозяйственной деятельности населения памятника Чича-1. Предварительные итоги изучения остеологического материала по результатам раскопок 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 263–268.

Васильев С.К., Бенеке Н., Парцингер Г., Молодин В.И. Предварительный анализ остеологического материала с поселения Чича-1 по результатам раскопок 2001–2002 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 277–285.

Васильев С.К., Мартынович Н.В., Чемякина М.А. Охота по данным остеологического анализа материалов памятника Омь-1 // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 322–327.

Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики 1 Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2001. Вып. 2. С. 3–28.

Васютин А.С. Одинцовский погребально-поминальный комплекс Ваганово-I из Кузнецкой котловины // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 44–46.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 3–35.

Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 31–35.

Васютин А.С. Новое в хронологии и культуре юрт-акбалыкского этапа развития верхнеобского ареала (по материалам погребений из Кузнецкой котловины) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Мат. XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск, 2001. С. 142–144.

Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 86–98.

Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 35–38.

Васютин А.С., Ширин Ю.В. Курганная групп Порывайка на Средней Томи // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово, 2002. С. 78–92.

Великая Скифия: Курс лекций. Киев, 2002. 340 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 257 с.

Верещагин В.И. Очерки Алтая. Новосибирск, 1927. 96 с.

Викторова В.Д. Археологический факт // ВАУ. Свердловск, 1975. №13. С. 17–26.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Москва, 1975. С. 286.

Виноградов Н.Б. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3.

Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Виноградова Н.М. Исследование контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2002. С. 89–109.

Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996. 213 с.

Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII–первой половине XIX в. // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 150–160.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. 223 с.

Волокитин А.В., Инешин Е.М. Новые данные по железному веку Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 144–147.

Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. 1988. №4. С. 199–203.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Гальченко А.В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 57–62.

Гарустович Г.Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С.123–128.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. 212 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 116–129.

Генинг В.Ф., Гусинцева Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–52.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992. 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 67–111.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. М., 1961. Т. 2. Ч. 1. С. 776.

Герни О.Р. Хетты. М., 1987.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут, 2000. 199 с.

Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино-I на Крутинских озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001.

Гомер. В 2-х т. Т. 1: Илиада: Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М., 1998. 463 с.

Горбунов В.В., Ситников С.М. Исследование аварийного кургана сrostкинской культуры на памятнике Кайгородка-V // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 9–16.

Горбунова Т.Г. (Шиготарова). Оголовья верховых лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002а. №9. С. 91–103.

Горбунова Т.Г. «Тюркская мода» в украшениях конской амуниции на юге Западной Сибири // Тюркские народы: Мат. V-го симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002б. С. 40–42.

Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Олон Улсын Монголч Эрдэмтний-III Их хурал. Улаанбаатар, 1979. В. I.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. №36.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Суть-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960. М.; Л., 1966. Т. II. С. 81–107.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 87–110.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Григоров Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 152–158.

Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 260–274.

Гридина И.Н. Орнаменты керамического комплекса поселения Нижнепорожинское // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 89–90.

Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 217–220.

Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2003. Ч. I. С. 54–60.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Предметы вооружения с территории Угловского района Алтайского края // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 11–16.

Грязнов А.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.

Грязнов А.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции 1949 г.) // КСИИМК. М.; Л., 1951. Вып. 40. С. 105–113.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. XVI. С. 129–162.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л., 1956. №48. 160 с.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. 528 с.

Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993а. 224 с.

Даль В. Толковый словарь живого русского языка. М., 1978. Т. 1. 699 с.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине-второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996.

Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

Дашковский П.К., Грушин С.П. Кенотафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 51–52.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // Российская археология. 1997. №3. С. 127–141.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибайкалья: Семизбугу, пункт 2, ранний–поздний палеолит. Новосибирск, 1993. 114 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994. 288 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И.. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. I. 262 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Гладышев С.А., Исаков Г.Т. Исследования палеолита в Мугоджарах (Северо-Западный Казахстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. Новосибирск, 2000.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И. Миграционные процессы в Западной Сибири в каменном и бронзовых веках // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 5–8.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-западная Азия) // Археология, этнография и антропология Евразии Новосибирск, 2001. 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолитические комплексы поверхностного залегания Мугоджарских гор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999а. С. 50–55.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Археологические разведки памятников эпохи палеолита в восточном и северном Прибалхашье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999б г. Новосибирск, 1999б. С. 67–70.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Планиграфическое изучение палеолитических комплексов открытого типа в северном Прибалхашье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999в. С. 71–76.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999а. С. 42–45.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VII Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999б. С. 46–49.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 164 с.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. 456 с.

Долуханов П.М., Този М., Щетенко А.Я. Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // СА. 1985. №4. С. 118–123.

Древние курганы Алтая. Горно-Алтайск, 1998. 128 с.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 19–46.

Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андроновидных культур Западной Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 56–61.

Дремов В.А., Козьмин В.А. Антропологический материал из Кытмановского могильника андроновской культуры (Алтайский край) // Культура народов евразийский степей в древности. Барнаул, 1993. С. 42–66.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997. 262 с.

Дремов В.А., Багашев А.Н. Антропологическое своеобразие коренных народов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 292–303.

Дрожевский Н.В. Ямный курган Шоктыбай-III // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 228–229.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (Материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.

Дульзон А.П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке // Басандайка, Томск, 1947. С. 67–115.

Дураков И.А. Образ лося в культовом литье Кулайской культуры // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. С. 44–51.

Дураков И.А. Цветная металлообработка раннего железного века (по материалам Новосибирского Приобья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 23 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка-1 и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. С. 115–126.

- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
- Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. 21 с.
- Евдокимов В.В. О выделении донгальской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Центральном Казахстане // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 101–103.
- Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, 2000. 140 с.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда, 2002. 138 с.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань-I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50–63.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Поселение Копы-1 // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982. С. 20–41.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 34–46.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XVI.
- Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. 1957. №2. С. 205–227.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.
- Елизаренкова Т.Я. Об Атхарваведе // Атхарваведа: Избранное: Пер. с санскрита Т.Я. Елизаренковой. М., 1976. С. 3–56.
- Елизаренкова Т.Я. Ф.Б.Я. Кейпер: основные направления научного творчества // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 7–27.
- Елизаренкова Т.Я. Мир идей Ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 452–487.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999.
- Елькин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1970. Вып. 2. С. 81–92.
- Елькин М.Г. Отчет о результатах раскопок курганного могильника позднего железного века в Гурьевском районе Кемеровской области // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2098. 24 с.
- Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Приир-

тышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 154–163.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.

Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 39–46.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные антропоморфные изваяния казахских степей: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 22 с.

Ерофеев В.С., Ржанникова Л.Н., Цеховский Ю.Г. О стратиграфическом положении палеогеновой пестроцветной толщи в Семипалатинском Прииртышье // Изв. АН Каз. ССР. 1966. №4. С. 42–43.

Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников 1-й пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 159–169.

Жуковский Н.А. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 92–117.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962. 328 с.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Памира // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 95–100.

Зайтов В.И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 17–33.

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 3–17.

Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // Бронзовый век на территории СССР // КСИА. №134. С. 106–113.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992. 221 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993. 244 с.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Городище Карагай-Аул-1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 151–156.

Зах В.А., Зимина О.Ю. Памятники Нижнего Притоболья рубежа бронзового и железного веков (Юртоборовский микрорайон) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2001. Вып. 3. С. 138–149.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988. 184 с.

Зданович С.Я. Могильники эпохи бронзы Бурлук-I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 154–163.

Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974. С. 317–321.

Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 19 с.

Зданович С.Я., Малютина Т.С. Культурный комплекс Саргары // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Самара, 1976. С. 97–98.

Зими́на О.Ю. К вопросу о переходном времени от бронзы к раннему железному веку в Западной Сибири (историографический аспект) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2002. Вып. 3. С. 28–33.

Зими́на О.Ю. Керамические комплексы городища Карагай-Аул-1 в Нижнем Притоболье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2003. Вып. 4. С. 49–53.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 65–66.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены-3. М., 1977. 141 с.

Иванов Вяч.Вс. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда. // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.

Иванов Г.Е., Исаев Н.Н. Археологические находки из с. Крестьянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 106–109.

Иванов Г.Е., Исаев Н.Н. Бронзовый топор с поселения Крестьянское-IV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 82–85.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. К вопросу о тюркской миграции на территорию Кузнецкой котловины в эпоху средневековья // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 147–149.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 1997. Т. 2. 119 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999а. 160 с.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999б. 208 с.

Илюшин А.М. История и историография исследований по средневековой археологии Кузнецкой котловины: Учеб. пособие. Кемерово, 1999в. 74 с.

Илюшин А.М., Калининцева Н.И., Красильников Л.И., Токарев К.И., Хорошевский С.Н.. 60 лет Ленинск-Кузнецкому району: Очерки истории. Кемерово, 1999. 220 с.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 1996. Т. 1. 206 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994а. Вып. 2. С. 91–96.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 128 с.

Исмагилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический сборник. Уфа, 1988. Вып. 1. С. 3–7.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II–начало I тыс. до н.э. М., 1977. 240 с.

Итина М.А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 15–19.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. 186 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001. 295 с.

И-Цзин. М., 2001. 560 с.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 21–36.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 160–402.

Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 166–177.

Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Памятники археологии Локтевского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 99–113.

Казаков А.А., Ситников С.М. Поселение Ремовское-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 66–70.

Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины – второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 167–170.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.

Карнейро Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 84–94.

Кесь А.С. Палеогеография Аральского моря в позднем плейстоцене // ПКМК. М., 1983. Ч. II. С. 97–106.

Киреев С.М., Вдовина Т.А. Погребальный обряд быстринской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. I. С. 187–189.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...» Барнаул, 1995.

Кирюшин Ю.Ф. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002а. С. 51–53.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002б. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А. Результаты анализа остеологического материала из поселения Березовая Лука // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 52–55.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 31–42.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.

Кирюшин Ю.Ф., Калашникова Т.В., Шамшин А.Б. Формирование культурно-хозяйственных типов в лесостепном Алтае в эпоху бронзы // Барнаул 250 лет. Барнаул, 1980. С. 64–67.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катуні // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 80–84.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-2 // Культуры древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 25–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23–28.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуні // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 111–124.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I. Барнаул, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томск. гос. ун-та. Томск, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселений Павловка-I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 25–40.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. С. 116.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 3–19.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 75–80.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 8–12.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 391–396.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологическое изучение памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 58–62.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века Лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 194–217.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс памятника Иня-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 75–79.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Археологические находки из Локтевого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 168–172.

Киселев С.В. Поселение // Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928а. Вып. 2.

Киселев С.В. Тагарская культура // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928б. Вып. 4.

Киселев С.В. Семантика орнамента карасукских стел // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л. 1933.

Киселев С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. 1935. №4–5.

Киселев С.В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси // СА. 1937а. Вып. II.

Киселев С.В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // СА. 1937б. Вып. III.

Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. №1.

Киселев С.В. Открытия памятников эпохи бронзы в СССР за 25 лет // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л., 1949. №9.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Киселев С.В. Советская археология в первое послевоенное пятилетие // КСИИМК. 1952. Вып. XLIV.

Киселев С.В. О недостатках и новых задачах в изучении бронзового века // Против вулгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

Киселев С.В. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет // СА. 1957. №4.

Киселев С.В. Бронзовый век // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. II.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М., 1965.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 320 с.

Кобзев А.И. «Чжоу и» // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 458–460.

Ковалев А.А. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 93–98.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 73–82.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989. С. 80.

Ковалева В. Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-II. Екатеринбург, 1997. 131 с.

Кожин П. М. Предельные возможности этносоциальной интерпретации материалов андроновских кладбищ // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 45–49.

Комплексное исследование пещеры Тугаринова / Мандрыка П.В., Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Андренко О.В., Чеха В.П. // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996 (1999). С. 83–115. Вып. 1.

Конилов Б.А. Основы средневековой археологии Западной Сибири. Омск, 1992. 96 с.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск, 1978. 127 с.

Коренько В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. 1990. №2. С. 28–40.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1993.

Корякова Л.Н. Поселения и жилища Тоболо-Иртышской лесостепи // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. I: Поселения и жилища. Томск, 1994. С. 259–275.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. 242 с.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 165–177.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 280 с.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987а. С. 289–304.

Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987б. С. 314–317.

Косарев М.Ф. Некоторые методологические и теоретические проблемы урало-сибирской археологии // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 4–19.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. 302 с.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из памятника Телеутский Взвоз-I (комплекс елунинской археологической культуры) // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. С. 226–241.

Костюков В.П. Новые материалы к проблеме мировоззрения населения финальной бронзы Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999. С. 258–262.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1995. С. 151–163.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 105–118.

Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 112–114.

Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997б. №2. С. 147–152.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы военного дела и военного искусства древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998а. Т. 1. С. 271–276.

Кочеев В.А. К вопросу о защитном вооружении кочевников Горного Алтая в скифское время // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. №3. Горно-Алтайск, 1998б. С. 83–88.

Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш-IV в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 21–30.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. 416 с.

Крадин Н.Н. Особенности классовообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991. С. 301–324.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. 240 с.

Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993. С. 192–210.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994. 37с.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–59.

Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1996. 164 с.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир имерии и социальная эволюция // Альтернативные пути цивилизации. М., 2000. С. 314–336.

Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учеб. пособие. М., 2001.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. 165 с.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М.; Л., 1955. №46.

Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 107–144.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 232 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 29 с.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 84–92.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 63–68.

Кубарев Г.В. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 154–157.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 88–112.

Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры поздней бронзы // КСИА. 1970. №122. С. 44–48.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. 134 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. 464 с.

Кукушкин И.А. Керамика синкретического типа как основной показатель продвижения андроновских племен // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 119–125.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 190 с.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 156 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 98–104.

Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы Бийского отряда // АО 1984 г. М., 1986. С. 287–288.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник 5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 56–68.

Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катуня // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 3–8.

Куравлев В.П. Соотношение понятий «Средняя Азия» и «Центральная Азия» // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг. СПб., 2002. С. 11–13.

Куфтин Б.А. Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 260–290.

Кучин А.П. Флора и фауна Алтая. Горно-Алтайск, 2001. 264 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.

Кызласов Л.Р. Курганы тувинцев // Вестник Московского университета. Сер. IX. 1964. №5.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. №2.

- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М., 1979. 206 с.
- Кызласов Л.Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46–52.
- Кызласов Л.Р. Туютская культура древних хакасов IX–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 167 с.
- Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // Советская археология. 1985. №3. С. 65–71.
- Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные могилы могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 126–136.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
- Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.
- Ларин С.И., Матвеева Н.П. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи (по палеонтологическим материалам археологических памятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. С. 133–140.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 86–91.
- Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск, 1993. 285 с.
- Ларичев В.Е. Мальтинский универсум (Мироздание в числах, образах и мифах древнекаменного века Сибири) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 144–150.
- Ларичев В.Е. Повелители Времени (предназначение «bâton de commandement» в свете знаковых записей // История и культура востока Азии: Мат. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002а. Т. 1. С. 146–162.
- Ларичев В.Е. Божественное Время (космогония, Время и астрология в мировоззрении жречества мальтинской культуры) // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. Новосибирск, 2002б. Вып. 3. С. 66–95.
- Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 43–50.
- Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 24 с.
- Ленц Э. Императорский Эрмитаж: Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1: Собрание оружия. СПб., 1980.
- Лисицына Г.Н. Развитие земледелия и скотоводства в Средней Азии в VI – начале I тыс. до н.э. // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ. М., 1987. Т. 1. С. 42–70.

Литвинский Б.А. Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. (предварительное сообщение) // СЭ. 1952. №1. С. 49–50.

Литвинский Б.А. О древности одного среднеазиатского обычая // КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 31–33.

Логинов В.П., Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Обряд трупосожжения в погребениях Северного Приангарья // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С. 58–59.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

Лосан Е.М. К вопросу о периодизации тэбаховской культуры // Археология Северной Пасифики. Владивосток, 1996. С. 372–378.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998. 187 с.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. 1984. №1. С. 26–45.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. 416 с.

Малютина Т.С. Могильник Приплотный Лог-I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 58–79.

Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 141–162.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты исследования. Новосибирск, 1989. 432 с.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 178–196.

Мандрыка П.В. Материалы археологических исследований в таежных районах Среднего Енисея (предварительное сообщение) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989а. С. 21–23.

Мандрыка П.В. Новые материалы по железному веку Красноярской лесостепи // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музея. Красноярск, 1989б. С. 140–143.

Мандрыка П.В. Памятники скифского времени подтаежной зоны Среднего Енисея // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 161–163.

Мандрыка П.В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 209–216.

Мандрыка П.В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 24 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 453 с.

Маркина Н.Т., Маркин С.В. Новые археологические памятники Горной Шории (по результатам полевого сезона 1979 г.) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 59–72.

Марков Г.Е., Масанов Н.Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. 8: История. М., 1985. №4. С. 86–96.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996а. 100 с.

Марсадолов Л.С. Исследования Саяно-Алтайской экспедиции в Горном Алтае // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Май 1996 г., Эрмитаж. СПб., 1996б. С. 5–7.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 104–107.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис... докт. культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. Новые исследования на Улуг-Хоруме в Туве (предварительное сообщение) // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001а. С. 155–158.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае: Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001б. Вып. 4. 65 с.

Марсадолов Л.С. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002. Т. II. С. 105–109.

Мартынюк О.И., Зданович С.Я. Погребальные памятники позднего бронзового века в Кокчетавской области // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 142–152.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. Алматы, 2001. Вып. 2. С. 112–123.

Матвеев А.В. Городище бронзового века на Уени // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979. С. 24–30.

Матвеев А.В. Зауралье в конце бронзового века и распад андроновского единства // Наука Тюмени на рубеже веков. Новосибирск, 1999. С. 93–124.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 180 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. К проблеме хронологической периодизации бархатовских древностей // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2001. Вып. 2. С. 29–32.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Поселение Заводоуковское-9 // Словцовские чтения–2002. Тюмень, 2002. С. 124–126.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Исследование новых памятников бронзового века в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2003. Вып. 4. С. 28–32.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 29–89.

Матвеева Н.П. Глиняная пластика саргатской культуры // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск, 1990. С. 114–117.

Матвеева Н.П. Исследования на Рафайловском городище // АО 1985 года. М., 1987. С. 263.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 77–103.

Матвеева Н.П. Рафайловское городище – памятник саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. 1993а. №1. С. 148–163.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993б. 175 с.

Матюшин Г.Н. Основные этапы развития палеолита Урала // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 226–230.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура (Из истории Сибири). Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Курганный могильник Еловский-I. Омск, 2001. 63 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие // Свод археологических источников. Л., 1966. Вып. Т1-36.

Медникова Э.М., Могильников В.А., Суразаков А.С. Работы на Верхнем Алее // АО 1975 года. М., 1976. С. 261–262.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982. 54 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.

Мельников Б.В. К вопросу о семантике и происхождении украшений населения Западной Сибири XVI–XVIII вв. (по археологическим данным) // Обские Угры. Тобольск; Омск, 1999. С. 58–62.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 75–78.

Мерц В. К., Куропятникова С. В. Поселение Есенбай в Казахском Прииртышье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 82–85.

Мерц В. К., Франк Д. А. Раскопки у с. Мичурино // Сохранность и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 71–76.

Миносян Р.С. Техника литья «чудских обазков» // АСТЭ. №32. СПб., 1995. С. 119–127.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1: А–К. М., 1997. 671 с.

Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993.

Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

Могильников В.А. Исследования курганной группы эпохи раннего железа Калачевка-II // КСИА. Вып. 114. 1968а.

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-сибирской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА. Р-1. № 3716. 1968б.

Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 39–43.

Могильников В.А. Работы на Верхнем Алее // АО 1976 года. М., 1977. С. 224.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 45–46.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 29–43.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983б. С. 40–71.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 163–235.

Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. М., 1989.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 274–311.

Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 64–68.

Могильников В.А. Курганы Павловка-I // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 30–37.

Могильников В.А. К демографической и социальной характеристике кочевников северо-западных предгорий Алтая IX–первой половины XI вв. (по материалам погребений с оружием) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Мат. XII Зап.-Сиб. арх.-этнограф. конф. Томск, 2001. С. 173–175.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 77–138.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002а. 359 с.

Могильников В.А. Своеобразие локальных регионов сrostкинской общности в связи с проблематикой этногенеза тюркоязычных народов Западной Сибири // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002б. С. 74–77.

Могильников В.А., Конников Б.А., Лунев В.Б., Медникова Э.М., Отт В.В., Уманский А.П., Чагаева А.С. Алейская экспедиция // Археологические открытия 1972 г. М., 1973. С. 229–230.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 103–109.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48, 210–225.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 75–78.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. С. 173.

Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Всесоюзная археологическая конференция по проблемам скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 110–112.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. О южных связях носителей кротовской культуры // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1: Досоветский период. Новосибирск, 1988. С. 36–37.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992. 191 с.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 131–142.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Алтаика. 1994. №4. С. 72–79.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 1996. Вып. 2. 192 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.

Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69–86.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. М., 1992. Ч. 1. С. 93–97.

Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 23–36.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Бекер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. 3(7), 2001. С. 104–127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 1. 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., Рыбина Е.В. Исследование городища Чича-1 в 2001 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 382–390.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В. Результаты полевых исследований городища Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VII. С. 386–395.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Памятник Чича-1: первые итоги полевых исследований 2000 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой юбил. сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2000 г. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 350–357.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В. Результаты полевых исследований городища Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 386–395.

Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Омеляненко А.В., Балков Е.В., Абель Д. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2001 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 391–398.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.

Молодин В.И., Соболев В.И. Предметы мелкой пластики с Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 105–108.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-1 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 60–70.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири: Межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1984. С. 40–62.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Октябрьская И.В. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 23–36.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка III – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

Мосин В.С., Григорьев С.А. Древняя история Южного Зауралья. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225.

Мыльникова Л.Н., Бобров В.В. Раскопки могильника ирменской культуры Танай-7 // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. Вып. 4. С. 199–201.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск, 2002. 200 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. 262 с.

Неверов С.В. Хронология и периодизация сrostкинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 180–182.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.

Нестеров С.П. Этническая принадлежность носителей обряда погребений с конем // Студент и научно-технический прогресс: Мат. XVIII ВНСК. История. Новосибирск, 1980. С. 9–16.

Нехорошев В.П. Оловоносность Алтая и ее связь с особенностями геологического строения // Проблемы советской геологии. 1935. №3. С. 228–241.

Никифорова К.В. Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины // Тр. Инст. геол. наук АН СССР. Сер. геол. 1953. Вып. 141. №58. С. 3–33.

Николаев В.С., Белоненко В.В. Средневековые погребения на территории города Иркутска // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 2. С. 117–120.

Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 2002. Вып. 2. С. 85–100.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

Новейший философский словарь. Минск, 1998.

Новиков А.В. К характеристике керамического комплекса городища Завьялово-5 // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 149–151.

Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1996. 223 с.

Новикова О.И. К реконструкции обрядовой практики древнего населения юга Западной Сибири в переходное время от бронзы к железу // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск, 2002. С. 191–192.

Новикова О.И. Охранные работы на поселении Ельцовское-2 (в дополнение к разработке периодизации ирменской культуры) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 128–132.

Новикова О.И., Шнеевайсс Й. К проблеме типологии и интерпретации жертвенных комплексов в поселенческом контексте (по материалам памятников бронзового и раннежелезного века Западной Сибири) // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 198–200.

Овчинникова Б.Б. Культурные трансляции в центрально-азиатском регионе расселения древних тюрков в I тысячелетии нашей эры // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 7–30.

Ожередов Ю.И., Приступа О.И. Поздне средневековые ажурные бляхи со всадниками из Нарымского Приобья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 217–226.

Окладников А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Уула // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 68–74.

Окладников А.П. Ленские древности. Якутск, 1945. Вып. 1. 95 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959. 210 с.

Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 36–64.

Окунева И.В., Ширин Ю.В. Поселения раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 3–24.

Ольховский В.С. Храм святилища Байте III (к семантике формы) // Миф 7. София: 2001. С. 219–232.

Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3, кн. 2.

Ленц Э. Императорский Эрмитаж: Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1: Собрание оружия. СПб., 1980.

Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 226.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока. II. // Сибирское археологическое обозрение. 2002. Вып. 4.

Отчет Археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1902.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 6–10.

Оятева Е.И. К вопросу о методе изучения художественной металлической пластики Прикамья-I – начала II тысячелетия н.э. // АСГЭ. СПб., 1995. №32. С. 105–118.

Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 47–56.

Панюков В.И. Сбруя верхового коня сrostкинской культуры (реконструкция и датировка) // Палеоэтнография Сибири. Иркутск, 1990. С. 45–47.

Папин Д.В. Этнокультурная ситуация на Верхней Оби в переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа (историографический аспект) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001, С. 298–300.

Паульс Е.Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (К вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000. С. 104–118.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с., ил.

Пересветов Г.Ю. Ирменское погребение из Павлодара // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 79–80.

Пересветов Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 282–285.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. 204 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.

Плетнева С.А. Печенеги, торги, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213–222.

Погодин Л.И. Переходный период (к вопросу о миграциях в лесостепном Прииртышье в I тыс. до н.э.) // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987.

Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992. 260 с.

Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. XXII. 1948. С. 62–67.

Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 720 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 22.

Полеводов А.В., Погодин Л.И. Комплекс эпохи поздней бронзы некрополя Боровянка-XVII // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2002.

Полеводов А.В., Труфанов А.А. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток. Археология и этническая история. Омск, 1997.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-IV // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 36–46.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.

- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991. 92 с.
- Потапов В.В. О хронологии стоянок нурского типа // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. (17–21 апреля 2001 г.). Оренбург, 2001. С. 101–103.
- Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. 260 с.
- Потапов Л.П. Краткие очерки по истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.
- Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. №2. С. 19–30.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.
- Потемкина Т.М. Проблемы связи и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный периоды) // СА. 1995. №2. С. 11–20.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995. 208 с.
- Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цзпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.
- Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Леонтьев В.П. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве таежных племен Нижней Ангары во второй половине I тысячелетия до нашей эры // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 55–58.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Рак И.В. Зороастрийская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.; М., 1998. 559 с.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. 138 с.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. 758 с.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999. 743 с.
- Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. 560 с.
- Руденко С.И. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губ. // Отчет Этнографического отдела Русской музея Императора Ал-ра III за 1910 г. СПб., 1912. С. 44–50.
- Руденко С.И. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири // Записки Академии наук. Сер. 8: Физ.-мат. отд. 1914. Т. 33. №3. С. 1–125, 7 л. ил.
- Руденко С.И. Инородцы нижней Оби: Этнографический очерк // Труды Об-ва земледения при СПб. ун-те. СПб., 1914. Т. 3 (1909–1918). С. 28–44.

Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // МЭР. Петроград, 1914. Т. 2. С. 35–56.

Руденко С.И. Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен // Первый всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926. С. 58–66.

Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Материалы комиссий экспедиционных исследований: Сб. ст. антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исслед. 1927. Сер. казахстанская. Л., 1930. Вып. 15. С. 1–72.

Руденко С.И. «Скифское» погребение Восточного Алтая // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. №2. С. 25–31.

Руденко С.И. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 97–109.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. 392 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии ГО. Ч. I: Доклады за 1958–1961 гг. 1961. С. 1–15.

Руденко С.И. Из истории древней металлургии и литейного дела // Материалы по этнографии. Вып. 3: Доклады за 1962 г. Л., 1963. С. 17–26.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III. Вып. II. С. 37–52.

Рудковский И.В. Элементы и мотивы в орнаментике (по андроновским материалам) // Маргулановские чтения–1990. М., 1992. С. 40–43.

Рычагов Г.И. Голоценовая история Каспия // ПКМК. М., 1983. Ч. I. С. 18–22.

Рябогина Н.Е., Ларин С.И., Семочкина Т.Г. Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 61–63.

Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978. Вып. 4. С. 135–149.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Древнетюркские изваяния Узунтальской степи // Историческая этнография: Традиция и современность. Л., 1983.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Савинов Д.Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 144–147.

Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 93–96.

Савинов Д.Г. О взаимоотношениях между енисейскими кыргызами и кимаками (по материалам археологических памятников Кемеровской области) // Современные проблемы исторического краеведения (К 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области). Кемерово, 1993. С. 14–16.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 215 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. С. 175–189.

Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX–начало XX вв.). Кемерово, 1992.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.

Самашев З.С. Новые местонахождения наскальных изображений в Восточном Казахстане // Археологические открытия 1976 г. М., 1977. С. 520.

Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сугунтай С., Жетибаев Ж.М., Омаров Г.К. Исследование культуры древних кочевников Казахстанского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С. 174–202.

Сарианиди В.И. Рец. на: Amiet P. L'Âge des échanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.C. Paris, 1986 // МАКЦА ИБ. №14. М., 1988. С. 97–100.

Сарианиди В.И. Древности страна Маргуш. Ашхабад, 1990.

Светличная Е.В. О связях населения Бельского городища и Днепро-Донецкого Левобережья с лужицко-высоцкими племенами // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 153–161.

Селезнев А.Б. Земляные жилища барабинских татар // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 78–85.

Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.

Семенов Вл.А. Синхронизация и хронология памятников алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 165–169.

Символы буддизма, индуизма, тантризма. М., 1999. 232 с.

Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 22 с.

Словарь античности. М., 1989. 704 с.

Смагулов Т. Н. Археологические исследования в Железинском районе Павлодарской области // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 76–80.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 74–89.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 37–51.

Соенов В.И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001а. №6. С. 16–32.

Соенов В.И. Новое поступление бронзовых изделий в фонды ГАРКМ // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001б. №7. С. 54–56.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном логоу // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 117–124.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №3. С. 7–15.

Соколов С.Н. [Зороастризм] // Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998. С. 7–17.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. 2002. №1. С. 41–62.

Солодовников К.Н. Антропологический состав андроновского населения Верхнего Приобья (по материалам могильника Фирсово-XIV) // 275 лет сибирской археологии: Мат. XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 49–50.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул, 2003. С. 142–176.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Материалы к краниологии эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 124–128.

Сорокин В.С. Жилище поселения Тасты-бутах // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 51–60.

Сотникова С.В. Андроновские (федоровские) традиции погребальной обрядности в свете этнографических параллелей // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 76–78.

Сотникова С.В. Атрибуты погребального культа федоровского (андроновского) населения Южного Урала: к реконструкции ритуала // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 305–309.

Софеев О.В., Савинкина М.А., Ламихов Л.К., Кокаulina Э.В. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат-6 // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 155–173.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.И. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. 1983. №1.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 79–90.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53–72.

Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 38–46.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. 256 с.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 238–253.

Студизкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология. СПб., 1997. С. 251–262.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979.

Сунчугашев Я.И. Оружие и конское снаряжение средневековых хакасских воинов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куял в Горном Алтае // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 214.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань-I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 42–52.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–30.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.

Сыркин А.Я. Ранние упанишады и Брихадараньяка // Упанишады: Пер. с санскрита А.Я. Сыркина. Изд. 2-е, доп. М., 2000. С. 5–63.

Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня, Бишкек, 1996.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка-1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 104–113.

Тахо-Годи А.А. Гомер и его поэмы // Гомер. Илиада; Одиссея / Пер. с древнегреч. В.В. Вересаева. М., 1987. С. 5–20.

Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 2–3.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. 3. Вып. 2.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 222 с.

Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. конф. Барнаул, 1991. С. 16–18.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.

Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 184–190.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 210–215.

Тишкин А.А. Комплексный подход в изучении памятника Березовая Лука // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 183–186.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 2. С. 164–166.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация населения Горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960–1990-х гг.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. Барнаул, 2001. С. 134–148.

Ткачев А.А. Новые памятники поздней бронзы – средневековья Центрального Казахстана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 85–103.

Ткачев А.А. К проблеме миграций в андроновскую эпоху // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 51–53.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 22–29.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч. 2. 243 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 136–145.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 19 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 219 с.

Топоров В.Н. Квадрат // Мифы народов мира: В 2-х т. М., 1997. Т. 1. С. 630.

Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // Мифы народов мира: В 2-х т. М., 1997. Т. 2. С. 18–19.

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

Троицкая Т.Н. Поселение VII–VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 99–104.

Троицкая Т.Н. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII–VI вв. до н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 150–163.

Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–VI вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1972. Вып. 38. С. 3–35.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н. Погребения с сожжениями верхнеобской культуры в лесостепном Приобье // Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 170–172.

Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в первом тысячелетии н.э. // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Троицкая Т.Н. К вопросу о сростчинской культуре // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 103–107.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 97–107.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995. С. 26–32.

Троицкая Т.Н., Мжелская Т.В. Проблемы демографии населения завьяловской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 80–81.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 138–153.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Труфанов А.Я. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по Западной Сибири. Омск, 1986.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: Дис. канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.

Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н. О состоянии изученности кулайской металлопластики // Обские угры. Тобольск, 1999. С. 258–260.

Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74–76.

Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Барнаул, 1970. Вып. 11. С.45–74.

Уманский А.П. К вопросу о демографической обстановке в Верхнем Приобье в конце эпохи бронзы // Палеодемография и миграционные про-

цессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 77–80.

Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII–первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. II. 222 с.

Упанишады. М., 2002.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966.

Федорова Н.В. Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла (VIII–XIV вв.) // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 210–221.

Федорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.

Феокистов А. Русские, казахи и Алтай. М.; Усть-Каменогорск, 1992. 49 с.

Флерова В.Е. Подкурганские погребения Восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2001. Т. 2. С. 395–446.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. №4. С. 238–241.

Фролов Я.В. К вопросу об одной коллекции предметов выполненных в скифо-сибирском зверином стиле из фондов Алтайского государственного краеведческого музея // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 294–297.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-1 – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 135–139.

Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 64–66.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.

Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 136–158.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. 344 с.

Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 37–58.

Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV веков. Алма-Ата, 1992. 272 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001. 198 с.

Харузин Н.А. Медвежья присяга // Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1898. №3. С. 1–36.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 327–344.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.

Хрипунов И.Н., Власов В.П. Новое кизил-кобинское поселение в горном Крыму // Археологические вести. 1998. Вып. 5. С. 176–185.

Худяков Ю.С. Основные понятия оружиеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов XI–XII вв. н.э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 239 с.

Худяков Ю.С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 105–111.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 26–41.

Худяков Ю.С. Оружие как исторический источник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 5–10.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 189 с.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.

Худяков Ю.С. Набор панцирных пластин из собрания Центрального государственного музея МНР // Археологический судлал. Улаанбаатар, 1992.

Худяков Ю.С. К вопросу о самодийской принадлежности средневековых погребений по обряду кремации в Кузнецкой котловине // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1993. Ч. 2. С. 3–6.

Худяков Ю.С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993а. Вып. 1. С. 46–57.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Кузнецкой котловине // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993б. Вып. 1. С. 78–86.

Худяков Ю.С. К вопросу о кыргызах в Кузнецкой котловине // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994а. Вып. 2. С. 97–106.

Худяков Ю.С. Вопросы методологии и методики вооружения // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск, 1994б. С. 13–17.

Худяков Ю.С. Предметы маньчжурского вооружения в музеях Ганьсу и Синьцзяна // Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995.

Худяков Ю.С. Оружие как показатель социального статуса в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997а. С. 62–64.

Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 9–11.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С., Ким С.А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 50–75.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Находки шлемов на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №1 (5). С. 101–106.

Цейтлин С.М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 27–41.

Цултэм Н. Декоративно-прикладное искусство Монголии. Улан-Батор, 1987.

Цыбиков Г.Ц. Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.

Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 6–16.

Челякин Ю.П. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 218–219.

Челякин Ю.П. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 21 с.

Челякин Ю.П., Кокшаров С.Ф. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1995. С. 115–130.

Челякина М.А. Керамические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа лесостепного Обь-Иртышья как источник палеоэкономиче-

ских реконструкций (по материалам многослойного памятника Омь-12): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 22 с.

Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949. 112 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1960. №88. 272 с.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 192 с.

Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С., Бобров Э.А., Михайлов В.Е., Арефьев В.С., Швецов А.Я. Географические и инженерно-геологические условия Степного Алтая. Новосибирск, 1988. 97 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Черных Е.М. Культовая постройка ананьинского времени с Аргызского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1. С. 64–72.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 34 – 37.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

Четошников С.Г. Комплексы вооружения средневековых могильников Кузнецкой котловины // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 272–276.

Чиждова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири (по материалам культового литья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 25 с.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 131–147.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археологии, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 107–121.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. 193 с.

Чиндина Л.А. Изображение воинов из Среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 87–97.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 184 с.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. 340 с.

Чиспияков Э.Ф. История формирования этнической культуры шорцев // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1993. Вып. 1. С. 88–101.

Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // Советская археология. №3. 1963. С. 48–66.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на северном Алтае // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 112–119.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4–42.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 206–224.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Членова Н.Л. Роль миграций в сложении карасукской и ирменской культур Сибири // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 75–77.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культуры скифского мира. М., 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. СПб, 2000а. С. 213 – 238.

Чугунов К.В. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000б. Вып. XI. С. 165–168.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. С. 115–124.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Ювелирные изделия из кургана Аржан-2. Вопросы происхождения комплекса // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. 12 colloquium (3–10 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 125–128.

Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116–129.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Мат. XXXIV РАЭСК. Барнаул, 1994. С. 47–50.

Швецов С.П. Примитивное земледелие на Алтае // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Омск, 1900. Т. XXVII.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.; Харьков, 2001. 591 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

Шер Я.А. К характеристике понятия «археологический факт» // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985.

Шиготарова Т.Г. Типология наносных султанчиков (по материалам средневековых памятников Алтая) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 98–104.

Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н. э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997а. С. 65–76.

Ширин Ю.В. Глобальные изменения климата в Горной Шории по археологическим источникам // Шорский сборник. Кемерово, 1997б. Вып. 2. С. 141–149.

Ширин Ю.В. Древности Алтая в музеях г. Новокузнецка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1997в. С. 134–137.

Ширин Ю.В. Культ медведя в Западной Сибири (к проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997г. С. 217–223.

Ширин Ю.В. Погребения скифского времени в Кузнецкой котловине // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 237–240.

Ширин Ю.В. Средневековые случайные находки предметов вооружения из Горной Шории // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 130–134.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Шкода В. Древнегреческий эпос // Гомер. В 2-х т. Т. 1: Илиада: Пер. с древнегреч. Гнедича. М., 1998. С. 6.

Шмидт А.В. К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: Барнаул, 2001. С. 194–196.

Шрамко Б.А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 3–39.

Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 67–87.

Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. 1999. №3. С. 35–50.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2.

Шугаев В.М. Орнамент на ткани (теория и методика построения). М., 1969. С. 87.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. VI Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. Новосибирск, 1998а. Т. IV. С. 379–385.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998б. №3. С. 58–69.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998в. Т. I. С. 702–712.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII–начала VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.

Шульга П.И. О стилизованных образах орла и грифона VII–IV вв. до н. э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии: Мат. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. II. С. 186–191.

Щетенко А.Я. Раскопки на «вышке» Намазга-депе // УСА. Л., 1972. Вып. 1. С. 52–53.

Щетенко А.Я., Долуханов П.М. Работы на Намазга-депе в Южной Туркмении // АО 1975 г. 1976. С. 555–556.

Щетенко А.Я. Первобытный Индостан. Л., 1979.

Щетенко А.Я. О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // SP. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. №2. С. 323–335.

Щетенко А.Я. Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // Исторична наука: проблеми розвитку. Луганськ, 2002. С. 204–222.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988. С. 143.

Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. 488 с.

Яблонский Л.Т. Проблемы этногенеза древнего населения севера Средней Азии в эпоху бронзы // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1986. Т. 15. С. 153–193.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. 184 с.

Ядринцев Н.М. Описание курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности. Труды МАО. М., 1883. Т. IX. Вып. 2–3.

Якобсон Э. Исследования в Чуйской степи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 26–29.

Яковлев Я.А. К проблеме классификации и семантики орнитоморфных изображений с раскрытыми крыльями эпохи железа из Приобья // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 178–197.

Яковлев Я.А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 51–68.

Яковлев Я.А. К проблеме формирования кулайского художественного стиля // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 126–130.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.

Bell B. The Dark Ages in Ancient History. I. The First Dark Ages in Egypt // AJA. Vol. 75. 1971. P. 1–26.

Butzer K.W. Climatic Change in Arid Regions since the Pliocene // Arid Zone Research. Paris, 1961. № 17.

Ghirshman R. Iran from the earliest times to the Islamic conquest. London, 1954. P. 30.

Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.

Huntington E. Description of the Kurgans of the Merv Oasis // Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Vol. I. Washington, 1908. P. 217–232.

Huntington E. The pulse of Asia. A Journey in Central Asia Illustrating the Geographical Basis of History. London, 1907.

Jacobson E., Kubarev B. Turu-Alty (Analysis of Siberian “Sanctuary”) // Altaica. 1994. №4. Новосибирск. 1994. С. 18–29.

Lamberg-Karlovsky C.C. Initiating an Archaeological Dialogue: The USA-USSR Archaeological Exchange // F.T. Hiebert. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. Cambridge, 1994. P. XVII–XXX.

Pumpelly R. Explorations in Turkestan, expedition of 1904. Washington, 1908. V. I, p. 39. V. II, p. 491.

Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. Vol. I, II. Washington, 1908.

Robinson H.R. Oriental Armour. New York, 1967.

Salvatori S. Protohistoric Margiana: On a Recent Contribution. Review on: International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin, № 19, М., 1993 // RdA. Anno XIX. Venezia, 1995. P. 1–55.

Vinogradov N.B., Yepimachov A.V. From a Settled Way of Life to Nomadism. Variants in Models of Transition // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age/ BAR International Series 890, 2000. P. 41–45.

Список сокращений

- АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АО – Археологические открытия.
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВДИ – Вестник древней истории (журнал).
ГИМ – Государственный исторический музей.
ИАиЭ СОРАН – Институт археологии и этнографии.
КИО – культурно-историческая общность.
МАКЦА ИБ – Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень.
КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
НИИ ГИ – Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований.
ПКАМК – Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое.
СА – Советская археология (журнал).
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТИЭ – Труды Института этнографии.
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей.
ТЮТАКЭ – Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции.
УСА – Успехи среднеазиатской археологии.
RdA – Rivista di archeologia.
SP – STRATUM Plus. Международный археологический журнал.
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (древность и средневековье)

<i>Алехин Ю.П.</i> Рудный Алтай в эпоху средневековья	3
<i>Васильев С.А.</i> Таштыкский комплекс на многослойной стоянке Уй-II в Западном Саяне	9
<i>Васютин А.С.</i> Сросткинская археологическая культура: историографические мифы и археологические факты (к вопросу о месте, времени и компонентах формирования культуры)	13
<i>Васютин С.А.</i> Моделирование потестарно-политической системы пазырыкского общества	19
<i>Волков П.В.</i> Археологическая и технологическая терминология при изучении процессов пластинчатого расщепления камня	24
<i>Волков П.В.</i> Генезис пластинчатого расщепления камня по материалам памятника Усть-Каракол	28
<i>Гладышев С.А., Зенин А.Н.</i> Итоги изучения палеолита Мугоджарских гор (республика Казахстан)	31
<i>Горбунов В.В.</i> Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье	37
<i>Горбунова Т.Г.</i> Распространение «тюркской» культурной традиции на юге Западной Сибири (по материалам украшений конского снаряжения)	43
<i>Грушин С.П.</i> Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов)	49
<i>Дашиковский П.К.</i> О военной структуре «пазырыкского общества»	56
<i>Илюшин А.М.</i> Экономика средневековых аборигенов Кузнецкой котловины	61
<i>Кирюшин К.Ю.</i> К вопросу о рыболовстве на Средней Катуни в эпоху неолита – энеолита	65
<i>Кирюшин Ю.Ф.</i> Хозяйственное освоение южно-таежного Обь-Иртышья в эпоху энеолита и бронзы	71

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о кельтеминарском влиянии в эпоху неолита на Средней Катуні (на примере пятого горизонта поселения Тыткескень-2)	75
Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Металлические предметы эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства на памятнике Березовая Лука	81
Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Каменная индустрия неолитического поселения Иня-III (Топтушка)	90
Косарев М.Ф. К поиску нетрадиционных путей исторической интерпретации археологических источников	96
Кузнецов Н.А. Предметы вооружения из курганов Верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине (могильник Шестаки-II)	102
Кукушкин И.А. Некоторые аспекты семантики андроновского (федоровского) орнамента	106
Ларичев В.Е. Всесокрушающее Время (семантика образа фантастического зверя и зервано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры)	112
Мандрыка П.В. Подвеска с антропоморфными изображениями из ритуального захоронения на Енисее	122
Маркин М.М. Палеолитическое местонахождение Сары-Айры-1	129
Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана	132
Нечипоренко В.Н., Скобелев С.Г. Завершающий этап развития луков у коренного и русского населения юга средней Сибири (XVII – начало XIX в.)	141
Ожередов Ю.И. Комбинированное изваяние с реки Цалуу в Западной Монголии	144
Петрин В.Т., Гладышев С.А. Итоги изучения палеолита Мугоджарских гор (Республика Казахстан)	152
Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка	156
Пряхин А.Д., Сафонов И.Е. С.В. Кисилев и изучение эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи	162
Соёнов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье	169

Солодовников К.Н. Антропологические данные к вопросу о формировании населения Верхнего Приобья в эпоху ранней и развитой бронзы	172
Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала	178
Степанов А.Д., Дьяконов В.М. К находкам керамики с мелкоструйчатым орнаментом в Якутии	184
Сулейменов М.Г. Война как фактор освоения Кузнецкой котловины в эпоху средневековья	187
Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности	191
Тихонов С.С. Система расселения русских и аборигенов в кузнецком уезде в первой трети XVIII в. и проблемы ее экстраполяции на более ранние эпохи	198
Тишкин А.А. Культурно-хронологические схемы как отражение основных этапов освоения Алтая и сопредельных территорий	203
Фролов Я.В. К вопросу о проявлениях изобразительных традиций скифо-сибирского звериного стиля в художественном бронзовом литье населения Приобья в эпоху железа	210
Харинский А.В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н.э. из Южного Приангарья	220
Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Шлемы кочевников Центральной Азии в эпоху позднего средневековья	227
Чикунова И.Ю. Опыт палеоэкономической реконструкции саргатского жилища	236
Ширин Ю.В. Горная Шория в эпоху железа	242
Шмидт О.Г. Изучение хозяйственной деятельности древних и традиционных обществ в работах С.И. Руденко	246
Шульга П.И. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов)	250

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аношко О.М. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железного века в Притоболье	259

Бородовский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье	264
Варфоломеев В.В. Культура валиковой керамики алтайско-казахстанских степей	269
Васильев С.К., Бенеке Н., Молодин В.И., Парцингер Г. Результаты предварительного анализа остеологического материала памятника Чича-1 (2000–2002 гг.)	274
Костюков В.П., Епимахов А.В. Проблема культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья	278
Кулик Н.А., Молодин В.И., Парцингер Г., Новикова О.И., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Шнеевайсс Й. Петрография каменного материала городища Чича-1	283
Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики	290
Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в урочище Туру-Алты на Алтае	293
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Парцингер Г., Шнеевайсс Й. Керамика городища Чича-1 (технологические аспекты)	299
Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А. Погребения людей на жилом пространстве городища Чича-1	312
Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Шнеевайсс Й., Новикова О.И., Ефремова Н.С. Пространственно-временная динамика городища Чича-1: анализ стратиграфии и планиграфии	316
Молодин В.И., Парцингер Г., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А. Коллекция бронзовых изделий городища Чича-1	323
Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Глиняные скульптурки городища Чича-1	333
Папин Д.В. Проблема сложения археологических культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби	341
Погодин Л.И., Полеводов А.В. К характеристике переходного периода от бронзы к железу и начало железного века в лесостепном Прииртышье	343

Титова М.В. Технологический анализ керамики эпохи бронзы ряда археологических памятников Томского Приобья и Новосибирской области	348
Тихонов С.С. Об изучении социальной структуры населения Западной Сибири	358
Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика	363
Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблемы происхождения и датировки	371
Ткачёва Н.А. К проблеме переходного времени в Верхнем Прииртышье	378
Труфанов А.Я. К проблеме содержания понятия «переходное время к железному веку»	384
Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие)	386
Шульга П.И. Снаряжение лошади по материалам раннескифского могильника Гилево-10	395
Щетенко А.Я. О колебаниях климата и ксеротермическом периоде в голоцене Средней Азии	400
Библиографический список	407
Список сокращений	458

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО
ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Сборник научных трудов

Книга I

Редактор: Н.Я. Тырышкина

Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

На обложке изображена бронзовая поясная пряжка,
обнаруженная на памятнике Яломан-II в Горном Алтае
(раскопки А.А. Тишкина, рисунок А.Л. Кунгурова)

Изд. лиц. ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 15.09.2003. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16. Уч.-изд. л. 27,0.

Тираж 300 экз. Заказ 367.

Издательство Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография «Графикс»:

656099, Барнаул, ул. Крупской, 108